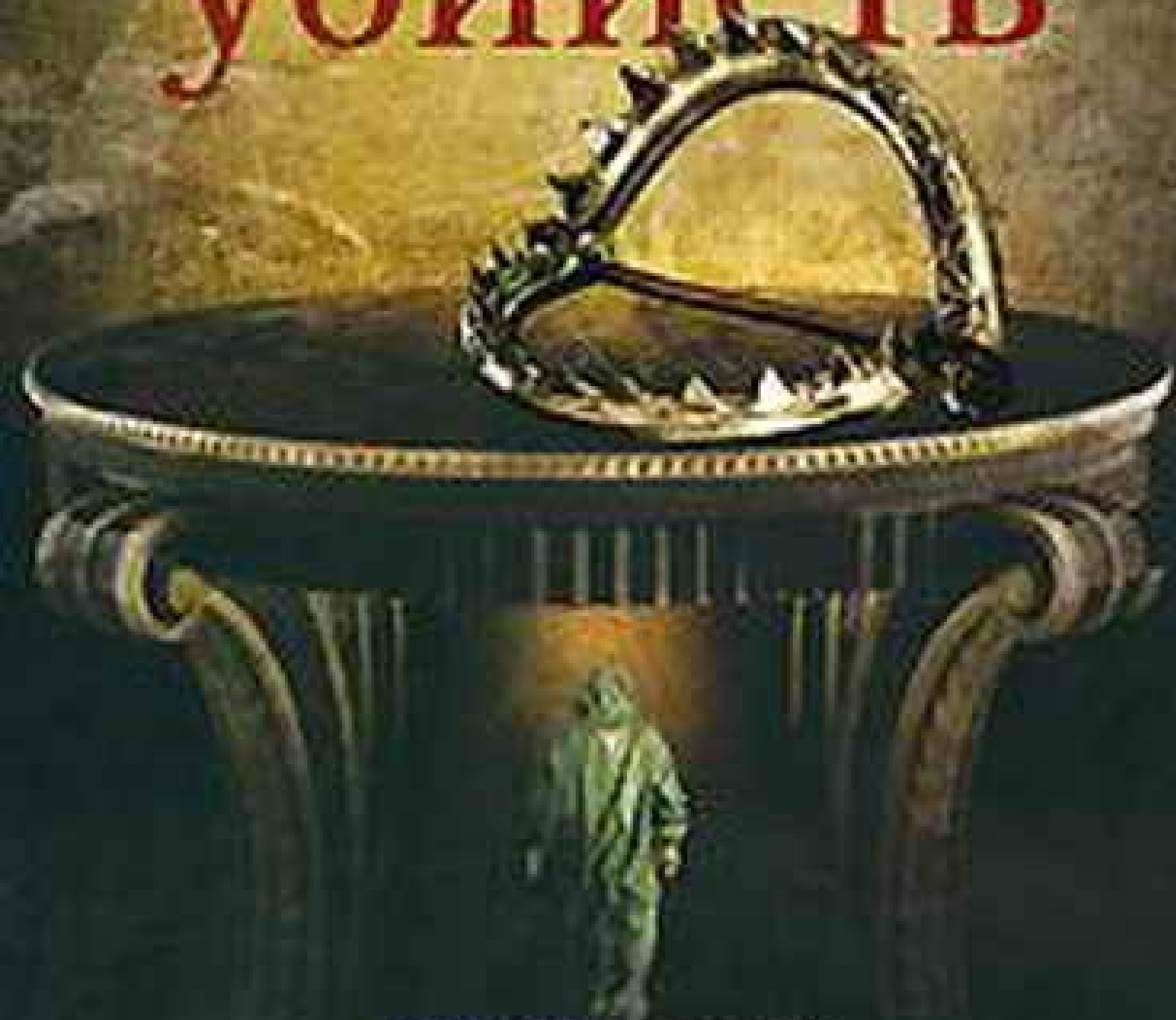

Колин Маккалоу

слишком много

убийств

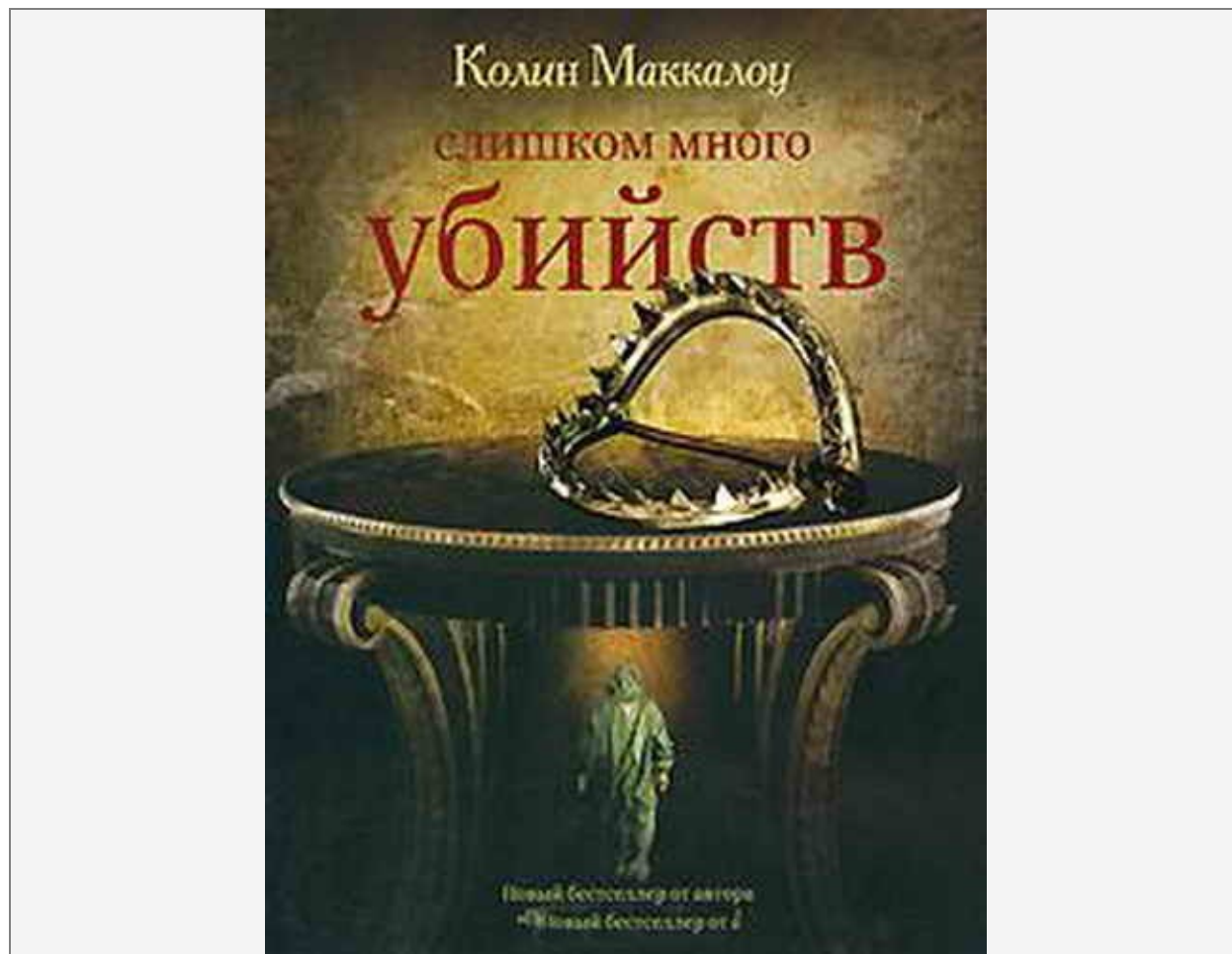

Новая серия от автора
«Моя семья»

- [Колин Маккалоу](#)
 - [Слишком много убийств](#)
 - [Кармайн Дельмонико – 2](#)
 - [Аннотация](#)
 - [Колин Маккалоу](#)
 - [Слишком много убийств](#)
 - [* * *](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 -
 -
 - [Глава шестая](#)
 -
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 -
 -
 - [Глава одиннадцатая](#)
 -
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Колин Маккалоу

Слишком много убийств

«Слишком много убийств»: АСТ, Астрель, Полиграфиздат; Москва;
2011
ISBN 978-5-17-072788-9, 978-5-271-36137-1, 978-5-4215-2334-5

Аннотация

1967 год. Маленький университетский городок Холломен потрясен жестокой серией убийств.

Неизвестный преступник оставил за собой за сутки ДВЕНАДЦАТЬ ТРУПОВ...

Маньяк? На это указывает многое. Но капитан Дельмонико уверен: кто-то просто выдает вполне продуманное, мотивированное преступление за «работу» серийного убийцы. Подбор жертв выглядит случайным, — но именно эта случайность и настораживает Кармайна. Кто же из жертв **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** был нужен убийце? Проститутка или крупный бизнесмен? Студент или профессор? Банкир или домохозяйка? Тихая пенсионерка, скромная уборщица, кто-то из троих школьников, юная красавица?

Расследование начинается...

Колин Маккалоу

Слишком много убийств

* * *

Апрель 1967 г.

3 апреля 1967 г.

М-ру Пью

Парацельс-колледж Университет Чабба

Холломен, Коннектикут

Уважаемый мистер Пью!

Признаю свое поражение. Сто тысяч долларов находятся в вашей комнате, как вы требовали в письме от 29 марта. Я позаботился о том, чтобы мое присутствие в колледже не показалось подозрительным. Прошу вас не требовать от меня больше. Мои карманы пусты. Искренне ваш,

Говорун .

Глава первая

Дрожащими руками Эван Пью достал из своей почтовой ячейки простой белый конверт с именем и адресом, отпечатанными, как и само письмо, на машинке. Темный квадрат ячейки пустовал с самого утра, всякий раз, когда Эван проходил по вестибюлю между завтраком и обедом. И вот, наконец, в половине третьего ответ появился!

По пустому коридору Эван направился к винтовой лестнице. Парацельс-колледж, новое здание, спроектированное выпускником университета, ныне всемирно известным архитектором, поражал безупречностью изогнутых линий. Впрочем, суровый, аскетический стиль его создателя сказался и здесь: белые мраморные полы и стены, крошечные застекленные сады камней, белый свет, льющийся из матовых светильников, минимум декора. На верхнем этаже, где находилось общежитие Эвана, белый мрамор уступал место серой краске стен и серому резиновому покрытию пола — очень практично, при этом просторно и светло. Это же относилось и к комнатам, за что обитатели Парацельс-колледжа обожали своего архитектора. В свое время ему пришлось ютиться в крохотной келье общежития, построенного еще в 1788 году, и потому в новом здании жилого пространства и ванных комнат было вдоволь.

Эван прошмыгнул по пустому коридору второго этажа, скользнул в комнату и окинул ее быстрым взглядом — что, если его сосед, Том Уилкинсон, не ушел на занятия вместе с другими второкурсниками, населявшими это крыло общежития подготовительного факультета медицинского колледжа? Студенты-медики — люди серьезные, но даже они нет-нет, да и прогуливают. Однако в комнате никого. Все в порядке.

Как ни странно, комната не была захламлена. Оба парня имели автомобили, поэтому велосипедов в комнате не наблюдалось. Пол не загромождали кучи коробок, которые так любят накапливать студенты. Два письменных стола перед окнами разделял высокий, до потолка, книжный шкаф. По обе стороны от входной двери стояли две большие односпальные кровати. В боковых стенах справа и слева тоже по двери. Уилкинсон, жизнерадостный юноша, украсил свои стены плакатами с сексуальными кинозвездами. Стены на стороне Эвана Пью оставались голыми, за исключением пробковой доски с приколотыми напоминаниями и несколькими фотографиями.

Эван направился к своему столу, открыл по очереди выдвижные ящики

и просмотрел их содержимое, раздумывая, какого размера должен быть сверток. «Зависит от достоинства банкнот», — заключил он, закрывая последний ящик, в котором, как и в предыдущих, не нашлось ни единой банкноты и никакого, даже маленького свертка. Эван окинул взглядом свою постель — клубок простыней и одеял, подошел к ней и с ожесточением перерыл сверху донизу. Ничего. Ни на кровати, ни под кроватью.

Затем с тем же результатом проверил книжные полки и застыл на месте, удивляясь, почему он такой болван. Откуда его жертве знать, какая половина комнаты принадлежит Эвану? Или что она вообще поделена?

Том не отличался аккуратностью, однако самый тщательный обыск не помог найти сверток.

Остались шкафы. На этот раз Эван начал со шкафа Тома и, не добившись успеха, перешел к собственному. В этих больших, во весь рост, шкафах гений архитектора сказался особенно ясно, ибо он принадлежал к тому роду людей, которые не забывают своего прошлого и знают, как много хлама способны накопить студенты (и студентки!) за год проживания в комнате. Встроенные шкафы, почти в метр глубиной, занимали целую стену. С краю были выдвижные ящики, затем шли открытые полки и, наконец, добрая половина шкафа оставалась свободной. Только освещение подкачало — декан боялся пожара. Лампочки на двадцать пять ватт, не больше! Дверцы на пружинах, открытыми оставить нельзя — еще одна причуда декана, который ненавидел беспорядок и полагал, что открытые дверцы создают опасность для жизни.

Эван щелкнул выключателем и ступил в шкаф. Дверца захлопнулась, но в этом не было ничего необычного. Эван сразу увидел сверток: на веревке, под потолком. Юноша нетерпеливо бросился к добыче, не удивившись, что жертва вздумала запрягать ее в глубину шкафа, причем туда, где не было ни выдвижных ящиков, ни полок. Эван не взглянул на потолок, он смотрел лишь на сверток. Сквозь прозрачную упаковочную пленку даже в тусклом свете слабой лампочки были ясно видны банкноты — стодолларовые, новые, необтрепанные, плотно уложенные одна к одной в толстый брикет.

Эван, уже потянувшийся за пачкой, на мгновение застыл, наслаждаясь моментом. Как ловко он все провернул! Жаль, нельзя поделиться триумфом — если он собирается и дальше шантажировать Говоруна. А он собирается? В конце концов, деньги ему не нужны... Не в деньгах дело. Они всего лишь орудие, благодаря которому он, Эван Пью, обычный девятнадцатилетний второкурсник Чабба, способен доставить другому человеческому существу сильнейшие душевные страдания. Какое славное

чувство! Разумеется, от Говоруна он не отстанет!

Пальцы Эвана коснулись обертки, он потянул сверток. Веревка не пускала. Эван дернул сильнее. Сверток полетел вниз, руки дернулись следом, не желая выпускать трофей.

В ту же секунду раздался громкий звук — не то рев, не то свист; предплечья и грудь Эвана охватила жуткая боль; мелькнула мысль, что его укусил тираннозавр. Парень бросил брикет денег и попытался схватить то, что в него вцепилось. Пальцы коснулись холодной стали — не одного, а целого ряда кинжалов, вонзившихся в его плоть между костей.

У Эвана перехватило дыхание, потом он закричал — пронзительно и хрипло, не понимая, почему его рот вдруг наполнился пеной. Он кричал, кричал, кричал...

Вопль проник в комнату, но услышать его было некому. В коридорах по-прежнему стояла тишина — архитектор знал толк в звукоизоляции, а бюджет позволял на нее не скупиться. В самом деле, не могут же Парсоны позволить, чтобы дарованные ими скульптуры работы Родена и Генри Мура ютились в каких-нибудь бараках.

Эван Пью умирал два часа. Кровь медленно покидала его тело, ноги отказывались служить, дыхание становилось все более прерывистым. Перед тем как сознание покинуло Эвана, он успел подумать, что, по крайней мере, полиция найдет рядом деньги и письмо Говоруна.

— Не может быть! — воскликнул капитан Кармайн Дельмонико. — А день еще не кончился. Скажите кто-нибудь, ради Бога, который час!

— Полседьмого скоро, — донесся из шкафа голос Патрика О’Доннелла. — И тебе это хорошо известно.

Кармайн вошел в дверцу — пружину с нее уже сняли, — и его глазам предстала сюрреалистическая композиция вроде тех, что выставляют в восковом музее ужасов. Патси поместил в шкаф два небольших «солнечных» прожектора взамен тусклой декановой лампочки, и первое, что увидел Кармайн в их пылающей белизне, было свешивающееся с низкого потолка обмякшее тело парня, плечи и грудь которого безжалостно сжимало нечто напоминавшее челюсти белой акулы, только не из плоти, а из ржавой стали.

— Господи! — выдохнул Кармайн, осторожно осматривая тело, насколько это позволяло пространство шкафа. — Патси, ты когда-нибудь видел что-то подобное? Что это такое, черт меня подери?

— Здоровенный медвежий капкан, по-моему, — предположил Патси.

— Медвежий капкан в Коннектикуте? По эту сторону Скалистых гор медведей уже лет сто как не видели, разве что в Канаде или какой-нибудь

глуши, — сказал капитан, присматриваясь к зубьям, многие из которых вошли в тело до отказа. — Хотя, — добавил он, поразмыслив, — может, у кого и завалялась такая штукавина в сарае.

Кармайн отступил в сторону, позволяя Патрику закончить осмотр, потом оба взглянули друг на друга.

— Придется снять его вместе с капканом, — сказал Патрик. — Слишком опасно разжимать его здесь, в шкафу. Пружина, похоже, такой силы, что если не удержишь, то как раз руку отхватит. Я вижу, потолок тут гораздо ниже, чем в комнате, значит, где-то должна проходить балка. Занятно.

— Прикручено не шурупами, а болтами, — заметил Кармайн, — значит, балка есть. И что теперь? Выпиливать бензопилой? Рушить здание?

Он заметил сверток в прозрачном пакете и нагнулся.

— Хм... Все страньше и страньше, Патси. Если только это не «кукла», то тут полно денег. Приманка для жадных. Парень видит ее, хватает и в буквальном смысле попадает в ловушку.

Разобравшись с этим, Кармайн осмотрел сам шкаф, мечту студента, ставшую явью. Четыре с лишним метра в длину и почти метр в глубину, ряд выдвижных ящиков, открытые полки, основное же пространство отдано под коробки и всевозможный хлам, которым обычно богаты студенты. Место под капканом свободно — очевидно, хозяин шкафа любил порядок.

— Поставлено со знанием дела, — сказал Кармайн. — Болты явно вкручены в перекрытие или балку — капкан не сдвинулся ни на йоту, когда сработала пружина.

— Ну, теперь его, по крайней мере, можно безопасно снять. Ты все посмотрел?

— Думаю, да. Ты сам-то веришь в происходящее?

— Нет. Это уже двенадцатое за восемнадцать часов.

— Увидимся в морге.

Сержанты Эйб Голдберг и Кори Маршалл — помощники Кармайна — с ошеломленным видом стояли у письменного стола Эвана Пью.

— Двенадцать, Кармайн? — спросил Кори.

— Двенадцать. И почти все разные. Хотя этот случай заслуживает главный приз. Медвежий капкан. Паренек щуплый, так что ему хватило.

— Двенадцать! — присвистнул Эйб. — Двенадцати убийств за день в Холломене еще не бывало. Максимум четыре, когда байкеры устроили перестрелку на стоянке у Чабба. Но там все было просто и даже не особенно удивительно. То дельце ты распутал за неделю.

— Похоже, тут я так быстро не справлюсь, — мрачно сказал Кармайн.

— Это точно, — в один голос подтвердили оба сержанта.

— Ну, убийства-то не все на тебе, — утешил шефа Эйб. — Микки Маккоскер со своими ребятами, правда, целиком ушли в наркотики, зато Ларри Пизано уже занимается огнестрелами. Три долой, остаются только девять вместе с этим.

— Они все на мне, Эйб, и ты это знаешь. Я капитан детективов. А значит, и вам работа будет, каждый возьмет себе по жертве — вы мои методы знаете лучше, чем ребята Ларри. — Кармайн нахмурился. — Только не сегодня. Отправляйтесь домой, поешьте нормальной еды и хорошенько выпитесь. Встречаемся завтра в девять в комиссариате, идет?

Сержанты кивнули и вышли.

Кармайн еще немного походил по относительно просторной для студенческого общежития комнате, отметив явное несоответствие между половиной, принадлежавшей убитому, и той, которой распоряжался Том Уилкинсон — молодой человек, его обнаруживший.

Сейчас Уилкинсон ждал в своем временном пристанище, отведенным ему деканом; шкаф завесили простыней, и юноша под присмотром одного из помощников Патси забрал свою одежду, книги и прочие необходимые ему вещи. Кармайн пробежал глазами опись, составленную ассистентом, и вернулся к осмотру комнаты. Будь посреди нее проведена черта, граница, разделяющая владения жильцов, не могла бы быть более очевидна. Том не отличался любовью к порядку и чистоте, а Эван, напротив, был ими одержим. Даже записки на пробковой доске висели ровно и аккуратно. Никакого намека на причину убийства выудить из них не удалось. Обычные напоминания — забрать вещи из химчистки, купить марки, носки, писчие принадлежности. Все фотографии из мест, значительно более теплых, чем Холломен, — пальмы, пляжи, ярко окрашенные дома. И еще мужчина и женщина перед особняком, оба лет за сорок, излучающие благополучие, он в костюме, она — в вечернем платье.

Не найдя ничего интересного в письменном столе, Кармайн отправился к Тому Уилкинсону, с жалким видом примостившемуся на краю своей новой постели. Даже внешне он совершенно не походил на Эвана Пью — высокий, симпатичный блондин атлетического сложения. Одет просто, никакой верблюжьей шерсти и кашемира. Во взгляде широко раскрытых голубых глаз читались страх и любопытство. «Убийцы так не смотрят», — решил про себя Кармайн.

С трудом держа себя в руках, Том рассказал о том, как увидел кровь у шкафа Эвана, как стал звать соседа по комнате, а когда тот не отозвался,

открыл дверцу. После этого рассказ стал более сбивчивым. Кармайн дал парню время прийти в себя, потом выяснил, что в детали жуткой картины в шкафу тот не вникал, а поспешил скорее убраться. Интерес к шокирующим подробностям, свойственный некоторым студентам-медикам, был ему, по-видимому, чужд. Деньги он если и видел, то предпочел о них не упоминать. Скорее всего, не видел, решил Кармайн. Том принадлежал к тем студентам, которым приходится экономить буквально на всем ради учебы, и искушение прихватить пакет, пока о нем никто не знает, могло оказаться слишком велико. На одежде Тома крови не было, кроссовки забрал ассистент из патологии. «Входя в шкаф, лужу обошел, а вот на обратном пути забыл, — пояснил Том, шевеля пальцами в дырках носков. — Кроссовки совсем новые, нельзя ли их... ну как-нибудь?» Кармайн невольно пообещал, что обувь постараются вернуть как можно скорее.

— Тебе нравился твой сосед? — спросил он.

— Нет, — без обиняков ответил Том.

— Почему?

— Бледная немочь! Того гляди ветром унесет.

— Не думал, что ты судишь о людях только по внешности, Том.

— Я и не сужу, капитан. Я бы и с хиликом поладил, будь это обычный хилик. Но Эван — другое дело. Он был такой... напыщенный. Весу в нем — что в котенке, да и то если под дождем вымокнет, а физиономия ну точно как у той чопорной курицы из мультфильма — мисс Фифи. Он даже не понимал, как глупо выглядит! Считал, что его внешность для парня — самый шик. И ничем его не проберешь! Толстокожий как слон.

— Да, толстокожий, — мрачно сказал Кармайн. — А как у него было с учебой?

— Отличник. Круглее не бывает, — проворчал Том. — Первый в группе. Даже рисовал лучше всех. Верите, тошнит уже от его рисунков черепных нервов морской собаки и глазного яблока быка. «Ах, посмотрите, как рисует Эван! Вот что такое настоящий анатомический рисунок!» Ну и зануда! Да хотя б нос так не задира. Особенно перед теми, кто на стипендии, вроде меня. И так, видно, придется в армию или во флот пойти, а то никогда из долгов не выберусь. До собственной практики еще годы и годы.

— А с одноклассниками у него были нормальные отношения?

— Какое там! Эван вообще был странный. Возьмет вдруг свалит в Нью-Йорк на какую-нибудь оперу или заумную пьесу. В киноклубе не пропустил ни одного авангардного фильма. Устраивают благотворительный банкет — обязательно пойдет, купит билеты. Встреча с занюханным

политиканом в светском клубе — только дай! А потом разглагольствует с таким видом, будто мы все деревенщины. Что меня удивляет: как это он без синяков ходил. У многих в Парацельсе руки чесались.

— Он поздно возвращался? Может быть, храпел? У него были какие-нибудь... э-э... неприятные привычки?

Том Уилкинсон растерянно посмотрел на Кармайна.

— Нет. Если не считать неприятными его самомнение и хвастовство. А приходил всегда вовремя. Режим соблюдал.

— В котором часу ты его обнаружил?

— Около шести. Физиология в биологическом корпусе закончилась в пять тридцать, и я сразу поехал сюда. Сестра купила себе новую машину и свой старый драндулет отдала мне. В кафетерии на Сайенс-Хилл все дорого, а бензин стоит гроши, так что на обед и ужин я приезжаю сюда. Питание включено в плату за общежитие, и кормят неплохо.

— Большинство занятий проходят на Сайенс-Хилл?

— Конечно. Во всяком случае, утех, кто решил заниматься медициной серьезно. На курсе есть парочка... хм... любителей. Ходят на историю искусства и подобную фигню. Но они тоже не здесь занимаются. В самом Парацельсе только один лекционный зал. Декан использует его исключительно для собственных проповедей о беспорядке в комнатах и вандализме.

— Вандализме?

— Ну, это декан так выражается. Бывает, первокурсники немного пошалят. Как-то раз сад камней старыми кирпичами завалили, пришлось пригонять автовышку с люлькой, иначе их было не достать. А однажды статую в эротическое белье одели... По-моему, на вандализм не тянет, разве нет?

— Пожалуй, не тянет, — согласился Кармайн без тени улыбки. — В вашем крыле живут только второкурсники, Том?

— Да, сэр. Всего четыре крыла, по одному на каждый курс. Здесь на нижних этажах тоже комнаты второкурсников.

— И поскольку большинство изучают естественные науки на Сайенс-Хилл, между обедом и шестью часами вечера тут пусто?

— Ну да. Кто заболевает, идет в медпункт, там дежурит медсестра. Бывает, кто-нибудь пропускает занятия, чтобы доделать важное задание, но сейчас у нас ничего такого в плане нет.

— А по утрам?

— Также никого. Разве что ремонтники. Декан, кажется, предпочитает вызывать их пораньше и сам следит, чтоб все было в порядке.

Кармайн поднялся.

— Спасибо, Том. Хотел бы я, чтобы все мои свидетели были хотя бы вполовину так откровенны. Теперь иди, надо поужинать, даже если не хочется.

* * *

Пришла пора навестить Роберта Хаймана, декана, кабинет которого находился внизу. Спускаясь по изящной, но слишком уж эфемерной лестнице (дурацкая мода — просветы между ступеньками!), Кармайн остановился и оглядел сверху центральную часть здания, похожего на широкую, кряжистую букву Х. В крыльях размещались комнаты студентов, в центре — административные помещения и просторные квартиры руководителей колледжа, декана и казначея. Аспиранты проживали в куда менее просторных квартирах без кухонь в дальних концах каждого крыла. Четыре похожие квартиры, примыкавшие к ядру корпуса, занимали преподаватели, не имевшие руководящих должностей.

Кабинеты находились на первом этаже, квартиры декана и казначея на втором. Довольно просторный холл во время ужина пустовал, дежурного на вахте не было, рабочий день закончился. За стойкой сквозь стеклянные стены ясно просматривались кабинеты, тоже пустые.

Дойдя до стойки, Кармайн снова остановился, задумавшись, как ему найти декана. С противоположного конца холла, где находились столовая и комнаты отдыха, доносился живой и бодрый шум. Капитан вздохнул и приготовился очертя голову ступить в помещение с четырьмя сотнями жующих молодых людей, но в последний момент был счастливо избавлен от этой миссии. Из столовой вышел суетливый коротышка в костюм-тройке и, заметив Кармайна, двинулся к нему утиным шагом, как толстяк, хотя толстяком не был. Что-то с ногами. Лицо круглое и розовое, редкие каштановые волосы старательно зачесаны на плешь, но в карих глазах таился огонь, способный внушить трепет большинству обитателей Парацельса. Что-что, а красавцем декан не был.

— Декан Хайман? — Кармайн протянул руку. Декан ее пожал. Крепкая хватка.

— Давайте поднимемся ко мне наверх, — предложил декан, открывая проход в стойке и отпирая стеклянную дверь, за которой оказался лифт. В отличие от большинства маленьких лифтов ход у него был очень мягкий.

— Мой предшественник мистер Докинс, первый декан Парацельс — колледжа, страдал параличом ног, — пояснил Хайман, пока они плавно поднимались вверх, — однако его профессиональные качества вполне компенсировали как сам физический недостаток, так и стоимость

установки лифта. — Декан хмыкнул. — А в Принстоне еще надеялись его переманить.

— Кусай локти, Принстон, — ухмыльнулся Кармайн.

— Вы «чаббист», капитан?

— Да, окончил в сорок восьмом.

— Вот как! Значит, вы из тех молодых людей, кто защищал нашу дорогую отчизну. Поступили вы, вероятно, еще до войны.

— В тридцать девятом. А в сорок первом записался добровольцем. Сразу после Перл-Харбора. Осенний семестр пропал, конечно, но меня это не заботило. Япошки и наци были важнее.

— Женаты?

— Да.

— И дети есть?

— Девочка от первого брака, София, ей уже шестнадцать. Сыну только пять месяцев, — послушно ответил Кармайн, не зная уже, кто тут кого допрашивает.

— Как зовут?

— Еще не решили.

— О, понимаю. Серьезные семейные разногласия.

— Скорее затяжной, но дружественный спор.

— Она победит, капитан, непременно победит! Поверьте моему опыту. Усадив гостя в кожаное кресло, декан Хайман подошел к бару.

— Херес? Скотч? Американское виски?

— Джин не предлагаете?

— Вы не похожи на любителя джина.

— Как вы правы! Американское виски меня вполне устроит. Со льдом и содовой, пожалуйста. Содовой побольше.

— При исполнении, да? — Налив себе щедрую порцию хереса, Декан сел. — Спрашивайте, капитан.

— Насколько я понял со слов мистера Уилкинсона, соседа мистера Пью, в часы занятий колледж пустует?

— Совершенно верно. Если кто-то из студентов будет замечен в коридоре, ему придется объяснять, почему он не на занятиях. Впрочем, это случается нечасто. Парацельс построен и содержится фондом Парсонов специально для студентов-медиков.

Кармайн поморщился:

— А, снова Парсоны.

— Вы с ними знакомы?

— В позапрошлом году мне уже довелось расследовать дело, имевшее

отношение к одному из финансируемых ими учреждений.

— Ах да, к «Хагу», — с пониманием кивнул декан Хайман. — Искренне надеюсь, что Парацельс избежит подобной катастрофы.

— Полагаю, колледжу это не грозит. Разумеется, кое-что об обстоятельствах смерти мистера Пью в прессу и другие СМИ просочится, но, уверяю вас, официальные заявления будут по возможности сдержанными.

Декан наклонился вперед, позабыв о хересе:

— Мне очень не по себе, капитан. Как умер мистер Пью?

— Между зубьями медвежьего капкана, установленного в его стенном шкафу.

Розовое лицо побледнело. Херес едва не выплеснулся на пол, но декан все-таки донес бокал до рта и залпом осушил.

— Господи! Здесь? В Парацельсе?

— Боюсь, что так.

— И... и что же нам теперь делать? Ничего необычного сегодня никто не заметил! Я сам всех расспросил, будьте уверены! — проблеял декан.

— Понимаю. Тем не менее, детективы придут снова и будут задавать вопросы. Так что я вас прошу, доктор Хайман, чтобы все сотрудники колледжа, включая охранников, уборщиков, садовников и прочий обслуживающий персонал, завтра весь день были на месте. Их всех нужно допросить. Мы ни на кого не собираемся давить, просто побеседуем с каждым с глазу на глаз, — с нажимом произнес Кармайн.

— Да-да, конечно, — живо согласился декан. Похоже, капитан его убедил.

— Вы хорошо знали Эвана Пью?

Хайман наморщил лоб, облизнул губы и налил себе еще хереса.

— Эван был непростым человеком, — начал он, откинувшись в кресле и с удовольствием хлебнув вина. — Боюсь, его никто толком не знал, и, что, пожалуй, важнее, — никто не любил. Я много лет работал с подростками и молодыми людьми, но таких, как Эван, среди них попадалось мало. Очень мало. Мне трудно сказать что-то определенное о его характере, кроме того что он производил... отталкивающее впечатление. Возможно, я несколько поотстал от современной науки, но, говорят, существуют особые вещества, называемые феромонами. Эти феромоны, как я понимаю, выделяются организмом с целью привлечения других особей, в частности, противоположного пола. Так вот, феромоны Эвана Пью не привлекали, а, наоборот, отпугивали. — Декан пожал плечами, глотнул хереса. — Больше мне добавьте нечего, капитан. Я

действительно совсем его не знал.

Кармайн не торопясь допил свой некрепкий напиток, беседуя с деканом о щедротах клана Парсонов, исчислявшихся многими миллионами и всегда ориентированных на что-нибудь медицинское. То, что Роджер Парсон-старший предложил построить Парацельс-колледж именно Пьеро Кондуччи, декана ничуть не удивляло. Младшие члены клана, Одержжи они верх, неминуемо выбрали бы более консервативного Архитектора. Ох, и непросто им было, наверное, расстаться со своим экземпляром «Граждан Кале», но вот, поди ж ты, теперь скульптурная группа украшает оконечность крыла старшекурсников, удобно расположившись в одном из остекленных, усыпанных галькой садиков Кондуччи, поразительная, как и все творения Родена.

— Полагаю, все автовышки в окрестностях Парацельса находятся под строжайшим контролем, — без тени юмора заметил Кармайн.

— Находились бы, случись им тут оказаться. Пока Бог миловал. В Чаббе полно шедевров, которые гораздо легче украсть, чем нашего Родена.

— Будет еще больше, когда построят музей итальянского искусства. Сколько Каналетто и Тицианов из хранилищ поднимут! Конечно, лишь в том случае, если меценаты когда-нибудь придут к согласию, где именно его воздвигнуть.

— Великий университет, — торжественно произнес декан, — должен купаться в шедеврах искусства! Я каждый день благодарю Господа за Чабб.

В начале девятого капитан Дельмонико наконец-то добрался до окружного управления на Сидар-стрит и зашел, в отдел судмедэкспертизы. Патологоанатом приходился Кармайну двоюродным братом, хотя по виду никто не принял бы их за родственников: рыжеволосого голубоглазого Патрика со светлым, веснушчатым лицом и Кармайна с его глазами цвета янтаря и черными вьющимися волосами, которые он коротко стриг, не позволяя им закручиваться в легкомысленные кудряшки. Дело было в том, что из двух сестер Черутти одна вышла замуж за О’Доннелла, а другая — за Дельмонико. Однако ни разница во внешности, ни даже то, что Патрик был счастливо женатым отцом шестерых детей и на десять лет старше Кармайна, не препятствовали крепкой дружбе между ними. Единственный сын в семье, Кармайн в двенадцать лет потерял отца и наверняка потонул бы в безраздельной любви овдовевшей мастери и четырех старших сестер, если бы в то время двадцатидвухлетний Патси вовремя не протянул ему свою крепкую мужскую руку. При этом его отношение к Кармайну никогда не было отеческим. Только братским.

Следователь и патологоанатом в одном лице, Патрик умудрился

взвалить большую часть судебных обязанностей на своего помощника Густавуса Феннела, который обожал появляться в суде и вести непримиримую затяжную войну со вздорным окружным судьей Холломена по имени Дуглас Туэйтс. Сам же Патрик целиком поддался очарованию молодой судебно-медицинской науки, непрестанно заботясь, чтобы отдел полностью соответствовал последним достижениям этой хитроумной дисциплины, оперировавшей группами крови, сыворотками, волосами, волокнами — словом, всем, что может оставить после себя преступник вместо автографа. До недавнего времени вечной головной болью была нехватка средств на закупку аналитического оборудования, однако после ликвидации медицинского исследовательского центра, известного как «Хаг», Патрику достались электронный микроскоп, цейссовский операционный микроскоп, несколько других специализированных микроскопов, новые спектрометры и газовый хроматограф, не говоря уже о новейших центрифугах и приборах попроще. Это не только позволило Патрику создать лучшую судебно-медицинскую лабораторию в штате, но также привело к любопытному побочному эффекту — в отношении дальнейших заявок на оборудование власти штата стали менее прижимисты. Вероятно, как объяснял себе этот феномен Патрик, тот, кого одарили Парсоны, автоматически вырастает в глазах губернатора.

В морге было не повернуться от каталок, как если бы поблизости произошла авиакатастрофа или крупная дорожная авария. Сегодня причина была другой. Большинство из безмолвных, недвижимых, накрытых простынями фигур — жертвы убийств, не считая нескольких неясных случаев, когда доктор отказался выписать свидетельство о смерти без вердикта судмедэксперта.

В одной из стен был ряд дверей из нержавеющей стали — всего шестнадцать, — у которых в поте лица трудились два санитара: выдвигали полки и освобождали ячейки от уже обследованных трупов, стараясь не перепутать их с жертвами убийств и прочими, которых туда предстояло поместить. Снаружи, у платформы, дожидались автофургоны и

видавшие виды катафалки, присланные похоронными бюро, а водители и работники ворчали на Патрика — он потребовал забрать трупы сейчас же, без промедления!

Кармайн прошел дальше, в секционный зал, где у длинного стола из нержавеющей стали, снабженного огромной раковиной и стоками, стоял Патрик. В удобном месте висели большие мясницкие весы, рядом аккуратно располагались несколько инструментальных тележек, покрытых тканью.

Тело Эвана Пью уже освободили из медвежьего капкана; он лежал поодаль на столе с мраморным верхом и был отгорожен тележками. Подойдя, капитан некоторое время осматривал устройство, благоразумно его не касаясь. Не зря ведь Патси соорудил ограждение. В разложенном состоянии капкан имел более полуметра в ширину, и на два дюйма из него выступали жуткие окровавленные зубья — без бородок и зазубрин, но острые как бритва. На широкую металлическую пластину основания можно было наступить по обе стороны от дуг и растянуть их. В пластине — шесть отверстий, по три с каждой стороны. Отверстия появились недавно — поверхность пластины была покрыта ржавчиной, а внутри отверстий блестел металл. Очевидно, убийца проделал их сам.

— Даже не дыши на него, Кармайн, — предупредил Патрик, не отходя от стола. — Механизм держится на волоске — я не преувеличиваю. Ржавчину с пружины удалили специальным химическим средством, а тарелочка так настроена — чуть потяни и срывается, даже у такого хлюпика, как наша жертва, силенок хватило. Что меня удивляет — как у самого убийцы руки не дрожали, когда он болты вкручивал! Докрутить до конца и не задеть. Черт! От одной мысли пот прошибает.

Кармайн подошел к столу.

— Есть хоть какие-нибудь зацепки, Патси?

— Вообще-то парочка очень неплохих. На вот, почитай. Лежало в брючном кармане.

— Да, это многое объясняет, — сказал Кармайн, возвращая конверт к другим вещам Пью. — В том числе деньги. Ты вскрывал пакет? Действительно сто тысяч?

— Не смотрел. Решил не лишать тебя удовольствия. Только обмыл кровь и снял первый слой пленки, хотя сомневаюсь, что найду что-нибудь, кроме отпечатков Пью.

Кривыми ножницами Кармайн взрезал многочисленные слои пленки, ожидая увидеть между двумя крайними банкнотами обычную бумагу, но с удивлением обнаружил сплошь стодолларовые купюры. Год назад в городе появилась куча фальшивых стодолларовок, и Кармайн знал, на что надо обращать внимание. Эти банкноты — настоящие. Что же это за жертва шантажа такая, которая может позволить себе лишиться ста тысяч, лишь бы убить шантажиста?

— Деньги только осложняют дело, — произнес Кармайн, складывая банкноты в стальную ванночку и снимая перчатки. — Тысяча сотенных купюр, совершенно новых, при этом номера не везде последовательные. Происхождение банкнот придется выяснять у федералов. —

Прислонившись к раковине у стены, капитан мрачно взирал на полную денег ванночку. — «Говорун»... На чем же таком попался Говорун, раз не только на убийство пошел, но и такими деньжищами пожертвовал? У него не было ни малейшей возможности вернуть ни деньги, ни письмо. А значит, он спокоен на этот счет, уверен, что мы не сможем установить его настоящее имя и причину шантажа.

— Шантаж шантажом, Кармайн, но один из мотивов — ненависть, — заметил Патси, погружая зонд в одну из страшных ран на груди. — Убийца хотел, чтобы жертва умирала медленно и мучительно.

— Но не с целью продемонстрировать жестокость кому-то еще?

— Нет. Абсолютно частная месть. Говоруну не важно, станут ли детали преступления общеизвестны. Его злоба направлена исключительно на Эвана Пью. Убийца не из тех, кто жаждет публичности.

— Полагаю, у Пью это первая попытка шантажа. Вот бы достать письмо от двадцать девятого марта! — Кармайн стиснул руки. — Нет, Говорун его, конечно, сжег. Допустим, он получил письмо двадцать девятого. Значит, обдумывание этого невероятного плана мести у него заняло четыре или пять дней. Вдобавок он должен был знать наверняка, что после Пью никаких предметов шантажа не останется. То есть это не фотографии, не письма, не документы, не аудио- или видеозаписи. Ключа от сейфа или камеры хранения в комнате не было, хотя обыскали все. Конечно, Пью мог отправить что-то родителям, но это маловероятно.

— Да брось, Кармайн! — возразил Патси. — Шантажа без компромата не бывает, даже если его шантажист сам на бумажке написал.

— Не в этот раз, — сказал Кармайн, выпрямляясь. — Я убежден, что Говорун действовал наверняка. Теперь, когда Пью мертв, угрозы не существует. Все доказательства умерли вместе с ним.

— Чутье полицейского?

На полпути к двери Кармайн остановился.

— Как ты только управляешься в этом бедламе?

— Прежде всего, какое-то время никаких перенаправлений из других моргов. Последние из уже обследованных трупов заберут до десяти вечера, тогда хватит места для наших сегодняшних жертв и тех, от которых не удастся отвертеться. Гаса с его ребятами я направляю в северные лаборатории. Будут заниматься посторонними случаями там, пока все не утрясется.

— Бедный Гас. Северный Холломен та еще дыра. — Кармайн зашагал дальше. — Ну, пока, встретимся завтра в девять у Сильвестри.

Почти в девять вечера Кармайн подъехал к Ист-Серкл. Между

деревьями, обилием которых славился Холломен, уже мерцали огни восточного берега. «Форд-фэрлейн» с форсированным восьмицилиндровым двигателем, полицейскими рессорами и амортизаторами, строго говоря, принадлежал управлению, но выглядел как обычный гражданский автомобиль, к тому же совсем не потрепанный — с тех пор как Кармайн стал капитаном, каждый год ему выдавали новую машину модели прошлого года.

Кармайн прошел по выложенной плиткой дорожке к дому, повернул ручку и вошел. Дездемона не запирала дверей, справедливо полагая, что вряд ли найдется такой отчаянный бандит, который осмелится залезть в дом к самому капитану Дельмонико. В сколько-нибудь большом городе подобные рассуждения выглядели бы наивно, но в Холломене капитана знал каждый, что имело свои недостатки и преимущества.

Обе женщины Кармайна собрались на кухне — когда не было гостей, семья ужинала там, приберегая для особых случаев столовую с изысканным столом работы Лалика и люстрами в том же стиле. Просторная белая кухня сверкала медицинской чистотой. В вопросах интерьера вторая жена Кармайна полностью доверяла вкусам мужа и совершенно об этом не жалела.

Стоя у высокого рабочего стола, она как раз добавляла последние штрихи к лазанье, в то время как ее падчерица увлеченно занималась салатом. Стол высотой метр пятнадцать сантиметров для Дездемоны Дельмонико с ее ростом почти метр девяносто без каблуков был даже низковат, однако, во-первых, нужно было считаться с Софией, которая недотягивала и до метра семидесяти, а во-вторых, если семье вдруг придется переезжать, хотелось оставить кухню пригодной для новых жильцов.

Волосы Дездемоны слегка спутались от частых нервных приглаживаний — новичок в поварском деле, она волновалась за результат, хотя лазанью уже освоила. Мать и сестры Кармайна сразу взяли его новую жену под свою опеку, так что большая часть блюд происходила из Южной Италии. Однако и у Дездемоны, англичанки до кончиков ногтей, случались свои победы. Так, одна подруга, приехавшая погостить из Линкольна, научила ее готовить традиционное воскресное жаркое и ланкаширское рагу, причем оба блюда пришлись Кармайну и его родичам очень по вкусу. Еще бы! Как можно за всю жизнь ни разу не попробовать картошки, запеченной с куском сочного мяса! Не говоря уже о подливке из вытопившегося жира. Для Дездемоны это было немыслимо.

Она повернулась к Кармайну; лицо ее казалось заурядным, с

великоватым носом и выступающим подбородком, но в следующую секунду Дездемона улыбнулась, и лицо преобразилось, словно осветившись изнутри приветливым светом, а большие спокойные глаза цвета толстого льда стали поистине прекрасными. Вместе с материнством природа наградила Дездемону пышным бюстом, единственным, чего недоставало ее высокой, но ладной фигуре. Добавьте к этому пропорционально длинные изящные ноги, и станет понятно, почему большинство мужчин считали Дездемону чрезвычайно соблазнительной, хотя еще недавно при взгляде на управляющего директора «Хага» этот эпитет едва ли кому-то пришел бы в голову — замужество сотворило с ней чудеса.

Она подошла к мужу и поцеловала его, наклонив голову дюйма на четыре. София переминалась с ноги на ногу, дожидаясь своей очереди. В шестнадцать, точнее, уже почти в семнадцать, лет дочь Кармайна была несомненной красавицей; вся пошла в свою мать Сандру, мечтавшую сделать карьеру в Голливуде, — натуральная блондинка, голубоглазая, с тонкими чертами лица и великолепной фигурой. В отличие от своей матери-кокаинистки, оставшейся на западном побережье, София была умна, достаточно напориста и имела куда больше здравого смысла в голове, чем могли ожидать как Кармайн, ее отец, так и отчим — знаменитый продюсер Майрон Мендель Мандельбаум. Девять месяцев назад, когда Кармайн и Дездемона поженились, София переехала из Лос-Анджелеса к ним, избавившись от тягостного влияния своей матери. Поселилась девушка в трехэтажной башне-пристройке с открытой террасой наверху — настоящий рай, по представлениям любого подростка. Хотя расположение нового жилища не позволяло Софии приходить и уходить когда вздумается, а тем более приводить друзей, девушка пришла к выводу, что преимущества все же перевешивают недостатки — еще бы, настоящая отдельная квартира, даже с собственной небольшой кухней. Впрочем, все в семье обычно ужинали вместе: София и Дездемона прекрасно ладили между собой.

Обхватив одной рукой Дездемону, другую Кармайн протянул навстречу Софии, и та, с радостью позволив себя обнять, звонко чмокнула его в щеку.

— Лазанья! — довольно произнес Кармайн. — Вы, правда, не против ужинать так поздно? Я бы и разогретому был рад. Честное слово.

— Мы с Софией искушенные светские дамы и знаем: поужинаешь слишком рано, проснешься ни свет ни заря, голодный как волк. К тому же в четыре мы пьем чай.

— А как поживает наш Не-Знаю-Как-Его-Зовут? — улыбнулся Кармайн.

— Джулиан в порядке, — ответила мать. — Спит уже, конечно.

— Ну, не упрямясь, папочка, — внесла свой вклад София. — Джулиан отличное имя.

— Для маменькиного сынка, — добавил Кармайн. — Я не допущу, чтобы моего сына дразнили в школе девчонкой.

София хихикнула.

— Девчонкой! Такого богатыря! Скорее уж «Большим Джули из Восточного Цицero, штат Иллинойс».

— Терпеть не могу «Парней и куколок»! — вскричал Кармайн. — Имя Джулиан не подходит! Не важно, девчоночье оно или гангстерское! Почему не назвать мальчика нормально? Джон, например. Так звали моего прадедушку Черутти. Или Роберт. Энтони, Джеймс, в конце концов!

Лазанью нарежали на порции. «Как это Дездемона угадывает, когда я приду?» — недоумевал Кармайн. София разложила по тарелкам салат, заправила его кому чем нравилось, затем наполнила стаканы Кармайна и Дездемоны хорошим красным вином. Себе плеснула только на треть стакана и долила газированной минералкой. Все сели за стол.

— Может быть, Саймон? — из озорства предложила София.

Кармайн вскинул голову, как атакующая кобра.

— В самый раз для гомика! — отрезал он. — Нет, в Англии оно, может, и ничего, но мы-то не в Англии!

— У тебя предубеждение против гомосексуалистов, — с невозмутимым видом укорила его Дездемона. — И что это за слово — «гомик»!

— Да нет у меня никакого предубеждения! Просто я еще не забыл, как трудно приходится в школе ребенку с необычным именем, — сказал Кармайн, не желая уступать позиции. — Одноклассникам нашего сына ты тоже будешь объяснять про предрассудки? Поверь мне, Дездемона, самое худшее, что можно сделать для ребенка, — это наградить его каким-нибудь дурацким имечком. А дурацким — значит жеманным, вычурным и вообще идиотским!

— В таком случае Джулиан — далеко не худший вариант, — возразила Дездемона. — Мне нравится! Ну, пожалуйста, Кармайн. Ты только послушай! Джулиан Джон Дельмонико. Звучит? Подумай, как это будет смотреться на карточке, когда он станет знаменитостью.

— Брр! — поежился Кармайн и сменил тему. — Превосходная лазанья, — похвалил он. — Лучше, чем у мамы. Скоро будешь готовить не

хуже бабушки Черутти.

Дездемона просияла от радости и хотела что-то сказать, но София ее опередила:

— Угадай, кто завтра приезжает, папа?

— По твоему тону нетрудно догадаться — Майрон.

— Да, — обескуражено пробормотала София, но тут же снова повеселела. — Он не сказал, но я думаю, он хочет составить мне компанию. В школе сейчас каникулы, вот я ему и намекнула.

— Надеюсь, не слишком тонко. На работе у меня как раз завал — самое время для гостей, — с улыбкой сообщил Кармайн.

— Плохо, да? — спросила Дездемона.

— Ужасно.

— А что случилось, папа?

— Ты знаешь правила, детка. Дома — никаких разговоров о делах.

Час спустя по пути в спальню Кармайн свернул в детскую, где в кровати мирно посапывал его безымянный отпрыск. «Богатырь», — сказала про него София. Что ж, она права. Телосложением в отца — крепкий, с широкой костью. Никто бы не подумал назвать его карапузом. Нет, только так — богатырь. Волосы — густые, черные и кудрявые, как у Кармайна, кожа слегка темнее. Одним словом, вылитый отец во всем, за исключением роста. Если судить по ладоням и ступням, в этом малыш со временем обгонит маму.

Слова декана о женах все еще звучали в голове Кармайна, и тут его осенило. Этому мальчику можно дать какое угодно имя — оно ему ничуть не повредит. Он не заробеет и не позволит себя дразнить. И может быть, ему даже нужно что-то, чтобы обуздать его рост и силу, какой-то противовес, хотя бы слегка девчоночье имя.

С этими мыслями Кармайн скользнул в постель рядом с Дездемоной и, повернувшись, обнял и поцеловал ее. Она вздрогнула и прижалась к нему еще крепче, запустив пальцы в его коротко стриженные волосы.

— Джулиан, — прошептал он. — Джулиан Джон Дельмонико.

Она взвизгнула от радости и стала целовать его веки.

— Кармайн, Кармайн, спасибо! Ты не пожалеешь! И наш сын тоже. Ему подойдет любое имя.

— Я только что это понял.

Глава вторая

В просторном кабинете комиссара Джона Сильвестри места хватило для всех, хотя едва ли там когда-либо собиралось столько народу, как в девять утра следующего дня, четвертого апреля.

Город Холломен насчитывал сто пятьдесят тысяч жителей и обходился без специального отдела убийств. Три бригады детективов под руководством капитана Дельмонико занимались всеми видами тяжких преступлений. Впрочем, оба лейтенанта, формально бывшие под началом Кармайна, обычно вели расследования по своему усмотрению. Лейтенант Маккоскер со своей бригадой отсутствовал — они сейчас сотрудничали с ФБР в деле, касающемся наркотиков, и отрывать их было нельзя; Сильвестри это немало раздражало, тем более что все решили без него. Оставались Кармайн с двумя сержантами, Эйбом Голдбергом и Кори Маршаллом, и лейтенант Ларри Пизано со своими подчиненными, Морти Джонсом и Лиамом Коннором. Также явился заместитель комиссара Дэнни Марчиано, уходивший в конце 1968 года на пенсию. Несмотря на безупречно итальянскую фамилию, в жилах Марчиано текла северная кровь, кожа его была веснушчатой и светлой, а глаза голубыми. Ларри Пизано уходил в 1967-м, в конце года, что ставил Кармайна перед дилеммой: и Эйб, и Кори имели больший стаж, чем парни из команды Пизано, а значит, кто-то из них мог стать лейтенантом. Проблема заключалась в том, что повышения хотели оба — новое звание влекло за собой солидную прибавку в жалованье, а также большую самостоятельность.

Что до самого Сильвестри, то это был чисто кабинетный полицейский, за все время службы нигде, кроме как в тире, не стрелявший из табельного пистолета, не говоря уже о винтовке или дробовике, но к которому всегда относились с уважением. Во Второй мировой войне он получил кучу всевозможных наград, включая Почетный орден конгресса, а придя после фронта в Холломенское полицейское управление, открыл в себе административный талант и стал одним из лучших комиссаров полиции в истории города. Смуглый, с мягкой, вкрадчивой красотой, все еще привлекающей внимание женщин, Сильвестри внешне и манерами напоминал льва и был готов отстаивать свое управление где угодно и перед кем угодно, от федералов до властей штата. Будучи политиком, настолько тонким, что большинство считали его неспособным к политике, он умел

произвести благоприятное впечатление на журналистов и имел лишь две слабости. Первой был его протез, Кармайн Дельмонико. Второй — сигары, которые он предпочитал не курить, а сосать и жевать незажженными, оставляя повсюду на своем пути их обмусоленные огрызки, как прогулочный катер — пробки от бутылок. Зная, что Дэнни Марчиано тошнит от одного вида этих сигар, он из чистого озорства по возможности подсовывал их поближе к нему.

При обычных обстоятельствах во время совещаний красивое лицо комиссара не выражало никаких эмоций, однако сегодня оно было откровенно мрачным. Едва Патрик О'Доннелл занял последний свободный стул в кабинете, Сильвестри перешел к делу.

— Кармайн, расскажи, что тебе известно, — приказал он, не прекращая грызть сигару.

— Конечно, сэр.

Не глядя на стопку папок и бумаг у себя на коленях, Кармайн приступил к докладу:

— Первый звонок, поступил вчера в шесть часов утра из университетского гребного клуба. Очевидно, условия на их участке реки Пеко были самыми благоприятными, поэтому тренер чуть свет вытащил гребцов лучшей восьмерки из постелей и усадил за весла. Когда тренировка подходила к концу и восьмерка собиралась пристать к берегу, два весла по левому борту зацепились за какой-то предмет, плавающий у поверхности воды, — как оказалось, труп ребенка. Теперь ты, Патси.

Патрик немедленно подхватил:

— Мальчик, возраст около полутора лет, имеет характерные признаки синдрома Дауна, одет в высококачественный спальный комбинезон и супертолстый подгузник. Подгузники такого типа продаются специальными учреждениями семьям с детьми-инвалидами. Причина смерти — ребенка я осмотрел в первую очередь — не утопление, а асфиксия вследствие удушения подушкой. На теле имеются повреждения, свидетельствующие о том, что ребенок сопротивлялся.

Снова включился Кармайн:

— Личность жертвы была неизвестна. Заявления о пропаже ребенка с синдромом Дауна не поступало. Давай, Кори.

— В восемь ноль две нам позвонил мистер Джеральд Картрайт, дом которого расположен у реки Пеко неподалеку от университетского гребного клуба, — сообщил Кори, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно. — Вернувшись утром из командировки, мистер Картрайт обнаружил в постели мертвую жену и пустую кровать их младшего сына,

страдающего синдромом Дауна.

Кори умолк.

Снова Кармайн:

— До этого времени произошло еще несколько событий. Хорошо известная нам особа, проститутка Диди Холл, была найдена в проулке позади здания муниципалитета с перерезанным от уха до уха горлом. Сообщение поступило в шесть пятьдесят шесть, а в семь двенадцать позвонили из дома мистера Питера Нортон, который умер, выпив стакан свежавыжатого апельсинового сока. Оставив Эйба разбираться с убийством Диди, а Кори — с Картрайтами, я сам отправился к Нортон. Жена и двое детей жертвы — девочка восьми лет и мальчик пяти — были в отчаянии, особенно жена. Казалось, она сошла с ума. Что-то узнать удалось только от девочки, которая клянется, что в стакане был апельсиновый сок. Сам стакан так и стоял на столе, наполовину пустой. Жена Нортон каждое утро готовила сок, потом отправлялась наверх, будить и одевать детей. В это время — около десяти минут — стакан оставался без присмотра, и некто посторонний мог что-то в него добавить.

— Стакан с остатками сока у меня, — сказал Патси, не отнимая руки от подбородка. — Результатов анализа еще нет, но полагаю, что мистера Нортон отравили большой дозой стрихнина. — Патрик поморщился. — Ужасная смерть.

— Пока я был у Нортонов, — продолжал Кармайн, — мне сообщили об изнасиловании и убийстве на Сикамор-стрит. Я послал Кори. Миссис Нортон нуждалась в женщине-полицейском, а их у нас не хватает. Доложи, Кори.

— Тело было обнаружено домовладельцем. — Теперь голос Кори звучал тверже. — Девушку звали Бьянка Толано. Лежала на полу, обнаженная, руки связаны за спиной. На теле следы пыток. Вокруг шеи обмотаны колготки, но я не думаю, что ее задушили, Кармайн. Скорее всего, причиной смерти послужила разбитая бутылка во влагалище.

— Ты прав, Кори, — отозвался Патси. — Вскрытия я еще не проводил, но сделал предварительный осмотр. Колготки служили еще одним средством пытки — стянуть, а потом отпустить.

— Черт знает что такое! — вырвалось у Сильвестри. — Нас атаковали маньяки?

— Вчера, во всяком случае, складывалось такое впечатление, — подтвердил Кармайн. — Не успел я уйти от миссис Нортон, все еще надеялся выудить из нее какую-нибудь информацию, как сообщили об убийстве чернокожей домработницы и двух чернокожих старшеклассников.

Все трое застрелены. По словам полицейского, который мне звонил, с бандитскими разборками это никак не связано. Преступления произошли на его участке. Я поручил их Ларри. Прошу, Ларри.

Ларри Пизано, смуглый мужчина, сделавший в полиции хотя и не блестящую, но вполне достойную карьеру, скорбно повел бровями.

— Ну что тут скажешь, Кармайн? На первый взгляд случаи довольно обычные, но, поверь мне, это не так. Людовика Бересон, уборщица, обслуживала с понедельника по пятницу пять домов. Работала добросовестно, никто не жаловался, наниматели ее ценили. Нрава была веселого. Часто готовила себе на обед что-нибудь горячее. Хозяева не возражали: повариха она была отменная и всегда оставляла им поужинать. Убита выстрелом в голову из малокалиберного оружия. Смерть наступила мгновенно. Очевидцев нет, и, что удивительно, никто даже не слышал выстрела. Седрик Баллантайн, шестнадцать лет, школьник, учился хорошо, имел шансы поступить в престижный колледж по футбольной стипендии. Много занимался, проблем с законом не имел. Застрелен в затылок пулей среднего калибра. Моррис Браун, восемнадцать лет, отличник,

правонарушений нет. Убит выстрелом в грудь из какой-то дурищи — калибра сорок пятого, не меньше. И снова никто ничего не видел и не слышал. У всех трех жертв — следы пороха вокруг пулевых отверстий. Следовательно, стреляли с близкого расстояния. Да, убиты на одном участке, только Седрика и Морриса застрелили на противоположных его концах, а Людовику в самом центре. Морти и Лиам искали гильзы — нигде ни одной. Все обшарили! В общем, Кармайн, слишком уж гладко сработано. А жертвы! Трое совершенно безобидных черных!

— Вряд ли доберусь до них сегодня, — вздохнул Патрик. — С отравлениями бы вначале разобраться.

— С отравлениями? — вытаращил глаза Сильвестри. — Их что, несколько?

— Увы, да, — кивнул Кармайн. — Миссис Кэти Картрайт, мать ребенка с синдромом Дауна, умерла от инъекции в вену. Самоубийство Патси исключает — она бы просто не дотянулась до места укола. Потом Питер Нортон, которому подмешали стрихнин. Декан Данте-колледжа в Чаббе Джон Керкбрайд Денби получил смертельную дозу цианистого калия вместе с жасминовым чаем. Ну и глава «Корнукопии» Дезмонд Скепс.

Глаза комиссара едва не вылезли из орбит.

— Что?! Скепс? Дезмонд Скепс?

— Да. Мне даже приходило в голову, что все остальные убийства — только маскировка, — сказал Кармайн и нахмурился. — Будь их меньше,

можно было бы поверить, но столько! Как ни крути, двенадцать убийств за один день — для городка вроде Холломена это уж чересчур.

— Ну-ка... — Сильвестри стал загибать пальцы. — Ребенок. Его мать. Стрихнин в соке. Убийство с изнасилованием. Проститутка — бедняжка Диди! Я еще мальчиком был, а она уже стояла на улицах... Трое черных с огнестрелами. Декан Данте-колледжа с цианидом. Главный босс «Корнукопии»... Всего десять. Кто еще, черт побери?

— Вдова, семидесяти одного года. Весьма состоятельная женщина, проживала в собственной загородной вилле посреди двух акров земли. Обнаружена уборщицей — с той, что убита, никак не связанной — в смятой постели и с подушкой на голове. И последний — второкурсник медицинского колледжа Чабба, шантажировавший некоего Говоруна. — Кармайн с несчастным видом перевел дух. — Четыре отравления, три огнестрела, сексуальное убийство, еще одно с пытками, два удушения подушками и медвежий капкан.

— Капкан?

Кармайн как раз закончил рассказ об убийстве Эвана Пью, когда секретарша комиссара вкатила сервировочную тележку с блюдом свежих слоев и бубликов с изюмом из пекарни Зильберштейна и очень неплохим кофе. Все встали и, облегченно потянувшись, набросились на угощение, как саранча на пышно зеленеющие посевы после сезона засухи. Памятуя совет президента Моусона Макинтоша на парсоновском заседании правления, Кармайн выбрал слойку с яблоками. Да, вкус такой же изумительный!

При первой возможности Кармайн увел Сильвестри чуть в сторону.

— Джон, — сказал он приглушенно, — пресса от всего этого встает на уши. Как бы устроить, чтобы мне дали спокойно работать?

— Точно еще не решил, — также негромко ответил Сильвестри. — Пару часов можно подождать, потом придется им что-нибудь скормить. Надо подумать, как лучше вести атаку.

— Атаку? — усмехнулся Кармайн.

Темные глаза Сильвестри простодушно округлились.

— Именно атаку! И никак иначе. Пусть меня спишут на пенсию в тот день, когда я упаду перед ними пузом кверху.

Побеседовав четверть часа о чем угодно, кроме убийств, легче было вернуться к насущной проблеме.

— Как собираешься действовать, Кармайн? — спросил Сильвестри.

— Помимо общего руководства я сам займусь отравлениями и капканом. Ты, Ларри, со своими ребятами сосредоточьтесь на огнестрелах

и Диди. Эйбу остается старушка Беатрис Эгмонт, потому что Кори уже занят изнасилованием.

Возражений не последовало, несмотря на то что почти половину дел капитан оставил за собой. Никто не поинтересовался, как он намерен поступить в отношении Джимми Картрайта, ребенка с синдромом Дауна.

— Чем могу помочь я? — спросил Сильвестри.

— Нужны машины с гражданскими номерами и водители, — не задумываясь, ответил Кармайн. — Предстоит куча писанины, а время дорого. Будете все строчить отчеты в дороге, на заднем сиденье.

— Машины с водителями получите, — пообещал Сильвестри. — Дэнни, будешь связным.

Со стороны Адамс-стрит особняк Картрайтов выглядел не слишком впечатляюще, и только со двора или же обладая определенным опытом можно было распознать в нем первосортное жилье. Традиционный, обшитый белой вагонкой дом с темно-зелеными ставнями уходил довольно далеко в глубь длинного участка размером в три акра, ограниченного рекой с одной стороны и высокой живой изгородью — с другой. Фасад, видный с улицы, изнутри представлял собой лишь более короткую стену хозяйской спальни наверху и гостиной внизу. Вход в дом открывался за углом и был отгорожен от заднего двора забором с массивными воротами.

Кармайн постучал в дверь, странным образом чувствуя себя одиноким и покинутым. Обычно его сопровождали Эйб и Кори, способные смотреть и анализировать увиденное не хуже, чем он сам, только с других точек зрения. «Ничего не поделаешь, сегодня это невозможно», — смиренно подумал Кармайн, ожидая, пока кто-нибудь ответит на его настойчивый стук. Прошла минута, потом другая. Он уже собирался забарабанить снова, но тут дверь приоткрылась, в щели показалось лицо.

— Мистер Картрайт?

— Да.

— Я капитан Кармайн Дельмонико из полиции Холломена. Можно войти, сэр?

Дверь распахнулась. Джеральд Картрайт отступил, пропуская Кармайна в дом.

Выглядел Картрайт скверно: лицо осунулось, плечи скорбно опущены, в глазах застыла боль. Чего ждать от человека, у которого только что убили жену и младшего сына? При других обстоятельствах этот смуглый невысокий мужчина сорока с небольшим лет наверняка светился бы радушием и обаянием, как и подобает владельцу двух процветающих ресторанов. Прежде чем выехать, Кармайн изучил краткое досье Картрайта,

составленное в рекордно короткий срок. Дежурный по отделению теперь собирал более подробные сведения — не только о Картрайте, но и о родственниках и знакомых других жертв. Холломенские хулиганы и ревнивые мужья временно отодвинулись на задний план. Двенадцать убийств съедали девять десятых рабочего времени каждого.

Интересным было то, что оба предприятия Джеральда Картрайта так сильно разнились между собой и что сам он ни в одном из них не работал. В Бичмонте, штат Нью-Йорк, ему принадлежал французский ресторан экстра-класса под названием «Л'Эскарго», а в Холломене, на Сидар-стрит, по соседству с громадными башнями университетского комплекса Сайенс-Хилл, — небольшой ресторан-закусочная «У Джоуи». В обоих заведениях дела шли лучше некуда: первое притекало утонченных гурманов, ищущих новых вкусовых ощущений, второе с не меньшим успехом потчевало своих клиентов горячими оладьями. Деньги на текущие расходы Картрайт держал во Втором национальном банке, основные же инвестиционные активы находились под управлением компании «Меррилл Линч, Пирс, Феннер и Смит». Вспомнив о Говоруне, Кармайн проверил, не изымал ли Картрайт подозрительно крупных сумм в последнее время, но все

было как обычно.

Кармайн прошел за хозяином в небольшую гостиную с хорошими, но вполне заурядными креслами и столиками — из разряда тех, что покупают благоразумные многодетные родители. Сквозь стеклянную двустворчатую дверь виднелся огромный зал, обставленный гораздо изысканнее. Видимо, туда детей не пускали.

Рухнув в кресло, Джеральд Картрайт поднял с пола подушку и прижал ее к животу.

— Позавчера ночью вы, мистер Картрайт, дома не ночевали?

— Нет! — со стоном выдохнул Картрайт. — Я был в Бичмонте.

— У вас там ресторан?

— Да.

— Вы часто остаетесь на ночь в Бичмонте?

— Да. У меня там родственники, и у жены тоже. Над рестораном мы устроили небольшую квартирку. А через два дома живет моя мама. Мы обычно вместе ужинаем.

— А помимо родственников, у вас есть какая-то особая причина часто посещать Бичмонт?

— Видите ли, «Л'Эскарго» — французский ресторан, а мой шеф-повар, Мишель Моро, — настоящая знаменитость по части французской кухни. Вдобавок он капризен, как оперная дива. Постоянно устраивает

скандалы. Так уж вышло, что я единственный, кто способен привести его в чувство. Если он уйдет, мой бизнес вылетит в трубу. Некоторые клиенты приезжают к нам за сотни миль. Заказы на столики расписаны на три месяца вперед. Без Мишеля я как без рук! Мне не остается ничего другого, как приезжать два-три раза в неделю в «Л'Эскарго», только чтобы у шеф-повара не портилось настроение. Кэти приходилось несладко, но она все понимала. Учить троих детей в частной школе — это не шутка.

— Ипотека за дом, видимо, тоже.

— Ну это как посмотреть. — Картрайт сглотнул, покачнулся и крепче сжал подушку. — Мы улучили удачный момент для покупки. Ссуду получили всего под четыре процента. И в любом случае ничего не теряли. Такая усадьба, да в таком районе, да с видом на реку стоит в пять-шесть раз дороже, чем мы за нее заплатили. Дом был в хорошем состоянии, так что на ремонт мы не сильно потратились.

По щекам Картрайта покатались слезы; он с трудом держал себя в руках.

— Не торопитесь, мистер Картрайт. Вам что-нибудь принести?

— Нет, — ответил он сквозь всхлипывания. — Какой ужас! Дети почувствовали неладное, но не стали выяснять, почему мама и Джимми так долго не спускаются. Ждали меня... Раньше бы не утерпели. Когда появился Джимми... все изменилось.

— Потому что у него синдром Дауна?

— Да. Потом нам сказали, что надо было сделать анализ околоплодных вод. Но почему никто не говорил, пока она была беременна?! Мы даже не знали, что рожать после сорока такой большой риск! У нас ведь трое нормальных здоровых детей.

Возмущение помогло Джеральду пересилить горе. Кармайн сидел и слушал, иногда подталкивая его мысли в нужное русло.

— Джимми требовал много внимания, но я не мог проводить дома больше времени, чем раньше. Я попытался нанять для «Л'Эскарго» менеджера, но ничего не вышло. Мне по-прежнему пришлось ездить в Бичмонт самому.

Слезы по лицу Джеральда текли не переставая.

— Мне кажется, настоящая проблема заключалась в старших детях, — мягко сказал Кармайн.

Картрайт вздрогнул и посмотрел на него с удивлением:

— Как вы догадались?

— Типичная реакция, когда в семье появляется ребенок-инвалид. У матери не остается времени на остальных детей, а те еще малы, чтобы

принять это, — бесстрастно сказал Кармайн. — Вот и отвергают нового ребенка и как следствие мать тоже. Сколько вашим?

— Сельме шестнадцать, Джеральду-младшему тринадцать, а Гранту десять. Я надеялся, Сельма будет матери помощницей, но она стала... просто невыносимой. В школе прошел слух, что у нее умственно отсталый брат, и ее это страшно злило. Точнее, всех троих.

— В чем именно это проявлялось, мистер Картрайт?

— Совсем от рук отбились. Ни грамма помочь не хотели. А у Кэти не было времени готовить им завтраки в школу и что-нибудь перекусить после. Когда Джимми исполнился год, стало еще хуже. Кэти совсем закрутилась, даже ужин толком не успевала приготовить. Лишь побыстрее и попроще. Попросила Сельму заняться стиркой, так дочка такой скандал закатила, не хуже, чем Мишель. В общем, не жизнь, а сплошной кошмар. Джимми дети на дух не выносили, даже в одной комнате с ним находиться не хотели.

«А у тебя кишка была тонка надрать им как следует задницы! — подумал Кармайн. — Все в Бичмонт мотался. Поужинать с мамочкой, выпасться в свое удовольствие. И Мишель со своими капризами кстати пришелся. Прямо манна небесная! Удобный предлог спрятаться от проблем, которые ты обязан был решить, и знал, что обязан, да только духу не хватало. Ты был нужен дома, жене, весь день, каждый день... Ну да, деньги тоже нужны, но не в долговой же ты яме сидел, в конце концов! Разобрался бы с домашними делами, нашел бы себе потом другого Мишеля, ничего б с твоим «Л'Эскарго» не стало!»

Предоставив Картрайту рыдать в обнимку с подушкой, Кармайн отправился в обход по огромному дому, намереваясь встретиться с детьми и посмотреть, что они собой представляют. Первым делом, однако, заглянул в отгороженную полицейской лентой хозяйскую спальню.

Спальня была просто картинка. Основной бежевый тон обоев, покрывала и штор местами прерывался черными полосами разной ширины. Ковер на полу был черный. Мебель — бежевая, того же оттенка картофельной кожуры, как и все остальное.

Единственной нотой, вносившей диссонанс в общую гармонию, была массивная детская кровать, придвинутая вплотную к супружескому ложу — очевидно, с той стороны, где спала Кэти Картрайт. Снабженная необычно высокими, толстыми и частыми прутьями, кровать больше походила на клетку для опасного животного. Одежда и простыни в ней так и лежали спутанным комом; после пропажи ребенка к ним никто не притрагивался. Огромная супружеская постель после осмотра экспертов

оставалась нетронутой. В сравнении с детской кроваткой она выглядела вполне аккуратной. Очевидно, никакой борьбы на ней не происходило. На простыне, там, где лежал локоть Кэти, темнело пятнышко крови.

Стакан с остатками бурбона, обнаруженный на ночном столике, отправили в лабораторию Патрика на анализ, где выяснилось, что в последнем напитке Кэти содержался хлоралгидрат. Если она и почувствовала укол при введении лошадиной дозы пентобарбитала, сопротивляться Кэти все равно не могла. Патрик полагал, что смерть наступила около двух часов ночи, значит, мать умерла раньше сына. Был ли ее убийца также и убийцей ребенка?

В ванной комнате, примыкавшей к спальне, царили чистота и порядок. Даже с ребенком-инвалидом и еще тремя оболтусами на шее Кэти Картрайт удавалось содержать дом в относительно приличном состоянии. Бедная женщина! Должно быть, она чувствовала себя очень одинокой: ни у кого из тех, кого она любила, не находилось для нее ни времени, ни сострадания.

Трое старших отпрысков Картрайта собрались на втором этаже, в общей комнате, которая вместе с кабинетом-библиотекой отделяла детские спальни от родительской половины.

Дети сидели кучкой перед большим телевизором и смотрели канал с мультфильмами. В городе только недавно появилось кабельное телевидение, и первым делом кабель протянули на окраину, в зажиточный район у реки Пеко. Телевизор работал чуть ли не на

полную громкость, поэтому Кармайна никто не услышал, и он без помех понаблюдал за

детьми, пока они об этом не подозревали. Сельма выглядела типичной принцессой местной частной школы. Теперь, когда дочь Кармайна тоже там училась, распознать эту породу школьниц ему не составляло труда. Тем более если вспомнить предыдущую школу Софии, где выпивку и наркотики было легче достать, чем конфеты, а многие старшеклассники запросто купили б весь Холломен на карманные деньги. Неудивительно, что самая престижная местная школа казалась Софии лишь жалким подобием, хотя и тут училось немало золотой молодежи, взирающей на всех остальных как на плебеев. Втайне давясь от смеха, София выставила себя на новом месте такой гламурной штучкой с западного побережья, у которой пруд пруди знакомых среди кинозвезд и которая лучше прочих разбирается, что и как сейчас носят.

Если холломенская частная школа и могла чем-то похвастаться, так это блестящими учителями и академическими успехами учеников. Большинство преподавателей Чабба отправляли своих чад именно сюда, и

так уж сложилось, что в отличие от большинства школ партия качков-спортсменов и красоток из группы поддержки не имела здесь решающего влияния. Словом, настоящий рай для заучек.

Сельма, высокая блондинка, с хорошей фигурой и смуглой от загара кожей, внешностью, как видно, пошла в мать. «А вот надменный вид, пожалуй, не наследственный, а благоприобретенный», — решил Кармайн. Джеральд-младший был скроен по той же мерке: высокий, спортивный, скорее баскетболист, чем регбист. На отца походил только младший, Грант, — такого же среднего сложения, того же цвета волосы и глаза, не слишком светлые и не слишком темные. В то время как старшие смотрели мультфильм про Тома и Джерри с насмешливой отрешенностью, Грант не сводил глаз с экрана и заливисто хохотал.

Внезапно Кармайну пришла мысль до разговора с детьми осмотреть их комнаты. Он незаметно выскользнул в коридор и направился к четырем спальням в дальнем конце второго этажа.

Одна из комнат, красиво обставленная и убранная, явно предназначалась для гостей. «Не понимают своего счастья сопляки», — подумал Кармайн, обнаружив, что каждая спальня в этом доме имела отдельный санузел. В детских комнатах все стояло вверх дном: кровати не застелены, дверцы шкафов распахнуты, из выдвижных ящиков торчит всякая всячина, ковры завалены хламом. Как ни стремилась Кэти Картрайт быть хорошей хозяйкой, сюда у нее руки не доходили. До появления Джимми, вероятно, все было по-другому. Все в комнатах говорило о протесте, о подростковой неприкаянности, об отчаянном стремлении привлечь к себе внимание, — даром что у каждого ребенка был свой телевизор и стеллаж с книгами и игрушками. Интересно, как давно тут появились телевизоры?

В самом плачевном состоянии была комната маленького Гранта, помимо прочего, заключающая в себе такие милые вещички, как распоротый ножом школьный ранец, изодранная в клочья школьная газета и несколько порванных учебников для пятого класса. Вспышка ярости против всего, что связано со школой, случилась, очевидно, в тот день, когда одноклассники узнали про Джимми, а значит, уже несколько месяцев в комнате никто не пытался навести порядок. Кэти Картрайт давным-давно покинула поле боя.

В ванной пахло кислым. Посреди пола на голубой плитке выделялись следы небрежно вытертой рвоты. В корзине для белья обнаружилась перепачканная засохшей рвотой пижама, которой, судя по всему, вытирали пол. Приходящая уборщица, похоже, работой себя не утруждала, а

убираться в комнате Гранта ей и вовсе не хотелось.

Пора было возвращаться к детям.

Кармайн громко постучал. Все трое резко обернулись и вскочили с мест. Чужой, да еще полицейский! Сельма приглушила звук.

— Меня зовут Кармайн Дельмонико, я капитан полиции Холломена. — Кармайн пододвинул к себе стул со спинкой и сел. — Разверните стулья лицом ко мне и садитесь.

Дети с неохотой подчинились. Под тонким слоем бравады скрывались страх, потрясение от внезапной смерти матери, тревога о том, что их ждет впереди, и еще тихое удовлетворение, которое Кармайн отнес на счет смерти Джимми — о нем-то уж точно никто плакать не станет.

— Сельма, ты видела что-нибудь позапрошлой ночью? Может быть, слышала шум? — Кармайн заметил, что ногти у девушки обкусаны чуть не до крови.

— Нет, — отрезала она.

— Ты уверена?

— Да! — раздраженно вскрикнула Сельма. — Да, да, да!

— Итальяшка! — буркнул Джеральд-младший себе под нос. И, не дождавшись реакции от Кармайна, сказал громче: — Грязный коп-итальяшка!

Сколько ненависти! Кармайн посмотрел в ясные, как солнечное небо, глаза Сельмы, затем в точно такие же Джеральда и в обоих случаях наткнулся на стену едва сдерживаемой злости.

— А ты, Джеральд? — спросил он.

— Не-а, — ответил тот тоном, менее уверенным, чем у сестры. — Ничего я не видел и не слышал. Из спальни Джимми сюда шум не доходит.

Из спальни Джимми. Не из родительской. Будто спальня принадлежит Джимми.

— Джимми, наверное, сильно шумел?

— Да, — отрывисто ответил Джеральд-младший, пожимая плечами. — Орал, как коза или баран. Ме-е-е! — Мальчик глумливо заблеял. — Проснется и сразу: ме-е-е!

Остался еще один.

— Ты что скажешь, Грант? — осведомился Кармайн.

— А я ваще ни фиги не слышал.

Странно, что в школе его до сих пор не приучили выражаться культурнее.

Кармайн кашлянул и подался вперед.

— Но ты ведь не всю ночь спал. Тебя тошнило.

Грант дернулся как ужаленный.

— А вы откуда знаете?

— Во-первых, запах. Во-вторых, остатки рвоты на полу. Твоя грязная пижама все еще лежит в корзине. Вы вообще когда-нибудь стираете?

— Ни фиги себе! — закричала Сельма, давась от возмущения. — С какой стати ты рылся в наших вещах, грязный италяшка?!

— Я вижу, у вас, старших Картрайтов, это слово в ходу, — сурово произнес Кармайн. — В школе вы его подцепить не могли, иначе дочь бы мне сказала. Она твоя ровесница, Сельма. Может быть, вы даже ходите на одни занятия. София Мандельбаум.

Кармайн заметил, как побагровело лицо девушки, и понял, что, несмотря на все претензии, в школе та считалась не шибко важной птицей. София же относилась к элите. Надо же, еще дети, а уже своя иерархия!

Он продолжил:

— Вам известно, что позавчера ночью убиты ваша мама и маленький брат. Помочь ничем не желаете? Телевизор вы смотрите, значит, должны понимать, как работает полиция. Когда происходит убийство, тут не до церемоний: в ход идет все, включая корзины с бельем. Поэтому немедленно прекратите психовать и отвечайте на мои вопросы. В противном случае придется забрать вас в отделение. Как вы думаете, лучше беседовать дома, в комфорте, или в комнате для допросов? Ну, что скажете?

Соппротивление было сломлено. Все трое усиленно закивали.

— Итак, Грант, тебя в тот вечер тошнило?

— Да, — прошептал мальчик.

В душе Кармайна шевельнулось подозрение. Он быстро взглянул на Сельму и Джеральда-младшего.

— Спасибо, вы двое свободны. Должно быть, уже приехала женщина из полиции. Попросите ее немедленно подняться сюда. Я ведь не обижу вашего брата, если она будет здесь.

Сельма явно хотела остаться, но попросить об этом не решилась. После секундной паузы, которую Кармайн проигнорировал, девушка вздохнула и вышла вслед за Джеральдом. Вскоре явилась женщина-коп.

— Посиди вон там, Джина. Будешь наблюдателем, — сказал Кармайн, потом повернулся к мальчику: — Ну, давай, Грант, расскажи все по порядку.

— Я весь вечер печенье лопал. Есть хотелось, а ужина все не было и не было! — возмущенно заявил мальчик. — Мама все время носится с этим Джимми, мы никогда нормально не едим. А потом она сварила спагетти. Опять! — Он поморщился. — Лучше уж печенье. Только оно кончилось, и

я нашел пирожное с кремом.

Когда же эти дети поймут, что их матери больше нет? Что если в последние полтора года ужин запаздывал, то теперь станет еще хуже? Они настолько поглощены собой, своими детскими обидами, которые кажутся им нестерпимыми!

Ничем не выдавая досады, Кармайн спросил:

— Ты спал в ту ночь, Грант?

— Да, конечно. По телевизору шло какое-то дурацкое кино, черно-белое! Я сначала смотрел, а потом заснул. Часов в двенадцать. Проснулся, когда затошнило. Думал сначала, пройдет, а потом совсем плохо стало. До унитаза добежать не успел. Ба-а! Все на пол. Потом мне стало лучше, я лег в кровать и опять заснул.

Мальчик чувствовал себя не в своей тарелке: от грубости не осталось и следа, а карие глаза, еще недавно без стеснения глядевшие на Кармайна, забегали из стороны в сторону. Грант сказал правду, но не всю — и теперь, пока длилось напряженное молчание, во время которого Джина старательно пыталась слиться с обоями, напряженно выдумывал ложь, способную одурачить капитана полиции. Впрочем, опыта в подобном сочинительстве у него было мало — ему еще не приходилось сталкиваться с настоящими трудностями. Трудно ли обмануть любящих родителей, доверчивых простаков? Что же он хочет скрыть? Какая тайна требует столь серьезного подхода?

— Чушь! — рявкнул Кармайн. — Ни в какую кровать ты не ложишься и не засыпал! Скажи, что ты сделал? Правду!

Здоровый румянец на щеках Гранта мигом поблек. Он хватанул ртом воздух, шея судорожно дернулась.

— Это правда! Честно! Я вернулся в кровать и заснул.

— Нет, Грант. Скажи, что ты сделал на самом деле.

И тут мальчик не выдержал. Он не привык к такому напору, и еще ему никак — никак — не удавалось соврать так, чтобы убедить себя самого.

— Я пошел к маме сказать, что меня вырвало на пол в ванной.

Вот, уже горячо!

— И что было потом?

— В спальне горел свет — не ночник, а лампа на столике. Одного ночника для Джимми мало. А вонь — дышать нечем!

Кармайн ждал продолжения, но мальчик молчал.

— Не останавливайся, Грант. Я должен знать все.

— Джимми стоял посреди кровати и орал как резаный. Я хотел разбудить маму, но у меня ничего не вышло, сэр! Я ее и тряс, и в ухо ей

кричал, а она все спит да спит. Тогда я увидел на столе стакан и понял, что она вмазала. Она часто так делала. Ну вообще. А Джимми все орет, чуть не лопнет, не по-человечески даже совсем. Я крикнул, чтоб он заткнулся, да ему хоть бы хны. А вонищи! Наверное, целую тонну в подгузник навалил.

Кармайн поймал вопросительный взгляд Джинны и едва заметно покачал головой. На душе было холодно и мерзко от страшного предчувствия, но Кармайн перевел дух и заставил себя сохранять дистанцию.

— Давай, Грант, рассказывай до конца. Я ведь все равно узнаю, и лучше, если от тебя самого.

Карие глаза снова посмотрели на Кармайна; теперь они были полны слез и отчаяния. Грант поднял плечи, словно хотел сбросить с себя давящий груз.

— Я подошел к кровати Джимми и снял боковую стенку. Пусть, думаю, мама проснется в одной постели с этим засранцем. Может, перестанет тогда уходить в отключку. А этот малый как заорет еще сильнее и бац мне рукой по лицу! И плюнул еще вдобавок. Ну, я его тоже толкнул. Он упал. Дальше я точно не помню. Честно, сэр! Он все орал, и выл, и плевался. По-настоящему плевался! Тогда я накрыл ему лицо подушкой, чтоб он заткнулся, но он и сквозь подушку орал. Только плеваться не мог. Я держал подушку, пока он не замолчал, а потом еще чуть-чуть на всякий случай. Я был рад, что это, наконец, закончилось. Гаденыш всего меня оплевал!

О Господи!

— Что было дальше, Грант?

Избавившись от страшного груза, мальчик снова приободрился. Интересно, знают ли его брат и сестра? Скорее всего нет, иначе Сельма не оставила бы его одного. Может быть, она о чем-то подозревала, но еще не успела толком разобраться. Тем лучше. В противном случае смерть Джимми Картрайта только сбивала бы с толку.

— Я включил люстру, — продолжал Грант, — и увидел, что Джимми весь синий. Я стал его щипать, но он не шевелился. Тогда я понял, что он умер. Сначала я даже обрадовался, а потом испугался, что если кто-нибудь об этом узнает, то меня посадят в тюрьму. Меня ведь посадят, да?

— Если расскажешь все без утайки, будет лучше, Грант. Тюремь — это для взрослых. Что ты сделал потом?

— Я завернул его в простыню и спустился с ним вниз. — Теперь мальчик заговорил быстрее. — Вышел через заднюю дверь на улицу, подошел к реке и столкнул его в воду. Он сразу потонул. Тогда я вернулся в

спальню и положил простыню в кроватку. Мама еще спала. Только на самом деле, сэр, она уже умерла?

— Да, еще до того, как ты зашел первый раз. Что ты сделал, когда пришел к себе в комнату?

— Попытался вытереть пол в ванной, потом лег в кровать и заснул. Я жутко устал.

«Никаких угрызений совести, — подумал Кармайн. — И вряд ли когда-нибудь появятся. Но парнишка смывленный. Если папа подсуетится да найдет хорошего адвоката, тот быстро научит его уму-разуму. И перед соцработниками будет само раскаяние, и на суде вспомнит только то, что нужно. Но какие же идиоты родители! Кому из них только в голову пришло сэкономить на домработнице! Трудно найти женщину, которая нуждалась бы в ней больше, чем миссис Картрайт. И ведь не нищие, могли себе позволить, даром что трех Детей учат».

Глава третья

— Этого бы никогда не случилось, не будь мать так загружена работой, — закончил свой рассказ Кармайн. — Мне почему-то кажется, что Джеральд Картрайт не на том сэкономил. Хотя Кэти тоже хороша — как можно быть такой бесхребетной, не настоять, что ей нужна помощь!

— Если бы ее не убили, этого бы тоже не случилось, — возразил Патрик, раскладывая инструменты на тележке.

— Верно. Мальчишку больше всего вывел из себя запах кала — значит, к тому времени Кэти была мертва уже несколько часов. Грант пришел к ней в спальню около четырех утра. Он сначала не хотел об этом рассказывать, что и навело меня на подозрения. Дети всегда ищут мать, когда им плохо, особенно если их вырвало на пол. Об убийстве я, конечно, и не думал, но все сходится. Отец эгоист, думает только о своем бизнесе, постоянно в разъездах. А тут появляется ребенок, да еще инвалид. Трое старших детей, которым мать до этого отдавала всю душу, вдруг оказываются предоставленными самим себе. Неудивительно, что бедный Джимми невольно вызвал столько обиды и ненависти.

— Ну, убийство Джимми, возможно, удалось бы предотвратить, будь родители внимательнее к старшим детям, а вот убийство матери... — задумчиво сказал Патрик.

— Тут совсем другой коленкор. Пока никаких зацепок. Джеральд Картрайт, хоть и эгоист, но на сторону не ходил и семью обеспечивал. В штате Нью-Йорк, где у него ресторан, Картрайт поддерживал хорошие отношения с родственниками. Все считают его образцовым семьянином, и он гордился этой репутацией. Что до Кэти, то, скажи на милость, какие могут быть внебрачные связи у женщины с четырьмя детьми, из которых один — даун?

— Она вообще выбиралась когда-нибудь из дома?

— По словам Джеральда, очень редко. Сам-то он любит светскую жизнь. Они вместе ходили на спектакли в театр, в кино на хорошие фильмы. Ну, еще иногда на благотворительные вечера и в кантри-клуб. Если Джеральда вдруг вызывали из-за очередного скандала шеф-повара, он настаивал, чтобы Кэти шла одна. Ничего зазорного в этом не было — их все хорошо знали, она встречала там своих приятельниц. Последний раз Кэти одна ходила на благотворительный банкет фонда Максвеллов. Фонд активно финансирует исследования, связанные с умственно отсталыми

детьми. Это мне все рассказал сам Джеральд. Он неплохо держится, только подушку все время обнимает. — Кармайн налил себе свежего кофе. — Ну а как дела на вашем фронте, Патси?

— С отравлениями разобрались, — сказал Патрик без радости в голосе. — Питеру Нортону всыпали в апельсиновый сок столько стрихнина — лошадь убить можно. Других токсинов в крови нет. То есть в последнее время отравить его не пытались, а значит, миссис Нортон к убийству, скорее всего, непричастна. Да и выбор яда говорит в ее пользу: нужны поистине железные нервы и желудок, чтобы вот так подсыпать человеку стрихнин и ждать рядом, пока он корчится в страшных мучениях.

— Я тоже так думаю, Патси. Ей еще повезло, что она ушла наверх собирать детей в школу.

— Но это с ее слов.

— Дети подтверждают. Для сообщников они еще маловаты. Оба сбежали вниз на крики отца, миссис Нортон пыталась их выпроводить, но они все равно видели, как он умер. Миссис Нортон говорит, что сразу как выжала сок, поднялась наверх и пробыла там минут Десять, прежде чем услышала, как муж спустился в столовую. Завтракал он на ходу.

— Яд — женское оружие, — заметил Патрик.

— Обычно, но не всегда. Да ты ведь и сам не думаешь, что отравительница — женщина.

— Нет, не думаю. Возможность открылась внезапно. Прямо как та дверь, через которую вошел убийца. А женщины редко действуют наудачу. Увидев стакан из окна, нужно было быстро вбежать в дом, подмешать в сок изрядную дозу яда и тут же выскочить обратно. А если бы в это время кто-то спустился? Убийце пришлось бы придумывать убедительную историю, почему он там оказался. Нет, отравитель — мужчина.

— Типичный мужской шовинизм, — усмехнулся Кармайн. — А что с деканом Денби?

— Вот тут простор для воображения, да ты и сам знаешь. Кристаллы цианистого калия смешаны с чайнками и лепестками жасмина внутри совершенно целого пакетика, а тот, в свою очередь, упакован в плотный бумажный конверт. Эксперты дают голову на отсечение, что вскрывался он только единожды — самым деканом Денби. Причем пакетик не просто стянут скобками, а прошит заводским способом, и прошит только один раз — в этом мои пока еще не безголовые эксперты тоже уверены. Кстати, все четверо приглашенных студентов — парни.

— Ну да. Зато на посиделках у доктора Полины Денби, его жены, все гости были женщинами. Там же, за углом.

— «Посиделки» звучит непочтительно, — с серьезным видом пожурил Патрик. — Утреннее чаепитие — это, конечно, не совсем званый вечер, но очень похоже: стихи читают и все в таком духе.

— Да, «званых утр», к сожалению, не бывает. Как тебе «предобеденная декламация»?

— Самое оно! Недаром ты женат на англичанке.

— Теперь ты уже не настроен против нее, а, Патси? — обеспокоенно спросил Кармайн.

— Ну что ты! Она идеально подходит для тебя, уже за одно это я готов ее носить на руках. Должно быть, я ее недолюбливал только потому, что она выше меня ростом. Ну, еще и за причуды всякие английские. Это я потом узнал, какая она молодчина: и смелая, и умная, и отважная. И еще сексуальная. — Патрик изо всех сил стремился загладить вину.

Сомнения, одолевавшие Кармайна, постепенно отступали, но разговоры такого рода между кузенами еще случались. Беда была в том, что Патрик поначалу сплеховал, не сразу сообразил, как много значит для Кармайна дама его сердца. Иначе бы он никогда слова дурного про нее не вымолвил. Тем более что на Сандру она, слава Богу, не похожа.

— Что-нибудь еще в крови Денби? — спросил Кармайн.

— Нет, ничего.

— Ну а у Дезмонда Скепса?

Лицо Патрика оживилось.

— А вот тут кое-что интересное, Кармайн! Каких-то длительно действующих препаратов или токсинов мы не обнаружили, зато в день убийства ему достался целый букет.

— В день? — нахмурившись, переспросил Кармайн.

— Да. Думаю, все началось задолго до захода солнца. Возможно, часа в четыре дня, когда в стакан его любимого солодового виски подмешали хлоралгидрата. Пока он спал, убийца ввел ему в локтевую вену иглу от шприца и приклеил пластырем. Вынули ее уже после смерти Скепса.

— Если не ошибаюсь, примерно так же убили миссис Картрайт?

— Только на первый взгляд. Иглы были в обоих случаях, но на этом сходство заканчивается. Миссис Картрайт убили сразу же, как игла оказалась в вене, со Скепсом все по-другому. Бедняге впрыснули медицинское кураре, а потом пытали сколько душе угодно; он даже дышать сам не мог, не то что сопротивляться. Ему вентилировали легкие дыхательным мешком или к аппарату искусственного Дыхания подключали, точно не скажу. Из пыток в основном прижигания, но не слишком сильные, чтобы не прервать проводящие пути боли к мозгу. Скепс

чувствовал все — можешь мне поверить! Убийца определенно разбирается в медицине. Ожоги третьей степени не чувствуются — проводящие пути разрушены.

— Орудие пыток известно?

— Паяльник или что-то похожее — инструмент с раскаленным наконечником, которым легко манипулировать. У Скепса на животе даже вывели его имя. Перед этим живот кое-как поскребли сухой бритвой, чтоб волосы не мешали. Кожа оцарапана. Я все подробно сфотографировал. Вот был бы номер — прижучить негодяя на основании графологической экспертизы!

— Пустые мечтания, Патси.

— Потом, пока яд кураре еще действовал, убийца впрыснул Скепсу небольшое количество разбавленной щелочи. Боль должна быть адской.

— Да, похоже, тот, кто убил Скепса, здорово его ненавидел. Из остальных жертв следы пыток только у Бьянки Толано, которую изнасиловали.

— На какое-то время, — продолжал Патрик, — убийца дал Скепсу выйти из оцепенения. Дыхательную трубку ему вынули, а запястья и щиколотки туго связали одножильной стальной проволокой сечением одна восьмая дюйма. При малейшем движении проволока впивалась в кожу. Скепс вырывался — проволока въелась чуть ли не до кости. — Патрик умолк и выжидательно посмотрел на Кармайна.

— Думаю, убийца хотел допросить Скепса. Или хотя бы услышать, как могучий магнат молит о пощаде и пресмыкается хуже последнего холоуя в «Корнукопии». Пока действовал яд, Скепс говорить не мог, тем более с трубкой во рту. Вот это самое главное, что я от тебя узнал, Патси. Убийце требовалось, чтобы Дезмонд Скепс говорил.

— Эта стадия, Кармайн, продолжалась около часа, если не меньше. Потом Скепсу снова ввели трубку и впрыснули кураре — теперь более сильное. Скепс, вероятно, был обездвижен, когда его добили инъекцией средства для прочистки труб. Черт! По моим подсчетам, всего от виски с хлоралгидратом до «Драно» прошло около двенадцати часов.

— И «Корнукопия» осталась без генерального директора и собственника, — подвел итог Кармайн. — Это придает делу национальное значение. Шутка ли, одна из крупнейших машиностроительных корпораций мира потеряла своего лидера. — Капитан вздохнул. — Есть еще что-нибудь важное?

— Во всяком случае, ничего, что облегчило бы тебе работу. Эксперты прислали заключения по выстрелам, а я провел вскрытия. Людовика

Бересон убита пулей тридцать восьмого калибра. Сначала мы предполагали, что калибр меньше, так как пуля не прошла навывлет. Она застряла в костных массах у основания черепа. Седрика Баллантайна устранили в духе КГБ, двадцать второй калибр в затылок, чуть ниже затылочного бугра. Пуля осталась внутри. Моррису Брауну достался калибр побольше — сорок пятый, в грудь. Пуля прошла навывлет, но по пути угодила в позвоночный столб, поэтому пролетела не так далеко, как предполагали парни Пизано. Я послал их обратно, и они нашли ее рядом с тем местом, где упал Моррис. Пуля слишком искорежена, удалось определить только ее калибр. Ясно одно — во всех трех случаях стреляли из разного оружия.

— И выстрелов никто не слышал, — проворчал Кармайн. — Киллеры пользовались глушителями. Видимо, парень, заказавший убийства, специально оговаривал калибр, иначе он везде был бы двадцать вторым — для близкого расстояния другого и не надо.

— Ларри считает, что стреляли не местные — уровень не тот.

— Он прав. Что насчет Беатрис Эгмонт?

— Задушена собственной подушкой. Она страдала застойной сердечной недостаточностью, держалась еще молодцом, но от недостатка кислорода сердце быстро отказало. Судя по всему, долго она не страдала. Простыни только слегка сбиты.

— А Диди Холл?

— Горло перерезано опасной бритвой, которая на месте преступления не найдена. Перерезано в два приема, со знанием дела. Первый раз от уха до уха, только на глубину яремных вен. Следов борьбы нет. Убийца, очевидно, стоял в сторонке и смотрел, как жертва истекает кровью. Когда она рухнула на колени и упала, преспокойно подошел и перерезал горло снова, глубже — теперь кровь из артерий не била фонтаном. Голова держалась только на позвоночном столбе.

— Да, самообладания ему не занимать. Этим случаем занимается Эйб, верно?

— Нет, ты отдал его группе Ларри Пизано. Эйбу досталась старушка, Беатрис Эгмонт, а Кори — Бьянка Толано, убийство с изнасилованием.

Патрик нахмурился, и Кармайн посмотрел на него с удивлением:

— В чем дело, Патси? Я что-то не так сказал?

— Твои парни оба надеются получить лейтенанта, когда Ларри в конце года уйдет на пенсию. Они проработали бок о бок чертову уйму времени и прекрасно ладят друг с другом, несмотря на то что такие разные. — Тон Патрика стал извиняющимся. — Ты, конечно, и сам все это прекрасно

знаешь. Яйца, как говорится, курицу не учат. Просто иногда со стороны виднее... — Патрик умолк, оценивая реакцию собеседника.

— Я слушаю, — сказал Кармайн.

— Мне кажется, пока решение о преемнике Ларри не принято, тебе следует действовать как можно деликатнее. Тыходишь в квалификационную комиссию?

— Ну да, — слегка обеспокоенно подтвердил тот.

— В таком случае первым делом из нее выйди. Обоих твоих ребят лейтенантами не сделаешь, а взять на работу кого-то со стороны, только чтобы сохранить статус-кво, было бы совсем уж нечестно. Сам знаешь, любой из них справится куда лучше Ларри. Борьба началась, они уже сейчас друг на друга косо посматривают, сравнивают задания, которые ты им даешь. Вот и думай. Эйбу ты поручаешь несчастную старушку, задущенную в собственной постели. Времени прошло мало, но Эйбу уже ясно, что никакими сенсациями и пикантными подробностями тут не пахнет. То ли дело у Кори. Сексуальное убийство! Интересное место преступления, есть за что зацепиться, готовый список подозреваемых — парни, с которыми встречалась девушка. В общем, сточки зрения Эйба, твои симпатии явно на стороне Кори. И учти еще, Эйб — еврей. Да-да, Кармайн. Я-то знаю, какой из тебя антисемит, и Эйб при нормальных обстоятельствах тоже. Но в отделении у нас сплошь итальянцы да ирландцы, и у Кори тоже ирландские корни. А то, что из них двоих как раз Кори похож на еврея, Эйбу сейчас не важно. Он думает, ты продвигаешь Кори.

Кармайн испустил стон:

— Вот черт!

— Пока еще не поздно все исправить, просто на будущее будь осторожнее и как-нибудь ненавязчиво намекни Эйбу, что тебя очень интересует убийство Беатрис Эгмонт. Не забывай, дома их еще жены подзадоривают. Лейтенантские жалованье и льготы с сержантскими не сравнить. Так что, Кармайн, за повышение борются не двое, а все четверо.

— Спасибо, Патси, — сказал Кармайн и вышел.

Когда Кармайн набрал номер Беатрис Эгмонт, ему ответил Эйб. Он казался подавленным, в голосе не было обычного оптимизма.

— Эйб, ты очень занят?

— Какое там, Кармайн. Обошел соседей, поговорил с двумя сыновьями миссис Эгмонт. Они, как узнали, первым же самолетом прилетели из Джорджии. Пока все глухо. Из дома ни одной финтифлюшки не пропало. Старушка — божий одуванчик. Ума не приложу, кому и за что

ее понадобилось убивать.

— Похоже, она не единственная такая. Почти все убитые — совершенно безобидные люди. Есть, правда, парочка исключений, и тут ты, Эйб, мог бы помочь. У меня сейчас нет времени заняться Дезмондом Степсом; нужен кто-то с твоим умением находить подход к людям, чтобы наметить круг подозреваемых. У человека с такой властью должно быть множество врагов, тем более что дипломатичностью и тактом он не отличался. Если в деле Беатрис Эгмонт пока никаких зацепок, то, может быть, прощупаешь друзей и знакомых Степса?

Эйб отозвался немедленно и с воодушевлением:

— Буду только рад, Кармайн. Досье сейчас на Сидар-стрит?

— Да, я как раз его просматриваю. Прежде чем приступишь, зайди к Патси, он тебе подробно распишет, как убили Скепса. Аж жуть берет!

Кармайн повесил трубку. Ну вот, атмосфера немного разрядилась. Теперь бы только не увязнуть с головой в расследованиях убийств декана Денби и Питера Нортона. К делу Скепса требовалось подключиться как можно скорее, а Кармайн имел в работе свои принципы. Перепархивать с одного расследования на другое, а потом на третье было не из их числа. Среди множества убийств выделялись два — Эвана Пью и Дезмонда Скепса. С обоими расправились жестоко и хладнокровно.

Но сначала — декан Денби.

«Два колледжа Чабба за день», — думал Кармайн, подъезжая с северной стороны к холломенской Лужайке. Великолепные буки в громадном парке, пересеченном посередине Мейпл-стрит, стояли еще без листвы. Их посадили небольшими группками, и вокруг оставалось вдоволь залитой солнцем травы. Клумбы, уже засаженные цветами, обещали в мае феерическое зрелище; нарциссы переросли молодую траву, не за горами было их буйное цветение. И кизил припасал на первую неделю мая свой невероятный, до странности восточный белый наряд. Скоро тут будут кишмя кишеть туристы с фотоаппаратами. Для приезжающих в Холломен весной Лужайка — обязательный пункт программы.

Противоположная сторона улицы принадлежала исключительно университетскому городку Чабба, соперничать с которым мог разве что кампус Принстонского университета. Среди холмов, утопая в зелени, стояли корпуса. Вдалеке возвышалась махина Скеффингтонской библиотеки, напоминавшая готический собор. Большинство старейших колледжей помещались у передней стороны Лужайки — чинные ряды зданий восемнадцатого века, увитых плющом. Здесь же, вдоль одной из ее боковых сторон, располагались студенческие братства и тайные общества,

а также колледжи поновее, одни в викторианском готическом стиле, другие — в псевдогеоргианском, столь модном на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, третьи воплотили модернистские изыски века двадцатого.

Кармайн с гримасой миновал растянутую крестовину Парацельс-колледжа, совсем забыв, как два месяца назад они с Дездемоной любовались его строгим мраморным фасадом и бронзовыми скульптурами работы Генри Мура по бокам от входа.

Данте-колледж был построен давно и неизвестно кем. Не позаботившийся увековечить свое имя архитектор снабдил здание таким множеством фронтонов и мансардных окон, что не погresti его под гирляндами плюща было бы просто жестоко. В недавнее время оно подверглось бесцеремонной, но вполне удачной модернизации и теперь славилось обилием ванных комнат, приличной столовой и прачечной, оборудованной по последнему слову техники. Комнаты для студентов были не такие просторные, как в Парацельсе, зато одноместные. Поскольку в Данте-колледж принимали студентов обоих полов (из колледжей Чабба он первым ринулся в омут совместного обучения), декан Джон Керкбрайд Денби поселил девушек на мансардный этаж.

— У нас тут сто юношей и всего двадцать пять девушек, — сообщил доктор Маркус Черуски, которому было поручено встретить капитана Дельмонико. — На будущий год девушек станет пятьдесят, а парней только семьдесят пять. Нуда ладно, будет день — будет пища. Можете представить, сколько протестов вызывает прием женщин, мы даже опасаемся, что ассоциация выпускников урежет нам финансирование. Двести пятьдесят лет Чабб был исключительно мужским университетом — неудивительно, что многие воспринимают нововведение в штыки.

Старательно делая вид, будто все это он слышит впервые, Кармайн лишний раз подивился оторванности университетских обитателей от города. Им даже и в голову не приходит, что новейший социальный катаклизм может быть не только известен, но и интересен кому-то извне.

— Парацельс-колледж начинает принимать женщин со следующего года, — продолжал доктор Черуски. — Но им проще, у них два полноценных этажа — юношей можно поселить на один, а девушек Па другой.

«Вряд ли такой подход устроит феминисток, — подумал Кармайн. — Им подавай настоящую интеграцию — парни и девушки на одном этаже. А почему, собственно? Неужто настолько ненавидят мужчин, что хотят сделать их жизнь совершенно невыносимой?»

— Если не ошибаюсь, «Корнукопия» пожертвовала средства на строительство женского колледжа.

— Так и есть, но построят его только через три года, — сказал Маркус Черуски, вероятно, являвшийся специалистом по средневековым рукописям или чему-нибудь не менее экзотическому; Данте-колледж славился учеными с необычными интересами.

Маркус открыл дверь, и они ступили в большую комнату, обшитую темными деревянными панелями. Большую часть стен занимали изготовленные на заказ шкафы с книгами — все корешки одной высоты!

— Вот кабинет декана.

— Где все и произошло, — добавил Кармайн, глядя по сторонам.

— Именно так, капитан.

— Четверо студентов, которые при этом присутствовали, сегодня здесь?

— Да.

— А жена декана, доктор Полина Денби?

— В своем кабинете.

Кармайн заглянул в свою записную книжку.

— Пришлите сюда, пожалуйста, мистера Теренса Эрроусмита.

Доктор Черуски кивнул и вышел, оставив Кармайна осматриваться в одиночестве. Судя по всему, хозяин кабинета перед смертью сидел в большом кожаном кресле у письменного стола: персидский ковер под креслом, а также сиденье и один подлокотник имели зловещие пятна.

Тут в дверь постучали, и Кармайн, обернувшись, увидел в проеме живой типаж будущего ученого — сутулая спина, опущенные плечи, совершенно непримечательное лицо с бесцветными глазами за толстыми линзами очков, пухлые малиновые губы. Юноша часто дышал, пальцы на дверной ручке слегка дрожали.

— Мистер Теренс Эрроусмит?

— Да.

— Я капитан Кармайн Дельмонико. Сядьте, пожалуйста, на то же место, где вы сидели, когда умер доктор Денби.

Теренс молча подошел к одному из кресел, опасливо примостился на краешке и уставился на Кармайна как кролик на удава.

— Расскажи мне все подробно, как если бы я еще ничего не знал. С самого начала, включая причину, по которой вы здесь оказались.

С минуту юноша молчал, потом, облизнув свои невероятно красные губы, начал:

— Декан называет это «кофе по понедельникам». Мы все пили кофе,

кроме него самого. Он предпочитал жасминовый чай из какой-то лавки в Манхэттене и никому его не предлагал, даже если кто-то упоминал, что тоже любит чай с жасмином. Декан говорил, он страшно дорогой и нам не стоит к нему привыкать, пока мы не станем по меньшей мере старшими научными сотрудниками.

«Забавно, — подумал Кармайн. — Вовсю демонстрирует свои аристократические пристрастия, а гостям даже попробовать не дает. Судить пока рано, но, похоже, декана было за что недолюбливать».

— Приглашались только старшекурсники, — продолжал студент. — Я учусь на последнем курсе, а потому бывал у него довольно часто, да и не я один. Мы вели неформальные беседы в узком кругу. Сам декан — специалист по Данте, и все мы, кто занимался итальянским Ренессансом, ходили у него в любимчиках. Тех, кто изучал Гёте или современную литературу вроде Пиранделло, он не приглашал.

«Парень попался дотошный, — подумал Кармайн. — Расскажет все в деталях».

— Я пишу курсовую по Боккаччо, и доктору Денби моя работа нравилась. Встречи он назначал каждые две недели, по понедельникам. К сожалению, он совершенно не обращал внимания на время, так что мы иногда опаздывали на утренние занятия и нас не пускали. Это здорово раздражало, особенно если лекция была важной, но он никогда нас не отпускал, пока не закончит разговора. Никогда не удавалось дать ему выговориться и уйти побыстрее — он всегда настаивал, чтобы мы тоже высказывались.

— Во время вчерашней встречи было что-нибудь необычное?

— Нет, капитан. Ничего такого мы не заметили. Декан был в хорошем настроении — даже анекдот рассказал. В остальном все, как всегда. Мы пришли ровно в десять, налили себе кофе, взяли по пирожному со столика. Декан тем временем подошел к шкафу и вынул коробку с чайными пакетиками. Помню, досадовал, что остался только один пакетик, сказал, что должно быть три. Мы так растерялись, услышав подобное заявление, что ни на кого из нас он не подумал. Потом мы сели в кресла, а он подошел с пакетиком к другому столику, где стоял термос с горячей водой. — Эрроусмит поежился, его опять колотил нервный озноб. — Я смотрел на него, точнее, мы все на него уставились, ну, из-за пропавшего чая. Декан разорвал упаковку, бросил ее на столик и положил пакетик в кружку.

— Это точно была его кружка? — спросил Кармайн.

— Абсолютно. Во-первых, она из тонкого фарфора, а все остальные толстые, керамические; во-вторых, с обеих сторон на ней написано слово

«декан» немецкими готическими буквами. Видимо, итальянские шрифты пятнадцатого века показались ему недостаточно цветистыми, хотя сам он говорил, что кружка — подарок жены. Потом он налил в кружку воды, сел на свое место. У него была такая... самодовольная улыбка. Целое утро впереди, и он наверняка нашел какую-то свежую тему для обсуждения. Да, он так и сказал; «Мне хочется поделиться с вами кое-чем чрезвычайно интересным, джентльмены». Потом он сделал паузу и подул на чай. Странно, что мне это так ясно запомнилось. Он фыркнул и пробурчал что-то себе под нос — что-то про чай, как нам теперь кажется. Потом поднес кружку ко рту и сделал несколько глоточков. Чай был как огонь, а декан всегда смаковал первые глотки — у нас, мол, кишка тонка пить такой горячий. И тут этот звук! Билл Партридж, правда, говорит, сначала у него изменилось лицо, но это, наверное, не так важно. Все происходило быстро. Хрипы, бульканье, лицо стало красное, тело вытянулось, как доска, а изо рта пошла пена, хотя не похоже, что его тошнило. Декан стал размахивать руками, забил ногами по полу... Пена полетела во все стороны. А мы даже пошевелиться не могли, только смотрели с минуту, наверное. Потом Билл Партридж — он из нас самый рациональный — выскочил в коридор и закричал, что у декана приступ и надо вызвать «скорую». Мы тем временем все отошли к двери, а Билл, когда вернулся, пощупал у декана пульс, проверил зрачки и приложил ухо к груди. Потом сказал, что декан умер. И никому из нас не дал уйти!

— Очень разумно, — сказал Кармайн.

— Может, и так, — недовольно буркнул Эрроусмит. — А день занятий пропал. Врачи из «скорой» вызвали полицию, и все сразу заговорили про отравление. Билл Партридж сказал, что это был цианистый калий.

— В самом деле? И что же его навело на такую мысль, мистер Эрроусмит?

— Запах миндаля. Только я никакого миндаля не почувствовал, и Чарли Тиндейл тоже. Двое ощутили запах, а двое нет. Как-то странно.

— Декан Денби что-нибудь говорил с момента, как начал пить чай, и до своей смерти?

— Нет, он ничего не говорил, только испускал омерзительные звуки.

— А бумажная упаковка из-под пакетика? Вы сказали, декан бросил ее на столик. Кто-нибудь к ней прикасался?

— Пока я был в кабинете, нет, сэр. То есть до прихода криминалистов.

— Он ее сразу бросил или сначала смял?

— Просто разорвал, вынул пакетик и швырнул ее на столик.

Больше никакой полезной информации из Теренса Эрроусмита

вытянуть не удалось. Как, впрочем, и из остальных студентов. Даже мистер Уильям Партридж, самый рациональный, не смог ничего прибавить к удивительно бесстрастному рассказу Теренса. Похоже, Партриджа волновал только цианистый калий. Покончив со всеми четырьмя, Кармайн облегченно вздохнул и направился в кабинет жены декана.

Как и декан, она входила в совет колледжа; это Кармайн выяснил, еще сидя за столом в полицейском управлении. К чему он был не готов, так к ее совершенной невозмутимости. Доктор Полина Денби — высокая женщина с роскошными огненно-золотыми волосами, собранными в мягкий пучок на затылке, безупречной кремовой кожей, не позволявшей заключить о ее возрасте, и янтарными глазами — скульптурными чертами лица напомнила Кармайну актрису Грейс Келли, только без впечатления ранимости. Львица, настоящая львица. Наверняка многие мужчины сходят по ней с ума.

Пожав Кармайну руку — ладонь сухая, уверенная, — доктор Денби предложила ему удобный стул, а сама села напротив — вероятно, на свое обычное место, когда не было нужды работать за столом.

— Искренне соболезную вашей утрате, доктор Денби.

Она медленно прикрыла веки, будто задумавшись. Потом произнесла спокойным, отчетливым голосом:

— Да, полагаю, это утрата. К счастью, у меня штатная должность, и смерть Джона не повлияет на мою карьеру. Придется съехать из деканской квартиры, но не беда — через три года, когда откроется Лисистрата-колледж, я надеюсь стать его деканом, а пока мне выделяют комнату наверху, среди студентов.

— Там, наверное, будет не так удобно, — сказал Кармайн, удивляясь направлению, которое принял разговор.

— Отнюдь, — ответила она все так же невозмутимо. — Четыре пятых площади квартиры занимал Джон. Я в основном жила здесь, в этом кабинете.

Кабинет был точной копией декановского во всем, включая размеры. Кармайн скользнул взглядом по рядам книг, большинство из которых были на немецком.

— Вы, кажется, большой специалист по поэзии Райнера Марии Рильке, — сказал он.

Она посмотрела на него удивленно, словно никак не ожидала, что городскому полицейскому известно это имя.

— Да.

— Как бы мне хотелось побеседовать с вами об этом. Я, знаете ли, обожаю Рильке. Увы, сегодня меня целиком занимает смерть вашего

мужа. — Он нахмурился. — Прошу меня извинить, доктор Денби, судя по вашей реакции, ваши брачные отношения были довольно прохладными, не так ли?

— Да, вы не ошиблись. Не вижу повода отрицать. Любой в Данте-колледже скажет вам то же самое. Это был брак по расчету. Деканом может стать только женатый мужчина, а если жена — тоже научный работник, тем лучше. Говоря прямо, я фригидна. Джон был к этому готов. Его интересовали молоденькие девушки, хотя он был очень осторожен. Еще бы! Он собирался стать президентом престижнейшего университета, и у него для этого было все необходимое, включая предка из первых поселенцев-англичан. Мои собственные амбиции нисколько этому не противоречили. — Ее поразительные глаза скрылись за тяжелыми, безупречно подведенными веками. — Мы прекрасно ладили друг с другом, и я желала ему успехов.

— Вы заметили что-нибудь необычное в его внешности или поведении сегодня утром?

— Нет, пожалуй, ничего. Разве что он был несколько жизнерадостнее, чем обычно. Прямо светился. Я сказала ему об этом за завтраком, в общей столовой. Он засмеялся и ответил, что у него хорошие новости.

— Он не сказал, какие именно?

Янтарные глаза удивленно расширились.

— Кто? Джон? Скорее свиньи научатся летать, капитан. Честно говоря, я думаю, ему доставляло удовольствие меня дурачить.

— Что вы почувствовали, когда узнали о случившемся?

— Я была поражена. Точнее не скажешь. Джон не из тех, кого Убивают, — по крайней мере, вот так, в своем кабинете, причем столь... интеллигентным способом. Если так можно сказать про агонию от Цианида.

А какой способ вы бы сочли более естественным?

— Ну, какой-нибудь пожестче: выстрел, избиение до смерти, нож в сердце. Что ни говори, крутить с молодыми девчонками небезопасно. У них ведь есть отцы, старшие братья, друзья. Хотя последствия Джона никогда не беспокоили. Он считал, что у него особый талант в таких интрижках. И был прав. Каждая любовная история длилась от трех до шести месяцев, в зависимости оттого, насколько привлекательность пассивности перевешивала ее тупость — выбирал он их, как понимаете, не по уму. Как только девчонка начинала ему надоедать, он сразу же становился чересчур придиричивым, ворчал по каждому поводу. Недели через две они расставались, и девушка была уверена, что это причиняет ему страдания.

— Другими словами, он тешил ее самолюбие.

— Именно. Джон делал это гениально. Играл этими дурочками, как виртуоз на скрипке. Когда девушка его бросала, она сама страшно боялась, чтобы о ее приключеньице не стало известно.

— А на собственных угодьях он охотился, доктор Денби?

— Никогда. Девушки из Данте-колледжа были в полной безопасности, да они у нас и появились только в этом году. Нет, добычу он выслеживал в ресторанчике «У Джоуи». Его, по-моему, облюбовали студентки муниципального колледжа Восточного Холломена и будущие секретарши из школы Бекворта. Джон снимал небольшую квартирку там неподалеку, на Малвери-стрит, и представлялся Гэри Хопкинсом, ему казалось, что это звучит по-пролетарски. Насколько я знаю, никто не догадывался, кто он на самом деле.

— Рано или поздно это бы случилось.

— В таком случае я рада, что его отравили, капитан.

«Вот так так!» — подумал Кармайн, выходя из Данте-колледжа некоторое время спустя. Декан Джон Керкбрайд Денби, оказывается, тот еще типчик. Однако до убийства фортуна ему улыбалась, ничего не скажешь. Жена — красавица аристократка, образованная не меньше его самого, к тому же фригидна, что позволяло ему вовсю предаваться своей рискованной страсти к студенткам. Разумеется, если его жена говорит правду. С другой стороны, врать ей незачем: жив декан или нет, для нее не имеет никакого значения; ее карьера, так или иначе, в безопасности. Но надо же, какая холодная рыбина! Неужели ее муж был такой же сухарь? Нет, вряд ли. Во всяком случае, академической славой его аппетиты не исчерпывались. Сколько ему было? Тридцать шесть. Вдоволь времени, чтобы вскарабкаться по карьерной лестнице и до профессорства, и до поста в руководстве университета. ММ будет президентствовать еще лет десять, зато Генри Говард, вице-президент Чабба, уходит через четыре года. Странно, кстати, почему это Моусона Макинтоша все с давних пор называют ММ, а Генри Говард в ГГ так и не превратился?

Время перевалило за полдень: пора возвращаться в управление и узнать, что выяснили остальные.

У Эйба и Кори был один кабинет на двоих, но, войдя, Кармайн застал только Эйба, уткнувшегося в кипу бумаг на столе.

— Как дела, Эйб?

— Со Скепсом подозреваемых хоть отбавляй. Завтрашний доклад будет в милю длиной.

— Вот и замечательно, — сказал Кармайн, выходя в противоположную дверь.

Зайдя ненадолго к Патрику и убедившись, что новостей нет, он спустился в подземный гараж и сел в свой «форд-фэрлейн» раньше, чем у того успел остыть двигатель. Теперь к Картрайтам. В этот раз Кармайн повел машину сам. Решил, что так выйдет быстрее, чем ждать водителя, а для писанины есть Далия.

Настроение в доме Картрайтов изменилось, причем круто; после ареста Гранта за убийство Джимми трое оставшихся обитателей дома заметно помрачнели. Смерть Кэти внезапно со всей беспощадностью дошла до их сознания. Высокомерная принцесса Сельма была на кухне, пыталась сварганить ужин, обильно орошая слезами отварные макароны. На столе лежали несколько сортов сыра и пакет молока. Кармайну стало ее жалко.

— Натри на терке чеддера, романо и пармезана. Каждого по стакану, — сказал он, подавая девушке бумажную салфетку. — Да вытри лицо и высморкайся, а то не увидишь ничего. — Взял одну макаронину, попробовал на вкус и скривился. — Посолить-то забыла.

Сельма с готовностью подчинилась и теперь смотрела в раскрытый шкаф.

— Что из этого терка? — спросила она, всхлипывая.

— Вот. — Кармайн достал нужный предмет утвари. — Прижми к ней кусок сыра и веди вниз — да в тарелку, а не на стол. Найди мерные стаканы. Сыры не смешивай. Ну, давай занимайся. Я пока схожу к твоему отцу. Как закончишь, подожди меня, ладно? Вместе сподручнее.

Джеральд Картрайт сидел у себя в кабинете наверху, обливаясь слезами не хуже дочери.

— Не знаю, что теперь делать, как все уладить, — беспомощно проговорил он, увидев Кармайна.

— Прежде всего, вызвать тещу. И вашу сестру или свояченицу. Ваша дочь не привыкла утруждать себя домашними делами, не думаете же вы, что теперь она поведет себя как заправская домработница, которую вам, кстати, следовало нанять после рождения Джимми. По крайней мере, тогда бы удалось избежать того, что натворил Грант. Вы можете позволить себе домработницу, мистер Картрайт?

— Сейчас нет, капитан, — ответил Картрайт, слишком подавленный, чтобы искать оправданий. — Мишель уволился — ушел в другой ресторан, в Олбани. Теперь нужно решать, как быть с «Л'Эскарго» — закрыть совсем или сменить меню и название.

— Тут я вам не советчик, сэр, но что я вам действительно могу посоветовать, так это поменьше думать о бизнесе и побольше — о собственных детях! — едко сказал Кармайн. Потом сел и свирепо уставился на Картрайта. — Сейчас я хочу больше узнать о вашей жене. У вас было время собраться с мыслями, и я надеюсь, вы им воспользовались. У нее были враги?

— Нет! — простонал Картрайт. — Нет!

— Вы разговаривали с ней по душам, когда бывали дома?

— Нуда, конечно, если только Джимми нам позволял.

— Кто из вас говорил больше?

— Мы оба говорили. Ей всегда было интересно, как идут дела с Мишелем. Она считала, что я ему слишком потакаю. — Картрайт остановился и промокнул глаза платком. — Кэти рассказывала мне о Джимми, о том, как трудно остальным детям. Вы правы — она постоянно просила нанять домработницу на полный день. А я все думал, она преувеличивает. В самом деле! Раз в неделю у нас убиралась миссис Уильямс.

— Миссис Картрайт когда-нибудь жаловалась, что кто-то ее преследует или как-нибудь досаждают ей? А ее приятельницы? Она поддерживала с ними отношения?

— Я вам уже говорил, капитан, у Кэти не было времени на светскую жизнь. Может быть, другие жены рассказывают мужьям про ссоры с приятельницами или о шмотках, какие ухватили в «Файлине», но только не Кэти. И она точно не упоминала ни о каких мужчинах.

— То есть у вас нет никаких предположений, почему ее убили?

— Нет. Абсолютно никаких.

Кармайн встал.

— Поскорее утрясайте свои дела с рестораном, мистер Картрайт, и уделите чуть больше внимания семье. Иначе у Джеральда могут возникнуть проблемы с законом.

Джеральд Картрайт побелел как полотно и уткнул голову в стопку книг на столе.

Джеральд-младший сидел как приклеенный перед гигантским телевизором в соседней комнате; проходя, Кармайн властно поманил его рукой:

— Иди-ка сюда, парень, и выключи эту штуковину. Ты нужен сестре на кухне, пока у нее нет помощницы получше.

Мальчик неохотно поплелся за Кармайном на первый этаж, шаркая ногами по полу.

Похоже, норовистый пармезан сдался не без боя: горка натертого сыра была слегка заляпана красным, а Сельма сосала костяшки пальцев.

— Джеральд, принеси пластырь, — скомандовал Кармайн, осматривая царапины. — Урок номер один: следи за руками, когда сыра остается мало.

Кармайн посыпал макароны солью и научил Сельму готовить сносный сырный соус; потом заставил ее смешать половину пармезана с сухарями и посыпать смесью заправленные соусом макароны. Когда блюдо поставили в духовку, Кармайн сел на высокий кухонный табурет и, отыскав экземпляр «Радостей кулинарии» Кэти, отобрал для Сельмы полдюжины несложных рецептов. Сельма слушала с интересом — первый удачный опыт приготовления чего-нибудь съедобного (с помощью Кармайна) ее слегка ободрил. Принцессой она была только с виду.

— Ты не знаешь, Сельма, были ли у твоей мамы какие-нибудь враги? — спросил он, листая страницы.

— У мамы? — удивилась девушка. — Нет. — Глаза у нее снова увлажнились, и она торопливо заморгала. — Когда ей было заводить врагов, капитан?

Кармайн отложил кулинарную книгу, слез с табурета и коротко похлопал Сельму по плечу. Тут его взгляд упал на Джеральда-младшего, собравшегося улизнуть через заднюю дверь. Кармайн поджал губы и крикнул в спину мальчика:

— Кстати, ты теперь тоже будешь работать по дому. Раз Сельма готовит — ты стираешь!

Бац! Дверь с шумом захлопнулась, выражая яростный протест Джеральда-младшего.

Кармайн с улыбкой направился к машине. Он редко принимал близкое участие в жизни семьи, которую постигло несчастье, но Картрайты были особым случаем: не одно, а целых два убийства, причем в одном случае убийца — ребенок. Они справятся; впрочем, скорее благодаря Сельме, чем Джеральду. Она ведь уже пыталась готовить, даже ничего не умея. Трагедия бросила ее в самую глубину жизни, но она уже учится плавать.

Глава четвертая

Капитан Дельмонико вернулся в управление и, сев за ломящийся от бумаг стол, возблагодарил звезды за свою секретаршу Делию Карстерс, которая приходилась племянницей комиссару Джону Сильвестри. «Иногда все-таки кумовство приносит пользу», — подумал Кармайн, оглядывая аккуратные стопки документов. Делия была сокровищем, полученным вместе с капитанской должностью: лейтенантам секретари не полагались. Им, беднягам, приходилось обходиться машинописным бюро либо собственными силами, а также самим разбирать и подшивать бумаги. Самое удивительное то, что Дэнни Марчиано, став комиссаром, отдал Делию Кармайну и даже глазом не моргнул — ну разве что взвыл разок от досады и вытребовал себе взамен двух секретарш.

Делия вышла из своего крохотного кабинета, крохотного только потому, что все четыре его стены занимали уродливые шкафы с папками.

— Давно пора, — сказала она, раскладывая очередной ворох бумаг по разным стопкам.

Тридцатилетняя женщина невысокого роста одевалась в манере, которую сама она называла элегантной, а Кармайн втайне считал Ужасающей. Сегодня на Делии был цветастый костюм из ткани букле. Юбка едва достигала колен, открывая взору, хотя и не радуя его, ноги. Напоминавшие ножки рояля, которым выпал нелегкий труд — поддерживать не только могучий торс, но и грудку массивной бижутерии. Лицо покрывал толстенный слой пудры, волосы в мелких завитушках щеголяли неправдоподобным оттенком где-то между рыжим и соломенным, а количество краски вокруг пронизательных живых глаз удовлетворило бы даже Клеопатру.

Будучи единственным плодом союза между сестрой комиссара Сильвестри и оксфордским профессором, Делия родилась и выросла в Англии, не оправдав, однако, надежд, возлагаемых на нее родителями. Делия не нуждалась в родительских наставлениях; она совершенно точно знала, чем хочет заниматься — и где именно. Окончив с отличием престижный секретарский колледж в Лондоне, она не долго думая упаковала вещи и села на самолет в Нью-Йорк. Там устроилась в машинописное бюро полицейского управления Нью-Йорка и вскоре стала личным секретарем заместителя комиссара. К сожалению, большая часть его работы была связана с мелкими нарушениями, и Делия быстро

сообразила, что он ни за что не отпустит ее туда, куда девушке хотелось, — в отдел убийств. Нью-йоркское полицейское управление слишком большое, а она слишком хорошо знает свое дело.

Тогда Делия села на поезд в Холломен и явилась к своему дяде Джону. Поскольку за предыдущий день ему едва не оборвали из-за нее телефон, он, забыв на время о своих принципах, касающихся кумовства, с готовностью взял ее к себе в управление — не для себя, а для Дэнни Марчиано, на котором лежала основная масса административных обязанностей. Все, что Делия не знала о работе полиции, легко уместилось бы на булавочной головке, но дяде Джону даже в голову не приходило, насколько его племянницу привлекают кровь и насилие — до тех пор, пока Кармайна не сделали капитаном. «Ну, пожалуйста, — умоляла Делия, — позвольте мне работать с капитаном Дельмонико, экспертом по убийствам!»

— Да тут несколько часов читать надо, — пожаловался Кармайн.

— Знаю. Зато как увлекательно! — с безукоризненным оксфордским произношением восхитилась Делия. — Двенадцать убийств за день!

— Ты еще издеваешься, жестокая!

Она засмеялась и, вихляя бедрами, зашагала на высоченных каблуках к выходу, предоставив шефу в отчаянии смотреть на стол. С чего начать?

Логичнее всего — с дел, порученных Ларри Пизано, трех застреленных и проститутки.

Три разных пистолета, все с глушителями. Почему именно так? Что особенного в жертвах, из-за чего их понадобилось убивать разным оружием? Самый очевидный ответ — «ничего» не годился. Тут явно работали профессионалы; у местных бандитов из Ямы и из гетто на Аргайл-авеню глушители не в моде. Выходит, кто-то заплатил немалые деньги, чтобы устранить трех безобидных чернокожих... Что они знали? Пизано и его группа пытались это раскопать, но безрезультатно. Домработница была женщина немолодая, скандалов не любила, оба парня тоже вполне приличные люди. В стопке лежали и результаты лабораторных исследований: следов запрещенных препаратов в крови жертв не обнаружено. Все подтверждало первоначальное впечатление — таких, как эти трое, не убивают умышленно, тем более не заказывают убить. И все же их заказали, на них целенаправленно охотились люди, у которых не бывает осечек, профессиональные киллеры. Очень похоже, что не из штата. Разумеется, Коннектикут не обделен черными бригадами, гангстерами и хулиганами, но наемные убийцы, пользующиеся глушителями, способные выбрать нужный момент, чтобы падающую жертву заметили не раньше, чем они успеют скрыться, — это уж слишком.

«Ладно, — решил Кармайн, откладывая бумаги, — предположим пока, что преступники не местные, и перебросим Ларри с его ребятами на другой фронт, где их усилия будут более плодотворными. Знать бы только, где этот фронт».

Затем он перешел к последнему делу Ларри, проститутке Диди Холл. Ее знал весь город, но не потому, что она часто попадала в неприятности, — вовсе нет. Хотя Диди искала клиентов на улице, за пределы своей строго определенной территории она никогда не забредала. Сутенер Диди, Марти Фейн, усиленно ограждал ее от возможных неприятностей; в отличие от своих собратьев по профессии Фейн обладал добродушным нравом и весьма ценил Диди, поэтому обращался с ней неплохо. Ей было тридцать два года, восемнадцать лет на панели она перенесла лучше многих и выглядела все еще привлекательно. Ирония заключалась в том, что, будь Диди всего на пару лет моложе, она могла стать девушкой по вызову, а не уличной проституткой. Увы, ко времени, когда проституция по телефону стала обычным делом, Диди потеряла былой лоск. Но многое и сохранила. Рост около ста восьмидесяти сантиметров, большинство из которых приходилось на стройные ноги, роскошная фигура, соломенные волосы, зеленые глаза, кожа цвета кофе с молоком — вполне достаточно, чтобы Диди не испытывала недостатка в клиентуре. Однако причина ее популярности заключалась в другом: Диди была первоклассной минетчицей. Говорили, она обошла в этом деле даже эскимоску Нелл из известной песенки. Особая специализация уменьшала риск беременности, а значит, способствовала сохранению здоровья и фигуры. Марти Фейн снабжал Диди героином, к которому она имела пристрастие, оплачивал уборку и стирку в ее квартире с ванной и кухонькой на краю Аргайл-авеню. Диди приносила ему наибольший доход.

Судя по отчету Ларри, который лично занялся делом Диди, Марти Фейн был безутешен. Сколько бы Ларри ни допрашивал обитателей паршивого мирка, в котором жили Марти и Диди, никаких свидетельств о ссорах между сутенером и проституткой получить не удалось. Оба весело болтали и смеялись во время перерыва около двух часов дня. Очевидно, Марти последним видел Диди живой. Ее территория находилась позади здания холломенского муниципалитета — место злачное, не то что район перед зданием. Там располагались автостоянки, фабрики, склады и офисы, и с наступлением темноты опустевшие улицы заполняли искатели сексуальных развлечений: студенты Чабба, коммивояжеры и работники ночной смены.

— Ожесточенный, можно сказать, разбитый горем Марти Фейн легко

выдал имена всех постоянных клиентов Диди, каких только знал, что привело к некоторым неловким разговорам с теми из них, кто по глупости отрицал свою связь с ней. Юные «чаббисты» часто воспринимали допрос как увлекательное приключение — до тех пор, пока не додумывались, что в убийстве подозревают их самих. После чего многие особенно те, у кого были влиятельные папаши, — начинали требовать адвокатов и отказывались давать показания. Адвокатов в конце концов убеждали, что их подопечные — скорее источники информации, чем подозреваемые, те снова соглашались отвечать на вопросы, но все без толку. Смерть Диди оставалась такой же загадочной.

«Полный ноль», — подытожил Кармайн, прибавляя дело проститутки к трем огнестрелам. Кто бы ни был преступник, он хладнокровен, как доктор Полина Денби, хотя вряд ли она стала бы убивать проститутку. Но убийца не чужак; он точно знал, где искать жертву. Может, даже когда-то пользовался ее прославленным искусством. «Плачь, Марти Фейн! Не скоро ты найдешь другую Диди Холл».

Кэти Картрайт убита до того, как ее умственно отсталый ребенок испачкал подгузник. Похожим способом отравили Дезмонда Скепса, и все же совсем не так. Стакан бурбона со снотворным — бедняга даже выпить могла только перед сном. Почувствовав действие хлоралгидрата, она, наверное, решила, что просто очень устала и с удовольствием предвкушала несколько часов сна, пока Джимми не разбудит ее своим криком. По мнению Патрика, пентобарбитал вкололи ей почти сразу; вероятно, из жертв той ночи она умерла первой, быстро и безболезненно. Жизненные центры в стволе мозга медленно отключились, и она уснула навсегда. Что побудило убийцу поступить с ней милосерднее, чем с другими? Казалось, он сожалел о необходимости ее убивать.

«Кармайн, Кармайн! — Он резко выпрямился, по спине между лопатками струился пот. — Ты рассуждаешь так, будто преступник только один! Нет, это невозможно. Слишком много убийств в разных местах и почти в одно и то же время. А если предположить, что некоторые из убийств заказаны? Но сколько денег это бы потребовало и какого выдающегося ума, чтобы все организовать! Стоит только взглянуть на дело без лишних эмоций, и станет ясно, что все это чушь... Единственной причиной такой вакханалии убийств кажется слепая жажда насилия, что противоречит всякому здравому смыслу. Абсолютно невероятно! Столько риска! Тот, кому хватит ума на разработку подобной операции, сразу же оценит и ее абсолютную уязвимость.

Признайся, Кармайн, тебе бы и в голову это не пришло, если бы не

Дезмонд Скепс. Ведь как остроумно скрыть свою основную цель под лавиной других преступлений! Будь убийств поменьше, в это можно было бы поверить. Но целых десять! Джимми Картрайт оказался случайной жертвой, а всех остальных убили намеренно. Четыре убийства выглядели бы правдоподобно. Десять — бред!

Однако... А что, если все эти люди тоже были целью? Если между двадцать девятым марта и третьим апреля произошло нечто, потребовавшее радикальных мер? Но что? Ах, Кармайн, Кармайн, зачем ты все так усложняешь? Даже не вздумай делиться своими подозрениями с кем бы то ни было, включая Сильвестри».

Сознавая, что раз уж червь сомнения поселился в мозгу, так просто от него не отделаешься, Кармайн отложил дело Кэти Картрайт в стопку «просмотрено» и взял досье Бьянки Толано, подготовленное Кори.

Двадцать два года, приехала в Холломен из Пенсильвании десять месяцев назад. Окончила Пенсильванский университет со степенью бакалавра экономики, планировала, как следовало из писем и других бумаг, найденных в ее квартире, продолжить обучение в Гарвардской школе бизнеса. Из-за нехватки денег временно устроилась секретарем-референтом на Каррингтонский машиностроительный завод, одно из множества корнукопских предприятий, рассыпанных в окрестностях Холломена. С работой все ладилось, зарплату Бьянка получала хорошую; средства на ее счете в Холломенском национальном банке быстро росли. Снимала квартиру на верхнем этаже трехквартирного дома на Сикамор-стрит — всего в квартале от дома, где раньше жила жена Кармайна! Капитан поежился, вспомнив злоключения Дездемоны и полицейского, задушенного прямо перед ее дверью. И ведь респектабельный район! Тогда Дездемона. Теперь вот это.

Домовладелец увидел открытую дверь в квартиру Бьянки, окликнул девушку и, не получив ответа, вошел внутрь. Она лежала обнаженная на полу гостиной. По словам Патси, Бьянку Толано пытали: несколько раз затягивали колготки на шее, прижигали кожу сигаретой резали ножницами, изощренно щипали пинцетом и под конец убили, вогнав во влагалище разбитую бутылку. Не считая нескольких минут асфиксии, когда девушку душили колготками, она все время была в сознании; наркотиков в крови не обнаружено.

Коллеги рассказали, что Бьянка держалась особняком, но не из-за робости. С начальником поддерживала хорошие, деловые отношения. Довольно симпатичная; ее часто приглашали в ресторан или в кино, иногда она соглашалась пойти, однако никакого романтического продолжения за

этим не следовало. Бьянка, как утверждали мужчины, вела себя чопорно и ухаживаний не поощряла. Домохозяин, проницательный старичок, готов был поклясться на стопке Библий, что парни к ней никогда не приходили. Мисс Толано была спокойным жильцом. Женщины, с которыми она работала, тоже не дали никаких зацепок. Бьянка участвовала в общих посиделках за кофе, смеялась вместе со всеми, но при этом ощущалось, что она ничему не позволит встать между собой и Гарвардом. Также Кори рассказали, что дома, в Скрантоне, ей жилось не особенно весело, с родителями она связь не поддерживала и была счастлива от них уехать. На вопрос Кори, ходила ли она куда-нибудь развлекаться, женщины ответили — иногда, обычно, когда мистер Дорли давал ей билеты в театр или на какие-нибудь мероприятия, куда не мог пойти сам. Отказалась только от благотворительного бала — по ее словам, у нее не было достаточно элегантного платья.

«Еще один большой жирный ноль, — решил Кармайн, откладывая Досье Бьянки Толано к «просмотренным». — Если Кори надеется, что она поможет ему блеснуть перед выборным комитетом, то он ошибся. Его случай ничем не лучше, чем у Эйба».

В расследовании убийства Беатрис Эгмонт Эйб сделал все возможное, не забыл ни о ком — от сыновей убитой до дворников и соседей. Если и было что-то примечательное в ее размеренном существовании, так это сама ее личность — Беатрис обожали все, кто был с ней знаком. Она никогда не совала нос в чужие дела, но при необходимости умела поддержать, что-то посоветовать или сделать подходящий подарок. Много лет жила вдовой, но не отшельницей — ходила на вечеринки (соседи всегда ее приглашали), любила прошвырнуться в Манхэттен в ресторан или на какое-нибудь шоу, покупала у герл-скаутов печенье и лотерейные билеты; ее имя фигурировало в списке приглашенных на все благотворительные мероприятия в Холломене. Среди ее близких знакомых был мэр, и из муниципалитета уже интересовались, как продвигается расследование. Насколько удалось установить, из дома ничего не пропало; старинные вазы китайского фарфора и фламандские гобелены не тронуты, швейцарские часы «Баум и Мерсье» остались на запястье убитой. Снотворное ей не подсыпали; сопротивления она не оказывала — сердце сдало почти сразу. «Никаких мотивов убийства установить не удалось», — заключал Эйб.

«Прощай, старушка Беатрис Эгмонт, увы, прощай». Кармайн положил ее папку наверх растущей стопки. Остались только его собственные дела: декан Денби, Питер Нортон, Дезмонд Скепс и Эван Пью.

Декан Денби, несомненно, ходил по краю обрыва, но его жена права: с

чего вдруг такие церемонии — цианистый калий, чай, кабинет? Денби скорее могли застрелить, зарезать или забить до смерти рядом с той забегалкой «У Джоуи», владелец которой, кстати, Джеральд Картрайт — нет ли тут какой-нибудь связи? Согласно отчету Патрика, упаковка пакетика имела только один разрыв, сделанный самим деканом. Исследование под микроскопом показывало, что шов на пакетике не зашивался во второй раз. Два украденных пакетика вынудили декана воспользоваться последним в коробке; очевидно, декан должен был умереть именно в тот день, и ни в какой другой. Нетипичная тактика для отравителя. Обычные убийцы в какой-то мере полагаются на случай, но этот убийца необычный. «И умрешь ты днесь, в третий день месяца апреля, и ни в какой другой день ни до ни после...» Потому и цианистый калий. Для полной уверенности, что декан Данте-колледжа не выживет.

Питер Чарльз Нортон — совсем другое дело. Кармайн побывал в его доме только раз, но этого было достаточно, чтобы снять с его жены все подозрения, несмотря на то что сок готовила она. Сегодня Кармайн оставил родственников в покое — жена убитого, единственный взрослый свидетель, была в истерике. Завтра он пошлет туда Эйба или Кори, они смогут задать нужные вопросы. Однако уже сейчас было очевидно, что апельсиновый сок пил только Питер Нортон; в холодильнике стояла банка клюквенного сока, который предпочитали дети и жена. Каждое утро она выжимала стакан апельсинового сока для мужа; Нортон залпом выпивал сок и на ходу заедал тостом. Кармайн поспорил с самим собой, что толстяк завтракал второй раз в ресторанчике «У Джоуи». Домашний завтрак имел скорее символическое значение.

Как и декан, мистер Нортон умер третьего апреля, но только после долгой, мучительной агонии. И означало это, что убийца стремился к максимальному внешнему эффекту. Кого он хотел наказать — Нортон или его жену? Зависело от того, насколько быстро Питер Нортон потерял сознание. Следов каких-либо других препаратов в крови не обнаружено, только значительно повышенный сахар. К тому же артерии наглядно демонстрировали последствия диеты из гамбургеров и картофеля фри, к которым убитый, судя по словам соседей, имел пристрастие. Получив результаты анализов, Патси быстро смотался к Нортонам, так как стало ясно, что миссис Нортон добавляла в сок. Вдруг дети вздумают посыпать им себе кашу? К счастью, яда в сахаре не оказалось. Патси все же молодец.

Делия положила в досье Нортон выписку с его банковских счетов — ну разве она не сокровище! Директор Четвертого национального банка не имел финансовых проблем. Исходя из того, что успела проверить Делия,

Нортон жил по средствам и в последние несколько лет крупных сумм со счета не снимал. Его родственники в Огайо были состоятельными людьми, а миссис Нортон происходила из Рабочей семьи в Уотербери.

Кармайн отшвырнул папку к другим отвергнутым и с хмурым видом принялся буравить взглядом досье Эвана Пью. Инстинкт подсказывал, что это убийство необычное, не похожее на все остальные. Кто скрывается под псевдонимом Говорун? Зачем такой изощренный способ убийства? Медвежий капкан! Не из жалких экземпляров, способных разве что удержать животное на месте, пока охотник соизволит пристрелить добычу. Нет, эта штука серьезная, она покалечит медведя так, что он кровью истечет. Оружие охоты для человека, смерть для медведей.

Родители Эвана Пью сейчас мчались из Флориды, где жили в одном из тамошних громадных особняков на берегу канала; сколотив себе состояние на торговле электроникой, отец Эвана отошел отдел и решил насладиться беспечной жизнью в краю, где всегда светит солнце и никогда не бывает снега. Эван был единственным ребенком в семье, что наверняка значительно осложнит ход расследования; родители везли с собой своего адвоката.

Оставалось только одно преступление, на месте которого Кармайн еще не побывал. Но с этим можно пока не торопиться. Пентхаус Дезмонда Скепса опечатан, частный лифт заблокирован, пожарные лестницы огорожены и заперты. Эйб тоже туда не заглядывал; работал из офиса Скепса, собирая информацию о подчиненных и знакомых магната. Как и Бьянку Толано, Скепса пытали, однако тут преступление не сексуальное. Он был убит с помощью яда, как Кэти Картрайт, Питер Нортон и декан Денби. Вопрос в том, что на самом деле важно — сходство или различия?

«Снова ты в своем репертуаре, Кармайн! Рассуждаешь, будто убийца один, причем без всякого основания. Хотя, с другой стороны, нет никаких доказательств, что убийц много. Наемный убийца из другого штата хорошо вписывается в картину доброй половины преступлений, а значит, для этой половины должен быть организатор и заказчик. Почему не допустить, что все убийства совершены по заказу? Есть среди них такие, где явно действовал не наемник? Да, но только в двух случаях — Дезмонда Скепса и Эвана Пью. Чувствовалось, что убийце доставляет удовольствие сам процесс. И если шантаж Эвана был связан с убийствами, то это вполне объяснимо, как и то, почему не осталось никаких письменных улик. Пью достаточно было только позвонить в полицию, чтобы обратить ее зоркий глаз на то, что убийца тщательно пытался замаскировать. И это снова приводит к той же идее: основная цель — Скепс. Но зачем вообще

понадобилось убивать остальных?»

«Время покажет, — решил Кармайн, уже немного освоившись со своей теорией. — Я только начал распутывать узор; а потом его предстоит связать снова. Завтра пойду проторенным путем: проработаю каждое преступление сам, а Эйб и Кори будут мне помогать. Придется им потерпеть без самостоятельных расследований. Без Кори и Эйба я как инвалид. Мне нужны три пары глаз, три пары ушей и три мозга».

Кармайн бросил взгляд на большие часы над дверью Делии. Половина седьмого! Куда ушло время? Свет в каморке горел, и Кармайн просунул голову в приоткрытую дверь.

— Иди домой, а то какой-нибудь похотливый коп пристанет.

— Сейчас, — ответила она рассеянно, пропустив шутливый комплимент мимо ушей. — Хочу проверить эти банковские документы. У меня целый день ушел, чтобы их достать.

— Ладно, только смотри не засидись. И пожалуйста, вызови всех завтра на совещание у Сильвестри в девять утра.

Пора домой, на Ист-Серкл. Майрон Мендель Мандельбаум уже наверняка давно прибыл. Кармайн по-настоящему дорожил дружбой всего нескольких мужчин. Первое место среди них занимал, конечно, Патрик О’Доннелл, а вот сразу за ним следовал второй муж его бывшей жены. Оба они, и Кармайн, и Майрон, в конце концов охладели к своей общей супруге Сандре, зато тем усерднее посвятили себя Софии, дочери Кармайна от брака с бывшей женой. Как только Кармайн женился на Дездемоне, Майрон без колебаний отпустил Софию на восточное побережье, хотя знал, что будет по ней скучать и что в Доме станет пусто без ее смеха. Тем не менее он считал, что девочке лучше пожить в относительно скромном доме на Ист-Серкл, чем в копии Хэмптон-Кортского дворца с матерью, которая совершенно не интересуется ребенком, и отчимом, который с утра до ночи крутится как белка в колесе, чтобы не потерять все, что имеет. Согласно брачному договору, довольно большой редкости для 1952 года, Сандра в случае смерти мужа получала всего несколько миллионов, основной же наследницей была София; и Майрон стремился к тому, чтобы наследство оказалось немаленьким. В любимой падчерице он был уверен стопроцентно и даже мысли не допускал, что она способна растратить все впустую. Он дал девочке возможность получить хорошее базовое образование по всем мыслимым предметам — от математики до английской литературы — и посвятил Софию в одно из направлений своей кипучей деловой деятельности, а именно: мобилизация капитала и контроль над бюджетом при производстве кинофильмов, начиная с их

предподготовки до монтажа и выпуска в прокат. К двадцати одному году, решил Майрон, София, если захочет, будет готова выступить в роли голливудского продюсера и значительно продвинется на пути к тому, чтобы когда-нибудь стать на место отчима.

Майрон знал, что Кармайн догадывается о его планах насчет Софии, хотя тема эта не обсуждалась; Кармайн не хотел заводить разговор первым из-за двойственного положения Софии, а Майрон осторожничал. Имей Кармайн хоть малейшее представление о действительных размерах деловой империи друга, ни за что не позволил бы Софии взвалить на себя даже десятую часть забот об управлении ею. Однако что знает Кармайн о Софии? По существу, Майрон был ей отцом между ее вторым и шестнадцатым днями рождения, так кто, как не он, способен лучше понять Софию?

К тому же Майрон, здоровый и полный сил, не без оснований рассчитывал прожить еще долгие годы. Зачем забегать вперед и посвящать Кармайна в свои секреты, пока девочка наслаждается беззаботной жизнью подростка в любящей семье и в хорошей школе? Майрону не приходило в голову, что именно теперь, когда он отлучен от своего любимого дитяти и невыразимо одинок, особенно легко попасться в чьи-то предприимчиво расставленные сети.

Всякий раз, приезжая по делам в Нью-Йорк, Майрон непременно устраивал себе небольшой отпуск, который проводил в доме Кармайна на Ист-Серкл, где гостя всегда ждал радушный прием. Этот визит, однако, был довольно неожиданным; последний фильм с тремя звездами первой величины в главных ролях все еще находился в производстве. Отговорка Майрона, что в Нью-Йорке есть нужные финансы, прозвучала для Кармайна неубедительно; в Нью-Йорке всегда есть нужные финансы. Нет, причина не в деньгах, а в газетных заголовках о смерти Дезмонда Скепса.

Кармайн застал Майрона сидящим в большом кресле в гостиной; в руке он держал свежий номер журнала «Ньюс», рядом на столике стоял стакан кентукийского бурбона с содовой.

Майрону перевалило за пятьдесят, и слава покорителя женских сердец сопутствовала знаменитому продюсеру скорее благодаря его власти, чем замечательной внешности. Скучные остатки волос были очень коротко подстрижены, на длинном умном лице выделялись решительный рот и зеленовато-серые глаза, взгляд которых, по уверениям Софии, проникал в самую душу. Майрон поднялся навстречу другу — невысокий, но стройный, без следа излишеств, которым любил предаваться.

Когда друзья разорвали объятия, Майрон взмахнул журналом:

— Видел уже?

— Мельком, — ответил Кармайн, целуя жену, присоединившуюся к ним со своим любимым напитком, джином с тоником. София подала Кармайну предпочитаемый им бурбон, в меру разбавленный содовой.

— Непременно прочти статью Карновского о «красных», — сказал Майрон, снова усаживаясь в кресло. — Мне уже несколько лет не попадалось ничего подобного, особенно из области истории. Подробная характеристика всех членов Центрального Комитета, которые когда-либо претендовали на пост Генерального секретаря со смерти Сталина, да и сам Сталин изображен очень увлекательно. Интересно, с какими источниками работал автор? О некоторых фактах я никогда раньше не слышал.

— В другое время меня было бы не оторвать, — с сожалением сказал Кармайн. — Сейчас, увы, не до этого. Забот выше крыши.

— Да, я слышал.

— Не сейчас, — предупредил Кармайн, показывая глазами на Софию. — Так кто из нью-йоркских банкиров взял тебя в заложники?

— Ты с ним не знаком. — Майрон с беспокойным видом пожал плечами. — Пожалуй, лучше выложить все сразу начистоту, — сказал он, словно оправдываясь. — Я развожусь с Сандрой.

— Майрон! — ахнула Дездемона. — Чем она тебе вдруг не угодила, бедняжка, после стольких лет?

— Ничем особенным. Просто я устал от ее закидонов, — ответил Майрон все еще оправдывающимся тоном.

— Что же теперь будет с Сандрой? — спросила Дездемона, искоса глядя на Софию, которая сидела с непроницаемым лицом, сжимая в руке стакан диетической колы.

— С ней все будет в порядке, не беспокойтесь. Я определил ей двадцать миллионов, но так, что никакой охочий до денег парень до них не доберется, даже если женится на Сандре и они заведут общее имущество. У нее будут горничные и экономка — все, как она привыкла.

София наконец совладала с голосом:

— Почему, папа?

Кармайн сообразил, что вопрос обращен не к нему; София называла папами их обоих.

— Я же сказал почему, детка. Я просто от нее устал.

— Я тебе не верю! Ты устал от Сандры много лет назад! Что изменилось?

«Не в бровь, а в глаз», — подумал Кармайн, отпивая бурбона.

Майрон со смущенным видом откашлялся.

— Ну... дело в том, что я... встретил женщину.

— Вот как! — Глаза Софии округлились, и на мгновение в них вспыхнула ярость и жгучая ревность. Впрочем, через миг огонь в ее взгляде потух, уступив место чистому любопытству. — Расскажи нам все, папа, пожалуйста!

— Ее зовут доктор Эрика Давенпорт, она заведует юридическим отделом в «Корнукопии» и живет здесь, в Холломене! Мы с ней еще мало знакомы, но я подумал, что после смерти ее босса Дезмонда Скепса ей, возможно, потребуется моральная поддержка. Я звонил ей из Лос-Анджелеса, мне показалось, она в шоке от случившегося. Я решил приехать, хоть она и не просила.

Кармайн сглотнул.

— Честно говоря, Майрон, это может вызвать некоторые осложнения. Лучше бы ты остался на западном побережье.

— Но Эрика мой друг! — возмутился Майрон.

— А также подозреваемая в деле об убийстве ее начальника. Майрон, я не могу тебе запретить видеться с ней, но к моему дому она приближаться не должна. Это, я надеюсь, ты понимаешь!

— Ах ты, пропасть! — Это невесть где подцепленное выражение Майрон считал подходящим для ушей Софии.

— Вот в чем дело. Ты влюбился, потому и разводишься, — сказала Дездемона, собирая пустые стаканы.

— Ты так думаешь?

— Уверена. Выпьем еще по одной, а потом ужинать. У нас сегодня жаркое из новозеландского барашка со всеми приправами и гарниром, как полагается.

Дездемона и София ушли в кухню, а Кармайн строго посмотрел на друга:

— Майрон, мне эти сложности ни к чему.

— Прости, Кармайн. Как это я не сообразил! Мне просто хотелось быть рядом с Эрикой.

— Будь сколько угодно, только не переходи границы.

— Да-да, я буду очень осторожен. Завтра же приглашу Эрику на обед и все объясню.

— Не выйдет. Как и все подозреваемые, она завтра проведет в здании «Корнукопии» весь день. А может, и вечер. Лучше объясни ей по телефону, что к чему, и будем надеяться, что к обеду мне удастся ее отпустить.

— Черт!

— Ты сам виноват, Майрон. И не ожидай большого сочувствия от

Софии.

— Хреново!

— Твой лексикон стремительно ухудшается, старина. Так что там такого интересного в той статье из «Ньюс»?

— Ты меня совсем не слушал? Всего лишь лучшая статья за последние несколько лет о «красных», не говоря уже о членах ЦК. Если ты не забыл, Кармайн, «холодная война» между США и СССР в самом разгаре.

— Нет, не забыл. Однако в настоящий момент меня целиком занимает горячая война между моим городом и неизвестно кем. А вот и наши напитки. Самое оно для разговоров о политике.

Поскольку ни для кого из присутствующих не было секретом, как мало сделано подвижек, всем, кроме Кармайна, оставалось только удивляться, зачем вообще понадобилось устраивать утреннее совещание. В его цели Кармайн посвятил лишь единственную женщину среди них, Делию Карстерс, но ее задачей было вести протокол, а не делиться впечатлениями.

— Мы взялись за дело не так, как следовало, — сказал Кармайн после вступительных слов Джона Сильвестри. — С сегодняшнего дня управление переходит в нормальный, насколько это возможно, режим работы. Ларри, ты со своими ребятами берешь на себя текущие преступления, то есть все, что не имеет отношения к двенадцати убийствам третьего апреля. Иначе мы потонем в грабежах, бытовых ссорах и разборках между бандами. Выезжайте в город, пусть местное хулиганье знает, что мы о них не забыли. Ты, Ларри, прекрасно поработал с огнестрелами и убийством проститутки, но дальше тебе двигаться некуда. А я не привык тратить ресурсы впустую. Так что спасибо вам, ребята, вы мне больше не нужны.

Ларри Пизано и его людей это нисколько не возмутило. Напротив, на их лицах отразилось облегчение. Что ни говори, а в обыденных холломенских преступлениях шансы полицейских на успех возрастали многократно. Ларри так обрадовался новому заданию, что вскочил на ноги, не дождавшись, пока его отпустят.

— Значит, мы можем идти, Кармайн?

— Идите.

Трое полицейских покинули кабинет, и Кармайн продолжил:

— То, что я собираюсь сейчас сказать, должно остаться между нами. Понятно?

— Абсолютно, — подтвердил комиссар Сильвестри. — У тебя уже есть какие-нибудь предположения?

— Да, сэр. Не стану утверждать, что они верны, но для начала сгодятся. По крайней мере некоторые из одиннадцати убийств — с Джимми

Картрайтом, будем считать, все ясно, — как мне представляется, выполнены заезжими профессионалами: все три огнестрела, а также, возможно, отравление Питера Нортон и Кэти Картрайт, изнасилование Бьянки Толано и удушение Беатрис Эгмонт. В каждом случае работали профессионалы. Сексуальное преступление я включаю сюда же, слишком уж оно... типичное. Будто по учебнику.

— То есть всего семь, Кармайн? — нахмурился Патси.

— Семь.

— А Диди Холл?

— Нет, тут, я думаю, заказа не было. Как и в случаях Эвана Пью и Дезмонда Скепса.

— Ты забыл декана Денби. Куда отнести его?

— Пока не уверен, Патси. Чутье подсказывает, что Денби тоже заказали, но к чему тогда вся эта канитель с чайным пакетиком? Зачем такая аккуратность? Может, его убийство вообще не связано с остальными?

— Нет уж! В это я ни за что не поверю! — вмешался Дэнни Марчиано. — В любой другой день — пожалуйста, но только не третьего апреля. С Джимми Картрайтом лимит совпадений исчерпан, Кармайн.

— Да знаю я, знаю.

В кабинете повисла тишина, такая глубокая, что тихое урчание современного кондиционера Сильвестри казалось ревом.

Молчание нарушил Сильвестри:

— Кармайн, по-твоему, за всеми убийствами стоит один человек?

— Да. И если я прав, он совершил чудовищную ошибку, решив избавиться от всех своих жертв в один день. Для большей части убийств пришлось нанимать киллеров, тем самым увеличивая риск. Однако болван не смог бы все так спланировать и организовать. Преступник знал, что совершает ошибку, а значит, у него просто не было выбора. По какой-то причине все эти люди должны были умереть в один день. Очевидно, угроза, исходившая от них, возникла внезапно и требовала немедленных мер по ее устранению. — Лицо Кармайна стало мрачным и ликующим одновременно — все знали, что означает это выражение: он предчувствовал охоту, опасную и вместе с тем упоительную.

Сильвестри покачал головой:

— Не знаю, как тебе это удастся, Кармайн! Ты так ловко умеешь склонить на свою сторону. Один убийца? Это нелепо!

— Согласен, сэр, но, если подумать, не более нелепо, чем двенадцать убийств за день в таком городке, как Холломен. По мне, так это единственная версия, способная что-то объяснить. Одиннадцать человек

убиты столь различными способами — разве не очевидно, что все организовал один человек? Да, массовые убийства случаются — какой-нибудь психопат пустит очередь по толпе из пулемета, или угонщик самолета ненароком его взорвет. Тут совсем другое дело.

— Понимаю, к чему ты клонишь, — сказал комиссар. — Продолжай.

— Чтобы нанять столько профессиональных киллеров, наш гений преступного мира должен иметь поистине неограниченные средства. Хотя с гением я, пожалуй, погорячился. По крайней мере в одном случае он поступил очень опрометчиво, чем заслужил от Эвана Пью прозвище Говорун. Вот почему мы не нашли ничего, чем Пью мог его шантажировать. Говорун где-то сболтнул лишнего, и все, кроме Эвана Пью, об этом забыли. Такой вид шантажа труднее всего доказать.

— Слишком уж много допущений, — сказал Дэнни Марчиано.

— Допущений много, согласен, но не слишком. Как иначе объяснить три убийства из пистолетов, Дэнни? Трое ни в чем не повинных людей убиты профессионалами, которые пользуются глушителями и моментально исчезают с места преступления. Слишком невероятно для Холломена! Один такой случай — куда ни шло, но три в одно и то же время? Немыслимо. У меня такое ощущение, что парень, который все это устроил, просто смеется над нами, провинциальными увальнями.

— В таком случае он не знает тебя, Кармайн, — любезно заметил Эйб.

— Думаю, что знает, Эйб, хотя, возможно, не с профессиональной стороны. Город у нас небольшой, я везде успел побывать.

— Как думаешь действовать? — спросил Сильвестри.

— Как привык, сэр. Все одиннадцать убийств буду расследовать сам, Эйба и Кори беру себе в помощники. Простите, парни, вы мне нужны рядом. Да, любой из вас справится не хуже меня, но вместе мы увидим и услышим больше. Сегодня сосредоточимся на Дезмонде Скепсе. Эйб уже подготовил почву, пора взяться за «Корнукопию» всерьез. — Кармайн посмотрел в глаза своему шефу. — Не исключено, что наши расспросы не всем понравятся и на вас попытаются оказать давление из Хартфорда или даже из Вашингтона. А тут еще, как на грех, моего друга Майрона Мандельбаума угораздило влюбиться в Эрику Давенпорт, главу юридической службы «Корнукопии». Я его предупредил, чтобы он не вздумал приглашать свою пассию ко мне домой, но тоже могут придраться, если захотят.

Сильвестри оставался таким же невозмутимым.

— Одной придиркой больше, одной меньше. Мне к атакам из Хартфорда и Вашингтона не привыкать. Тут вот пресс-конференция на

носу. Акулы пера жаждут пищи. Придется накормить их Скепсом до отвала. Пусть глодают его труп. Двенадцать убийств? Какие двенадцать убийств? Я, конечно, буду твердо стоять, что никого из местных мы не подозреваем. Потому и ФБР нарисовалось. Поиски ведутся в Нью-Йорке и прочих финансовых центрах. И так на каждой конференции. Главное — держать акул подальше от Холломена... — Сильвестри махнул рукой. — Ну, идите! Мне надо собраться с мыслями.

Кармайн, наморщив лоб, вышел из кабинета. ФБР? О чем это комиссар?

Глава пятая

Построенное всего год назад здание «Корнукопии» находилось на углу Мейпл и улицы Кромвеля в торговом и деловом центре города. Оно было самым высоким в Холломене — сорок этажей. Самый верхний занимали апартаменты Дезмонда Скепса, ниже располагались головные офисы множества компаний, принадлежавших «Корнукопии». Контора Скепса находилась на тридцать девятом этаже. Как ни странно, контора и квартира никак между собой не сообщались: Дезмонду всякий раз приходилось спускаться на первый этаж и уже оттуда ехать на частном лифте в свой пентхаус. «Вот уж действительно: бизнес отдельно, а личная жизнь отдельно», — подумал Кармайн.

Холл первого этажа, отделанный цветным мрамором, украшали пышные пальмы в мраморных вазах ручной работы; при ближайшем рассмотрении оказалось, что внутрь вазонов входили пластмассовые горшки меньших размеров, и при желании каждую пальму можно было вытащить целиком, не повредив вазона. В холле находились справочная и стойка для посетителей с одиноким служащим, вся работа которого заключалась в выдаче жетонов-пропусков. Те, кто работал внутри здания, на входящих и выходящих внимания не обращали. Один ряд лифтов предназначался для этажей со второго по девятнадцатый, другой — с двадцатого по тридцать девятый; в конце коридора, перед блестящими медными дверями лифта для пентхауса, стояла табличка «Хода нет».

Вооружившись ключом, Кармайн открыл двери и ступил в обитую плюшем и мягкой розовато-коричневой кожей кабину с красным мраморным полом и золочеными украшениями. На панели были только две кнопки: «вверх» и «вниз». «А то бы не догадались», — с ухмылкой подумал Кармайн. Кабина открылась прямо в квартире, поражающей своей величиной. Прихожая, размером с хорошую гостиную, вела в гостиную, размером не уступающую большинству домов. Огромные, во всю стену, окна гостиной являли взору панораму Северного Холломена и вид на гавань в проливе Лонг-Айленд. Кармайн ясно различил выступ верхнего этажа своего дома и квадратную башенку с террасой. Маломощный телескоп на треноге заставил задуматься, что такое мог высматривать Дезмонд Скепс в чужих окнах. «Ох, не нравишься ты мне, мистер Скепс, — решил Кармайн. — Неприкосновенность частной жизни — наша последняя защита против скотства, а в тебе скотства хватит на целое федеральное

правительство».

Интерьер, выдержанный в спокойных бежевых тонах, консервативный и чисто утилитарный, свидетельствовал о работе дизайнера. Ничто не указывало на то, что Скепс коллекционировал произведения искусства или какие-нибудь безделушки. Картины на стенах представляли собой посредственные акварели, вероятно, выданные дизайнером за первоклассные работы. Только для спальни было сделано исключение — там неизвестный оформитель предпочел гравюры, выданные из викторианских книг большого формата и помещенные в рамки. Счет наверняка был астрономическим, но, как решил Кармайн, справедливым — тот, кто в упор не видит разницы между шедевром и второсортной подделкой, другого не заслуживает.

Скепса убивали не на кровати, а на массажной кушетке, высокой и узкой — для пыточного ложа она подходила как нельзя лучше. Либо он лег на нее добровольно, либо убийца достаточно силен, чтобы поднять взрослого мужчину. Безусловно, Скепс не стал бы смаковать «Гленливет» с хлоралгидратом, лежа на своем будущем смертном одре. «Да, убийца силен, — отметил Кармайн, вспомнив медвежий капкан. — Эти два убийства совершены лично, и оба требовали большой физической силы. Ищи типа, который купается в деньгах, сложенного как «Мистер Вселенная», и вряд ли ошибешься. Легко сказать. А если не найдется никого с таким набором качеств?»

Ребята Патси тщательно обследовали место преступления на предмет улики, и Кармайн не собирался делать это вторично. Ему хотелось получить представление о Дезмонде Скепсе, опираясь на обстановку его квартиры.

Пока Кармайн знал о нем лишь то, что было известно всему свету, и из тех же источников: глянцевого журнала, газетных колонок, редких серьезных статей в «Уолл-стрит джорнал» и «Нью-Йорк тайме». Отец Скепса, владелец процветающей фабрики по производству автомобильных деталей, сумел вовремя разглядеть облака войны, клубившиеся над Европой и Юго-Восточной Азией. В 1938 году он основал «Корнукопию» — название, как он говорил, попросту означает «Рог изобилия» — предприятие, выпускавшее вначале только артиллерию, потом авиационные двигатели и другую военную технику. После Перл-Харбора «Корнукопия» превратилась в целую империю и уже не прекращала своего роста. Теперь, в 1967 году, она производила хирургические инструменты и оборудование, пушки и гаубицы, турбины, генераторы, атомные реакторы, ракеты, стрелковое оружие и даже пластмассы, особенно для военных целей. Корпорация имела громадный научно-исследовательский центр,

занимала ведущие позиции во всех областях своей деятельности и постоянно получала заказы от вооруженных сил.

В общем, работы у Скепса хватало, хотя осуществлял он, разумеется, только общее руководство. Пятьдесят управляющих директоров также имели мало касательства к производственным вопросам. Ими, подозревал Кармайн, вплотную занимались те, кто стоял по меньшей мере на три-четыре ступеньки ниже, — как и в любой многопрофильной корпорации, неплохим образчиком которой являлась «Корнукопия».

Скепс, высокий, стройный, слегка нескладный брюнет, очень нравился женщинам. Роль тут, как и в случае с Майроном Менделем Мандельбаумом, играла власть. Красавица жена Скепса сбежала от него, не выдержав постоянных попреков и ревности, и в повторный брак он не вступал. Их ребенку, мальчику, исполнилось уже тринадцать; он учился в школе Тринити-Грей. Звали его, как и следовало ожидать, Дезмонд Скепс Третий. Мать получила право полной опеки над ним — очевидно, за Скепсом-старшим значились какие-

то серьезные проступки.

Как Скепс относился к сыну и его матери, понять было трудно — ни фотографий, ни портретов ни одного из них в квартире не было. Кармайн, разумеется, планировал увидеться с матерью, но это потребует поездки в Орлеан, на мыс Код, где жила Филомена Скепс. Там же сейчас находился и мальчик, выздоравливал после какой-то тяжелой болезни. В школе он отсутствовал уже пять недель, и до конца учебного года его там не ждали. Скорее всего придется ему остаться на второй год. Не повезло.

— Какие есть соображения? — спросил Кармайн Эйба и Кори после осмотра квартиры.

— наших криминалистов опередили, — сказал Кори.

— Я тоже так думаю, — согласился Эйб, указывая на вазу, которую, судя по разному цвету напыляемых порошков, проверяли на наличие отпечатков пальцев дважды.

Кармайн нахмурился:

— Это я виноват. Решил сначала разделаться с мелкой рыбешкой, а уж потом заняться китом. Побоялся, что иначе мы за ним ничего не увидим. Теперь главный вопрос: были ли устранены какие-либо улики и если да, то какие, кем и почему?

— Без министерства юстиции не обошлось, — сказал Эйб.

— Угу, ФБР. Комиссар что-то такое слышал и намекнул мне. Похоже, сам он узнал недавно и не из официального источника. Черт, как меня это достало! Почему не прийти к нам и не объяснить нормально, что их

интересует. Так нет — прут внаглую, будто тараканы на свадебный торт.

— Наверное, сейчас внизу, в конторе, шарятся, — предположил Кори, злобно играя желваками.

— Ничего, парни, главное спокойствие, — подбодрил Кармайн.

* * *

Поднырнув под натянутую перед конторой Дезмонда Скепса ленту полицейского ограждения, полицейские убедились, что ФБР уже здесь. Тип под два метра ростом и весом за сто кило стоял посреди главного офиса, наблюдая, как два корнукопских вахтера выкатывают из дверей тележку с установленным на ней металлическим шкафом для документов. Каким образом этот красавец с густой черной шевелюрой и темными глазами ухитрился стать агентом Бюро расследований, трем холломенским полицейским оставалось только гадать. Кому нужен оперативник, которого любая собака запомнит раз и навсегда по одним только габаритам?

— С вашей комплекцией, мистер, вы могли бы запросто вынести шкафчик в одиночку, — дружелюбно начал Кармайн. — Или достоинство не позволяет?

Великан вздрогнул, попытался принять командирский вид, но не сумел.

— Надеюсь, вы не собираетесь мне мешать, — сказал он, взмахнув удостоверением. — Я специальный агент Тед Келли из ФБР. Шкаф — важное доказательство.

— У вас и ордер есть? — поинтересовался Кармайн.

— Нет, но я получу его быстрее, чем ваша кошка окотится. Так что не тратьте время даром.

— Можете поздравить кошку, агент Келли, она уже окотилась. Мой ордер при мне, так что, как говорится, властью, данной мне округом Холломен, штат Коннектикут, важное доказательство забираю я. Меня зовут Кармайн Дельмонико. Это — сержанты Эйб Голдберг и Кори Маршалл. Давайте, ребята, беритесь за ручки и покатили. Вынужден заметить, агент Келли, что посторонним на месте преступления делать нечего. Почему бы вам не раздобыть вначале все бумаги, чтобы ваши действия выглядели законными?

Лицо Келли вспыхнуло.

— Ладно, мы с вами еще встретимся. Спасибо за совет.

Кармайн поднял ленту полицейского ограждения.

— До свидания, мистер Келли. Приходите, когда будете готовы сотрудничать с нашим управлением.

«Черт! — мысленно произнес Кармайн, оставшись победителем на

поле брани. — Теперь с этим шкафом до вечера домой не выберусь, а Майрон тем временем неизвестно, что учудит; однако до завтра федералы наверняка нажмут все рычаги, чтобы вернуть свой вещдок. Не зря ведь из всех шкафов агент Келли выбрал именно этот — что-то в нем важное. Да и неспроста тут ФБР оказалось, чует мое сердце».

Он подошел к ближайшему телефону и набрал номер.

— Делия? Отыщи наши допуски к работе с секретными документами, умничка. Твой пусть будет у тебя, а мой срочно пришли сюда. А то нехорошо выйдет, если федералы меня арестуют. Боюсь, заполучить «откидную» карточку будет потруднее, чем при игре в «Монополию».

Он с ухмылкой нажал отбой, не дослушав причитаний Делии, и набрал другой номер.

— Алло, Дэнни? Тут федералы крутятся, и, я чувствую, не зря — подгнило что-то в корнукопском королевстве, тянет душком. Скажи Сильвестри, что битва предстоит серьезней, чем мы думали. Дай-ка мне теперь опять Делию.

Перестав возмущаться, та резко отрапортовала:

— Ваши документы уже в пути. Мои — в сумочке, вместе с пукалкой. Какие будут указания, капитан?

— Кори с Эйбом вот-вот прикатят шкаф с документами. Думаю, из-за него начнется свара, и не факт, что документы останутся у нас. Так что сразу тащите эту бандуру ко мне в кабинет и все копировальные аппараты, сколько сеть выдержит, туда же. Собери девушек из Машинописного бюро, пусть скопируют все подчистую — быстрее, Чем кошка родит. — Он усмехнулся. — Кстати, к работе с документами не допускается никто, кроме нас с тобой.

— А как же машинистки?

— Об этом можно не волноваться. Вряд ли они успеют что-нибудь прочитать.

— К тому же, — закончила Делия ему в тон, — они славные девушки, но ни за что не отличат полимерную цепь от цепной реакции.

— Точно.

«Кажется, все, — подумал Кармайн, кладя трубку. — Только успеете допереть шкаф до управления, парни! Крупных людей напрасно считают медлительными. Будем надеяться, я достаточно заморочил ему голову и он не сразу сообразит, что груз можно перехватить по дороге. Бедный мой «фэрлейн», что будет с задним сиденьем?»

Контора была обычной. Кармайн походил из кабинета в кабинет, везде встречая стандартное офисное имущество: столы, стулья, печатные

машинки, калькуляторы, телексы и ксероксы. В двух небольших офисах Кармайн с восхищением заметил стоящие на столах массивные консоли — он узнал их потому, что уже доводилось иметь дело с университетскими компьютерами: Чабб продавал машинное время разным фирмам и учреждениям. Здесь стояли лишь терминалы, значит, где-то в недрах здания находилось специальное помещение с кондиционерами, занимаемое самими вычислительными машинами. Разумеется, такой громадной корпорации, как «Корнукопия», требовались и собственный машинный зал, и собственные базы данных.

Полиция запретила доступ во владения Дезмонда Скепса, огороженные стенами, то есть около половины этажа. На остальной площади, в менее комфортных помещениях, продолжалась работа. Люди трудились в кабинках, за серыми перегородками высотой примерно по грудь. Для того чтобы увидеть коллег, обитателю такой ячейки приходилось встать, сегодня люди вставали часто — видимо, нервничали. В дальнем углу находился отдельный кабинет, принадлежавший, судя по табличке на двери, некоему М. Д. Сайксу. Открыв дверь, Кармайн увидел коротышку средних лет; за огромным столом хозяин кабинета казался карликом.

— Капитан Кармайн Дельмонико, полиция Холломена. Что значит М. Д., сэр, и какая у вас должность?

Карлик испуганно поднялся со стула, упал на него снова и сглотнул.

— Майкл Дональд Сайкс, — проскрипел он. — Я старший менеджер «Корнукопии-Сентрал».

— Что значит «Сентрал»?

— Главная фирма, капитан. Контролирует все остальные компании, входящие в «Корнукопию», то есть ее дочерние предприятия, — пояснил мистер Сайкс, обретая уверенность.

— Ясно. Значит, к примеру, завод «Форпост» не сам себе хозяин, а принадлежит «Корнукопии», так?

— Да, верно. Дочерние фирмы имеют очень мало автономии.

— Теперь, когда мистер Скепс умер, вы вместо него?

Круглое лицо управляющего сморщилось, будто он вот-вот заплачет.

— Нет, что вы, капитан, вовсе нет! Я всего лишь, так сказать, связующее звено между высшим и средним руководством. Полагаю, управление возьмет на себя мистер Филип Смит, старший вице-президент и, формально, исполнительный директор.

— И где мне найти мистера Филипа Смита?

— Этажом ниже. Его кабинет как раз под личным офисом мистера Скепса. Тот же вид из окон... ну, вы сами понимаете.

— Плюс ключ к директорской уборной.

— У мистера Смита своя собственная уборная.

«Ого!» — мысленно восхитился Кармайн.

Войдя в лифт, он спустился на один этаж и следовал указателям, пока не был перехвачен элегантно одетой дамой почтенного возраста. Оглядев Кармайна с головы до ног с таким выражением на лице, будто он пришел уставаться дворником, она с неохотой допустила его до мистера Смита.

Из окон кабинета открывалась такая же замечательная панорама, вот только телескопа здесь не было. Филип Смит оказался высоким обходительным господином в безупречно сшитом сером шелковом костюме и «чаббистском» галстуке из тех, о которых Кармайн слышал, но никогда не видел, — чистый шелк, ручная работа, итальянский модельер. В манжетах рубашки поблескивали в меру крупные золотые запонки. На ногах мистера Смита красовались элегантные туфли, пошитые вручную где-нибудь в лондонском Сент-Джеймсе. Мистер Смит, красивый блондин, говорил с растяжкой, как в богатых филадельфийских пригородах, а его серые глаза то и дело с любованием посматривали на зеркало.

— Ужасно, просто чудовищно! — воскликнул он, протягивая Кармайну портсигар. От сигары Кармайн отказался, но предложенный кофе принял с удовольствием.

— В какой мере смерть мистера Скепса повлияет на деятельность «Корнукопии»? — спросил капитан.

Такого вопроса Смит не ожидал; прикрыв веки, он погрузился в молчание.

— В общем-то незначительно, — произнес он наконец. — Решение повседневных задач предоставлено управленческому персоналу компаний. «Корнукопия-Сентрал» — это как отец большого семейства, делает то, с чем сами дети не справляются.

«Высокомерный болван, — подумал Кармайн, сохраняя на лице вежливую заинтересованность. — Поддержать бы вас, мистер Смит, пару часиков в камере для допросов, чтоб спесь сбить, да времени жалко на такую мелкую сошку, даром что расфранченную».

Прибыл кофе, дав Смицу передышку, пока надменная секретарша разливала напиток по чашкам — упаси Бог, чтобы мистер Смит сделал это сам!

— Зачем тут рыскает специальный агент ФБР, мистер Смит? — задал вопрос Кармайн, как только они снова остались одни. — Что он надеется вынюхать?

На этот раз у формального исполнительного директора ответ был

наготове.

— Ничего удивительного, учитывая количество наших оборонных заказов, — без запинки произнес он. — Полагаю, округ Колумбия и Пентагон автоматически бьют тревогу, когда столь важная персона погибает при таких ужасных обстоятельствах.

— Вам что-то известно об обстоятельствах смерти мистера Скепса?

— Э-э... собственно говоря, ничего. Любое убийство ужасно по определению, разве нет?

— Когда прибыл мистер Келли?

— Вчера, около полудня. Гротескный тип, не находите?

— Отнюдь, мистер Смит. Гротеск предполагает что-то неприятное, отталкивающее. Агент Келли, напротив, исключительно удачный образчик человеческого самца. Чем он занимался, когда приехал?

— Попросил провести его в квартиру и офис Дезмонда. Мы, конечно, оказывали ему всяческое содействие.

— И никто не додумался позвонить комиссару Сильвестри и сообщить о присутствии ФБР на месте преступления?

— Нет.

— Очень жаль.

— Почему? Вы ведь все на одной стороне.

— Действительно? Очень приятно это сознавать. Тем не менее, если мистер Келли забрал что бы то ни было откуда бы то ни было, полицию Холломена следует поставить в известность. Как по-вашему, мистер Смит, что-нибудь пропало?

— Э-э... кроме личного шкафа с документами Дезмонда, все на месте, — обеспокоенно сказал Смит. — Он стоял в сейфе у Дезмонда, но у мистера Келли был ключ и шифр. Для полиции там нет ничего интересного — непосвященный ничего не поймет. В документах данные о наших оборонных заказах. У вас, капитан Дельмонико, все равно нет необходимых полномочий для их просмотра.

— Вы ошибаетесь, мистер Смит.

— Перестаньте, Кармайн! — усмехнулся он. — Вы большая щука в маленьком пруду и должны это понимать.

— Хорошо, что напомнили. Я, в свою очередь, попрошу вас распорядиться, чтобы весь персонал «Корнукопии-Сентрал» оказывал всяческое содействие мне и моим сотрудникам. Спасибо за кофе.

Кармайн встал, подошел к окну с видом на пролив Лонг-Айленд и, отыскав глазами свой дом, нахмурился.

— Теперь, сэр, если не возражаете, перейдем к главному. Садитесь,

пожалуйста, за стол.

Смит с некоторым беспокойством подчинился; вся его вальяжность исчезла.

— Расскажите мне все, что вы знаете о Дезмонде Скепсе.

— Дрянь человек, — коротко сказал Смит, положив ладони на стол. — Вряд ли вы услышите другое мнение от тех, кто его знает, знал. Хотя «Корнукопия» зарегистрирована на фондовой бирже, Дезмонд владел контрольным пакетом акций и мог поступать, как ему заблагорассудится. Он так и поступал.

— Можете привести какой-нибудь пример?

— Разумеется. Тот же исследовательский центр. Мы все считали, что создавать собственные лаборатории нам не имеет смысла, слишком велик спектр производств. Но Скепс настоял на своем. Построили, оснастили, сотни миллионов угрохали. В одном Дезмонд был прав — не нужно теперь ходить на поклон в сторонние организации, все исследования проводятся под боком, в Холломене. А теперь, когда мы увели у «Петро-Брит» Дункана Макдугалла, кажется, лучшего и желать не надо. Макдугалл — один из трех специалистов в мире, кто способен руководить исследовательским центром такого масштаба. Почему я жалею? Потому что центр никогда не окупится. Дивиденды резко упали.

— Вы общались с мистером Скепсом вне работы?

— Ну конечно! Хотя раньше, когда он был женат на Филомене, гораздо чаще. Вот идеальная жена магната! Образованная, красивая, обаятельная и к тому же скромная. Таких женщин теперь днем с огнем не найдешь. Потаскухи, все как одна! Дезмонд от жены без ума был, особенно когда Дезмонд Третий родился. Но ревность его одолела, причем совершенно беспочвенная. Кого он только не подозревал: бассейнщика, садовника, техника с телефонной станции, даже мальчишку-почтальона! Дошло до того, что ни один мужчина, желающий сохранить свое место, даже приблизиться к ней не смел. У бедняжки случился нервный срыв, а когда она оправилась, ушла от Дезмонда навсегда, хотя у нее гроша за душой не было. Я ее уважал, капитан, по-настоящему уважал.

Кармайн бросил взгляд в свои бумаги:

— У меня записано, что миссис Скепс живет в Орлеане, штат Массачусетс. Как-то не очень вяжется с бедностью. Что значит... э-э... «ни гроша за душой»?

— Когда Филомена подала на развод, Скепс перешел все границы. Преследовал ее, нанял каких-то мерзких ищеек, даже похитил Дезмонда Третьего, хотя она никогда не запрещала ему видеться с ребенком. Дело

дошло до суда, она наняла отличного адвоката, Энтони Бера. Его ценят на вес золота. В результате ей присудили астрономические алименты и единоличную опеку над Дезмондом Третьим. Она купила недвижимость в Орлеане и в прошлом году устроила сына в школу Тринити-Грей. Хотя мистер Бера и сейчас защищает интересы бывшей миссис Скепс, мстительность ей чужда, капитан. Дезмонд продолжал встречаться с сыном, и она никогда не настраивала мальчика против отца.

— Понятно. Как давно мистер и миссис Скепс развелись?

— В ноябре было пять лет.

— С тех пор мистер Скепс сходил с другими женщинами? У него была любовница, подружки?

На лице Филипа Смита отразилось раздражение.

— Откуда мне знать?

— Вы с ним много общались.

— Но мы не обсуждали, за кем он волочится, капитан! Всем известно, что я категорически осуждаю подобное поведение. — Он перевел дух. — Поинтересуйтесь у Эрики Давенпорт!

Возлюбленная Майрона!

— Почему? Вы подозреваете, что она?..

— Нет, определенно нет. Эта женщина холодна как айсберг. Однако она может кое-что знать о похождениях Дезмонда.

— Расскажите мне подробнее об «айсберге», мистер Смит.

— Я чувствую себя школьным ябедой!

— Ябедничайте дальше, мистер Смит.

— Эрика — глава юридического отдела, через который проходят контракты и прочие дела, касающиеся всей «Корнукопии».

— Поясните, что значит «прочие дела», сэр.

— Ну откуда мне знать? Инциденты вроде вербальных оскорблений, клевета, порочащие заявления, компрометирующее поведение среди высшего персонала.

— Ого! Мистер Скепс держал вас в ежовых рукавицах.

— Иначе нельзя. Слишком много дел с Пентагоном.

— То есть, можно сказать, мисс Давенпорт возглавляет корнукопское подразделение КГБ?

— Фи, как грубо! Кстати, она доктор. Доктор Эрика Давенпорт. Он работает у нас уже десять лет. Получила степень бакалавра экономики в колледже Смита, затем поступила в Гарвардскую школу права. Начала свою профессиональную карьеру в одной бостонской юридической фирме, потом пришла к нам. Мы оплатили ее докторантуру по корпоративному праву в

Чаббе. Чертовски умная женщина! Тогда же, десять лет назад, ее назначили главой юридического отдела вместо Уолтера Симондса. Годы в Бостоне не прошли даром. Нам достался полностью отшлифованный бриллиант, капитан.

— Ее семья?

— Белая кость, протестанты англосаксонского происхождения из Массачусетса, очень богатые, — сказал Смит, изучая свои отполированные ногти. — Она вхожа в высшие круги и, по слухам, была самой красивой из девушек, начавших выезжать в свет вместе с ней.

«Странно, как в ней все это уживается, — подумалось Кармайну. — Девушек из высшего общества не часто встретишь в скучных бостонских фирмах».

— Спасибо, что уделили мне время, мистер Смит. И пожалуйста, не забывайте — каковы бы ни были интересы федералов в деле, это прежде всего расследование убийства. — На полпути к двери он остановился. — Где находится юридический отдел?

— Прямо под нами.

Ну конечно! Строго в соответствии со статусом; доктор Давенпорт стоит двухсторонней панорамы, разве что офис поменьше, чем у начальника.

Однако кабинет главы юридического отдела размерами не уступал владениям Скепса. Буквально с порога чувствовалось, что хозяйка тут — женщина: повсюду вазы с весенними цветами; стены оклеены обоями нежных пастельных тонов; мебель окрашена в светло-зеленый цвет, гармонирующий с кожаной обивкой; светлый деревянный пол застелен розоватым восточным ковром. На всем печать нежности, мягкости, исключительной женственности. «Черта с два! — одернул себя Кармайн. — Сплошной обман. Особа, которую описал Филипп Смит, должна щеголять в черной коже с цепями. Ни одна женщина не добьется руководящего поста в «Корнукопии» без изрядной доли коварства, жестокости и крайнего бессердечия. Такая никого не пожалеет, кроме себя. Бедный Майрон!»

Эрика Давенпорт вышла навстречу Кармайну, что позволило ему хорошенько ее рассмотреть. Да, принцесса частной школы в полном расцвете. Кармайн знал ее дату рождения — 15 февраля 1927 года; значит, ей было уже сорок, хотя выглядела мисс Давенпорт не больше чем на тридцать. Средний рост, грациозные движения, тонкая талия, изящные ноги. Одета безупречно — от платья цвета морской волны со струящейся, в меру короткой юбкой до французских туфель на невероятно высоких каблуках. В ушах красовались бриллианты по два карата, еще один, в

четыре карата, свешивался на цепочке на грудь. Мелированные светлые волосы, подстриженные коротко, по- мужски, и зачесанные вперед, обрамляли скульптурное загорелое лицо с полными красными губами, слегка орлиным изгибом носа и большими, широко раскрытыми глазами, в которых будто бы отражалась морская синь ее платья. Вот она, королева улья! И как только Скепсу удалось подмять ее под себя?

Кармайн протянул ей руку:

— Капитан Кармайн Дельмонико, полиция Холломена.

При первом взгляде на хозяйку кабинета ему пришла мысль, что он, возможно, ошибся по поводу способа, каким ей удалось достигнуть вершины юридического отдела; женщина такой внешности вполне могла сделать это, лежа на спине. Однако Кармайн мгновенно отбросил идею «горизонтального» продвижения, едва встретился с Эрикой глазами. Жестокость, коварство и бессердечие присутствовали в полном составе и явно без дела не сидели. Пустить в ход женские чары она посчитала бы ниже своего достоинства — с противниками нужно справляться их собственным оружием.

Коротко, по-мужски крепко пожав руку Кармайна, она указала ему на стул, предназначенный для клиентов, сама же заняла место за столом. Эрика Давенпорт никому не позволит усомниться в своем с трудом завоеванном авторитете.

— Кажется, у нас есть общий друг, — начал капитан.

— Майрон Мандельбаум? Да. Очень жаль, что я не могу с ним встретиться на его территории, но я, конечно, все понимаю. Кто бы мог подумать, что Дезмонд погибнет?

— Действительно, кто? Полагаю, не вы, доктор Давенпорт?

— Нет. Для меня это ужасное потрясение.

— Как вы полагаете, смерть мистера Скепса связана с бизнесом?

— Честное слово, не имею понятия.

— Что будет теперь — я имею в виду, на деловом фронте?

— Подождем, пока огласят завещание. Дезмонд — главный акционер и фактический владелец корпорации. — Как и Смит, Эрика принялась изучать свои ногти, длинные и покрытые светло-розовым лаком.

«Нет, не лесбиянка», — решил Кармайн.

— Когда это произойдет?

— Зависит от его нью-йоркских адвокатов. Думаю, завтра должен прибыть юрист с завещанием. Несомненно, все наследует маленький Дез, а тот, кто будет назначен его опекуном, получит полный контроль над имуществом.

— В любом случае я был бы рад получить копию завещания, как только это будет возможно, — сказал Кармайн и тут же сменил тему: — Вы замечали что-нибудь необычное за последние несколько дней, доктор Давенпорт? К примеру, перемену настроения у мистера Скепса?

Эрика сосредоточенно нахмурилась:

— Нет, кажется, ничего такого...

— В его жизни была женщина?

Смех в ответ.

— А, понимаю. Нет, такой не существовало.

— Вы очень красивы. Может быть, это вы и есть?

— Определенно не я, — ответила она ровным голосом. — Блондинки не в его вкусе, сами убедитесь, когда увидите миссис Скепс.

— Они оба больше не вступали в брак.

— Нет. И полагаю, не собирались.

— Зачем тут ФБР?

— По-видимому, из-за наших контрактов с Пентагоном.

— Юридический отдел это не интересует?

Тонкие, выщипанные брови Эрики взлетели вверх.

— С какой стати? «Корнукопия» ничего не нарушила. Присутствие ФБР не более чем формальность.

— Кажется, вы чего-то недоговариваете.

Она выпрямилась.

— Что вы имеете в виду?

— Просто такое чувство. Хотите сказать что-то еще?

— Нет, — отрезала она и сразу изобразила очаровательную улыбку, видимо, вспомнив об узах дружбы, крепко связывающих ее возлюбленного Майрона и Кармайна Дельмонико.

— Тогда не стану вас больше отвлекать от работы.

В холле он встретил Эйба и Кори.

— Ну как, доставили в целости?

— Как младенца, Кармайн. Теперь шкафом занимается Делия.

— Отлично.

— Кто эта красотка? — спросил Кори.

— Доктор Эрика Давенпорт. Ее красота убийственна.

— Это она — новая подруга Майрона?

— Да, к сожалению.

— Перестань, Кармайн. Майрон не ребенок, — сказал Эйб.

— Я бы не волновался, будь она еще одной охочей до богатства дурочкой, но тут совсем другое дело. Возможно, ее красота не сравнится с

ликом Елены Прекрасной и суда в путь не подвигнет, но ее Должность вкупе с интеллектом вполне на это способны. Впрочем, не мое дело. Как поживает специальный агент Келли?

Кори с Эйбом рассмеялись.

— Очень огорчился, обнаружив, что шкаф на неприкосновенной территории, а за ордером нужно ехать к федеральному судье в Хартфорд. Мы направили его к Дугу Туэйтсу Неверующему.

Кармайн присоединился к общему веселью.

— Лучше не придумай! От него Келли не скоро выберется.

Втроем они зашли перекусить в столовую «Корнукопии», где Кармайн, к удивлению Эйба и Кори, направился к большому столу, за которым в одиночестве обедал Майкл Дональд Сайкс. Пленник Кармайна — другого слова не подберешь — вначале насторожился, потом как будто даже обрадовался компании.

— У вас нет пропуска в директорский ресторан? — спросил Кармайн, переставляя с подноса на стол суп-пюре с мидиями, курятину с рисом и лимонное желе с грушами и сливками.

— Есть, но мне и тут хорошо, — буркнул Сайкс.

— Разве там не лучше кормят?

— В том-то и дело. Лучше и намного дороже. Я привык к простой пище. К тому же вы видели Филипа Смита. Вам бы хотелось послушать его рассуждения о том, какое вино больше подходит к телячьим эскалопам? Такого зануду еще поискать!

— Вы не ценитель вина, мистер Сайкс? — спросил Кори.

— Вообще не гурман, к еде и питью отношусь спокойно, — сказал мистер Сайкс. — Вот оловянные солдатики — другое дело!

— Сражение при Шайло в собственном подвале? — спросил Эйб.

Сайкс презрительно скривил губы:

— Не угадали! Меня вдохновляет эпоха Наполеона! Аустерлиц и Маренго.

— Как насчет Ватерлоо? — поинтересовался Кармайн.

— Ватерлоо вроде Гражданской войны — чересчур банально, миллион раз жевано-пережевано.

— Кстати, много ли миллионеров среди руководителей «Корнукопии»? — спросил Кармайн, размышляя, не распространяются ли военные увлечения мистера Сайкса на захват промышленных гигантов. Это уж точно вывело бы его подвальные игры из разряда банальных.

— Кроме меня и Эрики Давенпорт, все богаты, как Крез. — Майкл Дональд Сайкс аккуратно порезал свое желе на кубики и покрыл каждый

шапочкой из взбитых сливок. — Одного поля ягоды — свой род ведут от семей первых поселенцев, учились в престижных частных школах, окончили Университет Чабба... Не удивлюсь, если все они родственники. Понятное дело, отец Дезмонда Скепса уже был толстосумом, иначе как бы он основал «Корнукопию»? До тридцать восьмого года производил автозапчасти, но это так, мелочевка. Тем не менее сумел убедить кучу друзей и родственников дать ему займы. С акциями не расстался, слишком хитер был. Ну а как началась Вторая мировая, стал загребать деньги лопатой. Выплатил все долги с процентами и уселся один на корпоративном мешке, как пес с костью динозавра в зубах.

«Так-так, — подумал Кармайн, откидываясь на спинку стула. — Мистер Сайкс, может, и остановился на полдороге между средним и высшим руководством, зато дорожную грязь знает не понаслышке. Боже, храни сплетников!»

— Как сюда затесался Филип Смит?

— Родственник Скепса, разумеется, — по крови или по браку. Дико богат! Знаете, о размере капитала легко судить по жалованью и привилегиям. Как будто громадное состояние автоматически дает тебе право получать еще больше. Взять хотя бы Гаса Первея, исполнительного директора «Форпоста», завода по производству полевой и морской артиллерии. Не самое большое и не самое прибыльное из наших предприятий, однако Гас Первей получает почти столько же, сколько Фил Смит. Наравне с Фредом Коллинзом из «Поликорн-Пластикс» и Уоллесом Грирсоном из «Дормуса», выпускающего турбины. Вы бы с ума сошли, капитан, если бы узнали, сколько они загребают. Президент Соединенных Штатов с ума бы сошел. Да только не нужны им эти деньги. Любой из них не смог бы и тысячной доли промотать того, что имеет, хотя бы ни дня нигде не работал, а только жил в свое удовольствие.

— Пуританская трудовая этика? — предположил Эйб.

— Или инстинкт стяжательства, — добавил Кори.

— Ха! — Майкл Дональд Сайкс втянул в себя последний кубик желе. — В такую ерунду я не верю. На развлечения у них силенок не хватает, а торчать весь день дома с женами кому захочется? Так вот и отдыхают от жен, и подружек им не надо. Да какой, блин, трахальщик из Филипа Смита! Смех один.

— У этого Сайкса не все дома, — подвел итог Кори, когда они вышли.

— Может, и так, зато теперь мы знаем о верхушке муравейника немного больше, — с довольным видом возразил Кармайн. — Филип Смит, Гас Первей, Фред Коллинз, Уоллес Грирсон — все старые протестантские

семейства с горами долларов не хуже, чем у Скруджа Макдака. Придется как следует порыться не только в содержимом шкафа агента Келли, но и в делах этих четырех джентльменов — на киллеров денег у них хватит с лихвой.

— Помяни черта, а он тут как тут, — буркнул Кармайн минуту спустя, увидев выходящего из лифта специального агента Келли, и уже громче приветливо поинтересовался: — Ну как? Получили ордер?

— Скажите, капитан, в этом карликовом штате все такие ненормальные? Мое начальство уверено, что по комиссару Сильвестри давно плачет психбольница, а судья, от которого я таки добился ордера, похож на героя романа Лонгфелло!

— Лонгфелло — это поэт, — поправил его Кармайн. — О ненормальных он не писал, но я рад, что вы получили ордер.

— Вот именно. И заодно мой шкаф, — торжествующе сказал Келли. — Ваше счастье, вы не успели в него забраться. Да, кстати, как вам удалось заполучить Делию Карстерс? Шеф, как узнал, что она ушла из нью-йоркского управления, хотел заманить ее к нам, только она будто сквозь землю провалилась.

— И вынырнула в Холломене. Тоже ненормальная, ничего не попишешь, — хмуро сказал Кармайн и кивнул на один из свободных столиков в быстро пустеющей столовой: — Давай присядем, специальный агент, только больше я тебя так длинно называть не стану. Просто Тед. А я Кармайн, короче не получится. Кори с Эйбом пока прогуляются до конторы Скепса, а мы побеседуем.

Они сели.

— Итак, шпионаж, — начал Кармайн. — У меня это слово ассоциируется с продажей государственных тайн вражеской державе, хотя, я думаю, враги-индивиды тоже годятся. Поскольку речь идет о «Корнукопии», полагаю, что шпионаж касается не карт и планов с расположением объектов, а чего-то более конкретного — новых атомных реакторов, аналитических приборов, пластмасс, кучи всего. Я прав?

Глаза Келли едва не вылезли из орбит.

— Как вы догадались?

— Это очевидно для любого, у кого есть хоть капля мозгов в голове. Я слышал о тебе, Тед. Вспомнить, что ты агент по шпионажу, было лишь вопросом времени. Да и с чего бы еще тут появилось ФБР? Убийство? Ни в коем случае, какой бы важной шишкой ни была жертва. Секретные корнукопские контракты? Тоже нет, разве что за корпорацией уже следили — и убийство Скепса только подтвердило подозрения. Ну, я прав?

— Еще как, — хмуро подтвердил Келли. — Некто уже два года передает коммунистам секретную информацию.

— Как об этом стало известно?

— С большим трудом и с риском для жизни у русских украли сверхсекретный регулятор подачи топлива для ракет. И тут вдруг оказывается, что регулятор этот — наш и разработан в исследовательском центре «Корнукопии». Красные его даже не модифицировали.

— Преступник кто-то из исследовательского центра?

— Если и так, пока он умело скрывается. Определенно не Дункан Макдугалл. Он занимал такую же должность в «Петро-Брит», но там Даже схемы точилки для карандашей ни разу не пропало. Типичная проблема частных производителей: если начальник — ходи, где тебе вздумается, и делай, что хочешь. Какие меры безопасности! Разве что бумаги в сейф запирают.

— Ты имеешь в виду толстосумов на самом верху?

— Конечно.

— Но зачем им работать на красных? В деньгах они не нуждаются, и трудно сомневаться в их патриотизме.

— Сомневаться в патриотизме всегда трудно, Кармайн, тем не менее государственная измена встречается. Если игра затевается не из-за денег, значит, дело во взглядах. Говорю «игра», потому что мне попадались два шпиона, которые занимались этим, просто чтобы доказать, какие они умные.

— Но в результате все-таки допустили оплошность. Что еще пропало?

— Трудно сказать. Когда знаешь, что утечка возможна, любое русское или китайское новшество вызывает подозрения. В других фирмах тоже пропадала секретная информация, но всякий раз у них были контакты с «Корнукопией».

— Удивительно, что вы до сих пор продолжаете давать заказы этой корпорации.

— Да ладно, капитан, ты ведь не дурак. Производства такого рода на каждом шагу не встречаются. К тому же предатель, мы называем его кодовым именем Улисс, принципиально крадет только те детали и разработки, которые министерство обороны не может получить больше нигде. Да и доказательств пока нет. Юристы «Корнукопии» утверждают, что утечка происходит в Вашингтоне, не в самом Пентагоне, а где-то еще — у консультантов, например. Однозначно опровергнуть это нельзя. Главный довод против «Корнукопии» — то, что она, так или иначе, фигурирует во всех случаях хищений, доказанных или предполагаемых.

— Думаешь найти ответы в шкафу Дезмонда Скепса?

— Нет, не думаю. Скорее всего Скепса убили, потому что он узнал, кто такой Улисс.

— Что ж, при обычных обстоятельствах я бы тебе посоветовал отойти в сторону и подождать, пока эксперт по убийствам раскрутит это дельце, да только ты, вероятно, в курсе, что сейчас творится в Холломене. Придется тебе самому попотеть с поимкой шпиона. Не то что бы я совсем беспомощен, но Скепс только один из одиннадцати трупов, и связаны ли они все с Улиссом — еще вопрос.

— Вот и занимайся своими убийствами, — осклабясь, сказал Тед Келли. — Предлагаю встретиться завтра за кофе, часов в десять, идет?

— Идет, — согласился Кармайн.

Теперь на семь этажей вниз в «Поликорн-Пластикс» к Фредерику Х. Коллинзу, исполнительному директору.

Коллинз оказался в какой-то степени похож на Филипа Смита: элегантный шерстяной костюм, сшитый на лондонской Сэвил-роу, такой же «чаббистский» шелковый галстук, манжеты с запонками, изображавшими в платине и эмали герб одного из старейших университетских колледжей, туфли, сделанные на заказ в Лондоне. Выглядел Фредерик также лет на пятьдесят, был безупречно выбрит и имел ухоженные ногти, однако в нем напрочь отсутствовал дух усталого аристократизма, которым явственно веяло от Смита. «Такая физиономия, — решил Кармайн, — больше подходит мяснику». Черные глаза директора непрерывно бегали из стороны в сторону — не в поисках зеркала, а словно из боязни что-то выдать.

— Ужасно, просто в голове не укладывается! — восклицал он, ерзая на стуле.

— Вы были с мистером Скепсом друзьями, сэр?

— Да, очень близкими. Как, собственно, все члены правления. Мы все немного старше Деза — ни с кем из своих однокурсников он близко не сошелся.

— Почему, как вы думаете?

— Не знаю... Поговаривают, однокашники его не любили. Он тогда сильно пил, а в нетрезвом виде бывал... э-э... резок. Через неделю после окончания университета умер Дезмонд Скепс-старший, так что Дез, как владелец контрольного пакета акций, вошел в «Корнукопию» сразу в качестве председателя правления. Без малейшего опыта! Трое из нас уже работали здесь младшими администраторами — Гас Первей, Уол Гирсон и я. Все «чаббисты»! Фила Смита нам подсунул Дез — он его двоюродный

брат. Мне кажется, Деза восхищали внешность Фила и его манера говорить. Мы привыкли смотреть на Смита как на предмет декорации. Слово «работать» ему так же чуждо, как «трахаться». Ему не меньше шестидесяти, так что он хорошо знал отца Деза. Тоже «чаббист», только окончил раньше нас.

— Сколько всего членов правления, мистер Коллинз?

— Фил Смит, Гас Первей, Уол Грирсон, Эрика Давенпорт и ваш покорный слуга. Дез был председателем, а Фил его заместитель.

— Очень маленькое правление, не так ли?

— Закон не оговаривает размеры правления, капитан.

— А внешние акционеры?

— Мы вчетвером и сотни тысяч мелких акционеров. Их интересы представляет Эрика.

— Значит ли это, что у нее с вами разногласия?

Коллинз засмеялся:

— Нет, что вы! Ситуация примерно как у «Ай-би-эм»: двадцать акций уже небольшое состояние, но в общей массе — мелочь.

— Вы обсуждаете сверхсекретные работы?

— Естественно, — ответил Фредерик Х. Коллинз с удивленным видом.

— Где именно в «Поликорн-Пластикс» происходит разработка новых пластмасс. Прямо на фабрике?

Крупное мясницкое лицо исказилось в новом приступе веселости.

— Нет, сэр. Я производжу пластмассы по проверенным, отработанным технологиям. Все новшества там, где им следует быть, — в исследовательском центре.

— То есть сверхсекретные формулы у вас на каждом шагу не валяются?

— Нет и еще раз нет! Новый пластик мы осваиваем после многократных лабораторных испытаний, так что особых изменений в заводской схеме производства и прочих процессах нет. И вообще, исследования — не мой профиль.

— Чем новые пластмассы могут быть привлекательны для красных?

— У вас есть допуск, капитан? — строго спросил Коллинз.

Кармайн вытащил из бумажника несколько машинописных листков.

Коллинз тщательно их изучил, пожал плечами.

— Некоторые сверхтвердые пластики используют в стрелковом оружии. Другие годятся в качестве брони и для цилиндров двигателей. Достаточно?

— Спасибо, более чем. Что-то подобное уже попало к коммунистам?

Коллинз вздохнул и прижал ладони к глазам.

— Нет, насколько мне известно. Чуть больше месяца назад я отказался от нового изобретения, так как мы уже знали об Улиссе. Я даже посоветовал доктору Макдугаллу запереть все формулы и образцы в сейф. Красные не дураки, капитан, у них там тоже проводятся исследования, но я не дам коммунистам снимать сливки с моих! Ни один новый пластик не пойдет в производство, пока Улисс не будет пойман.

«Что ж, — решил Кармайн, — я ему верю. Не слишком приятный тип, но, похоже, истинный патриот».

— Что говорит специальный агент Келли?

— Да ни хрена он не говорит, — досадливо отмахнулся Фредерик Х. Коллинз.

Пора сменить лошадей.

— Вы женаты, сэр?

— Да, — с непонимающим видом ответил Коллинз.

— Давно?

— Последний раз — два года. До этого были три жены.

— С какой-то из них вы прожили больше двух лет?

— С первой, Аки. Двадцать один год.

— У вас есть дети?

— Два мальчика от Аки, один от Мишель, один от Дебби и еще один от Кэнди, моей нынешней жены.

— Куча алиментов?

— Я могу себе это позволить.

«Любит красивых цыпочек, — подумал Кармайн. — Какая вожжа ему под хвост попала после двадцати одного года? Столько сыновей! Порядочная заваруха будет, когда он помрет. Ясно, у него достаточно денег на киллеров, хотя ради наследников дядюшки Джо Сталина этот точно трудиться не станет. Однако сбрасывать со счетов его рано, пока точно неизвестно, связано ли убийство со шпионажем».

Снова вниз еще на два этажа, в контору завода «Форпост», к исполнительному директору Огастесу Барраклоу Первею. В отличие от Смита и Коллинза он носил продукцию американской фирмы «Брукс Бразерс», включавшую среди прочего галстук-бабочку в горошек и дорожные туфли из мягкой кожи. Его густые вьющиеся волосы уже тронула седина, на гладком приятном лице сияли синие глаза, не избегавшие пытливого взгляда капитана. Первей понравился Кармайну гораздо больше Смит с Коллинзом.

— Коммунистам досталась только одна секретная разработка

«Форпоста», — сообщил Первей, — новый орудийный прицел. Наша основная задача, — продолжал он, — отстоит на много лет вперед: создание автоматической системы наведения при помощи компьютеров, точно вычисляющих цель. Задача колоссальной сложности, потребуются запуск специальных спутников для составления точных карт земной поверхности. Конечно, это не под силу одной «Корну-копии». Вернее сказать, нам поручена лишь малая часть проекта, в котором участвуют все — от НАСА и ниже.

— Если русские или китайцы получают конкретные данные о проекте, какие это может иметь последствия для их оборонных планов?

— Серьезные, очень серьезные. Кое-что они прознали, но, когда на столе много разного сыра, один-единственный запах унюхать трудно.

— А если Улисс уже в курсе?

— В курсе чего? Планы, которые я вам обрисовал, капитан, еще слишком умозрительны и... хм... эфемерны. Я даже сомневаюсь, что мы вообще способны их осуществить.

— Спасибо за откровенность, мистер Первей. Теперь к другим вопросам. Вы женаты?

— Был, десять лет назад. — Первей усмехнулся. — По-моему, женщины не стоят тех неудобств, которые они причиняют. Мне хочется спокойно поужинать дома, ей подавай вечеринку или прием, да чтоб ее фото напечатали в светской хронике. Моя ошибка! Жену нужно выбирать по себе, а я женился на официантке. Нет, я не имею ничего против приемов и вечеринок, но не каждый же день, черт подери!

— Дети есть?

— Нет. Если б родила, так, может, и остепенилась бы.

— С кем-нибудь встречаетесь?

— Да, конечно.

— Я ее знаю?

— Эрика Давенпорт. С ней можно показаться в обществе. Удобная ширма для того, кого еще заводят симпатичные официантки. Эрика — свой парень.

— На что вы тратите деньги, мистер Первей?

— Моторки. Завел себе лодочный домик на озере Мусхед в Мэне. На коннектикутских озерах слишкомлюдно.

— Как вы добираетесь в Мэн?

— На своем вертолете. У меня «Сикорский» — стараюсь поддерживать местных производителей.

— Кроме Мэна, где еще вы бываете регулярно?

— В Нью-Йорке. Я купил квартиру на Восточной Семьдесят восьмой улице.

— У вас есть любимая официантка?

— Нет, сэр! С меня хватило. Теперь я надолго в одном порту не задерживаюсь.

Поблагодарив мистера Первея, Кармайн спустился еще на шесть этажей ниже, в «Дормус» — судя по конторе, занимавшей целых три этажа, фирма процветала.

Тут Кармайна ждали джинсы, ботинки на рифленой подошве, линиялая рубашка и вообще никакого галстука. Мистер Уоллес Грирсон не только одевался как инженер-турбинщик, но, похоже, чувствовал себя в этой роли как рыба в воде. Телосложением он смахивал на Теда Келли: такой же высокий и крепкий, только светлокожий веснушчатый, с умными серыми глазами. Голову венчала копна рыжеватых кудрей. Кармайну он сразу понравился.

— Капитан, я здесь только потому, что мне приказали сюда явиться, — сообщил Уоллес из-за подошв своих водруженных на стол ботинок. — По-хорошему мне следовало бы находиться на заводе.

— Прошу прощения за неудобство, мистер Грирсон, — сказал Кармайн, присаживаясь. — Я не знал, что кто-то из исполнительных директоров непосредственно связан с производством, во всяком случае, из тех, кто входит в правление. Что такого особенного в «Дормусе»?

— Ничего. Я — особенный. Дипломированный инженер в отличие от тех разряженных манекенов. Я никому не позволяю хозяйничать в «Дормусе», кроме меня, даже в цехах.

— У вас пропадали какие-нибудь секретные разработки?

Вопрос ничуть не удивил Уоллеса.

— Из двух разных подразделений, капитан. Сначала чертежи воздушно-реактивного двигателя, разгоняющего самолет со стандартными крыльями до скорости свыше двух Махов. Второй раз — из ракетного отдела, там потери особенно чувствительные. Все всплыло, только когда мой регулятор обнаружился на русской ракете. Меня прямо трясет от злости! Если Улисса не устроят в ближайшее время, «Корнукопии» конец.

— Оборонные контракты настолько важны?

— Еще бы! Дез Скепс так и задумывал — ему нравилось, что оборона Америки куется его руками. Даже если мы освоим другие сферы, мы все равно останемся уязвимы: для производителя, выходящего на новый рынок, промышленный шпионаж опаснее государственного. Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть, если вы не заметили.

— Да, только государственная измена совершается в пользу действительных врагов Америки. — Кармайн сменил тему: — Вы не похожи на миллионера.

— Зато разряженные болваны Фил Смит и Фред Коллинз — вполне. Я любого из них куплю и продам, если захочу. С Гасом Первеем мы вровень.

— Вы женаты?

— Конечно. Пять месяцев назад отпраздновали серебряную свадьбу. Мы с женой оба учились в Калифорнийском технологическом на инженеров. Там и познакомились.

— А, общие интересы?

— Не только, капитан. Маргарет еще и красавица.

— Дети?

— Четверо. Две девочки, два мальчика. Двое старших учатся в Университете Брауна.

— На что вы тратите деньги, сэр?

— Я трачу не много. У нас хороший дом недалеко от заповедника Слипинг-Джайент, но не слишком большой. Четыре ребенка в здоровенном особняке — это сущее наказание. Есть охотничий домик в Мэне. Мы не охотимся, просто любим побродить пешком. Автомобили. Все дети уже водят, так что у нас целый парк «мустангов». И ранчо у подножия Тетонских гор в Вайоминге. Мы туда обычно выезжаем на лето.

— Что для вас важнее всего в жизни, мистер Грирсон?

— Семья, — ответил он не раздумывая.

— А потом?

— «Дормус». Если «Корнукопия» вылетит в трубу, я его выкуплю и продолжу выпускать турбины для кораблей и самолетов.

— Забавно, — сказал Кармайн, вставая, — все время забываю, что в кораблях тоже турбины.

— Еще с тысяча девятьсот шестого года, капитан, когда появились Дредноуты.

Осталось только еще раз побеседовать с Эрикой Давенпорт. По пути в юридический отдел Кармайн столкнулся с выходившим оттуда Филом Смитом.

— Минутку, мистер Смит. Вы женаты?

Смит принял оскорбленный вид.

— Ну конечно.

— Сколько жен у вас было? Одна? Две? Больше?

— Натали — моя единственная жена, мы женаты тридцать четыре года. Я не признаю разводов и неверности, вы, назойливый болван! И моя

жена их тоже не признает! Теперь ваше любопытство удовлетворено? Не желаете посмотреть на нас в постели? Или запустить грязные лапы в шкаф с бельем?

— Нет, этого не понадобится, сэр. У вас есть дети?

— Да, трое! Дочь не пошла в университет, один сын учился в Гарварде, другой — в Массачусетском технологическом.

— Не в Чаббе? Интересно.

— Какое вам дело до моих детей? Ваши вопросы, капитан Дельмонико, переходят все границы приличия! Мне придется сообщить о вашем поведении куда следует, чтобы вас призвали к порядку. Я понятно выражаюсь? — Он прямо-таки задыхался от злобы. — Вы... вы... гестаповец, вот вы кто!

— Видите ли, мистер Смит, — мягко сказал Кармайн, — полицейский, расследующий убийство, использует разные средства для получения информации. Он также пользуется ими, чтобы за то малое время, которым он располагает, понять, какой перед ним человек. Во время нашей первой беседы вы вели себя грубо и заносчиво, поэтому я посчитал себя вправе слегка наступить на вашу мозоль, даром что вы ее бережете в туфлях ручной работы. Вы намекнули, что в вашей власти призвать меня к порядку, так вот: мое начальство плевать хотело на ваши жалобы, потому что знает меня. Я свое положение заслужил, а не купил. И до тех пор пока я не вычеркнул вас из списка подозреваемых, все в вашей жизни — мое дело. Я понятно выражаюсь?

Внезапно Кармайну показалось, что под личиной Филипа Смита скрываются двое: один — чванливый и изнеженный; другой — осторожный, жесткий и чрезвычайно умный. Кармайн сделал вид, что ничего не заметил.

Смит молча скользнул мимо капитана и ушел. Кармайн меж тем продолжил свой путь в святилище Эрики Давенпорт, в приемной которого, как он с интересом отметил, сидел худосочный юноша непримечательной наружности.

— У вас секретарь-мужчина, — сказал он, направляясь к окну ее кабинета.

— Мне показалось, это то, что надо для женщины-начальника. Чем еще я могу вам помочь, капитан?

— Вы не сказали, что входите в правление.

— Это так важно?

— В расследовании убийства любые сведения важны, доктор Давенпорт. Вы надеялись, что я не узнаю, почему агент ФБР так

заинтересовался «Корнукопией»? И вы, и мистер Смит сочли эту подробность незначительной. Также мне стало известно, что вы регулярно встречаетесь с Гасом Первеем, любезно помогая ему скрывать от знакомых свою страсть к официанткам.

Эрика поджала губы.

— В таком случае, капитан, позвольте вас уведомить, что официантки мистера Первея на самом деле — переодетые парни. Он предпочитает восемнадцати- и девятнадцатилетних, с длинными патлами на голове и удаленными волосами на теле.

— Никогда не лишне получить подтверждение догадкам, — улыбнулся Кармайн. — Ну, что там с мистером Келли?

На щеках Эрики проступили алые пятна, а губы вытянулись в прямую линию. Ответ был уклончивый.

— По-моему, капитан, у нас складываются не слишком хорошие отношения для людей, которым, возможно, придется часто видаться друг с другом в будущем. Хотя, надо признать, мне бы никогда не пришло в голову завести дружбу с вами по собственной воле — в вас слишком много мужского шовинизма.

Он засмеялся, прекрасно ее понимая.

— Уже много лет ни один мужчина не смел задавать вам неудобных вопросов вне вашей юридической епархии, и вот сегодня этот мужчина появился, и вам это не нравится. Или он сам не нравится, нас с вами, доктор Давенпорт, не светская беседа. Я допрашиваю вас как подозреваемую в убийстве. Давайте не будем вспоминать об этом, когда мы встретимся в неформальной обстановке. Всею свое Место.

Она вскинула на него удивленные сине-зеленые глаза. Видно было, что в ней шла внутренняя борьба.

— Хорошо, капитан, — кивнула она со вздохом. — Простите меня. Да, я член правления. Дезмонд Скепс хотел, чтобы в нем был представитель из юридического отдела. Что до Гаса Первея, то наши встречи вовсе не регулярны, они ограничиваются светскими приемами, которые правление считает обязательными для посещения. Мистер Келли, как вам, вероятно, известно, здесь в связи с делом о шпионаже, хотя я и не понимаю, зачем вам это знать. У вас, капитан Дельмонико, просто ненасытное любопытство! Вы из тех пронырливых типов, которым невыносимо сознавать, что они еще не выведали все пикантные подробности обо всех на свете.

— Вы читаете у меня в душе! Ненасытное любопытство! Не в бровь, а в глаз, доктор Давенпорт. Что поделаешь, именно мое ненасытное

любопытство позволяет мне раскрывать преступления.

— Губернатор предупреждал, что с вами будет непросто.

Кармайн отошел от окна, решив до конца расследования держать шторы в доме завешенными. Слишком много скотов развелось.

— Увидимся завтра, мэм, — сказал он и вышел, оставив жертву подозрений стоять у письменного стола, плотно сжимая пухлые губы.

Несгораемый шкаф содержал сведения по всем тем разработкам, которые, как знал или подозревал Дезмонд Скепс, были украдены и переданы коммунистам.

Делия, имевшая такой же допуск к государственным секретам, как сам Кармайн, с головой зарылась в бумаги. Кармайн присоединился к ней в четыре часа пополудни; к этому времени она уже разобрала два верхних ящика, посвященных несомненным кражам.

— Бог мой! — воскликнул он. — У Дядюшки Сэма остались хоть какие-нибудь секреты?

— Выше голову, Кармайн, все не так плохо, как кажется на первый взгляд. Эти документы касаются восьми независимых разработок: от ракетного регулятора подачи топлива до оружейного прицела. Кроме них, два усовершенствования штуковины под названием ПВРД, еще одна ракетная деталь, чертежи экспериментальной авиационной пушки, новый атмосферный анализатор, сталь нового состава, похоже, еще толком не испытанная. Ничего хорошего, но я ожидала худшего. Скепс засовывал в ящики все, что имеет хоть какое-то отношение к делу, включая письма и служебные записки. Думаю, он сам собирался все разобрать и проанализировать, а может быть, уже сделал это, если его убийство связано со шпионажем.

— В том-то и вопрос, связано или нет. А что в нижних ящиках?

— То, что внушало Скепсу большие опасения, чем подтвержденные кражи, — все разработки, пущенные в производство за последние десять лет.

Кармайн присвистнул:

— Тут есть чего испугаться! Если Скепс прав, это значит, Улисс действует внутри «Корнукопии» уже десять лет.

Делия бухнулась на стул с колесиками, отчего тот покатил по кабинету, да так резво, что Кармайн бросился на помощь своей секретарше. Оба рассмеялись, но быстро посерьезнели снова.

— Если в ФБР об этом еще не знают, то узнают, как только откроют нижние ящики. Кражи были у каждой фирмы, связанной с обороной, — сказала Делия.

— Черт подери, только шпиона нам не хватало! Меня так и подмывает сказать себе, что вся история с Улиссом совсем из другой оперы — точнее, она сама на целую оперу тянет, — но пока нельзя: в убийстве Скепса слишком много неясностей. Такое чувство, Делия, будто я увяз по горло в зыбучем песке.

— Кажется, на съемках фильмов роль зыбучего песка выполняет наполненная водой ванна с плавающими по поверхности опилками, — сказала Делия, заядлая киношница. — Может, тут похожий случай?

— Если это ванна, то чересчур глубокая — я не чувствую дна.

— Ну и что? Просто плыви, Кармайн, а опилки выплевывай.

— Как ты права! Кто эксперт по шпионам, я или Келли? Я буду искать убийцу, а если он окажется еще и шпионом, мне же достанутся все сливки. — Он усмехнулся. — Или опилки.

* * *

В начале восьмого Кармайн вошел в прихожую, ожидая услышать звуки веселья, которое неизменно приносил к ним в дом Майрон Мендель Мандельбаум. Вместо этого Кармайна встретила тишина. В маленькой гостиной, где семья обычно собиралась перед ужином капитан увидел трех из пяти самых дорогих для него людей, которые сидели в полном молчании. Дездемона была мрачнее тучи, по щекам Софии катились слезы, а на лице Майрона отражалась смесь раздражения и муки.

— Кармайн, скажи им, что мне вовсе не нравится их мучить! — вскочив, закричал Майрон.

— Я бы с удовольствием, если бы знал, о чем речь.

— Папа, он уезжает! — с новым всхлипом произнесла София.

— Уезжает? — удивился Кармайн. — Ты ведь только приехал, Майрон!

— Он не из Холломена уезжает, — пояснила Дездемона, наливая Кармайну выпить. — Он переезжает в отель «Кливленд».

— Это шутка?

— Нет, Кармайн, я не шучу. Мне необходимо видаться с Эрикой, я хочу, чтобы она могла свободно ко мне приходить. Я понимаю, почему мне нельзя пригласить ее к тебе домой, правда, понимаю. Да, я очень люблю Софию, но я приехал сюда не из-за нее, а ради Эрики, у которой сейчас трудное время... — Майрон говорил запинаясь, наконец, замолчал совсем и беспомощно уставился на Кармайна.

«Бог мой, — подумал Кармайн, — да он втрескался в нее без памяти. Настолько потерял голову, что невольно обидел Софию! Наверное, в первый раз в жизни. Теперь София ревет, как пятилетняя, Дездемона

злится, а Майрон трясется так, что того гляди грохнется в обморок. И что теперь делать? Так, давай по порядку, Кармайн. Прежде всего, помоги Майрону».

Кармайн обнял друга за плечи и вывел его из комнаты.

— Ты уже собрал вещи?

— Да! — Тяжелый вздох. — Кармайн, прости! Я не знал, как им сказать, и... все испортил. София, моя девочка!

— Не беспокойся за нее, она тебя простит. Ты все точно решил?

— Да.

— Тогда я вызову такси. — Кармайн снял трубку с телефона в прихожей. — Выноси сумки к дороге и жди машину. Я останусь с женщинами.

— Спасибо, Кармайн. Я твой должник навеки. Когда ты лучше узнаешь Эрику, ты ее полюбишь. Она... потрясающая!

«Ага, как же, — хмыкнул Кармайн, возвращаясь в гостиную. — Твоя Эрика — лживая стерва и мужененавистница каких поискать, олицетворение всего, что ты ненавидишь в женщинах, только почему-то этого не видишь. Чем она тебя так очаровала?»

Потребовалось немало времени, чтобы успокоить безутешную Софию. Будто конец света наступил. Чего же такого наговорил ей Майрон? Он с самого начала не делал секрета из причины своего приезда, и София, казалось, не имела ничего против. А теперь вдруг взялась сопли по лицу размазывать. А реву-то, реву! Наверное, соседям слышно, хоть они и не близко. Да не подступишься к ней, будто и Кармайн вместе с Майроном виноват. Интересно чем? Что тоже мужчина или потому, что еще один папа? Ответа Кармайн не знал, но горестные всхлипы дочери резали его будто тупым ножом по груди.

Дездемону Кармайн тоже никогда раньше не видел в таком расстройстве, хотя отчасти его это радовало; значит, жена действительно любит Софию, раз принимает ее обиды так близко к сердцу.

— Нет, ты только подумай! Уехал в гостиницу! — прошипела она сквозь стиснутые зубы. — Как ему такое в голову пришло! Этому «Кливленду» скоро сто лет стукнет!

— Если Майрону не понравится, как работает слив в туалете, у него хватит средств заплатить сантехнику. Кстати, в прошлом году номера подновили, так что не беспокойся за Майрона — коротать одинокие вечера в убогой каморке с видом на магазины он не будет. Он спит с Эрикой.

София ужинать не стала, улеглась спать, а Дездемона немного успокоилась. Кармайн, наконец, смог выпить.

— Где он с ней познакомился? — спросила Дездемона.

— Мы получим эти сведения в надлежащее время.

— Неужели чиновники на самом деле так выражаются? Так высокопарно.

— Есть основания полагать, что да. Но сейчас меня больше волнует другой вопрос — как там Джулиан? Парня даже сан-францисское землетрясение не разбудит — во всяком случае, шумовая составляющая. Другое дело София. Я уже и забыл, когда она так рыдала, бедняжка.

— Эрика Эрикой, но, по-моему, Майрону следует пообедать с Софией и купить девочке перидотовый комплект, на который она уже несколько недель облизывается.

— Он не очень дорогой? — обеспокоенно спросил Кармайн.

— Нет, милый, что ты. Перидоты — полудрагоценные камни, яблочно-зеленые, примерно в середине шкалы Мооса, в оправе из золота в четырнадцать карат.

— Думаешь, Майрон сможет ее подкупить?

— Нет, конечно! Она простит его, потому что любит как отца, но он должен уяснить, что прощение требуется заслужить. Сегодня София перешла по узкому мосту на другую сторону бездны, растеряв при этом последние крупницы детства. Мы убедились в суровой жизненной истине — самые крепкие узы в конце концов дают трещины. София и Майрон связаны таким глубинным родством, какого у нее нет даже с тобой. Она будет любить Майрона не меньше, чем прежде, но уже никогда не сможет ему полностью доверять. Он предал ее доверие, показав, что новая женщина для него важнее.

— Нельзя съесть пирог так, чтобы он остался целым, — запротестовал Кармайн. — Если бы София не переехала к нам, Майрон не был бы так одинок и не оказался легкой добычей.

— Да, мы оба это понимаем. И София тоже. Только до сих пор в ней было слишком много от ребенка; она верила, что пирог никуда не денется. Теперь она осознала, что так не бывает, и тем больше переживает из-за своего отъезда.

— Моим детям страшно повезло, что у них такая мудрая мать, — сказал Кармайн, притягивая ее к себе и нежно целуя.

— Нет, просто довольно старая. — Она поцеловала его в ответ и уселась к нему на колени. — Ну вот, ужин испорчен. Дом на Эмилию не оставить, пока у Софии не пройдет дурное настроение — нет-нет, глупостей она не натворит, но накручивать себя будет, и лучше я за ней присмотрю. Выбирай, с чем будешь сандвичи — с колбасой или с сыром.

Или с тем и другим вместе.

Глава шестая

Убийство Дезмонда Скепса по-прежнему целиком занимало Кармайна, когда на следующее утро он, не взяв с собой Эйба и Кори, пришел в столовую «Корнукопии» на встречу с Тедом Келли. Они заняли столик в уголке поспокойнее.

— Содержимое шкафа оказалось малополезным, — сказал Кармайн, увлеченно поглощая омлет с тостами, поджаренные ломтики бекона и тушеные бобы; сэндвичи с колбасой ужина не заменили, а едва Дездемона достала сковородку, как у Джулиана начались колики.

— Откуда ты знаешь, что в шкафу? — насторожился Келли. — Ты когда успел посмотреть?

— Э-э... как насчет копировальных аппаратов?

Агент Келли беззвучно открыл и закрыл рот.

— Нельзя просто так копировать секретные документы! За это в два счета можно «вышку» схлопотать!

— Никогда толком не знал, что делают федералы с государственными преступниками — вешают, расстреливают или поджаривают на электрическом стуле. В газетах давно не писали про подобные случаи. По поводу твоего утверждения, Тед, могу сказать, что с тех пор как копии вышли из ксерокса, их не видел никто, кроме Делии Карстерс и меня, а у нас обоих есть допуски. К тому же ты можешь себе представить Улиссов, шастающих по зданию полицейского управления в поисках государственных секретов? Все копии заперты в камере для вещдоков, вместе с окровавленными топорами,

поддельными номерными знаками и парой фунтов героина. У нас маленькое отделение, дежурные сержанты знают в лицо каждого копа, входящего в камеру. В плане безопасности «Корнукопии» до холломенского полицейского управления как до звезд, и ты это прекрасно знаешь. Недоумки, которых вы назначили в здешнюю службу безопасности, даже собственных задниц у себя в штанах не найдут обеими руками. Главное в охране — знать в лицо всех, кто входит в помещение, и записывать в журнал. Если бы это делалось, вы бы уже знали, кто Улисс, хотя б им сам Дезмонд Скепс оказался. Люди ленивы, Тед! Все любят сачкануть. А фирмы вроде «Корнукопии», увы, щедры на высокие зарплаты только для членов правления. Как говорится, платишь орехами — наймешь обезьяну. Как часто делаются записи в журналы? Ведутся ли они вообще? Да-да, я

понимаю, что вы это напрямую не контролируете, хотя следовало бы. Эти авгиевы конюшни наполняются дерьмом быстрее, чем ты способен их вычистить, несмотря на свое гераклово телосложение.

В продолжение всей речи Кармайн не переставал есть, поражая Теда Келли своим аппетитом: можно подумать, капитана ужином не кормили! Однако, будучи беспристрастным слугой юстиции, Тед лишь согласно кивал.

— Ты во всем прав, Кармайн. Нам нужно ужесточить законы и наказания, в этом смысле такие вот улиссы приносят пользу. — Тед невесело усмехнулся. — Я даже рад, что ты заглянул в шкаф. По крайней мере, теперь я не стану надеяться, что из него выудят что-нибудь толковое.

— В смысле? Разве он не у тебя?

— На пути в Вашингтон, с вооруженной охраной. Что там внутри, мне сообщат через несколько недель.

— Хм, значит, ФБР ничем не уступает прочим государственным конторам — куча канцелярских крыс, которым необходимо чем-то оправдывать свое существование.

Когда на тарелке не осталось ни крошки, Кармайн выпил кофе и с удовлетворенным видом уставился на Теда Келли.

— Скажи-ка мне, что ты стащил из пентхауса Дезмонда Скепса?

— Ничего!

— Чушь! Ты успел что-то стащить оттуда до приезда судмедэксперта со своей бригадой.

— У тебя нет никаких оснований для таких выводов.

— Есть. Иначе, мой друг, с какой стати тебе лететь на мое место преступления раньше криминалистов? Ты не хуже меня знаешь, в чьей юрисдикции находится преступление, не выходящее за пределы штата, если только явно не пахнет чем-то пикантным вроде шпионажа. В апартаментах Скепса обнаружилось нечто, что ты посчитал неподходящим для нас, провинциальных телепней, и я собираюсь выяснить, что именно.

— Я даже скрепки оттуда не взял! Только посмотрел на тело и обошел комнаты.

— Ты трогал тело?

— Нет!

— Опиши, как оно выглядело.

— Прошло больше суток. Издеваешься?

— Не валяй дурака! Наблюдательность — твой хлеб. Опиши тело.

Специальный агент Тед Келли опустил веки.

— Скепс лежал навзничь на массажной кушетке. В руке торчала

внутривенная игла. Из нее сочилась прозрачная розовая жидкость, не кровь. Не буду отрицать — я промокнул ее тампоном. Скепс был голый. Низ живота небрежно обрит, до основания пениса, не дальше. На животе, помимо других ожогов, выжжено имя. Соски на груди отрезаны тупым толстым лезвием. На запястьях и щиколотках — странгуляционные борозды. Вот все, что я видел.

— Черт тебя подери, Келли! Ты лжец. Это называется «не трогать тело»?

— Я к нему не прикасался! Только тампон.

— Как скоро после твоего ухода прибыл доктор О'Доннелл?

— Через полчаса.

— Ты находился поблизости?

— Нет, я спустился в офис Скепса.

— Так ты не скажешь, что стащил?

— Я ничего не брал!

— Ну вот что, Тед, к черту мне сдался ваш шпионаж?! Если бы ты не сунулся не в свое дело, мы бы с тобой сотрудничали. Жаль, на нашей трассе одностороннее движение. И не рассчитывай на мое чувство профессиональной солидарности.

— Скепса убил Улисс! Это федеральный уровень.

— Покажи мне доказательства.

— Не могу.

— Точнее, не хочешь.

— Честное слово, Кармайн, у меня связаны руки!

— К счастью, у меня нет. — Кармайн встал. — Что ни говори, а кофе в столовых всегда паршивый, где бы они ни находились, верно, Тед? Если захочешь пообедать и выпить хорошего кофе в этом карликовом штате, где полно ненормальных, отправляйся в «Мальволио». Это рядом с окружным управлением. — Он остановился. — Ты женат? — Похоже, этот вопрос вызывал у собеседников Кармайна особенное раздражение.

— Был, — с кислым видом ответил Келли. — Ей не нравилось, что я редко был дома. Считала, у меня есть любовница.

— Ты когда-нибудь работал под прикрытием?

— При моем-то росте?

Усмехнувшись, Кармайн продолжил свой путь к выходу.

— Приятно сознавать, что у кого-то в ФБР есть мозги. Еще увидимся.

— Из вены не должно было ничего сочиться, — заявил Патси, выслушав рассказ Кармайна о Теде Келли. — Мы, конечно, прибыли позже, но Скепс умер задолго до того, как обнаружили тело. Не представляю, как

Келли мог что-то собрать. Между прочим, это значит, что он прибыл туда со всеми причиндалами — пробирками, банками, тампонами. Наверняка взял мазки из всех отверстий и рассмотрел все в лупу. И уж точно никто не обратил внимания, было ли у него с собой что-нибудь.

— Я запрошу в ФБР результаты анализов. Особенно меня интересует капля из иглы, — сказал Кармайн. — Судье Туэйтсу это понравится! Надо же, ненормальный герой романа Лонгфелло! Келли даже не знает, что Лонгфелло — поэт. Недоучка чертов! Хотя я не всегда понимаю, когда он настоящий, а когда прикидывается.

— У меня все не выходит из головы эта жидкость.

— Гепарин?

— Но зачем, скажи на милость? Скепс был обездвижен. Всегда можно вставить иглу заново, в другую вену. Разве что убийца не мастер делать уколы. Может быть, попал случайно в вену и решил больше не рисковать. Вот и гепарин. Я сам возьму пробу в том месте, — обескуражено заметил Патси. — Необходимо обследовать тело Скепса еще раз. Я поспешил и дал маху.

— Брось, Патси, Скепс один из двенадцати.

— Вот именно это меня и пугает. Скольких я обследовал с должным тщанием? Ребенка и его мать... Придется возвратиться к девяти из одиннадцати трупов, Кармайн, и на этот раз я все сделаю как надо.

Если Патрик что-то решил, спорить было бессмысленно.

— Тогда начни с Эвана Пью, — сказал Кармайн.

— Думаешь, он самый важный?

— Не думаю. Знаю.

— Ладно, пусть будет Эван Пью. Кстати, — в тоне Патрика прозвучала нарочитая небрежность, — Майрон, я слышал, переехал с Ист-Серкл?

— Как, черт возьми, все так быстро все узнают?

— Холломен слухами полнится, а вокруг местных копов их концентрация зашкаливает. Тетушка Эмилия в страшном гневе.

Поскольку «тетушка Эмилия» приходилась Кармайну матерью, он как-то очень по-итальянски пожал плечами и сказал:

— Тогда ты знаешь не меньше меня.

— Скорее всего, больше. Майрон снял в «Кливленде» весь верхний этаж и собирается представить свою драгоценную Эрику всем важным персонам в Холломене.

— Ого! У него серьезные намерения.

— Надеюсь, у нее тоже.

— А я надеюсь, что она невиновна в убийстве.

— У нее высокое место в рейтинге подозреваемых?

— Нет. Мисс Давенпорт где-то в середине списка.

Кармайн оставил Патрика собирать силы для новой атаки на Эвана Пью, а сам направился в свой кабинет, где ждала небольшая стопка документов, в основном служебных записок и несколько официальных писем, которые привлекли внимание Делии тем, что были аккуратно напечатаны, но не имели ни имени отправителя, ни подписи.

«Сэр, — начиналась верхняя записка, — надеюсь, вы не забыли о том, что согласились встретиться со мной и обсудить предложенные усовершенствования конструкции атомного реактора. В том же месте, в обычное время, если вы не против».

Все пятнадцать документов — четыре письма, одиннадцать записок, — выражаясь словами Делии, как-то подозрительно пахивали.

— Такое впечатление, что все они отпечатаны на одной и той же машинке, хотя наверняка сказать нельзя, особенно если во всех офисах фирмы используются машинки со сферической головкой и литеры еще не изношены. Похоже, у всех секретарей именно такие, новые или почти новые. Угольная лента использована только в одном случае, причем напечатано без единой ошибки, значит, машинистка очень опытная. Честно говоря, мне кажется, мистеру Келли следовало бы присмотреться не к исполнительным директорам, а к их секретарям. Никогда не встречала директоров, которые могли бы сами толково что-то напечатать.

— А если директор — женщина? — спросил Кармайн.

— То же самое, если только она не начинала секретаршей. К доктору Давенпорт это не относится. В университете она нанимала машинистку, когда надо было печатать рефераты и курсовые.

— Что ж, тем лучше, — сказал Кармайн, подумав о Майроне.

— Кстати, вы приглашение получили?

— Какое приглашение?

— В субботу вечером мистер Мандельбаум устраивает фуршет в отеле «Кливленд». Дядя Джон, я и Дэнни приглашены.

— Ну тогда мы с Дездемоной и Софией тоже подьем. Есть еще что-то из шкафа, чем мне стоит заняться, или можно оставить это на тебя?

— Остальное я сожгу, пожалуй.

— Тогда пусть этим занимается Тед Келли, лживый сукин сын. А мы вернемся к нашим убийствам. Так, сегодня четверг. Доехать до Орлеана и вернуться к обеду я уже не успею, значит, миссис Скепс подождет до завтра. Сообщи ей, что я приеду, ладно? А где Эйб и Кори?

— Копаются в архиве. Позвонить им?

— Не стоит. Я сам туда заскочу.

Вообще-то публичная библиотека имела собственное здание дальше по Сидар-стрит, зато архив газет, или, как его еще называли, газетный «морг», находился прямо в здании управления, чтобы окружным органам, от полиции до пожарной охраны, было проще им пользоваться. Обычные читатели сюда тоже приходили; вот и сейчас несколько завсегдатаев лениво листали громадные листы древних экземпляров «Холломен пост», из которых всегда можно было почерпнуть массу интереснейших сведений о местной жизни. Постепенно газеты переснимались на микрофиши, хотя Кармайн сомневался, что нововведение будет иметь успех. Что за радость вместо бумаги таращиться в экран с белыми буквами на черном фоне? «Нет уж, здешним читателям это точно придется не по вкусу», — решил Кармайн, взмахом бровей подзывая Эйба и Кори.

— Прогресс, — сообщил он своим недоумевающим соратникам, — способен убить массу удовольствия. — Уже на выходе из здания спросил: — Ну как, нашли что-нибудь?

— Довольно много о Денби, они занимались благотворительностью. Миссис Денби помешана на литературе, декан увлекался эпохой Ренессанса. Оба жертвовали в фонды борьбы с детскими болезнями. Вдобавок миссис Денби — весьма активная участница феминистского движения. Куча всего о Дезмонде Скепсе. Мы скопировали статьи, специально посвященные ему, и сделали выписки из тех, где он только упоминается. Как ни странно, о разводе писали мало.

— Ну, он ведь был не в нашем штате, да и «Корнукопия» постаралась все замять. — Кармайн улыбнулся дававшему отчет Кори, но постарался, чтобы улыбка в равной степени относилась и Эйбу. Черт бы побрал эту вакансию! И из квалификационной комиссии уйти не удалось — Сильвестри не отпустил.

— Куда путь держим? — спросил Эйб, когда они двинулись по Саут-Грин-стрит в сторону Мейпл-стрит.

— В отель «Кливленд», надо поговорить с родителями Пью. Они прибыли на опознание, но собираются дождаться разрешения забрать тело. С ними их адвокат.

— Будут проблемы, Кармайн.

— Вряд ли. Дэнни Марчиано разговаривал с ними по телефону. Кажется, нормальные люди.

Супругов Пью поселили на предпоследнем этаже с видом на красный хребет Норт-Рока. На деревьях только начали появляться первые листочки, и леса, окружавшие Холломен, казались покрытыми легкой бледно-зеленой

вуалью. Впрочем, Дэвида и Энид Пью не интересовал пейзаж за окном.

Оба были лет сорока пяти, загорелые и подтянутые; яркая одежда словно бы несла в себе частичку того места, где они жили. Родители оказались гораздо симпатичнее своего сына. Если бы кто-то вздумал проиллюстрировать легенду о подкидышах, оставляемых эльфами вместо настоящих детей, то едва ли бы он нашел пример лучше Эвана Пью — кичливого эгоиста без всяких моральных принципов. Его Родители были людьми совсем другого склада, Кармайн понял это почти сразу же. Адвоката они привезли только ради исполнения возможных юридических формальностей. Их горе было молчаливым, но от этого не менее явственным. Они требовали рассказать им все подробности, и Кармайну пришлось это сделать, как ни горько ему было разрушать их иллюзии.

— Да, он был на это способен, — с грустью сказала миссис Пью. — Эван любил отрывать крылышки у бабочек. Капитан Дельмонико, мы испробовали все, что в человеческих силах, чтобы смягчить его характер, но все без толку. Психиатры утверждают, что у него психопатический тип личности, и это не лечится. Мы с Дэви надеялись, что он со временем исправится. Он ведь был такой умный! На выпускном тесте набрал максимум баллов... Мы не хотели отпускать его от себя, хотели, чтобы он учился где-нибудь поближе, но ему был нужен только Чабб — лучший подготовительный колледж и лучший медицинский факультет. Другие специальности он вообще не рассматривал, только медицину. — Она вздохнула. — Мы с Дэви давно боялись чего-то подобного.

— Я очень вам соболезную, миссис и мистер Пью.

Кармайн заговорил снова, только когда он и оба его сержанта вошли в лифт.

— Выходит, и у подонков бывают замечательные родители.

— Я до этого не встречал, — заметил Кори.

— И я тоже, — согласился Эйб.

Из размышлений Кармайна вывел вид Майрона, вышагивающего по холлу в компании Эрики Давенпорт. Сегодня доктор Давенпорт была одета в пурпурный костюм, на фоне которого ее глаза казались фиолетовыми, и обута, как с усмешкой отметил про себя Кармайн, в туфли на низком каблуке — Майрон не отличался высоким ростом. «Погоди, это она еще не видела Дездемону!» — подумал Кармайн и кивнул своим спутникам, мол, идите без меня.

— Как София? — с ходу спросил Майрон.

— Дездемона считает, что если тыводишь девочку в ресторан — в смысле ты один — и купишь ей перидотовые финтифлюшки, на которые

она положила глаз, то у тебя есть шанс вернуть ее расположение.

— Так и сделаю, завтра же. У нее ведь сейчас каникулы.

— И еще кое-что, Майрон. Что бы ты ни говорил об Эрике, София вбила себе в голову, что на самом деле ты приехал развлечь ее, пока я занят трудным расследованием. Она обожает своего маленького брата, но Дездемона почти все время занята им.

— Кармайн, прости, что я тебя в это втянул!

— Ты лучше у Софии прощения попроси.

— Я куплю ей бриллианты!

— Ни в коем случае! Дездемона говорит, что для шестнадцатилетней девушки перидоты — самое оно, а мнению жены я доверяю на все сто.

Кармайн снова кивнул Эрике Давенпорт, не произнесшей ни единого слова, и зашагал к выходу догонять Эйба и Кори.

— Кто такая Дездемона? — слышался за спиной уверенный, четкий голос.

Ответа Кармайн не услышал, но вполне мог себе представить, как Майрон смеется и загадочно шепчет: «Придет время, увидишь».

— Все только и говорят, что о ней с Майроном, — сказал Эйб.

— Еще бы, бриллианты-то у нее какие! — добавил Кори.

«Да уж, — подумал Кармайн. — Интересно другое: как давно знаком с ней Майрон и как долго мы сумеем оставаться друзьями, при том что я ненавижу женщину, которую он любит? Ведь она — гарпия, живьем пожирающая мужчин».

Остаток дня не принес никаких плодов, так что погожее утро пятницы Кармайн встретил с облегчением. Ему было необходимо отдохнуть от рутины. Едва забрезжил рассвет, он выехал на 95-ю магистраль и направился на полуостров Кейп-Код — без водителя, несмотря на долгий путь вдоль береговой линии, от которой некий геофизический монстр отхватил громадные куски, самый крупный из которых приходится на залив Баззардс. Какой маршрут ни выбери, путь предстоял неблизкий, поэтому Кармайн поставил на крышу «фэрлейна» маячок и, включив сирену, пронесся до границы штата со скоростью, значительно превышавшей разрешенные сто километров в час.

Орлеан находится у основания «предплечья» полуострова, чуть дальше Четема, занявшего позицию у самого его «локтя», и единодушно признан самым живописным городком из множества живописных городков и деревушек, которыми славится эта местность. Правда, сейчас большинство усадеб и коттеджей пустовали: Кейп-Код — курорт летний. Дома, выстроенные, как правило, из кедра и крытые гонтом, не принято

красить; морской воздух со временем выбеливает стены до серебристого цвета, а в июле их густо оплетают шток-розы. Полуостров, напоминающий очертаниями согнутую в локте руку — как если бы кто-то хотел продемонстрировать бицепсы, — надежно обнимает собой тихие, зеркально гладкие летом воды залива Кейп-Код, в то время как снаружи вовсю бушует океан, и волны, накатывая на песчаные дюны с внешней стороны предплечья, покрывают берег седой пеной.

Кармайн обожал Кейп-Код, и если у него в жизни оставалось какое-то неисполненное желание, так это обзавестись собственным летним домиком где-нибудь между Хайаннисом и Провинстауном, там, где высадились на берег первые английские колонисты.

Дом Филомены Скепс находился в самом конце небольшой улочки с невысокими деревянными заборами, которые в июле обещали сплошь покрыться шток-розами. Типичный для Кейп-Кода особняк в колониальном стиле, с обшивкой из серебристых кедровых досок, неизменным трельяжем для вьющихся роз, располагался на значительном участке земли, что делало его чрезвычайно ценной недвижимостью. Лужайка полого спускалась вниз, к тихим водам залива, где был сооружен собственный пирс с лодочным домиком; очевидно, кто-то любил лодочные прогулки. По боковой стене дома шла труба для жидкого топлива — тут жили круглый год. С восхищением глаза по сторонам, Кармайн ступил на хрусткую гравийную дорожку и зашагал к парадному входу.

Дверь открыла сама миссис Скепс, смуглая красавица с густой копной вьющихся черных волос, черными бровями и ресницами и темно-зелеными глазами.

— Входите, капитан.

По длинному коридору она провела его через весь дом на застекленную веранду с чугунными оконными рамами в стиле модерн, выкрашенными в белый цвет. Несмотря на множество растений, самые высокие из которых касались листьями прозрачной крыши, тут оставалось вдоволь места для белого столика со стульями и двух канapé с белой обивкой. Цветочные горшки тоже все были окрашены в белый цвет, отметил Кармайн; миссис Скепс — перфекционистка: зелень должна быть зеленой, все остальное — белым.

Она предложила ему выпечку, и Кармайн, не позавтракавший по дороге, с удовольствием расправился с малюсенькими пирожными, запив их парой чашечек (не кружек!) кофе. Только после этого перевел разговор с любезностей и общих фраз к вещам менее приятным.

— Вы ведь не выходили замуж во второй раз? — спросил он.

— Нет. Дезмонд был моей единственной любовью. — Она произнесла полное имя Скепса так, будто никогда и не называла его иначе. И тем же спокойным голосом огорошила: — Мы как раз собирались помириться.

Кармайн удивленно уставился на ее лицо, по-прежнему гладкое и спокойное.

— Правда? Спустия столько времени?

— Да, ради нашего сына. Четыре месяца назад я связалась с Дезмондом, и мы несколько раз это обсуждали. У него ведь была другая женщина.

— Если и так, миссис Скепс, нам неизвестно, кто она.

— Эрика Давенпорт, разумеется.

— Сама она решительно это отрицает, мэм.

— Ну, еще бы! Собственно говоря, это не было серьезным увлечением. Ни с той ни с другой стороны. Тем не менее, капитан, одним из моих условий было то, чтобы он порвал с ней все отношения.

— И он порвал?

— Да, вскоре после нашего первого разговора.

— Он ей не делал какого-нибудь подарка на прощание: бриллиантовые серьги и кулон, например? — заинтересовался Кармайн. Что ж, как заявила Эрика Давенпорт, любопытство было его пороком.

Миссис Скепс искренне рассмеялась:

— Кто, Дезмонд? Нет. Он, может, и самый богатый человек в Америке, но такого скрягу еще поискать. — У нее на глазах выступили слезы. — О Господи, мне трудно говорить, даже думать о Дезмонде в прошедшем времени. Нет, то, что Дезмонд подарил Эрике, неизмеримо ценнее бриллиантов, хоть это ему и ничего не стоило.

— Место в правлении среди прочего.

— Вот именно. Не подумайте, я ничего не имею против нее. По крайней мере, когда она у него появилась, он перестал меня преследовать.

— Вы хорошо образованы.

— Я много читаю.

— Корочки — нужная штука, однако, что ни говори, настоящее образование мы получаем не в аудиториях, а благодаря чтению. Но все-таки, почему вы стали предпринимать попытки к примирению, после того как ревность мужа разрушила ваш брак?

— Я ведь сказала, ради сына.

— Разве ему не лучше без всех тех ужасов, которым вас подвергал его отец? Я знаю, читал материалы о разводе.

— Я заставила его пообещать, что такое никогда больше не

повторится. Свое слово для Дезмонда было свято. Понимаете, Дезмонд-младший уже почти подросток, а в этом возрасте мальчику очень нужен отец, пусть даже и не совсем адекватный. Ради сына я готова умереть, капитан. И я верю, что Дезмонд сдержал бы слово.

— Теперь все планы рухнули?

— Да, но я хотя бы попыталась, и мой сын знает об этом. Теперь, когда отец умер, мои братья смогут больше общаться с мальчиком — они боялись, пока Дезмонд был жив. Он угрожал, что прикажет их убить, и это были не пустые слова. Говорил, нанять киллера не проблема, если знаешь, к кому обратиться.

«Кто еще это знает? Может быть, доктор Эрика Давенпорт? Филип Смит? Фредерик Коллинз? Гас Первей, хоть он мне и нравится?» — подумал Кармайн, а вслух спросил:

— Как здоровье сына?

— Поправляется, но медленно. Никогда не думала, что ветрянка может быть таким серьезным заболеванием. Кажется, ею все дети болеют. У бедняжки все горло в язвах! Хуже всего, что ему придется остаться на второй год.

— Можно нанять репетиторов и отправить его в летнюю школу, — посоветовал Кармайн, который сам в детстве часто болел.

— Только если ему это будет по силам, — твердым голосом сказала Филомена.

«Ого, какая заботливая мамаша!» — решил Кармайн и перевел разговор в другое русло:

— Расскажите мне об Эрике Давенпорт, миссис Скепс.

— Как человек она не вызывает у меня симпатии, но свое место в правлении она заслужила, чего не скажешь об остальных дармоедах. Нет, к Уолли Грирсону это, конечно, не относится! Он просто сокровище. Когда старик Уолтер Симондс возглавлял юридический отдел, это было что-то: ошибки при заключении договоров, громадные иски по возмещению ущерба, постоянно приходилось что-нибудь улаживать. При Эрике все это постепенно сошло на нет. Дезмонд обожал ее за то, что она сэкономила компании столько денег.

В это мгновение из передней части дома донесся чей-то зычный голос и другой, отвечающий ему, высокий и мальчишеский. После быстрого разговора вновь прибывший вышел на террасу один, без Дезмонда Скепса Третьего. Мужчина мог вполне сойти за брата Кармайна: высокий, мускулистый, с такой же смуглой кожей, широкими чертами лица и очень умным взглядом. Отличались только волосы (у незнакомца они были по

моде длинными) и темно-карие глаза. Джинсы-клеш, белый свитер и джинсовый пиджак смотрелись на нем как вечерний костюм. От Кармайна не укрылось, что вел себя незнакомец по-хозяйски.

— Тони Бера, — представился тот, протягивая руку.

— Кармайн Дельмонико.

— Все в порядке, Филомена? — спросил Бера у миссис Скепс.

— Да, спасибо. — Она повернулась к Кармайну. — Тони, похоже, считает, что весь мир только и думает, как меня погубить.

— Не пренебрегайте верным часовым, миссис Скепс. Я бы не приехал к вам, если бы убийца не разгуливал на свободе. Не думаю, что вы действительно в опасности. Нет. Тем не менее, мистер Бера, я рад видеть вас. Вы живете здесь неподалеку, сэр?

— Да, на этой же улице.

— Вот и хорошо. Согласно завещанию Дезмонда Скепса, все деньги и имущество наследует Дезмонд Скепс Третий. Я должен получить полную копию документа, но пока мне ее почему-то не прислали. Информация поступила от доктора Давенпорт, она звонила капитану Марчиано, но не сообщила никаких деталей, кроме того, что ваш сын наследует все. Может быть, вы просветите меня, мистер Бера?

— К сожалению, я не знал даже того, что вы только что сообщили, — произнес адвокат, нахмурившись.

— Я полагал, что завещание должно быть оглашено в присутствии наследника.

— Не обязательно. Зависит от того, предписывает ли это само завещание. Нью-йоркские адвокаты мистера Скепса должны быть в курсе. Если юный Дезмонд — наследник, я имею право увидеть полный текст, поскольку защищаю интересы его матери и, следовательно, его самого.

— Это всегда так, сэр?

— Вообще-то нет, но ведь миссис Скепс станет его опекуном!

— Да, конечно. — Кармайн посмотрел на Филомену. — Я хотел бы еще кое-что уточнить, мэм. Вы можете назвать точную дату, когда вы впервые предприняли попытку примирения с вашим бывшим мужем?

— Мы разговаривали об этом по телефону в понедельник на третьей неделе ноября.

— А когда мистер Скепс порвал с доктором Давенпорт?

— Очень скоро. На той же неделе, во всяком случае.

Значит, Эрика Давенпорт знала о примирении четыре месяца плюс минус несколько дней. Какой смысл ей убивать Скепса теперь? Оскорбленная женщина не стала бы ждать так долго. Скорее уж, как только

Скепс сорвался с крючка, она забросила удочку снова и поймала Майрона. Бриллианты ей подарил Майрон, самый щедрый из мужчин. При общем весе приблизительно в восемь каратов на ценнике должно было значиться от четверти до половины миллиона долларов. Морис Мендель Мандельбаум на стекляшки не разменивается! И намерения у него серьезные. Последний раз он так сыпал камешками перед матерью Софии.

— Теперь расскажите мне, пожалуйста, про... э-э... дармоедов, миссис Скепс.

Она презрительно усмехнулась, что ей не шло.

— А, про этих! Дезмонд называл их подпевалами, и был прав. Фил Смит сам это признает — руководить какой-то конкретной компанией не по нем. Он и теперь останется в своем амплуа, станет на место Скепса, возглавит правление, да мало ли... Ханжа. А по виду можно подумать, что королевской крови.

— Что вам известно о его прошлом? Темные делишки? Подозрительные сделки? Подозрительные женщины?

— Я о них ничего не знаю, если не считать Гаса Первея, который притворяется крутым мужчиной и юбочником. Собственно, и есть юбочник, только в таком смысле, что предпочитает юношей, одетых в юбки.

Кармайн повернулся к Энтони Бера:

— Что-нибудь добавьте, сэр?

— Нет. Я далек от мира «Корнукопии».

«Может, и так, — подумал Кармайн, вставая, — но я лучше все-таки проверю, чем ты занимался третьего апреля, мистер Адвокат Толстосум. Жить круглый год в Орлеане — для этого надо иметь очень доходную практику. А миссис Скепс смотрит на тебя исключительно как на друга, несмотря на твои влюбленные взгляды. Тут тебе не повезло».

По пути домой Кармайн повторил трюк с мигалкой и сиреной; участок дороги от Провиденса до Холломена пролетел на всех парах, благо знал его как свои пять пальцев. Поездка в Орлеан, быть может, принесла пользу его нервам, но ни на шаг не продвинула расследование. Пора действовать жестко. Если копия завещания до сих пор не прибыла, он сам наведается в логово Эрики Давенпорт и не уйдет, пока не получит бумаги.

Однако завещание его уже ждало. Привычный к юридическому жаргону, он быстро прочел немалое количество составляющих его страниц и откинулся на спинку стула, переводя дух. Кто-то сболтнул, что он собирается сегодня в Орлеан, и Эрика специально не сообщила подробности ни ему, ни Филомене Скепс, пока они не встретятся. Умно!

Полетели бы клочки по закоулочкам. Каков удар для Филомены Скепс и Энтони Бера! Чего бы они могли наговорить в приступе ярости!

Дезмонд Скепс Третий в самом деле был единственным наследником, однако опекуном была назначена не кто иная, как Эрика Давенпорт. Не вместо матери: мальчик по-прежнему оставался жить с Филоменой, которая могла кормить его, одевать и воспитывать, не имея, однако, возможности распоряжаться средствами, влиять на будущее сына и судьбу «Корнукопии». Во всем, что касалось денег и власти, «от имени родителей» выступала Эрика Давенпорт. Она же назначалась главой «Корнукопии» с настоящего времени и пока Дезмонду не исполнится двадцать один год. «Тут даже Энтони Бера бессилён опротестовать завещание, — подумал Кармайн. — У Филомены нет никакого опыта в бизнесе, ничего, чем она могла бы склонить присяжных на свою сторону. Нет, выгоднее всего для Филомены поддерживать добрые отношения с доктором Эрикой Давенпорт, которую она не переваривает».

А что же женщина, которой Дезмонд четыре месяца назад дал от ворот поворот? Вероятно, тогда она решила, что это начало конца. И вот вдруг она становится вместо него полноправной властительницей в королевстве «Корнукопия». Теперь главный вопрос — знала ли Эрика Давенпорт о содержании завещания Дезмонда Скепса? Колоссальный мотив для убийства. Впрочем, как ей стало известно, что написано в документе, хранящемся в сейфе нью-йоркской адвокатской конторы? Единственное объяснение — ей сказал сам Скепс. Но стал бы он это делать? «Нет, не стал бы, — инстинктивно заключил Кармайн. — Не такой человек Скепс. Скорее ему нравилось смотреть, как она мучается — неделю за неделей, месяц за месяцем. При всех очевидных различиях между ним и Эваном Пью Скепс наверняка тоже любил отрывать крылья бабочкам».

Когда же было составлено завещание? Кармайн ещё раз взглянул на дату. Нет, все так. Два месяца назад. После расставания с Эрикой в качестве любовницы прошло немало времени. Это означало, что Скепс трезво оценил ее работу и остался доволен.

Кармайн посмотрел на часы: ещё можно навестить доктора Давенпорт до окончания рабочего дня в «Корнукопии». Он не стал звонить и проверять, на месте ли она; где ей ещё быть, когда вдруг свалилась на плечи такая обязанность!

Не найдя Эрику в офисе Скепса, капитан поднялся наверх, в пентхаус. Эйб обнаружил небольшую лесенку, спрятанную в гостевой уборной. При повороте второй ручки в ряду задняя стена отъезжала внутрь, открывая узкие ступеньки, спиралью уходящие вверх. Взойдя по ним, Кармайн

ступил в апартаменты, будто только что вернулся из уборной. Его появление не испугало Эрику, но явно раздосадовало.

Сегодня она была в темно-красном, и глаза ее приобрели цвет хаки. «Глаза хамелеона, — подумалось Кармайну. — Отражают окружающие цвета, однако, темно-красный им не под силу. Отсутствует нужный пигмент».

— Вероятно, я теперь главная подозреваемая, — сказала Эрика.

— Отнюдь. Вы опустили на несколько пунктов в моем списке. Если, конечно, мистер Скепс не рассказал вам, что в его завещании.

— Дезмонд Скепс никогда не сболтнул бы лишнее! Никогда. Единственное, что могло ему развязать язык, — это алкоголь, но ко времени, когда мы познакомились, Дезмонд почти не пил. Стаканчик виски в день — да, больше — ни-ни. Он возглавлял одну из крупнейших корпораций страны и хорошо знал, какой вред может причинить излишняя болтливость. Когда-то по молодости он разболтал условия тендера на постройку одного из первых атомных реакторов, и конкурирующая компания обошла «Корнукопию», пользуясь ее же планами. Это едва его не убило. Грирсон ему тогда здорово помог. Если Дез кого-нибудь любил, так это Уола Грирсона. Правление было только что сформировано. Вообще-то их всех, кроме Грирсона, надо было уволить, но Дез решил, что подпевалы тоже полезны, если только их босс не напивается.

— Очевидно, вы не раз беседовали с ним по душам, доктор Давенпорт.

— А, значит, Филомена вам рассказала? Да, с нее станется.

— Мистер Скепс любил женщин? Умел с ними ладить?

— Бросьте, капитан, он ненавидел женщин, и вы это прекрасно знаете! Потому-то его завещание меня так ошеломило. Мне никогда не приходило в голову, что он ценит мои деловые качества. И вот вдруг я — председатель правления и полностью распоряжаюсь акциями, процентами и капиталами юного Деза. — Она испустила хриплый смешок. — Я, Эрика Давенпорт, главный петух в курятнике!

— То есть вы собираетесь показать миссис Скепс, кто теперь хозяин!

— Вовсе нет. — В ее глазах светилась такая искренность, что они едва не стали голубыми. — Я не собираюсь мешать Филомене Скепс исполнять ее материнские обязанности.

— Еще один вопрос, доктор Давенпорт. Что будет, если Дезмонд Скепс Третий вдруг умрет?

Эрика побледнела:

— Как вы смеете! Прекратите немедленно!

— Вы юрист, неужели такой расклад никогда не приходил вам в

голову? Так все-таки, что же произойдет в таком случае?

— Есть другие члены семьи. Полагаю, наследником станет ближайший родственник по мужской линии.

У Кармайна захолонуло сердце.

— Мистер Филип Смит.

— Нет, определенно не он. Мистер Смит претендует на кровное родство, однако, вероятнее всего, он седьмая вода на киселе. Есть племянник и двоюродный брат. Они первые в очереди, причем двоюродный брат имеет преимущество. Племянник — сын сестры Дезмонда Скепса. Двоюродный брат — отпрыск младшего брата его отца. Впрочем, завещание составлено в штате Нью-Йорк, я не эксперт по тамошним законам.

— К тому же это не имеет значения, поскольку юный Дез жив. — Кармайн осмотрелся. — Вы собираетесь поселиться здесь?

— Почему бы нет? Придется, конечно, устроить тут разгром. У бедняги Дезмонда совсем не было вкуса.

— А у вас есть?

— Правильней будет сказать, наши вкусы не совпадают. Я собираюсь закупить картин — своего рода пенсионное обеспечение — и повесить их здесь. И непременно избавлюсь от этой бандуры. — Она махнула рукой в сторону телескопа. — Дезмонд любил подглядывать.

— Я так и понял. А камеру он к нему не присоединял?

Она встрепелась:

— Камеру? Да-да, камера была. А теперь пропала.

— Значит, она исчезла еще до того, как убрали тело, — мрачно сказал Кармайн. — Что ж, теперь понятно, что унес Тед Келли.

— Может быть, ее забрал убийца?

— Возможно.

Кармайн направился к выходу.

— Капитан! Вы будете завтра с семьей на вечеринке у Майрона?

— Если нас пригласили, то да.

— Замечательно! Я очень хочу познакомиться с вашей женой.

— Почему, собственно?

— Она смелая. Майрон мне рассказывал. Смелость — не женское качество.

— Чушь! — отрезал Кармайн. — Женщины невероятно смелы, им приходится проявлять смелость каждый день. С точки зрения копа, они предмет охоты. Их постоянно кто-то высматривает, преследует, и никто не знает, какая из них станет следующей жертвой. Впрочем, я имел в виду не

это, мэм. Женщины смелы потому, что рожают детей, и потому, что на них держится семья — и ох какой это бывает груз!

— Да вы романтик! — произнесла она с театральным удивлением.

— Нет, я реалист. Доброй ночи, доктор Давенпорт.

«Что тебе знать о настоящих женщинах, принцесса из высшего общества, живущая в мире элитных уборных!» — разозленно подумал Кармайн. На память пришли тысячи женщин, встречавшихся ему на жизненном пути, — обрывки воспоминаний вспыхивали на фоне ярости, а сам капитан лишь выступал бесстрастным свидетелем бед, боли, страшных обстоятельств. Постепенно его мысли приобрели более приятный оттенок, и к приезду домой он сумел загнать наихудшие из воспоминаний обратно в подсознание.

— Оказывается, ты тоже романтик, — сказала Дездемона, подавая ему бурбон с содовой.

Сегодня он застал сына бодрствующим. Джулиан подпрыгивал у него на коленях — ничего другого он пока не умел. Глаза мальчика были цвета светлого топаза с черным гагатовым обрамлением, густые черные ресницы чуть закручивались, а на голове красовалась шапка черных кудрей, которые сделали бы честь любой девочке. Несмотря на это, еще никто не ошибался с его полом — так много от Кармайна было в твердом и упрямом взгляде младенца.

Появление на свет мальчика все еще казалось Кармайну чудом, и он не уставал выискивать способы, чтобы показать Дездемоне, какое сокровище она ему подарила, ведь капитан уже и не надеялся, что у него будет сын.

— Ну-ка, пожми папе руку, — скомандовал он.

Джулиан сжал отцовскую ладонь пухлыми пальчиками, и Кармайн принялся вовсю охатить и гримасничать, заставляя малыша визжать от восторга. После этого отец и сын предались объятиям и поцелуям, которые закончились, только когда Дездемона подхватила малыша на руки и понесла спать.

— Странно, что он никогда не капризничает, — сказал Кармайн, когда она вернулась и села рядом допивать свой джин с тоником. — Мы ведь так хорошо развлекались, и тут — бац! — мама все испортила. Казалось бы, сейчас начнет упираться или хотя бы заревет, но нет.

— Просто он умный и знает, что если пришло время спать, сопротивление бесполезно. Джулиан бережет силы для достижимых целей, он еще себя проявит, — с улыбкой заметила Дездемона и поднял; стакан как для тоста.

— Где София?

— Ужинает в «Кливленде» с Майроном и его Эрикой.

— Серьезно?

— Абсолютно. Майрон водил ее на обед в ресторан, купил ей перидоты, но Майрон, конечно, не был бы Майроном, если бы не вы шел за рамки обязательной программы. Прибавил еще очень симпатичный гранатовый гарнитур по собственной инициативе.

— Надеюсь, обиды забыты?

— О да. Вдобавок хитрюга уговорила его устроить этот ужин втроем. Я не стала возражать, подумала, что если София вздумает выразить свое недовольство, пусть лучше это случится наедине, чем перед кучей народу на завтрашнем сборище у Майрона. Я, кстати, приняла приглашение. — Она посмотрела на часы. — Пора бы Софии уж вернуться.

— Загадочная женщина эта Эрика Давенпорт.

— Убийца?

— Вряд ли, хотя благодаря смерти Скепса она получила огромную власть. Согласно завещанию она теперь — самый важный босс.

— Ого! Знаменательная победа в стане женщин, — сказала Де демона, устремив на Кармайна влюбленный взгляд. Хорошо быть свободной и независимой — она сама была такой до тридцати лет с хвостиком, — но, пожалуй, еще лучше успеть вовремя избавиться от независимости. Жить с Кармайном в центре большой итало-американской семьи неизмеримо предпочтительнее одинокой свободы.

— Что на ужин? — спросил он, втайне надеясь на что-нибудь итальянское.

— Спагетти с фрикадельками а-ля Эмилия Дельмонико.

Какой вечер! Успел повозиться с Джулианом, отлично поужинает, позже они с Дездемоной, возможно, сделают своему сыну братика или сестричку... Он, правда, считал, что еще рановато, но Дездемона думала иначе.

Кармайн допил остатки бурбона.

— Тогда давай ужинать. Завтра придется есть менее удобоваримую пищу — омаров, голубых крабов, иранскую икру, что сырое, что не-прожаренное... Я слышал, Майрон заказал повара откуда-то из-за границы.

Пожалуй, Кармайн единственный из приглашенных не горел нетерпением по поводу вечеринки у Майрона. После повышения доктора Давенпорт «повседневная» одежда в пригласительных — то ли по прихоти Эрики, то ли по желанию Майрона — сменилась на «вечернюю», что обернулось традиционной головоломкой для женской половины гостей: что надеть?

К большому облегчению отца, София решила не идти. Причина не озвучивалась, однако Дездемона подозревала, что девочка была полностью подавлена новой подружкой Майрона. После совместного ужина София вернулась в бодром расположении духа и то и дело заводила разговор об Эрике, хотя восторженность девушки была весьма натянутой. Когда столько патрицианской красоты, светской утонченности, ума и достоинства встречается в одном человеке, это всегда производит неизгладимое впечатление. София поняла, что шансов у нее нет.

Из-за своего роста Дездемона не могла покупать себе готовые платья в магазине, однако Кармайн был избавлен от вздохов на тему «что надеть»: в скромном гардеробе его жены имелась одежда для любых поводов. Что до Кармайна, то он считал, что Дездемона просто великолепно смотрится в льдисто-голубом вечернем платье, которое она сама вышила на манер наряда Одри Хепберн в фильме «Сабрина». В бытность свою управляющим директором «Хага» Дездемона неплохо подрабатывала вышивкой и даже расшивала облачения римско-католических священников. Кармайн с удовольствием отметил, что она ничуть не старалась преуменьшить свой рост: серебристые босоножки тринадцатого размера (благо в Нью-Йорке нетрудно раздобыть одежду для трансвеститов!) щеголяли восьмисантиметровыми каблуками.

Первая пара, с которой Кармайн и Дездемона столкнулись еще в лифте, были Моусон Макинтош с его subtilной женой Анджелой. Предоставив мужу заниматься делами Чабба, она полностью посвятила себя исследованию альтернативных граней реальности — от йоги до астрологии. Супруги как нельзя лучше подходили друг другу, ибо, несмотря на всю свою воздушность, Анджела обладала цепкой памятью, из которой не ускользало ни одно лицо, ни одно имя и ни один разговор. Очень удобно для президента Чабба. Кармайн уже давно перестал удивляться, каким образом Майрону, который родился, вырос, получил образование и постоянно жил в Калифорнии, удалось завести столько знакомств в высшем обществе восточного побережья; оставалось лишь принять это как данность.

— Стало быть, сегодня нам представят нового главу «Корнукопии», — сказал ММ.

— Стало быть, да, — подтвердил Кармайн, воздержавшись от упоминания, что глава одновременно являлась одной из подозреваемых по делу об убийстве. Впрочем, ММ скорее всего и так был в курсе.

— Милый, мы ведь с ней уже познакомились, — сказала Анджела. — Ну помнишь, на благотворительном банкете? Спутница Гаса Первея. Такая

красивая! Еще бы — Водолей с восходящим Скорпионом и Юпитер в Козероге.

— Ха! — хмыкнул ММ и отступил в глубь кабины, пропуская женщин к выходу. — Вы прекрасно выглядите, Дездемона.

Они сразу нырнули в гущу гостей, собравшихся вокруг Майрона и Эрики. Хозяйка, в платье из серебристо-серой тафты и серебристого кружева, не рискнула надеть туфли с каблуком выше пяти сантиметров. Глаза Эрики стали светло-серыми, в тон наряду. К какой бы разновидности феминисток она ни относилась — в самом факте принадлежности к ним сомнений не возникало, — ее тактика отличалась утонченностью и не включала в себя каких-либо осязаемых средств подавления мужской половины человечества. Майрон, очевидно, так гордился своей спутницей, так стремился представить ее всем важным персонам, что, похоже, совершенно упустил из виду, каким значительным игроком стала она сама. Что будет, когда они столкнутся в каком-нибудь зале заседаний, ведь рано или поздно это обязательно произойдет? Может, она и это учла?

Кармайн наблюдал, как Майрон представляет ее Дездемоне. Эрике пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в лицо миссис Дельмонико — не самый выгодный ракурс для новой спутницы Майрона. Ища опору на более привычном для себя уровне, взгляд Эрики остановился на кольцах Дездемоны.

— Какие милые, — произнесла она, выдавливая улыбку. Каким образом способна гротескно высокая женщина свыкнуться со своей гротескностью? Носить высокие каблуки! Кармайн Дельмонико на рост не жаловался, однако рядом с супругой выглядел коротышкой. Как ни странно, его это не волновало — пусть окружающие думают о них что хотят.

— С бриллиантом — обручальное, — пояснила Дездемона, — а вот это, с сапфиром, муж подарил мне в честь рождения сына.

— Вы англичанка?

— Да, но теперь я гражданка Америки.

Дездемона с улыбкой двинулась дальше; гостей все прибывало.

— Как тебе Снежная королева? — спросил Кармайн.

— Дорогой, снег мягок и податлив. А она не снежная — ледяная.

— Верно подмечено. Ты бы смогла определить ее возраст?

— Я — да. Она очень жесткая, такими не бывают ни в двадцать, ни даже в тридцать. Думаю, скоро она сделает себе подтяжку — в уголках рта уже намечаются морщины.

— По-твоему, она способна на убийство?

— На корпоративное — безусловно. У нее акулья хватка. Перекусит

пополам, не успеешь глазом моргнуть. Но я не могу представить ее в ситуации, когда бы ей потребовалось устранить кого-то физически. Разве что она совершила какую-то очень большую оплошность.

— Пока ты стояла перед ней, она смотрела на тебя как на монстра, а теперь не сводит с тебя глаз.

— Не с меня. Мне кажется, ее интересуешь ты, Кармайн. По-моему, она надеялась тебя соблазнить, но после встречи со мной надежды лопнули. Ей нелегко с людьми, которые не вписываются в ее стереотипы, по сути, очень ограниченные. Мужчины для нее — этакие жалкие, неуверенные существа, не терпящие женщин выше себя ростом. Теперь она не знает, что и думать.

— Именно это я прочел у нее на лице, исключая желание соблазнить. И что все это значит, мой оракул?

— Что ты ей нравишься, глупый!

Подошла Делия в экстравагантном наряде с розовыми оборками. Кармайн оставил женщин поболтать, а сам пустился разведать обстановку. Насколько он мог судить, тут собрался весь город.

Столкнувшись с Филипом Смитом, жена которого куда-то отлучилась, Кармайн остановился.

— Откуда вы знаете Майрона, мистер Смит?

Кошачья натура тут же выглянула наружу.

— На светских приемах я просто Фил, Кармайн. Майрон — глава одного нью-йоркского банка, с которым мы много сотрудничаем, «Хардиндж». Это такой коммерческий банк, там нет вкладчиков, как в Первом национальном.

Высокомерный болван!

— Так вот как Майрон познакомился с доктором Давенпорт.

— С Эрикой, Кармайн, с Эрикой! Да, конечно. Она заведует юридическим отделом, все контакты с банками проходят через нее.

— Когда они встретились?

Смит пожал плечами:

— Понятия не имею. Спросите у них. В конце концов, это вы — близкий друг Майрона. Я даже удивлен, почему вам это неизвестно. Или близкая дружба просто преувеличение со стороны Майрона? Иногда он любит приврать.

— Спросите у него, — любезно посоветовал Кармайн.

«Пошел ты к черту, манекен самодовольный! — добавил он про себя, продолжая обход зала. — Слова такие же чопорные, как осанка».

Дальше он встретил доктора Полину Денби и исполняющего

обязанности декана Данте-колледжа доктора Маркуса Черуски. Они увлеченно поедали пирожки с омарами, и лица у обоих были чрезвычайно довольные.

— Вы не соблюдаете траур, доктор Денби? — спросил Кармайн, все еще досадуя на Смита с его змеиными колкостями.

— Нет уж, капитан, — ничуть не смутившись, фыркнула она. — В черном я похожа на печень в конечной стадии цирроза. К тому же мне не терпелось познакомиться с новым главой «Корнукопии». Такая победа для женщин!

— Да, победа большая, особенно если учесть, что доктор Давенпорт обязана этому исключительно своим заслугам. Почему бы вам не выдвинуть свою кандидатуру на пост декана Данте-колледжа? Это была бы не меньшая победа.

— Чабб скорее отдаст вакансию марсианину — лишь бы он имел пенис и был «чаббистом». Вот как построят Лисистрата-колледж, я попытаю в нем счастья.

— Разве не странно строить колледж исключительно для женщин, в то время как чисто мужские колледжи считаются признаком дискриминации?

— Безусловно. Я уверена, у нас установят квоту для студентов-мужчин. Настоящая победа, если женщины будут доминировать в администрации. Пусть Чабб обеспечит хотя бы это.

— А если бы вашего мужа не убили? Или, вернее, если бы ваш муж дожился до открытия Лисистрата-колледжа?

— Я бы все равно попыталась получить этот пост. Если бы Джон был против, я бы с ним развелась. Уверена, в новом колледже не станут держаться за изжившие себя традиции и учитывать семейное положение кандидатов. Такая глупость!

— А что вы, доктор Черуски, думаете по поводу упадка проверенных временем обычаев?

Черуски покраснел и смутился.

— Э-э... меня это не касается, капитан. Все это лишь предположения.

Одарив научных работников улыбкой, Кармайн двинулся дальше. Могла доктор Денби убить мужа? В голове копошилась новая идея, но ей придется подождать до понедельника... «Тут можно недурно провести время, — подсказывал Кармайну мозг, анализирующий информацию, поставляемую ему зрением. — Слава Богу, жена способна позаботиться о себе сама и прекрасно понимает, зачем я здесь. Ишь ты, какая-то дама даже шляпу надела!»

Следующая рыба, попавшая в сети капитана, была, если пользоваться

астрологическими понятиями жены ММ, целыми двумя Рыбами — плывущими в разных направлениях, но связанными посередине: декан Роберт и миссис Нэнси Хайман. Обаятельная Нэнси была примерно того же возраста, как и декан. Их дети выросли и улетели из гнезда, так что жизнь родителей в Парацельс-колледже ничто не обременяло.

— Надеюсь, вы найдете того, кто убил бедного юношу, — сказала миссис Хайман и отпила из бокала белого вина. — Его родители обедали у нас. Такие милые люди! Хочется хоть как-то облегчить их боль. Постарайтесь поскорее выдать им тело, Кармайн. Боб ходит сам не свой. Неудивительно. Не знаю откуда, но уже все родители студентов знают про медвежий капкан. Бобу то и дело приходится кого-то убеждать, что никакой опасности для остальных не существует. Полагаю, о том, что Эван занимался шантажом, упоминать не стоит?

Кто, черт возьми, им об этом рассказал? Сами Пью?

— Боюсь, что нет, — мягко пожурил ее Кармайн. — Это как раз то, что у нас называется тайной следствия. Если все будут ее знать, дело запутается еще больше.

— Да, понимаю. — Она вздохнула и тут же просветлела. — Кстати, у меня есть кое-какая информация, которая может помочь.

— Что же? — настороженно спросил Кармайн, не будучи уверен, как далеко она способна зайти, чтобы облегчить груз на плечах декана Хаймана.

— В тот день я была в колледже. Обычно после обеда меня там нет — я учусь рисовать с натуры в институте Тафта. Но наш преподаватель заболел, и урок отменили. Я спустилась на обед поздно, около четверти второго. В холле никого не было, но по лестнице на этаж второкурсников поднимался какой-то мужчина в коричневой спецодежде. Я вспомнила о нем только сейчас, из-за той женщины в коричневой накидке поверх блузки с блестками. Видите? Вон она! У нее такая здоровенная коричневая шляпа, похожая на блин. У мужчины тоже было что-то большое и круглое на голове — я еще подумала, что оно похоже на чехол из-под какого-то инструмента, потому что ткань коричневая. Таких больших шляп не бывает, но я сразу вспомнила об этой штуке, когда увидела шляпу. Ну и ужас! С какой стати она вздумала явиться на торжественный прием в шляпе? У мужчины был еще пояс с инструментами и сумка, как у плотника, поэтому я не особенно к нему присматривалась.

С трудом сдерживая вполне извинительное в данных обстоятельствах раздражение, Кармайн проговорил в лицо миссис Хайман:

— Мадам, вас допрашивали дважды. Оба раза вы клялись, что никого

не видели. Вы даже словом не обмолвились, что в понедельник были в колледже.

— О Господи! Пожалуйста, не сердитесь, капитан! Такая уж у меня дырявая память, мне нужна какая-то зацепка, чтобы что-то вспомнить! Вот шляпа, например. Ну и мерзость! Смотрю на нее, и тут — бац! Тот рабочий тоже был в коричневом и с коричневым блином на голове. Просто... само собой всплыло.

— Он был высокий?

— Нет, довольно маленький, почти ребенок. Худощавый... И еще он хроمال, только не помню на какую ногу. Знаете, бывают такие ботинки, у которых подошва мажется. Боб с ума сходит, когда видит. Оставь тот рабочий хоть одну отметину на мраморе, обязательно вернула бы и отругала, только у него подошвы были нормальные. Я пошла дальше в столовую и совсем про него забыла.

— Вы видели его лицо?

— Нет, только спину.

— Волосы?

— Закрыты «блином».

— А руки? Он белый или чернокожий?

— Кажется, на нем были перчатки.

Что ж, в смелости ему не откажешь! Все думали, что убийца выбрал час, когда колледж пустовал, а он, оказывается, явился в обеденное время. А если бы кто-то из второкурсников вздумал подняться наверх и застал там хромоногого карлика-убийцу? Застал за чем? Очевидно, ни за чем таким, чем не мог бы заниматься настоящий плотник. Даже сам Пью ничего бы не заподозрил. Впрочем, Эван его не застал. Убийца свято верил в свою удачливость, и, видимо, не без оснований. Сколько еще сюрпризов преподнесет сегодняшний прием у Майрона? И кто же, в самом деле, эта женщина в коричневой шляпе блином?

Гас Первей, Уоллес Грирсон и Фред Коллинз стояли сплоченной группой, но Кармайн без труда влился в их круг. Теперь, когда с ним была Дездемона, им оставалось лишь почтительно склонить головы. Первей, лишенный Эрики, пришел на прием один. Коллинза сопровождала его двадцатилетняя жена, Кэнди. Маргарет, еще одна высокая женщина, стоявшая до прихода Дельмонико со скучающим видом, радостно ухватила за возможность поболтать с Дездемоной. Отойдя в сторону, обе женщины затеяли оживленный разговор.

— Жена у вас тонкая штучка, — сказал Грирсон Кармайну. — Она, случаем, не следователь?

— Нет, она была администратором клиники, из тех, что кота кастрировать не сумеют, — ответил Кармайн. — Клиники сейчас управляются наподобие коммерческих предприятий: состояние бухгалтерии для них важнее, чем качество медицинских услуг.

— Жаль. Здоровье не купишь и не продашь, это не товар, а состояние.

— Надо вас определить в больничный совет Чабба и Холломена.

— Я не против.

— Завидую женщинам, которые сделали карьеру, — вздохнула Кэнди.

— Тогда почему бы вам ее тоже не сделать? — дружелюбно заметил Грирсон.

— У вас прекрасная карьера! — буркнул Коллинз. — Жены и матери.

Первей загоготал.

— Тебе просто не дает покоя, что серая кобыла обошла тебя у самого финиша. Эрике очень идет этот цвет, серый. Не кисни, Фред! Как знать, может, гонка еще не закончена.

— Для меня закончена. И для тебя тоже. И для Фила. Вот старина Уоллес еще повоюет. Он один выживет, — сказал Коллинз.

— Думаете, настанут трудные времена? — спросил Кармайн.

— Обязательно настанут, — подтвердил Первей.

— Это было, наверное, как гром среди ясного неба, — продолжал Кармайн.

— Что? — не понял Коллинз.

— Завещание.

— Оно просто оскорбительно! Нив какие ворота! — прошипел Коллинз.

— Кто-нибудь из вас предполагал что-то подобное?

Ответил Грирсон:

— Никто. Даже Фил Смит, хотя он был ближе всех к Дезмонду. Я бы сказал, что завещание поддельное, если бы юристы компании «Тумс, Хильярд, Спендер и Хантер» не составили его, не присутствовали при подписании, а потом собственноручно не положили документ в сейф. В Холломен завещание доставили в бронированном кейсе, прикованном к руке курьера, и Бернард Спенсер открыл чемоданчик в нашем присутствии. Так что это подлинник, никуда не денешься. Я надеялся, там хотя бы будет сказано, почему Дезмонд выбрал Эрику, но ничего подобного: ни единого комментария, даже в сноске. Сплошь юридические формулировки, страница за страницей, чтоб никакой Энтони Бера носа не подточил, если захочет опротестовать завещание в пользу Филомены.

— Думаете, доктор Давенпорт не способна как следует управлять

корпорацией?

— Я думаю, доктор Давенпорт способна отправить «Корнукопию» прямо в пропасть. Я собираюсь добиться от Эрики согласия на продажу мне «Дормуса», когда все полетит в тартарары, — сказал Грирсон.

— Вы знали, что доктор Давенпорт — любовница мистера Скепса? — поинтересовался Кармайн.

Все оторопели. Вопрос застал их врасплох. Они и не подозревали. А Кармайн, каналья этакая, пришел и всадил им еще один отравленный шип под кожу!

— Да бросьте! — воскликнул капитан насмешливо. — Наверняка вам это приходило в голову, когда вы узнали про завещание, даже если до этого ни о каких амурах не догадывались.

— Что до меня, — проговорил Грирсон, — я всегда искренне полагал, что Дезмонд избрал Эрику за ее профессионализм. Дай сейчас я не вижу поводов менять свое мнение. Не такой человек Дезмонд, чтобы позволить чувствам взять над собой верх. Он ошибся в оценке ее способностей, но и только. То, что она была его любовницей, роли не играет.

— Спасибо, мистер Грирсон. Собственно говоря, мистер Скепс прекратил интимные отношения с доктором Давенпорт четыре месяца назад, а завещание составил два месяца спустя. Как вы правильно заметили, решение принято явно не под действием чувств, каковы бы они ни были. Однако меня удивляет, что вы вопреки общему мнению считаете доктора Давенпорт непригодной к руководящей должности. У вас есть особые причины?

— Мое чутье, — сказал Уоллес Грирсон. — Все, что умеет Эрика, — это пустить пыль в глаза, запудрить мозги клиенту. Вы умный человек, капитан Дельмонико, и у вас большой жизненный опыт. Знаете, в каждом классе всегда есть круглый отличник, которому пророчат блестящее будущее. Но всегда есть и другой или другая, кто крутится у вершины, никогда ее не достигая, — потому что она (пусть это будет она) мыслит слишком индивидуально и нестандартно. И знаете что? На встрече выпускников через двадцать лет оказывается, что как раз у нее блестящая карьера. Эрика — это примерная девочка с отличными отметками, но она никогда ничем не руководила, кроме юридического отдела. У нее узкий кругозор, а вместо мозга — калькулятор. Дезмонд ей очень помогал, сам того не замечая. — Грирсон нахмурился. — Еще мое чутье говорит, что управлять промышленной империей — не голубая мечта Эрики. Она стремится к чему-то другому, только я не знаю к чему.

— Чутье, мистер Грирсон, замечательная штука, — торжественно

произнес Кармайн и, не дожидаясь Дездемону, удалился.

«Вечеринки, — подумал он, — куда лучший источник информации, чем официальные допросы». Если бы Майрон не организовал этот прием, миссис Хайман не увидела бы женщину в коричневом «блине» и так ничего бы и не вспомнила, а у корнукопского правления не развязались бы языки от выпивки.

«А хозяйка-то поскуучнела, — заметил он, направляясь в сторону Эрики. — Ничего удивительного — гулянки в шумной компании не в ее характере. Майрон — другое дело. Западное побережье вошло ему в плоть и кровь, он обожает вечеринки. Нет, не так, не так, Кармайн! Он просто не может жить без блеска и суеты, без людей, красующихся друг перед другом, без гомона деляг, заключающих сделки. Вечеринки только часть этого мира с обедами в «Поло Лаундж» и ужинами в самых модных ресторанах недели. Майрон отбывает епитимию, когда приезжает к нам. Нет, иудеи не налагают епитимию. У Майрона это больше похоже на то, как люди стегают себя связкой прутьев, перед тем как броситься в бассейн или раскаленный пар. Мы для него эти прутья, позволяющие ему заново ощутить прелесть своего мира. За что я его люблю? За то, что он совершенный джентльмен, истинный отец Софии, воплощенная доброта и щедрость и вообще славный парень. Однако мое чутье подсказывает, что его поезд любви снова свернул не в тот тоннель. Сначала Сандра, теперь Эрика. Плохой из него стрелочник».

— Устали? — спросил он Эрику.

Она посмотрела на него испуганно:

— Заметно?

— Не очень. Просто у вас нет дара поддерживать светскую беседу, и вы не стремитесь его приобрести.

— А вы считаете, что должна стремиться?

— Зависит от ваших планов. Если у вас с Майроном серьезно, то да. Он живет в мире светской болтовни, остроумных фраз, полунамеков, делового жаргона. Где вы с ним познакомились?

— В Нью-Йорке, на заседании совета директоров «Хардинджа», его банка. Майрон мне показался страшно обаятельным.

— Таким он кажется половине женщин. Он, конечно, рассказывал вам, что женат на моей бывшей жене?

— Да. Хотя, честно говоря, не представляю, как вы оба могли заинтересоваться одной и той же женщиной.

— Вы просто не знаете, как выглядела Сандра в двадцать лет! Внешне чем-то похожа на вас, только без мозгов. Зато у нее был такой

трогательный, беспомощный вид, что всякому невольно хотелось защитить ее от малейшего ветерка. Лицом и фигурой София пошла в нее, но, к счастью, не обделена и умом.

— По мне, тем лучше. Терпеть не могу глупых женщин! — резко заявила Эрика.

— Во всяком случае, глупость не лишает женщину привлекательности.

— Для меня лишает!

— Значит, вам нравится, что София умная.

— Да. Она понимает, что у нее смазливое личико, но она не позволит этому решать ее судьбу.

— Вы судите о внешности Софии с тех же позиций, что и о своей собственной — красотой можно воспользоваться как инструментом, когда не остается другого выхода, а в остальном это лишь ненужный довесок. София думает по-другому. Для нее внешность — неотъемлемая часть того, что за ней скрывается. София не делит себя на части.

— Я у вас всегда оказываюсь не права! — отрезала она, отвернувшись и увидела припоздавших гостей. — Филомена, Тони!

Кармайн отошел и занял удобную позицию, откуда мог видеть, как Эрика представляет Майрону Филомену Скепс и Энтони Бера, а Майрон, всегда радующийся новым знакомствам, приветствует их с тем же энтузиазмом, что и первых гостей.

Филомена, как показалось Кармайну, была лет на пять моложе Эрики и совершенно ее затмила. Подобно Делии она была одета в приталенное платье с розовыми оборками, но на этом сходство заканчивалось. Хотя она жаловалась на скардность Скепса, на ней были потрясающие розовые бриллианты. Энтони Бера прекрасно дополнял образ и делал его совершенным.

Филомена с Эрикой перекинулись парой фраз, потом Майрон увел Бера знакомиться с мэром, и разговор двух женщин продолжился. Их мимика и жесты выражали удовольствие, улыбки лучились искренностью, но Кармайн чувствовал, что речи были отнюдь не сладкими и приятными. Филомена отказалась от предложенного бокала шампанского, предпочла чилийское красное вино. Эрика суежилась вокруг бывшей жены Дезмонда Скепса, как разволновавшаяся невеста вокруг суровой свекрови: «Хотите омара? Нет? Волован с курицей? Нет? А вот этот чудесный деревенский паштет? О, замечательно!»

Наконец Бера освободился из-под опеки Майрона и, вызволив Филомену, препроводил ее к маленькому столику, подал бокал чилийского вина и поставил перед ней поднос с яствами, в которых та без охоты стала

ковыряться. Став позади ее стула, Бера не спускал глаз с Эрики Давенпорт. Очевидно, за всем этим скрывались какие-то тайные нити, но Кармайн не мог понять, откуда и куда они ведут. К ним подошли поздороваться Фил Смит с женой, щеголявшей — о боги! — достославной коричневой шляпой в форме блина.

* * *

Их визит вежливости продолжался недолго. Смит утащил свою жену едва ли не силой, словно боялся, что бедняжка скажет что-нибудь лишнее. Распознав родственную душу — вероятно, по наряду, — Делия живо завладела женой Смита, и обе женщины, одетые хуже всех в зале, ушли вместе. Следующими к столу приблизились Гас Первей и Фред Коллинз. Энтони Бера чопорно поздоровался с ними и больше не произнес ни слова, предоставив право говорить Филомене. Когда Коллинз, пьяный настолько, что едва держался на ногах, стал проявлять признаки излишнего волнения, Бера быстро ступил между ним и стулом Филомены и, очевидно, попросил Первея увести своего приятеля. Первей подчинился, однако минуту спустя Филомена попросила удалиться уже Бера. Тот запротестовал было, но ее подбородок выдвинулся настолько властно, что даже Кармайн был впечатлен. Бера закусил губу и отошел, оставив Филомену одну. Кого же она ждет?

Тут к ней присоединился Майрон, разрушая своим хозяйским радушием ее планы. Наблюдая со стороны, Кармайн не мог точно понять, каким способом ей удалось от него отделаться, во всяком случае, она сделала это изящно — Майрон ушел улыбаясь. Филомена Скепс снова осталась одна.

Затем подходили еще несколько человек, она с ними также мило беседовала, после чего они быстро удалялись: доктор Полина Денби (вот это любопытно!), Моусон, Анджела Макинтош. Кармайн потихоньку подходил ближе, жалея, что гости еще не начали расходиться — в такой сутолоке едва ли удастся что-нибудь подслушать.

И, наконец, явилась та, кого ждали, — Кармайн сразу это понял по выражению лица Филомены. Эрика Давенпорт!

Филомена подозвала официанта, и через секунду столик был очищен от посуды с едой. Эрика оперлась о столешницу и повернула лицо к бывшей жене Скепса, которая тоже повернулась к ней. Кармайн с раздражением смотрел на их профили; он умел читать по губам, но только если слова произносились четко и лица собеседников были обращены к нему; сбоку это было невозможно.

Вокруг обеих женщин возникла некая аура решительности и

отчужденности, и кое-кто из гостей, направлявшихся в их сторону, останавливался и поворачивал обратно. Вероятно, новость об опекунстве уже распространилась в зале, и никто не хотел своим вмешательством невольно нарушить ход переговоров. В том, что происходили переговоры, не могло быть сомнения; чем еще объяснить приезд Филомены на вечеринку? Нейтральная территория. Где еще Филомену не будет преследовать призрак «Корнукопии»? В Орлеане? Туда Эрика ни за что бы не поехала.

Энтони Бера наблюдал за собеседницами с напряженным и болезненным вниманием, что-то рассеянно отвечая стоявшему рядом Уоллесу Грирсону. Затем Фил Смит и коричневая шляпа загородили ему обзор, и Бера сдался.

Переговоры длились не меньше получаса, причем к их окончанию Эрика Давенпорт выглядела очень усталой, а Филомена Скепс — красивее, чем прежде. Затем Эрика хлопнула себя ладонями по коленям, оторвалась от столика и, поцеловав Филомену в лоб, ушла к Майрону.

— Я выжата как лимон, — пожаловалась Дездемона, сбрасывая с ног босоножки, едва они с Кармайном сели в машину.

— Я тоже, моя милая. Ты сегодня была великолепна.

— Правда?

— Правда. Фигура у тебя не хуже, чем у любой голливудской звезды, и платье сидит как влитое.

— Разве не странно? Женщины всегда стонут, что беременность испортила им фигуру, а вот мне материнство пошло только на пользу.

— Как думаешь, что теперь чувствует Майрон?

Она задумалась.

— Хороший вопрос. Влюблен он, конечно, выше крыши — видал тот бриллиантовый браслет? — но, должно быть, до Майрона, наконец, дошло, что милейшая Эрика в отличие от него не испытывает восторга от вечеринок. Пожалуй, Сандра ему подходит больше.

— Между прочим, документы на развод он еще не подавал. Дездемона выпрямилась на сиденье «фэрлейна», который как раз сворачивал на пустынную Саут-Грин-стрит.

— Вот как! Не торопится, значит, сжигать последний мост для отступления?

— Я тоже так подумал.

Дездемона придвинулась вплотную к его боку.

— Видел женщину в коричневой шляпе? Ну и мерзость!

Глава седьмая

Судья Дуглас Уилфред Туэйтс много лет возглавлял Холломенский окружной суд, став его неотъемлемым атрибутом. Юридическое образование с первого курса и до магистратуры он получил в Университете Чабба и был «чаббистом» до мозга костей. Истинный коннектикутский янки, он отнюдь не стремился получить в свое распоряжение более значительный судебный округ, не допуская даже мысли жить или работать где-либо еще. После работы его ждали прекрасный дом в Басквош-Пойнт, у залива, по которому судья в свободные часы катался на лодке, и преданная жена, восхищавшаяся его остроумием. Двое детей, которым было уже за двадцать, когда подошло время поступать в университет, сбежали от отцовского деспотизма на западное побережье — для Дугласа это все равно что на планету Меркурий.

Назвать судью «ненормальным» специального агента ФБР Теда Келли, вероятно, побудило какое-то прихотливое воспоминание детства, связанное с историей об Икабоде Крейне, хотя на самом деле подобный эпитет подходил Дугу Туэйтсу не больше, чем Вашингтону Ирвингу. Судья гордился своей непредвзятостью, которая была вполне реальна до тех пор, пока у него не складывалось о человеке собственное мнение. Посему, входя десятого апреля, в понедельник, в десять часов утра к судье, Кармайн был готов к ожесточенной борьбе. Ему позарез был нужен ордер на обыск квартиры декана и кабинета доктора Полины Денби, прежде чем Данте-колледж вежливо попросит ее освободить помещение.

— Да! — оборвал судья Туэйтс Кармайна, прежде чем капитан добрался до середины своей вступительной речи. — Эта женщина способна на все!

Ага! Вечеринка у Майрона! Конечно, судья и миссис Туэйтс на ней были, и доктор Полина Денби тоже. Как видно, там их пути пересеклись. Откуда доктору Денби было знать, что Дуга с души воротит от феминисток? Горячо поддерживая движение за равные права, он, однако, совершенно не выносил горластой своры, всеми правдами и неправдами стремящейся привлечь к себе внимание. Дуг предавал анафеме публичные сожжения бюстгальтеров и набеги на «священные цитадели мужчин», не говоря уже о психической кастрации. Борьба, считал он, должна происходить на законодательном уровне, и всяческие дурацкие выходки ее только дискредитируют.

Когда Кармайн вышел из кабинета, его слегка пошатывало от неожиданного успеха; он лишь жалел, что не был свидетелем столкновения сих двух титанов. Позже он обязательно позвонит Дороти Туэйтс и расспросит ее о леденящих кровь подробностях. Сейчас у него на руках ордер.

Пока четверо полицейских в форме отпугивали своим видом зевак, Кармайн подошел к кабинету доктора Денби и постучал.

— Войдите, — послышался вялый голос.

— Доктор Полина Денби? — спросил Кармайн, держа в руке ордер.

— А вы не знаете! — едко ответила она.

— Прошу вас немедленно покинуть помещение. У меня ордер на обыск вашей квартиры и кабинета.

Кровь мгновенно отхлынула от ее лица, и оно пожелтело, как старый пергамент. Доктор Денби покачнулась, но тотчас выпрямилась и расправила плечи.

— Это неслыханно, — возмущенно прошептала она. — Я опротестую ваш ордер.

— Вы имеете на это полное право, но только после обыска. У вас есть куда сейчас пойти, доктор Денби?

— В комнату отдыха. Я возьму сигареты, зажигалку, мои бумаги, книгу и ручку.

— При условии, что вы позволите нам их осмотреть.

— Грязные ищeyки! — резко произнесла она, и краска вновь стремительно прилила к ее щекам.

Проинспектировав собранные ею вещи, Полину проводили в комнату отдыха и оставили там под присмотром полицейского. Кармайн, Кори и Эйб между тем занялись кабинетом.

Одну задругой снимали с полок книги, листали и перетряхивали — уже только это заняло уйму времени. Простукали стены за полками. Эйб, имевший нюх на потайные двери, проверил каждую настенную панель и каждую половицу — нет ли где пустот. Ничего не обнаружили; два часа спустя Кармайн признал, что кабинет чист.

— Но что-то она прячет, — сказал он по пути к деканской квартире. — Значит, по-видимому, здесь.

Кладовая в спальне скрывала небольшую электрическую швейную машинку.

— Уже теплее, — ухмыльнулся Кармайн. — Где-то должна быть корзинка с принадлежностями.

Полезно иметь жену-рукодельницу.

Однако обнаруженная скоро корзинка не содержала в себе ничего подозрительного — только выкройка для блузки и юбка с вытачками. Доктор Денби шила себе кое-что из одежды.

Эйб нашел потайной шкаф в стене кухни. Пружинный механизм открывал дверцу при нажатии на нее ладонью. Внутри была толстая изогнутая труба с краном в нижней части колена.

— Колледж старый, трубы тут наверняка меняли, — сказал Эйб. — Эта, скорее всего, осталась от прежней системы.

Кори достал фотокамеру и принялся делать снимки, Кармайн тем временем привел доктора Черуски.

— Будете понятым, сэр.

— Но я ничего об этом не знаю! — запротестовал Черуски.

— Потому я вас и пригласил. Наблюдайте, как мы осматриваем содержимое шкафа, хорошо?

В изгибе трубы помешался черный мешочек, затянутый шнурком. Надев перчатки, капитан достал его и положил на кухонный стол, где его снова сфотографировали. Затем Кармайн ослабил шнурок и быстрыми движениями вывернул мешок наизнанку. Эйб и Кори стояли рядом, на случай если предметы станут раскатываться по столу. Однако ничего не покатилося; даже катушка ниток для швейной машинки осталась на месте. Кармайн, сопровождаемый голубыми фотовспышками, аккуратно расставил предметы на столешнице.

— Если хоть на чем-нибудь обнаружат ее отпечатки пальцев, она спеклась, — ухмыльнулся Кори.

— Будут, — спокойно сказал Кармайн. — Принеси пакеты для вещдоков, Кори.

На столе лежали коробка жасминового чая из специализированного магазина, рулончик глянцевого розовой бумаги с черным современным тиснением и надписями мелким шрифтом, рулончик полупрозрачной ткани, из которой шьют пакетики для чая, несколько шнурков с бирками, катушка ниток и стеклянная баночка цианистого калия с заводской этикеткой.

— Никому ни слова, доктор Черуски, — сказал Кармайн, выводя его из кухни. — Ваши показания потребуются лишь в том случае, если обвинение заявит, что улики подбросила полиция.

— Она сама сделала чайные пакетики и бумажные конверты для них! — удивленно проговорил Кори. — Где же она раздобыла бумагу с тиснением, фильтровальную ткань и нити с бирками?

— У поставщика, — сказал Эйб. — Судя по бирке, в Куинсе.

— Больше нигде. Эйб, разузнай, как она достала все необходимое — открыто или же украла. Я ставлю на второе. Вероятно, особого труда это не составило, стоило только наведаться в Куинс поздно вечером. Из охраны там, скорее всего, один сторож. Вот с цианистым калием сложнее.

— Она находчивая женщина, — сказал Эйб. — Химическая лаборатория?

— Ни в коем случае! В любой лаборатории цианид на строгом учете и хранится в сейфе, сами знаете, — сказал Кармайн.

— Ха! — фыркнул Кори. — Знаю я этих химиков-ботаников, Кармайн. Голова в облаках, сейф нараспашку. Они небось хранят там кроличьи лапки на удачу, чтоб, не дай Бог, никто не спер.

— Это все предрассудки. Я знаком с некоторыми, у кого мышь не прошмыгнет! — возразил Эйб.

«Они счастливы, — думал Кармайн, слушая их вполуха. — Еще бы! Мы только решили еще одну загадку, теперь их осталось десять. И я тоже счастлив, — признался он себе. — А как Дуг Туэйтс обрадуется! Вот же нюх у каналы!»

Полину Денби Кармайн увидел только к концу дня, в камере для допросов.

— Вы знаете о своих конституционных правах? — спросил он.

— Да, вполне. — Она выглядела спокойной и еще более привлекательной; одна из трех женщин-полицейских по просьбе задержанной принесла одежду и полный набор косметики. Великолепные золотисто-рыжие волосы пышными локонами обрамляли лицо Полины, желтые глаза львицы были подведены тушью и карандашом. Желтовато-коричневое платье строгого покроя настолько шло доктору Денби, что всякие излишества оказались бы только во вред. Если бы Полина сама не сообщила Кармайну, что она фригидна, он никогда бы об этом не догадался по ее виду. И никто другой тоже.

— Вам требуется присутствие адвоката? — поинтересовался он, делая знак женщине-полицейскому пересечь в дальний угол помещения.

— Пока нет, — ответила Полина и, досадливо махнув на коллегу Кармайна, спросила: — А этой бедной девочке обязательно быть здесь? Я бы предпочла побеседовать с вами конфиденциально.

— Сожалею, мэм, но ей придется остаться. Она наблюдатель и должна следить, чтобы я не нарушил никаких правил.

— Вы для меня загадка, капитан. То вы сыплете просторечием, а в следующее мгновение говорите как хорошо образованный человек.

— Просторечие — замечательная штука, доктор Денби. Оно

доказывает, что наш язык живой и постоянно развивается. — Он сел, включил магнитофон и произнес стандартную формулировку начала допроса. — Итак, доктор Денби, во время обыска квартиры декана мы обнаружили ваш тайник в одной из стен кухни.

Желтые глаза удивленно округлились.

— Тайник? В стене? Я ничего не знаю ни о каком тайнике.

— Ваши отпечатки пальцев утверждают обратное, мэм. Вы оставили их на каждом предмете в сумке, а также на трубе и дверце. Нет смысла отпираться.

Не прекращая борьбы, доктор Денби изменила тактику.

— После того как я все подробно расскажу, капитан, вряд ли отыщется суд присяжных, который признает меня виновной.

— Вы хотите суда присяжных? Но для этого необходимо, чтобы обвиняемый считал себя невиновным, а вы уже фактически признались. В таком случае нет смысла созывать присяжных.

— Я не сознавалась в убийстве! Я действовала в целях самообороны.

Кармайн подался вперед:

— Доктор Денби, вы совершили преднамеренное убийство! Тщательно спланированное и исполненное. Умысел исключает самооборону.

— Чушь! — фыркнула она, словно поражаясь его тупости. — Страх за жизнь, сэр, порождает различные реакции у людей, потому что все люди разные. Будь я забитой домохозяйкой, я бы воспользовалась молотком или топором. Но я — адъюнкт-профессор в Университете Чабба, а мой муж, источник моего страха, был в нем деканом. Естественно, я надеялась, что моя причастность к его смерти не будет раскрыта, но то, что меня уличили, не делает меня автоматически хладнокровным убийцей. Каждый день я жила в страхе, потому что была единственным человеком, знавшим о сексуальных развлечениях Джона. Если я что-то и замышляла, так это сохранить себе жизнь, в то время как Джон стремился с ней покончить! То, что я рассказывала вам сразу после смерти Джона, было правдой, но это лишь вершина айсберга отвратительных подробностей. Мой муж пытался меня убить шесть — да, шесть! — раз. Автокатастрофа, несчастный случай на лыжном курорте, три попытки отравления и еще один случай, когда он чуть не пристрелил меня из дробовика. На охоте в Мэне. Джону доставляло удовольствие прикончить несчастную косулю и потом поесть жаркое из нее!

Кармайн смотрел на нее как замороженный и благодарил Бога, что не так много найдется убийц, настолько умных и красивых. В свои тридцать

два года доктор Денби была женщиной в самом расцвете сил.

— Надеюсь, вы сможете доказать факт этих покушений.

— Разумеется. У меня есть свидетели, — сказала она спокойно.

— Что побудило вас избрать средством спасения вашей жизни цианистый калий в пакетике с чаем?

— Почему бы нет? Я нашла его на полке в комнате отдыха первокурсников. Искала одну из своих книг, ее позаимствовал у меня один студент — очень необязательный. Разрешения он, конечно, не спрашивал, но я подозревала его, потому что больше некому — не многие на первом курсе интересуются Рильке. Разумеется, я забрала баночку. Такой опасный яд! Потом мне пришло в голову, что это идеальный способ раз и навсегда убрать Джона из моей жизни. Проблема была в том, чтобы не подвергнуть опасности никого другого. Жасминовый чай, который он пил на своих идиотских консультациях по понедельникам, подходил лучше некуда. Дальше все просто. — Она пожала плечами. — Магазин находится в Манхэттене, чай фасуют в Куинсе.

— Вы нисколько не доказали свою правоту, доктор Денби.

— Здесь? Сейчас? Это еще зачем? Я буду доказывать ее в суде. Моим адвокатом выступит мистер Энтони Бера, — заявила Полина, облизывая губы. — И это все, что я могу вам сообщить до его прибытия. Думаю, я поступила честно, открыв вам, так сказать, свои карты. Теперь вы знаете, на чем будет основываться моя защита.

Кармайн остановил магнитофон.

— Благодарю вас за откровенность, доктор Денби, но предупреждаю, что обвинение будет настаивать на преднамеренном убийстве и потребует максимального наказания.

— Спорим, что ей удастся выйти сухой из воды? — спросил Кармайн Сильвестри несколько минут спустя. — Чертовски умная женщина, скажу я вам.

— Зависит от того, насколько хорошо Бера подберет присяжных, — сказал Сильвестри, перекаывая сигару из одного угла рта в другой. — Он будет ходатайствовать, чтобы дело слушалось в другом округе, и там уж как фишки лягут. Всегда трудно добиться обвинительного приговора, если ответчик — красивая женщина. Казалось бы, женщины-присяжные должны быть настроены против нее, а на поверку оказывается — наоборот. Мужчины, те вообще тают как воск. Так что, Кармайн, похоже, ты прав. — Несмотря на неясный результат суда над Полиной Денби, холеная кошачья физиономия Сильвестри лучилась довольством. — Спроси меня, сильно ли меня это заботит, и я отвечу — ни капли. Главное — с убийством декана

Денби покончено на сто процентов.

— Вряд ли остальные десять окажутся такими же простыми.

— Ты все еще веришь в одного убийцу?

— Больше чем когда-либо. Все остальные укладываются в одну схему, шеф, — сказал Кармайн и насупился. — Черт бы побрал эту женщину! Сбила меня с мысли своей чепухой о самообороне, и я забыл задать ей один важный вопрос.

— Ну так иди и спроси.

— В присутствии Бера? Он ей рта не даст раскрыть.

— Слушание об освобождении под залог назначено через час, капитан, поэтому доктор Денби не сможет уделить вам много времени, — сказал Бера следующим утром.

— Мне об этом известно, мистер Бера. — Кармайн сел и включил магнитофон. — Как вы себя чувствуете, доктор Денби?

— Спасибо, хорошо.

Она не подозревает, что судья Туэйтс, который будет решать вопрос о залоге, считает ее способной на все.

— Я бы хотел, чтобы вы ответили еще на один вопрос, мэм. Он не касается напрямую вашего случая или защиты, но это очень важно для расследования десяти других убийств.

— Моя клиентка не совершала убийства, — вмешался Бера.

— Десяти убийств, — поправился Кармайн, душа ярость.

— Задавайте свой вопрос, капитан Дельмонико, — сказал Бера.

— Была ли причина, по которой вы решили спасти свою жизнь, лишив жизни мужа, именно в понедельник, третьего апреля?

Бера склонил голову набок, взвешивая последствия, в то время как Полина Денби не отрываясь смотрела в лицо Кармайну.

— У доктора Денби была причина, — произнес Бера.

Кармайн раздраженно тряхнул головой.

— Это не тот ответ, которого я жду, — сказал он. — Мне нужны конкретные факты.

— Их вы не получите, капитан.

— Позвольте мне попробовать еще раз. Какова бы ни была эта причина, доктор Денби, не связана ли она, скажем, с каким-нибудь слухом, что в тот день произойдут другие смертельные случаи?

— Бред! — презрительно бросил Бера.

— Не было ли какого-то договора или соглашения, что в тот день должны умереть другие люди? Или же это совпадение, что вы решили действовать в понедельник, третьего апреля, когда в Холломене произошли

одиннадцать убийств?

— Вот оно что! — воскликнула она, игнорируя яростные гримасы Бера. — Понимаю, к чему вы клоните. Свою причину я назову в суде, капитан, но она не имеет ровно никакого отношения к десяти, или одиннадцати, убийствам. Это было чистое совпадение.

Кармайн облегченно вздохнул.

— Спасибо, мэм! Я не могу вам ничем помочь, но вы только что помогли мне. — Он решил попытать удачу еще раз: — Кто-нибудь знал, что вы боитесь своего мужа и опасаетесь за свою жизнь?

— Если вы ответите, доктор Денби, я буду бессилен, — зловеще сказал Бера.

Она пожала плечами и с сожалением улыбнулась Кармайну:

— Я в руках моего адвоката, капитан. Ответ повредил бы моей защите, я и сама понимаю.

«Что ж, — размышлял Кармайн уходя, — лучшего ответа мне и не нужно. По крайней мере, одной женщине Полина доверилась. Теперь осталось узнать, кто ее лучшая подруга».

Эрика Давенпорт? Филомена Скепс? Или некая пока еще неизвестная ему поборница женского равноправия?

Кармайн подождал в коридоре, пока Энтони Бера не вышел из допросной, и остановил его.

— Думаю, у вас не возникнет трудностей с ее оправданием, — дружелюбно сказал он.

— Я тоже так думаю.

— Каким образом ей удастся выплачивать вам гонорар, мистер Бера? Я не слышал, чтобы Чабб платил женской половине своего штата по повышенному тарифу.

— Я работаю бесплатно, — коротко ответил Бера.

«Вот как? — подумал Кармайн. — С чего бы это? Может быть, стоит еще раз смотаться в Кейп-Код и поговорить с Филоменой Скепс? Она все больше напоминает мне раскинувшую сеть паучиху».

Кармайн устроил у себя в кабинете небольшое совещание: Эйб, Кори, Делия и Патрик.

— Ну вот, уже десять, — сказал он, не пытаясь скрыть удовольствие. — Про огнестрелы пока забудем, это тупик. Мы раскроем их, когда поймем нашего злого гения, все они определенно заказные. Остаются шесть — Беатрис Эгмонт, Бьянка Толано, Питер Нортон, Кэти Картрайт, Эван Пью и Дезмонд Скепс. Беатрис Эгмонт на время откладываем в сторону, тут тоже все глухо. Итак, мы имеем пять трупов,

которыми надо заняться в первую очередь. Все силы бросаем на хрестоматийное сексуальное убийство Бьянки Толано. Заказное — несомненно, но есть загвоздка: маньяков-киллеров не заказывают. Деньги их не интересуют. Значит, убийца — местный. Наш преступный гений каким-то образом узнал о его фантазиях, привлек к себе и направил. Если мы его не поймаем, он убьет снова, — теперь он вошел во вкус. Один из уроков, которые мне преподавал Призрак, — это то, что сексуальные убийцы не способны остановиться.

— И кого мы будем искать? — спросил Патси. — Главная проблема с Призраком — мы не знали, как он выглядит. Разве сейчас не то же самое? — Он хмуро посмотрел на Кармайна. — Кстати, если не ошибаюсь, ты не собирался называть убийцу гением?

— Мне и сейчас это не нравится, — терпеливо сказал Кармайн, — зато точно и удобно. Или предлагаешь поступить как ФБР и дать парню кодовое имя? Как тебе Эйнштейн или Полинг? Может, Мориарти? Нет? Тогда давай не будем придирается к мелочам. Теперь относительно того, чем отличается этот случай. Дело в том, Патси, что убийца принялся осуществлять свои тайные фантазии не по собственному почину. Некто — «гений» — насильно вырвал его из мира грез, и наш рак-отшельник еще не вполне устроился в своей новой раковине. Ему страшно ходить по-крабьи, боком; до Призрака ему далеко. У меня есть мысли, где его искать, — Призрак был отличным учителем. Патси, напомни нам, пожалуйста, данные по Бьянке.

— Она была найдена голой, — начал Патси, — запястья и щиколотки связаны одножилным стальным проводом. Сознания не теряла, за исключением кратких периодов асфиксии, когда ей стягивали шею колготками. На теле двадцать девять ожогов от сигареты и семнадцать порезов, нанесенных чем-то вроде ножа для гипсокартона. Особенно много ран на груди и лобке. Была многократно изнасилована, однако спермы нигде не обнаружено. Смерть наступила в результате кровотечения, вызванного разбитой бутылкой во влагалище. В одном учебнике о сексуальных отклонениях, очень популярном среди студентов, описан точно такой же случай.

— Когда он был издан? — спросила Делия.

— Десять лет назад, несмотря на кучу протестов. Многие считали, что это будет слишком доступное чтение для любителей острых ощущений. — Патрик криво усмехнулся. — Это вам не через Крафт-Эбинга продирается — поди пойми, что такое «фроттеризм»! В мое время таких слов не знали даже словари. Кажется, автор был немцем, и книгу перевели с немецкого.

Сексуальные термины изобрели в кайзеровской Германии.

— Спасибо, Патси, — сухо сказал Кармайн. — Мы знаем этого парня. Должно быть, не раз его видели, возможно, даже допрашивали. Он невысокого роста и непривлекательной внешности, насчет возраста я сомневаюсь.

— Тогда предлагаю поехать в «Корнукопию», — немедленно среагировал Эйб, — и начать с секретаря доктора Давенпорт.

— Почему это вдруг? — ревниво буркнул Кори. Вакансия лейтенанта не давала ему покоя ни днем ни ночью.

— Потому что я его помню, — ответил Эйб. — Подходит по всем параметрам.

— Ты сказал, что сомневаешься насчет возраста, Кармайн, — сказала Делия. — Ты имел в виду, что он может быть очень молодым, молодым и не очень молодым?

— Нет, Делия, я имел в виду молодым, средних лет или пожилым.

— А кем он может работать? — продолжала допытываться Делия, которая не работала в управлении в те достопамятные дни, когда ловили Призрака.

— Маньяки бывают разных профессий, но по поводу данного случая я сказал бы, что он скорее привык выполнять распоряжения, а не отдавать их. Иначе «гению» не удалось бы промыть ему мозги.

— Интересная формулировка, — сказал Патси. — По-моему, обычно так говорят про идеологическую обработку.

— Промывать мозги? Недаром у нас здесь ФБР рыскает на предмет шпионажа, — сказал Кармайн. — Если серьезно, думаю, так можно сказать про любые попытки залезть человеку в душу ради своих целей.

— Особенно, — добавил Эйб, — если уже имеются предпосылки.

Кармайн поехал в «Корнукопию», где взялся за Ричарда Оукса, секретаря доктора Эрики Давенпорт. Новоиспеченный председатель правления и управляющий директор «Корнукопии-Сентрал» была вне себя от возмущения, но это не помешало Эйбу и Кори подвергнуть молодого человека допросу. Через два часа Оукс вышел из кабинета в слезах, дрожа всем телом и с такой мигренью, что его начальнице пришлось вызвать «скорую» и отправить беднягу в больницу.

— Вы за это ответите. Я вчиню вам иск! — кричала Эрика на Кармайна.

— Ерунда, — бросил он презрительно. — Парень трясся, как молодая кобылка перед стартом, только и всего. Не имело значения, кто его допрашивал, он бы в любом случае реагировал точно так же. Для меня

важно, что теперь он свободен от подозрений в убийстве Толано.

— На каком основании вы вообще его подозревали? — процедила она, задыхаясь от гнева.

— Мои основания вас не касаются, доктор Давенпорт, но могу сказать, что собираюсь допросить еще нескольких мужчин в «Корнукопии», так же как и в других учреждениях Холломена, включая Чабб.

Взвыв от досады, Эрика умчалась к себе в кабинет.

«Хм, — подумал Кармайн, — кажется, я начинаю понимать, почему Уоллес Грирсон думает, что она посадит корабль «Корнукопии» на мель».

Словно поставив себе целью произвести впечатление, противоположное Ричарду Оуксу, Майкл Дональд Сайкс вел себя на допросе бодро и самоуверенно. Мысль, что кто-то мог заподозрить его в сексуальном убийстве, приводила его в восторг, и он доставил Эйбу и Кори немало хлопот, то и дело пытаясь примерить роль допрашивающего на себя.

— Я знаю, почему вы меня заподозрили, — сказал он торжественно. — Потому что меня не интересует Геттисберг. Как могу я, американец, предпочитать Аустерлиц?! А что это, спросите вы, за «Маренго» такое? Блюдо из курицы? Наполеон Бонапарт, господа, — военный гений! Ни Шерман, ни Грант, ни Ли ему в подметки не годятся! По крови он был итальянцем, а не французом, древний итальянский Дух проявился в нем с новой силой.

— Замолчите, мистер Сайкс, — взмолился Кори.

— Да, мистер Сайкс, заткнитесь, — сказал Эйб.

Увы, все просьбы были тщетны. В конце концов Сайкса выпроводили из временно экспроприированного кабинета, и он поскакал прочь, очень довольный собой. Проходя мимо Кармайна, остановился.

— Между прочим, в бухгалтерии есть один типчик, на которого вам стоит обратить внимание, — сказал он, расплываясь в улыбке. — А вообще было так занятно! Подумать только, когда вы впервые появились здесь неделю или около того назад, я до смерти перепугался! Но молчу, молчу! Пока я чихвостил генералов Гражданской войны, ваши верные соратники сидели с таким видом, будто слушают такое каждый день. Очень любезно с их стороны!

— Кто именно в бухгалтерии? — резко спросил Кармайн.

— Не знаю, как его зовут, но вы его ни с кем не спутаете, капитан. Метра полтора ростом, тощий и сильно хромает, — услужливо объяснил мистер Сайкс.

Черт! Схватив Эйба одной рукой, а Кори другой, Кармайн поволок их к

лифту.

— На каком этаже бухгалтерия?

— На девятнадцатом, двадцатом и двадцать первом, — сказал Кори.

Какой, какой же из них?

— Двадцать первый, — крикнул он, заскакивая в лифт. — Пойдем сверху вниз.

— Господи! — воскликнул Эйб, выходя на двадцать первом этаже. — Неужели плотник миссис Хайман?

На этом этаже подобного сотрудника не оказалось. Несколько служащих подтвердили, что видели такого, но понятия не имеют, где именно.

— Заносчивые кретины! — буркнул Кори, когда полицейские спускались на следующий этаж. — Простые работяги не стоят их внимания.

Они оказались в центре едва сдерживаемой паники. «Знал же я, что все идет слишком гладко! Не похоже на правду!» — пожурил себя Кармайн. Два санитара «скорой помощи» выкатывали из другого лифта каталку, полдюжины взволнованных служащих окружили их и проводили в огромный зал, разделенный на кабинки перегородками высотой по грудь. Предъявляя полицейские жетоны, Кармайн и его команда пробились вперед.

Слишком поздно, конечно. Маленькое, тщедушное тело привалилось к столу, уже бездыханное. Кармайн сам в этом убедился, пока Эйб и Кори не подпускали остальных.

— Вам тут делать нечего, парни, — сказал Кармайн медикам, поднимая трубку телефона. — Теперь им займется медэксперт.

В течение нескольких минут место было оцеплено. Вскоре прибыл Патрик О’Доннелл со своей группой. Светлое лицо Патрика омрачилось, однако заговорил он только после проведения предварительной экспертизы тела.

— Держу пари, это цианистый калий, — сказал он Кармайну. — Похоже, этот яд набирает популярность. Интересно, в скольких руках побывала баночка, которую вы нашли в мешке у доктора Денби, и много ли из нее отсыпали? Смертельная доза очень мала.

— Возможно ли, что это рабочий, которого видела миссис Хайман?

— Весьма вероятно, если только в Холломене нет еще одного карлика с левой ногой на семь сантиметров короче правой, — сказал Патси. — Левый ботинок у него был со специальной толстой подошвой, но от хромоты это полностью не избавляет — колени и щиколотки на разном

уровне. Высокий ботинок только выравнивает бедра и уменьшает нагрузку на поясницу. Вот попадет труп ко мне на стол, тогда и узнаем, врожденный это дефект или приобретенный.

— Значит, так, — подытожил Эйб на пути в управление, — я предполагаю, что наш тайный гений — это Эрика Давенпорт.

— Я согласен, — с уверенностью заявил Кори.

— Не обязательно, — возразил с заднего сиденья мрачный Кармайн. — Мы взялись допрашивать низкорослых и неказистых мужчин, и тут же поползли слухи. К тому же миссис Хайман, хоть и милая женщина, но хранить секреты не по ее части. То же можно сказать про Дотти Туэйтс, Симонеггу Марчиано и — ш-ш! — Анджелу Макинтош. Если вы не заметили, тут замешано слишком много женщин. У меня от них в глазах рябит. Подозреваемые, жертвы, зеваки, свидетели — всё женщины, женщины, женщины! Ненавижу такие дела. Опереться не на что! Я знаю только двух женщин, умеющих держать! рот на замке: одна — моя жена, другая — моя секретарша. Гр-р!

Двое на переднем сиденье поняли намек и умолкли.

В управлении они разделились. Эйб и Кори, получив необходимую информацию от главного бухгалтера, напуганного насилием в мире цифр, отправились осматривать квартиру жертвы. Кармайн, с горящим взглядом, от которого шарахались встречные, зашагал в прозекторскую.

— Джошуа Батлер, холостяк, возраст тридцать пять лет, — доложил Патси, который успел освободить от одежды тело на столе. — Бедолага страдал врожденным гипопизарным синдромом, препятствующим гормональной зрелости. Яички не опущены, волосы на теле отсутствуют, половой член — как у десятилетнего. Сомневаюсь, что у него могла быть эрекция или активная сперма. Если он — убийца Бьянки Толано, то насилие совершалось каким-то предметом, возможно, бутылкой. Действовал Батлер отнюдь не в исступлении; как помнишь, никаких улик он не оставил. Нога стала короче из-за плохо сросшегося перелома в детстве. Похоже, что его вообще не показывали врачу. Причину синдрома я узнаю после вскрытия черепа. Нужно исследовать основание мозга и гипопиз и сделать гистологический анализ. Не исключена транспозиция внутренних органов сердце на правой стороне, прочие органы также в зеркальном расположении. Причина смерти — цианистый калий, как я и предполагал.

Кармайн вздохнул.

— Он точно не смог бы установить медвежий капкан в шкафу: Эвана Пью. Я знаю, что сила не всегда пропорциональна росту или мужественной

внешности, но этот парень — определенно слабак. В нем самом килограммов сорок, не больше.

— Да, — признал Патси, жаждущий продолжить экспертизу. Не каждый день ему доводилось вскрывать подобные трупы.

«Значит, — рассуждал Кармайн, предоставив Патси заниматься любимым делом, — где-то есть чрезвычайно ловкий плут, способный перевоплощаться в коротышку, как Джошуа Батлер, и вдобавок сумевший разжечь в нем такую ярость, что тот пошел на убийство».

Пять минут спустя ему позвонил Патси.

— Кармайн, причина смерти — цианид, но это не убийство. Я нашел у него во рту капсулу из очень тонкой пластмассы и следы пластмассы на зубах. Он покончил с собой.

— Что ж, это возможно, — без особого удивления сказал Кармайн. — Прямо как доктор Геббельс, только у нашего клиента не могло быть детей.

— Все не так уж плохо! — сказала Делия, пытаясь его приободрить. — По крайней мере, расследование убийств постепенно продвигается. С Бьянкой Толано вопрос решен.

— Угу, — проворчал Кармайн, — все это подтверждает лишь то, что если перевернуть достаточно много камней, под одним из них обязательно найдешь гадюку. Остается всего только четыре дела, где есть надежда получить ответы на наши вопросы.

— Срочно поезжай домой, — строго сказала Делия. — Может, Джулиан вернет тебе оптимизм.

Джулиан действительно помог, однако благостному настроению Кармайна не суждено было продлиться, ибо на пороге возник рассерженный Майрон в боевой стойке. Кармайн взорвался от смеха.

— Майрон, дурак ты этакий! — сказал он, обнимая друга за плечи и затаскивая в дом. — Ты похож на терьера, бросившего вызов немецкому догу!

Злость Майрона продлилась еще несколько секунд, потом он сдался.

— Спасибо за терьера, — проворчал он. — Хорошо хоть не чихуахуа.

— Не-ет, — протянул Кармайн, подмигивая Дездемоне, — у тебя голос грубее. С другой стороны, хотя породистости у тебя не отнять, до борзой ты не дорос. На-ка вот выпей и расскажи, что случилось.

— Ты преследуешь Эрику — вот что случилось! Ну чего ты к ней прицепился?

— Я к ней не цеплялся, Майрон.

«Есть же такие женщины, — подумал он про себя, — найдут себе простачка, поплачутся перед ним, а он потом за них в огонь и в воду

готов!»

— Что ж она хотела? И на елку влезть, и не оцарапаться? У «Корнукопии» большие проблемы, а она там теперь хозяйка, точнее, хозяйка. Ты ведь сам бизнесмен и знаешь, что за власть приходится платить. Тому, кто не выносит жары, не место на кухне.

Майрон уже совсем оттаял; он никогда не мог долго злиться на друга, особенно когда его собственная позиция была шаткой.

— Эх, Кармайн, — воскликнул он, — угораздило же меня попасть между двух огней! Я ведь люблю Эрику и не хочу, чтобы ее травили. Вдобавок она просила меня поговорить с тобой. — Он выглядел опечаленным. — Но что я могу поделать? Ты не немецкий дог, Кармайн, ты бульдог.

— Что мы все о собаках да о собаках! — Кармайн протянул Майрону виски. — Тебе не приходило в голову, что перспектива руководить «Корнукопией» приводит Эрику в ужас? Она действительно не ожидала подобной ответственности и, похоже, боится не справиться.

Виски пилось легко. Кармайн держал дома запас хорошей выпивки, хотя выпивохой его назвать было нельзя.

— В этом что-то есть, — признал Майрон.

— Тебе она поверит скорее, чем мне. Посоветуй ей попридержаться коней. По моему опыту, крупные организации вроде корпораций и правительств склонны к саморегулированию. Проблемы начинаются, когда кто-то вмешивается в естественный процесс. «Корнукопия» Держится на плаву уже много лет, и Эрике нужно ее только не раскачивать.

— Из тебя получился бы замечательный директор, лучше, чем я или она, — сказал Майрон.

— Из меня? Нет! Эрика сказала, что я патологически любопытен, и она права. Я бы все свое время норовил сунуть нос туда, где прекрасно обходятся и без меня.

— Поужинаешь с нами, Майрон? — спросила Дездемона. — У нас ростбиф, хватит на всех.

— Я бы с удовольствием, — застонал он, — но мне нужно к Эрике.

Они допили виски. Майрон встал и посмотрел на них с некоторой грустью.

— Жаль, что все так изменилось, — произнес он задумчиво, — но что поделаешь?

— Такова жизнь, — сказала Дездемона и рассмеялась. — Банально, но факт. Не переживай, дружок. Все еще утрясется.

— Нет, ничего не утрясется, — сказала она позже Кармайну, когда

часть ростбифа была съедена. — Если бы я могла к ней привыкнуть! Но я не могу, ты ведь знаешь. С ее чопорностью я бы еще смирилась, но Эрика еще и холодная как рыба. Она разобьет сердце бедному Майрону.

— Может, еще обойдется, — сказал Кармайн, вновь обретший оптимизм после сытного ужина. — Он совершенно очарован теми ее чертами, которые нас отталкивают. Майрону пятьдесят лет, дорогая, и он созрел для стервы. Эрика — это промежуточный этап.

— Ты так считаешь? Серьезно?

— Абсолютно!

— Как думаешь, можно из оставшегося ростбифа сделать пастушью запеканку? — спросила она. — София сказала, что собирает у себя подружек.

Кармайн насупил брови:

— Пожалуй, мне пора как следует с ней поговорить.

— Нет, Кармайн, не надо! Уверена, у нее есть повод.

Будто по сигналу, в дом влетела София, бледная и с широко раскрытыми глазами.

— Папа! — закричала она, бросившись прямо к нему. — Кто-то запер меня в лаборатории в подсобке!

«Ну вот, что я тебе говорила?» — читалось в глазах Дездемоны. Кармайн отстранил Софию и внимательно на нее посмотрел. Она выглядела взъерошенной, и ее страх был неподдельным.

— Как это произошло, солнышко?

— Понятия не имею. Меня заперли! Никто никогда не запирает эту подсобку! — Девушка дрожала в объятиях отца. — Я слышала, как кто-то ходит туда-сюда по коридору и чем-то стучит. Не знаю почему, но я сразу поняла, что он пришел за мной! Я была дежурной, все видели, как я входила и выходила из подсобки. Сначала я думала, кто-то решил пошутить, а потом услышала эту ходьбу, и мне стало так жутко!

— Потом он ушел? — спросил Кармайн с неприятным чувством в животе. — Сколько ты там просидела?

— Минут пять. Я знала, что, как только все разойдутся, он откроет дверь и нападет на меня, поэтому выбралась через люк в потолке. Целую вечность ползла по вентиляционному каналу до вытяжного шкафа на другом конце лаборатории. Лампы уже погасили, но на улице было еще светло, и я его видела — плюгавый такой, и хромает. Я потихоньку вылезла из шкафа, подкралась к двери и, когда он ушел в другой конец коридора, выскользнула наружу и побежала без оглядки!

«Удивительно, — подумал Кармайн. — Дочь вся в меня. Не каждый

сумеет после такого все дельно рассказать».

— Ты добежала до своей машины и уехала, — сказал он.

Она уставилась на него недоуменно.

— Папа! Я бы тогда давным-давно была дома! Нет, он, должно быть, открыл дверь подсобки, увидел, что я сбежала, и пошел к моей машине. Я едва успела спрятаться в кустах форзиции. В общем, я точно знаю, что он охотился за мной — не за кем угодно, а именно за мной! Я просидела в кустах до темноты, потом тихонько пробралась к 133-му шоссе и остановила такси. Да и то боялась в него садиться, пока не рассмотрела водителя. К счастью, он оказался чернокожим, так что точно не тот парень. Совсем забыла, он ведь ждет на улице. У меня не было с собой сумочки, а плата за проезд огромная!

Схватив кошелек, Дездемона выскочила из дома. Кармайн отвел свою отважную дочь в гостиную и дал ей красного вина с газировкой.

— Как любит говорить мэр Нью-Бритена, ты держалась молодцом, дочь, — сказал он, преисполненный гордости.

Эта гордость вкупе с благодарностью высшим силам, позаботившимся о Софии, помогла продержаться. София поужинала — она умирала от голода — и легла спать, приняв для успокоения одну из «бомбочек» Дездемоны; как только радость девочки по поводу счастливого спасения утихнет, ее начнут мучить кошмары.

Оставшись наедине с Дездемоной, Кармайн дал волю чувствам.

— Ублюдок! Подлая тварь! — процедил он сквозь сжатые зубы, заламывая руки и дрожа как от озноба. — Почему он не преследует меня? Что нужно этой скотине от шестнадцатилетней невинной девушки? Добрей Софии на всем свете не сыщешь! Кому она сделала что плохого? Я ему башку оторву!

Дездемона прильнула к мужу, ласково коснулась его щеки.

— Ты же не серьезно, Кармайн. Ты имеешь в виду пожизненное заключение без права на досрочное освобождение. Думаешь, что это ваш убийца?

— Хромой коротышка? Наверняка он. Но почему София? Он выбрал ее сознательно, подкараулил в школе. Если бы его план удался, завтра труп моей дочери нашли бы в подсобке. Подозреваю, в коридоре убийца стучал бейсбольной битой — лучшая дубинка, изобретенная человечеством. Только он не рассчитывал, что София умеет сохранять присутствие духа в любой ситуации.

— И что она унаследовала твое чутье, милый. Кто-то другой на ее месте подумал бы, что его заперли случайно, а София сразу поняла, что она

в опасности и стала искать выход, а не ждать, пока ее освободят.

Кармайн слабо улыбнулся.

— Она находчивая, правда?

— Очень. И в обиду себя не даст. Если жизнь обойдется с ней несправедливо, София схватит ее за шкуру и покажет ей, кто настоящая хозяйка.

Кармайн поднялся с дивана, чувствуя себя стариком.

— Кажется, сегодня я не смогу делать братика или сестричку Джулиану.

— Ничего, завтра тоже будет ночь, — сказала Дездемона бодро. — А сейчас давай нарушим правила и дернем еще по одной перед сном. Софию я завтра напою своим коктейлем и в школу не пущу, но с тобой этот номер не пройдет. Папе поможет выдержанный коньяк.

— Придется послать в школу полицейского, Софии нужна охрана, — заметил Кармайн, беря бокал и согревая его в руке. — Ты поговори с ней завтра — пусть никому об этом не рассказывает, даже Майрону.

— А почему Майрону нельзя? — удивилась Дездемона.

— Сейчас я не могу ему доверять — вдруг его возлюбленная не способна держать язык за зубами? Скажи Софии, чтобы она нигде не оставалась одна, пусть держится поближе к одноклассникам и выходит из школы вместе со всеми. Красный «мерседес», который ей подарил Майрон, постоит в гараже! Машина слишком бросается в глаза. Поездит пока на драндулете моей мамы.

Дездемона поежилась.

— Как во времена Призрака, — сказала она.

— Да. Вся наша надежда исключительно на сообразительность Софии. Если ты расскажешь ей все начистоту, она поймет, что так надо.

Наибольшее впечатление история с Софией произвела на Джона Сильвестри, у которого несколько лет назад жестоко избили дочь Марию. Из мести Сильвестри. Это был для него тяжелый удар. К счастью, Мария выжила, вышла замуж, и все у нее наладилось; преступнику дали тридцать лет тюрьмы, двадцать без права досрочного освобождения. Зная это, Кармайн рассказал ему о покушении на Софию с глазу на глаз; не стоило всем видеть, как рыдает Сильвестри.

— Ужасно, настоящий кошмар! Такой милый ребенок! — Комиссар утер слезы. — Мы должны поймать этого ублюдка, Кармайн. Вы получите все, что вам нужно.

— Может быть, я не прав, — сказал Кармайн, садясь, — но у меня такое чувство, что мы порядком его разозлили. Как-никак за девять дней

нам удалось раскрыть некоторые из двенадцати убийств — Джимми Картрайта, декана Денби, Бьянки Толано, — а также понять, что трое чернокожих убиты киллерами.

— Внушительно продвинулись, — одобрительно заметил Сильвестри, восстановив самообладание. — Кто на очереди?

— Питер Нортон, банкир, которому подсыпали стрихнин в апельсиновый сок. Мучительная смерть.

— От цианистого калия не лучше.

— Да, но цианид действует быстро. Как только достаточное количество гемоглобина крови лишается кислорода, наступает смерть. Со стрихнином агония длится двадцать — тридцать минут, в зависимости от дозы. Нортону всыпали огромную дозу, он выпил только половину. Он был обречен, но еще жил некоторое время. Рвота, диарея, судороги — не знаю, остается ли жертва в сознании, но его жена и маленькие дети это видели. Отвратительный способ убийства.

— Считаешь, убийца именно этого добивался?

— Вообще-то мне это не приходило в голову, но такое вполне возможно.

— Если страдания жены и детей Нортона были частью замысла преступника, то это позволяет взглянуть на всю серию убийств по-новому, Кармайн, — задумчиво сказал комиссар. — Возможно, нам следует внимательнее присмотреться к семьям жертв.

— Мы снова все тщательно проверим, — пообещал Кармайн.

Миссис Барбара Нортон за прошедшие дни несколько оправилась, хотя Кармайн подозревал, что доктор прописал ей какие-то сильные транквилизаторы. Ее глаза были пустыми, и двигалась она, будто пробираясь через море патоки.

Тем не менее говорила она вполне логично.

— Это какой-то псих, которому он отказался дать ссуду, — сказала она, подавая капитану чашку кофе. — Представьте себе, люди воображают, что банк обязан выдавать им деньги без всяческих гарантий! Большинство клиентов в конце концов успокаиваются, но только не психи. По крайней мере полдюжины придурков засовывали нам в почтовый ящик собачьи какашки, сыпали щелочь в бассейн и даже мочились в молоко! Питер сообщал обо всех случаях в полицию Северного Холломена, можете справиться там.

«Полновата, — отметил Кармайн, — однако многие мужчины, несомненно, сочли бы ее округлости довольно привлекательными. Вдобавок симпатичное лицо с ямочками на розовых щеках, безупречная

кожа...» Вошли дети, и капитан едва не присвистнул: ничего не скажешь, крупная семейка! Как видно, тучность у них в генах. В отчете Патрика тоже отмечался избыточный вес Питера Нортон: толстые руки и ноги, пухлые ступни и ладони, жир равномерно распределялся от плеч до бедер, а не только вокруг талии. По словам соседей, миссис Нортон попыталась ограничить рацион питания семьи, однако муж ее в этом не поддерживал. Он часто водил детей в кафе, где они всласть лакомились мороженым и молочными коктейлями.

— Ваши друзья были также друзьями вашего мужа, миссис Нортон? — спросил Кармайн.

— Да, конечно. Мы всегда проводили время вместе. Питер хотел, чтобы у нас были общие друзья.

— Чем вы занимались в свободное время?

— По вторникам ездили в кегельбан. По четвергам играли у кого-нибудь из друзей в канасту. В субботу ходили в ресторан, потом в кино или театр.

— Вы приглашали няню, мэм?

— Да, всегда одну и ту же девушку, Имельду Гонзалес. Питер сам заезжал за ней, а потом отвозил домой.

— Вы никогда не выходили куда-нибудь одна?

— Нет.

— Кто ваши друзья?

— Грейс и Чак Симмонсы, Хетти и Хэнк Шугармены, Мэри и Эрни Триполи. Чак работает в Холломенском национальном банке, Хэнк — бухгалтер-налоговик, а Эрни держит магазин «Ванные и спальни». Из женщин никто не работает.

«Руководители среднего звена...» — понял Кармайн. Сваренный миссис Нортон кофе был приправлен кардамоном, которого капитан не выносил, считая, что вкус хорошего кофе не требует никакого улучшения.

— Еще где-нибудь вы бывали, мэм?

Яркие локоны миссис Нортон подпрыгивали в такт ее механическим кивкам.

— Да, разумеется! Главным образом на благотворительных приемах, но не часто. Мы с Питером еще ходили на приемы в «Корнукопии» — ей принадлежит Четвертый национальный банк, — но большинство благотворительных мероприятий посещали все вместе, в восьмером. — Ее лицо вытянулось, подбородок задрожал. — Теперь, конечно, я мало куда смогу пойти. У нас хорошие друзья, но без Питера я им неинтересна. Он был шутник, душа компании!

— Все устроится, миссис Нортон. Вы заведете кучу новых друзей.

«Особенно со страховкой и пенсионным фондом Питера Нортон», — мысленно добавил Кармайн. Под обликом домохозяйки, позволявшей мужу властвовать над собой, скрывалась сильная женщина. Она не пропадет. Возможно, отправится в путешествие в поисках кого-то, над кем власть обретет уже она? Если бы не эта злополучная дата, третьего апреля, он, возможно, заподозрил бы, что миссис Нортон сама положила конец жизни человека, которого, кажется, любили не многие. Несмотря на ужасный способ убийства, определенному типу отравителя доставило бы удовольствие видеть страдания жертвы. Миссис Нортон, напротив, впала в такую истерику, что на крик сбежались соседи. Ко времени прибытия Кармайна дети уже оправились от шока, тогда как их матери потребовалась врачебная помощь и доза сильного успокаивающего, от которого она на несколько часов заснула.

Кармайн посмотрел на детей, пытаясь получить представление об этой семье. Девочка, Марлин, задиристая и умная, вряд ли пользовалась популярностью среди одноклассников. Ее брат Томми, похоже, жил ради еды: он сразу потянулся за печеньем, поставленным для гостя, и мать с раздражением хлопнула сына по руке.

— У вас нет никаких интересов вне дома? — спросил Кармайн.

— Нет. Томми, оставь печенье в покое!

Кармайн ткнул пальцем в небо:

— Женская эмансипация?

— Еще чего не хватало! — возмутилась миссис Нортон. — Что может быть глупее?! Хотя вы знаете, феминистки однажды пытались обратить меня в свою веру. Уж поверьте, я показала одной из них, где раки зимуют!

— Когда это было?

— Не помню, — сказала миссис Нортон, борясь с лекарственным дурманом и проигрывая. — На каком-то приеме, уже давно.

— Как она выглядела?

— В том-то и дело! С виду казалась совершенно нормальной: ноги побриты, макияж, элегантный наряд. Я вначале ничего не заподозрила, а потом она показала себя во всей красе! Настоящая эмансипантка, как из учебника. Когда я сказала ей, что о них думаю, она стала меня оскорблять! Ну и я в долгу не осталась. Потом она ушла — должно быть, страшно стало.

— Блондинка? Брюнетка? Рыжая?

— Не помню, — сказала миссис Нортон, зевая. — Я устала.

— Как я и говорил, — сказал Кармайн Эйбу и Кори, — в деле полно

женщин. Но черт побери, при чем тут феминизм? А похоже, есть при чем, по крайней мере в деле об убийстве Питера Нортона. Что или кто побудил убийцу расквитаться с миссис Нортон, вынудив ее наблюдать смерть мужа? Наказание оказалось эффективным — она до сих пор ходит накачанная транквилизаторами, — однако в момент прояснения миссис Нортон говорила о феминистке, которая выглядела «нормальной». Надо бы побольше разузнать об этих Нортонах. Что-то от меня ускользает, но я не могу уловить, что именно. Никак не пойму, что за человек эта миссис Нортон. Как психиатр, которому достался пациент, настолько залеченный, что добраться до первоначального диагноза почти невозможно.

— Может, удастся вытащить из нее что-нибудь еще? — спросил Кори.

Кармайн посмотрел на него с сочувствием; жена Кори не давала ему покоя, точила его день и ночь.

— Она помнит только то, что хочет, — сказал он. — Кори, займись прошлым Нортонов. Я хочу знать обо всех светских мероприятиях, на которых побывала миссис Нортон за последние пять лет. — Он повернулся к Эйбу: — Эйб, за тобой феминизм. В качестве отправной точки возьми доктора Денби. Она в гуще движения и к тому же соответствует описанию миссис Нортон — волосатые ноги и подмышки не для нашей Полины. Кстати, доктор Денби утверждает, что фригидна, но я очень в этом сомневаюсь. И с убийством декана не все ясно. Почему именно третьего апреля, а?

— Ты не веришь, что с другими убийствами это не связано? — спросил Кори, волнуясь, что отстал по очкам от Эйба.

— Полина — прирожденная лгунья. Никогда не скажет правду прямо, разве что намекнет.

Оба сержанта покинули его кабинет, а Кармайн оперся подбородком на руки и приготовился думать.

— Кармайн?

Он удивленно приподнял голову: беспокоить думающего босса было не в привычках Делии.

— А?

— У меня есть идея, — сказала она, не садясь.

— Надеюсь, толковая. Выкладывай.

— Документация вся в порядке, и в последнее время ты не заваливал меня письмами, — издали начала она, глядя на Кармайна глазами куклы — широко раскрытыми, бесхитростными и жутко накрашенными.

— Что правда, то правда, Делия.

— Ну и вот. Как ты смотришь на то, чтобы я проверила одну свою

догадку? Я просто нутром чую — так, кажется, говорят?

— Про интуицию? Да. Сядь, пожалуйста. Не выношу, когда женщина стоит, а я сижу.

Она села, порозовев от удовольствия.

— Ясно ведь, что большинство смертей как-то связаны друг с другом, так? Ты сам всегда это чувствовал, только пока связь не найдена. Вот я и задалась вопросом: где и когда все жертвы могли встретиться вместе? Ответ напрашивается один — на каком-то общественном мероприятии или приеме. Ну, сам знаешь, — сидишь, к примеру, ждешь целую вечность, пока поднимется занавес, и со скуки начинаешь болтать с соседями. Или оказываешься за столом с незнакомыми людьми и пытаешься завести разговор — что еще делать? Большинство людей стремятся к общению, так ведь? Понимаешь, к чему я клоню?

— Люблю английскую привычку заканчивать каждое предложение вопросом, — улыбнулся Кармайн. — Да, Делия, понимаю.

— Тогда, если ты не против, я бы хотела в свободное время разузнать, какие общественные мероприятия и приемы устраивались в Холломене за последние полгода.

— Только за пол года?

— Этого будет достаточно. Если бы прошло больше времени, убийца скорее всего не стал бы волноваться. Произошло что-то, не представлявшее угрозы в то время, но к третьему апреля эта угроза появилась. Если удастся найти мероприятие, на котором присутствовали все наши жертвы, одна сторона уравнения станет нам известна.

— Это огромная работа, Делия, — сказал Кармайн. — Впрочем, рано или поздно я поручил бы это Кори и Эйбу. Расследование только набирает обороты.

— Я понимаю, — сказала Делия с достоинством, — и не претендую, что это моя собственная идея.

— Ох, не злись ты! — сказал он с виноватым видом. — Поверь, я не собираюсь присваивать твои лавры!

Она сразу смягчилась:

— Я знаю, Кармайн. Можно, я сама этим займусь?

Капитан покачал головой, признавая себя побежденным:

— Переубеждать тебя бесполезно. Что мне остается? Так и быть, приступай!

Делия вскочила со стула, сияя от радости.

— Спасибо огромное! Я уже знаю, с чего начну, — щебетала она по пути к двери. — Прежде всего сосредоточусь на самих мероприятиях, а

если найду подходящее, перейду ко второму этапу...

— До свидания, Делия!

Железнодорожные часы показывали почти полдень. Кармайн поднял трубку и после нескольких неудачных попыток связался со специальным агентом Тедом Келли из ФБР.

— Ты еще не ел? — спросил Кармайн.

— Нет.

— Увидимся через пятнадцать минут в «Мальволио».

Хотя Теду нужно было еще доехать и поставить машину в подземный гараж перед управлением полиции, но он ухитрился опередить Кармайна и даже успел занять столик в зале рестораника.

— Руку даю на отсечение, все копы здесь знают, кто я такой, — сказал Тед, едва капитан сел напротив, — хотя я их вижу впервые.

Кармайн усмехнулся:

— У них на вас нюх, Тед. Нет, серьезно, чего ты ждал от местечка размером с Холломен? Всему управлению известно, что в городе появился гигант из ФБР. — Кармайн посмотрел в меню, как будто еще не знал, что закажет. — Салат Луиджи с соусом «Тысяча островов». Чтобы вечером не размениваться на овощи.

Мерель, официантка, наполнила их кружки кофе и стала в ожидании. Келли заказал горячий бутерброд с ростбифом.

— Ты был прав насчет «Мальволио», — сказал он. — Самое лучшее заведение в этом паршивом городишке!

Келли говорил совершенно серьезно. Кармайн почувствовал, как в нем вскипает ярость. «Сиди ровно, не дергайся!» — приказал он себе.

— Как продвигаются поиски неуловимого Улисса?

— Никак. Расскажи мне о Джошуа Батлере.

— Я ведь послал тебе отчет, Тед, — удивился Кармайн, — но если хочешь услышать его устно, изволь. Он изнасиловал и убил Бьянку Толано, потом, чтобы не быть арестованным, разжевал капсулу с цианистым калием. Преступление было совершено не спонтанно — Батлер действовал как по учебнику.

Фэбээровец громко фыркнул:

— Не дури, Дельмонико! Я хочу знать другие подробности. — Он гадко ухмыльнулся. — Птичка мне напела, что у него яйца размером с горошины.

— Что еще за птичка? — спросил Кармайн, глядя на Келли сквозь густой красный туман.

— Тебе это знать не обязательно, — самодовольно заявил Келли.

— Шутки со мной шутить вздумал, сучонок фэбээровский!

У фэбээровца отвисла челюсть, и он уставился на Кармайна, не веря своим ушам. Наконец ярость победила изумление, и Келли выпрямился на стуле.

— За такие слова морду бьют, — сказал он без тени юмора.

— Ну так давай выйдем.

В наступившей тишине Луиджи щелкнул пальцами, и Мерель с Минни тут же скрылись за стойкой; тридцать полицейских как замороженные смотрели в одну сторону.

— Ты этого хочешь? Уверен?

— Я не позволю какому-то федералу меня заплевывать! — зарычал Кармайн. — Ты идешь?

— Лучше возьми свои слова обратно! Если мы подеремся, про нас будут чесать языки от Портленда в Орегоне до Портленда в штате Мэн!

— Все умничаешь, сучонок хренов, житель мегаполисов! Ты плюешь на мой город, плюешь на мое управление — да кто ты такой, твою мать!

— Пошли, — сказал Келли, вставая.

Все произошло быстро. Двое мужчин стали друг против друга, сжав кулаки. Мощный удар агента ФБР не достиг цели, и в следующий миг фэбээровец уже сидел на земле, не уверенный, что может вздохнуть. Подняв глаза, он увидел лица полицейских в окнах «Мальволио» и протянутую руку Кармайна.

— Ну ты шустер, — сказал Тед, с трудом отдышавшись. — Все равно сучонком себя обзывать не позволю. Забудь про обед!

— Если откажешься поесть со мной, после того как я посадил тебя задницей на землю, то все будут не только языки чесать, но и зубы скалить, — весело сказал Кармайн. — Пора вам понять, что с местными надо считаться.

Они вошли внутрь и снова сели за столик.

— Спасибо, что не причинил мне видимых повреждений, — кисло произнес Келли.

— Я просто не мог дотянуться до твоей физиономии, пришлось врезать под дых, — сказал Кармайн, наслаждаясь победой. — Ну так кто поведал тебе про тестикулы Джошуа Батлера?

— Ланселот Стерлинг, начальник его отдела.

— Какой прекрасный босс! Да уж, меня на работу в «Корнукопию» не заманишь! А почему об этом не следовало знать мне?

— Да ладно тебе! Я просто... выделялся. Вот уж не думал, что ты станешь вступаться за такой кусок дерьма, как Джошуа Батлер.

Теперь пришла очередь Кармайна изумиться.

— Твою мать, мистер Келли, ты тугодум! Да, я не выношу, когда банальную сплетню возводят в статус секретной информации, но врезал я тебе вовсе не из-за Джошуа Батлера, а ради себя самого, и, черт возьми, это доставило мне удовольствие! Своего рода Бостонское чаепитие в миниатюре.

Однако в это Келли поверить не мог. Похоже, он так и не понял, на что разозлился Кармайн.

— Не отговаривайся, Дельмонико, — сказал он. — Ты вступился за Джошуа Батлера.

— Если напишешь это в своем отчете, тебе, возможно, удастся избежать нагоняя. К счастью для меня, мой босс мне доверяет. — Кармайн отодвинул пустую тарелку. — Превосходный салат. Бог мой, мистер Келли, ты ведь почти не притронулся к еде! Животик болит, а?

— Издеваешься, гад! — прорычал фэбээровец.

Кармайн засмеялся.

— Эх, двум смертям не бывать, может быть, ты мне и досье ФБР на Эрику Давенпорт дашь?

Тед Келли посмотрел на него подозрительно и после некоторого раздумья пожал плечами:

— Почему бы нет? Эрика — одна из ваших подозреваемых в убийстве Дезмонда Скепса, а нам это только на руку. Чем больше народу на насосах, тем лучше.

— Если бы ты разбирался в лодках, то знал бы, что лучший насос при пробойне — испуганный человек с ведром, — сказал Кармайн.

— Я пришлю досье, — пообещал Келли, массируя диафрагму.

— Скажи-ка, — с нарочитой непринужденностью спросил Кармайн, — твои осведомители — или, может, сплетники? — в «Корнукопии» не упоминали что-нибудь о попытке нападения на мою дочь?

Келли вытаращил глаза:

— Н-нет.

— Даже Эрика Давенпорт?

— Нет.

Келли оправился от неожиданности, но выглядел искренне обеспокоенным.

— Господи! Когда это случилось?

— Не имеет значения, — отмахнулся Кармайн. — Я Софию в обиду не дам, но самое главное — она и сама может за себя постоять. Хорошо, что

об этом не болтают. Надеюсь, после нашего разговора все останется так же. Мне надо было это знать, а ты единственный, кому я доверяю — из тех, кто связан с «Корнукопией». Лучше не обманывай моего доверия, мистер Келли.

Заинтригованный Тед даже не оскорбился.

— Тебя хотели припугнуть?

— Я бы тоже так решил, если бы этот мерзавец просто ошивался вокруг. Уверен, он хотел убить мою дочь, и будь она обыкновенным ребенком, план бы удался. К счастью для меня и к несчастью для него, София — девочка необыкновенная. Ей удалось сбежать. Я узнал об этом, когда все было уже позади.

— Представляю, как она напугана!

— София? Нет. Она пропустила сегодня школу, но, насколько мы с женой можем судить, никаких душевных ран у нее не осталось. Всегда приятно самому найти выход в рискованной ситуации. Моя дочь чувствует себя победителем, а не жертвой.

— Ладно, буду слушать в оба уха — вдруг кто что-нибудь сболтнет.

— Хорошо. При условии, что твой рот будет на замке.

Досье Эрики Давенпорт было умеренно пухлым; в основном его составляли свидетельства разных людей, с которыми Эрику сводила судьба на протяжении сорока лет ее жизни. Фил Смит как-то обмолвился, что она происходит из состоятельной массачусетской семьи, однако ничто в истории детства и отрочества Эрики не давало этому ни малейшего подтверждения. Если у Давенпортов и был предок из английских первопоселенцев, то ко времени ее рождения в 1927 году сведения о нем окончательно канули в Лету. Отец Эрики работал мастером на обувной фабрике, семья имела дом в квартале, где жили рабочие и служащие. Эрика и впрямь была отличницей — в обычной государственной школе, а вот в число длинноногих красавиц из спортивной группы поддержки, как с интересом отметил Кармайн, никогда не входила. Тридцатые годы стали для семьи настоящей трагедией; обувная фабрика обанкротилась, отец потерял работу и впал в депрессию не меньшую, чем американская экономика. Он не запил и не растранижил небольшие сбережения, но и помощи от него было мало. Мать зарабатывала уборкой домов, получала гроши и, когда Эрике исполнилось семь, засунула голову в газовую духовку. Забота об Эрике и двух ее младших братьях легла на плечи старшей сестры, которая предпочла заняться оказанием услуг иного рода, чем уборка чужих домов, — она ублажала чужих мужей.

Как же, черт возьми, Эрике удалось попасть в колледж Смита? Ответ

знала вдова директора последней школы, в которой училась девочка. Тон свидетельства был едким и небеспристрастным, однако факты, похоже, соответствовали истине. Каким-то образом Лоренс Шоукросс сумел разглядеть за болезненной и нескладной внешностью, за острыми чертами лица, за еще неразвитым умом блестящие возможности этого ребенка и взял его под свою опеку. Несмотря на то что Марджори Шоукросс протестовала как могла, в сентябре 1942-го пятнадцатилетняя Эрика Давенпорт поселилась у них в доме. Война продолжалась тайно — если бы стало известно, что жена отнюдь не желала такого пополнения семьи, Лоренс рисковал потерять и работу, и репутацию, и пенсию. Миссис Шоукросс скрепя сердце притворялась, что чрезвычайно рада возможности помочь талантливому ребенку. Эрика смогла лучше одеваться, ее научили следить за собой, прилично вести себя за столом, пользоваться салфеткой и столовыми приборами, четко и правильно говорить — словом, всему тому, что Лоренс Шоукросс считал жизненно необходимым для Эрики, чтобы занять подобающее ей место в обществе.

Учитель и ученица стали любовниками в 1944 году — так, во всяком случае, утверждала Марджори Шоукросс. Поморщив лоб, Кармайн рассудил, что Эрика, конечно, могла завести себе любовника, однако едва ли им был Лоренс Шоукросс. Наверняка среди массы полезных сведений, которыми снабдил новоиспеченный профессор Хиггинс свою воспитанницу, было и то, что только глупая птица гадит в собственном гнезде. И Эрика, верящая своему спасителю как богу, безусловно, осознала справедливость этого совета.

Из хорошей ученицы Эрика превратилась в отличницу, однако после войны домой возвратились миллионы военнослужащих, и ни малейшего шанса поступить в престижный университет у Эрики не было. Оставались еще женские колледжи, но перспективы выглядели не радужными: одаренных студенток в 1945-м было пруд пруди. И тут внезапно умирает Лоренс Шоукросс. Врач, лечивший его от гипертонии, назвал причиной смерти апоплексический удар. Заявления миссис Шоукросс, что ее мужа убила Эрика, были восприняты как бред убитой горем женщины, хотя завещание давало некоторый повод задуматься — впрочем, весьма незначительный. Основная часть наследства доставалась вдове, однако пятьдесят тысяч долларов выделялись Эрике Давенпорт на обучение и сопутствующие расходы.

Эрика поступила в колледж Смита и выбрала в качестве основной специальности экономику. Особенно успешно проявила себя в изучении математики, английской литературы и... русского языка. Ого! Неужто в

Смите преподают русский?

Кармайн вернулся к детским годам Эрики, ругая себя за невнимательность, однако при повторном прочтении ничего особенного не обнаружилось. Он внимательно изучил историю семьи — Давенпорты никогда не были Давенскими, в этом можно было не сомневаться. В списке школ, в которых училась Эрика, также ничего подозрительного. А кто же тот таинственный возлюбленный в выпускном классе? Кармайн усердно зашелестел страницами, потом ему пришла в голову идея получше, и он вызвал Делию.

— На печатное слово у тебя глаз поострее, — сказал он, вручая ей пачку документов за годы, которые Эрика провела у Шоукроссов. — Посмотри, не упоминается ли что-нибудь связанное с русскими.

Делия ушла, и Кармайн остался наедине со своими мыслями. ФБР знало, что Эрика изучала русский язык, и уже только из-за этого она возглавила список подозреваемых на роль Улисса. Почему никто не сказал ему, Кармайну?

— Потому, — пробормотал он в пустоту, — что ты — жалкий провинциал, тупой коп-итальяшка в карликовом городишке, где живут одни ненормальные! В следующий раз отправлю сучонка в нокаут, даже если мне придется отрастить крылья!

— Ну, Кармайн, — сказала Делия, возвратившись, — ты к нему несправедлив. Он ведь дал тебе досье.

— Просто он уверен, что я не умею читать. Куда мне, тупице!

— Это его проблема. — Наведя порядок на столе капитана, Делия села и протянула ему бумаги. — Намек на что-то в этом роде можно заподозрить лишь только в свидетельстве одного из опрошенных... — Она хихикнула. — Представь себе, молочника! Вот уж кто глуп как пробка. Тебе тоже показалось, что он втрескался в Эрику? Читал его болтовню о ее любовных похождениях? Кстати, все это, видимо, полнейшая чушь, потому никто даже примечания не сделал. И зачем они вымарывают некоторые слова? Все равно любой догадается!

— Продолжай, Делия!

— А, да, конечно. Так вот, один из ее парней якобы говорил какую-то тарабарщину. Вот, цитирую: «Лопочет ей что-то, прям как со своими дружками, быстро так, ни слова не разберешь». Возможно, у парня была просто плохая дикция и быстрая речь, но раз он так говорил с Эрикой, значит, она его понимала и что-то ему отвечала.

— Русский друг в 1944-м? Иммигрант?

— А вдруг? Судя по тому, что я знаю о докторе Давенпорт, она любит

напустить тумана. Говорить на иностранном языке как раз по ней.

— Молочник упоминал еще приятелей.

— Тут нет ничего необычного, Кармайн. Иммигранты, плохо владеющие английским, всегда держатся вместе. Что это за место?

— Пригород Бостона.

— Там могла быть для них работа.

— В сорок четвертом году? Тогда работы было завалилось.

Вполне возможно, Эрика знала русский, решил Кармайн, возвращаясь к годам, когда Эрика училась в колледже. Деньги Шоукросса пришлось очень кстати. Программа международного обмена в то время только зарождалась, однако уже тогда студентам предпоследних курсов предлагали поучиться два семестра за границей, чтобы расширить свой кругозор и образование. В 1947 году двадцатилетняя Эрика изъявила желание отправиться в Лондонскую школу экономики. Ее отпустили. Там она продолжала блистать; в отличие от многих других студентов, которых странности заграничных нравов, обычаев и быта часто выбивают из колеи, Эрика Давенпорт вписалась в новую среду безупречно. Завела друзей, ходила на вечеринки, даже имела несколько интрижек с мужчинами, считавшимися недостижимыми.

Лето 1948 года Эрика провела, путешествуя по континенту; к досье приложили ее старый паспорт с таможенными штампами Франции, Нидерландов, скандинавских стран, Испании, Португалии, Италии и Греции. Ездила она вторым классом и без подруг, любопытствующим говорила, что одиночество идет ей на пользу. Заскочив между поездками в Лондон, показывала цветные слайды друзьям из школы экономики. Кто-то из них заметил, что, дескать, пейзаж прекрасный, но почему на снимках нет людей?

— Фотографировать людей, живущих своей обычной жизнью, будто экспонаты в кунсткамере? Я не настолько толстокожа! — с запальчивостью заявила Эрика. — Нам их одежда кажется странной, для них это — часть быта.

— Тогда заплати им за их фото, — сказал кто-то. — Ты ведь богатая американка, можешь потратить доллар.

— И низвести их тем самым на наш уровень? Отвратительно!

Вот оно как! Кармайн перевернул страницу с рассказом об этом так осторожно, словно бумага была покрыта золотом. «Когда-то давно и в твоей душе горел огонь, Эрика! Да еще какой!»

Гарвардская школа права и докторантура в Чаббе не принесли никакой новой информации; в следующих двадцати годах жизни Эрики Давенпорт

привлекало внимание лишь то, насколько они были оседлыми. После тех трех месяцев лихорадочного знакомства с Европой мисс Давенпорт больше туда не возвращалась. Странно. Люди всегда стремятся воскресить восторги и радости юности, особенно когда таковые связаны с поездками в Европу. Эрика не побывала в Западной Германии, Кипр и Триест также оставила в стороне; в Бриндизи села на паром до Патр, даже не заглянув в Югославию. Неужели в 1948 году трудно было получить визу? «Холодная война» тогда еще не разгорелась.

— Делия! — крикнул Кармайн. — Я еду в «Корнукопию»!

— Как у вас с русским? — без обиняков спросил он доктора Эрику Давенпорт. — Ваш русский друг поправил вам грамматику?

— О, вы дошлый парень! — сказала она, постукивая концом золотого карандаша по столу.

— Ну, тут много ума не надо. Эти сведения содержатся в вашем досье у ФБР.

— Вот именно. Думаете, ФБР оставило этот факт без внимания? — спросила она холодно.

— ФБР — это ФБР, они сами себе хозяева. У меня свое расследование.

— Не стану отрицать, у меня был в юности русский друг, а я оказалась способной к языкам. Потом один преподаватель в колледже обучал меня русской грамматике и литературе из чистой благодарности, что нашелся кто-то, кому это интересно. Я подумывала, что, может быть, пойду на дипломатическую службу. Удовлетворены?

— Что из этого известно ФБР?

— Хитрый капитан Дельмонико! Я не упоминала про друга, но вы о нем узнали. А кто-то в ФБР прошляпил.

— Чем крупнее организация, тем больше промахов. — Кармайн склонил голову набок, вглядываясь в лицо Эрики. — Куда делся ваш пыл?

— Простите?

— Пыл. В двадцать лет в вашей душе кипели страсти.

Она улыбнулась, или, вернее, ухмыльнулась.

— С чего вы взяли?

— Уверен. Вам не удастся меня переубедить. Идеи гуманизма жгли ваш разум, как раскаленные угли. Вы собирались изменить мир. Вместо этого вы к нему приспособились.

Ее лицо заострилось и побледнело.

— Видите ли... — начала она медленно, — я нашла иной выход своим страстям, если под ними вы подразумеваете юношеские мечты. По-моему, женщинам пока не по силам менять мир. Власть принадлежит мужчинам.

Они утверждают ее физически и психически. Не все сразу, капитан. Сначала мы должны получить власть — это наша главная цель в настоящий момент.

— Мы? Наша?

— Мы — чудовищный строй женщин. Кажется, так у Нокса^[1].

— Нокс был женоненавистником и старым развратником.

— Да, но какой властью он обладал! Назовите мне хоть одну подобную женщину. Нет таких. Старики, завладевшие чужими умами, могут безнаказанно лишать девственности молодых девушек. Это воспринимается как должное.

— Вы связаны с доктором Полиной Денби и другими феминистками?

— Нет.

— А Филомена Скепс?

Она засмеялась.

— Нет.

Кармайн встал.

— Я хотел бы встретиться с доктором Дунканом Макдугаллом.

— Зачем? Хотите затравить его, как затравили моего секретаря?

— Ни в коем случае. Он директор исследовательского центра.

— Вот она, сила власти! Подчиненных можно травить, начальство неприкосновенно. — Она пододвинула к себе папку, устало буркнула: — Делайте что хотите. Свои встречи он назначает сам.

Трудность общения с доктором Дунканом Макдугаллом заключалась не в том, что он не желал сотрудничать со следствием — тут как раз все было в порядке, — а в том, чтобы вообще понять, что он говорит. Кармайн ощутил это еще на автостоянке, где они договорились встретиться. Худощавый, жилистый невысокий мужчина, шедший ему навстречу, внезапно остановился, окинул взглядом ряд дымоходов на крыше большого ангароподобного здания и остаток пути проделал бегом, с встревоженным видом.

— Живо, браток, вишь, как лампа засмолила! — закричал он, схватил капитана за рукав и потащил, понукая, как медлительного ребенка.

Внутри здания директор проорал что-то в телефонную трубку, после чего успокоился.

— Дрянно, когда лампа смолит, — с сильным шотландским выговором пояснил он Кармайну.

— Простите?

— У Пибоди из трубы дым валил.

Разговор продолжался в том же духе, Впрочем, большую часть

предложений Кармайну все же удавалось перевести на понятный язык. Меры безопасности нареканий не вызывали, едва ли можно было их каким-то образом улучшить. В большом хранилище, запиравшемся на замок с часовым механизмом, стояли сейфы разных размеров и форм — в зависимости от того, что в них хранилось: широкие и низкие с выдвижными ящиками внутри — для чертежей, обычные — для других документов. Охрана хорошо обучена. Никто не смог бы взять что-либо из хранилища тайно.

— Итак, доктор Макдугалл, — подытожил Кармайн после тщательного изучения всех технологий и правил, — кражи происходят не здесь. Во всяком случае, ни новые формулы для «Поликорн-Пластикс», ни экспериментальные образцы никогда не покидали это хранилище, с тех пор как мистер Коллинз отказался их принять. Готов спорить на последний доллар, что Улисс ничего о них не пронюхал. Я мог бы сказать много нелестных слов о безопасности в головном офисе «Корнукопии», но вашего подразделения, сэр, это не касается. Продолжайте в том же духе, и все у вас будет в полном порядке.

— Да, но этого недостаточно! — сердито воскликнул Макдугалл. — В исследовательском центре проводится колоссальная работа, и всем нам ненавистна мысль, что идеи и достижения, в которые мы вложили столько труда, осядут в Москве или Пекине.

— Тогда мы должны поймать Улисса, сэр. Вы можете помочь, составив подробный список тех лиц, в чьи руки попадают секретные материалы за пределами исследовательского центра. Вы, вероятно, имеете какое-то представление о сотрудниках в каждом подразделении «Корнукопии-Сентрал». Ваша информация может оказаться очень полезной.

— Вам отдельно от ФБР?

— Да, — сказал Кармайн. — Они не любят делиться.

Директор пробурчал:

— Ну так что ж, надо — доставим! — Или не совсем это, но что-то в этом роде.

— Никто не поймет шотландца, кроме другого шотландца, — сказала Дездемона, раскладывая по тарелкам телячьи эскалопы в сливочно-винном соусе с грибами; теперь, когда Джулиан подрос, ее гастрономическая изобретательность развернулась в полную силу.

— С таким же успехом он мог говорить на иностранном языке. — Кармайн посматривал на содержимое тарелки с почти похотливым удовольствием. Рис, идеально сочетающийся с соусом, и спаржа. Это был определенно один из тех случаев, когда Кармайн мог только радоваться

«амнезии» своего желудка — спустя два часа тот прочно забывал о съеденной пище, так что от салата Луиджи не осталось даже воспоминания.

Кармайн покончил с ужином и благоговейно поцеловал руку жены.

— Превосходно! Лучше, чем у моей матери. Даже лучше, чем у бабушки Черутти, а это что-то значит. Как тебе удалось сделать телятину такой нежной?

— Лупила ее, пока всю не измочалила, — довольно сказал а Дездемона. — Я тебе не старая тетушка с Сицилии в полтора метра ростом, я — могучая Боадицея. Мне ничего не стоит достать до дальней конфорки.

— София пропустила настоящий пир, будет ей наука. Еще и пицца!

— Она развлекается в своем орлином гнезде, дорогой. Как бы я ее ни любила, иногда хорошо побыть наедине.

— Согласен. Однако твое кулинарное искусство заслуживает большего числа почитателей.

— Достаточно про мое искусство. А то я так раздуюсь от гордости, что не пролезу в дверь. Кажется, у тебя сегодня есть больше причин для радости, чем просто ужин. Давай рассказывай.

— Я обозвал агента ФБР Келли сучонком, и он захотел со мной разобраться — мы сидели в «Мальволио». Пришлось лезть в драку.

— Боже мой! — ахнула Дездемона. — И как? Он еще жив?

— Отделался легким ранением. Вообще-то дракой это назвать трудно — боксер из него не ахти. Тоже мне, Примо Карнера, спотыкается о собственные ноги, такие они у него большие. Но я получил удовольствие, сбив с него спесь. Потом встретился все с теми же подозреваемыми. Посочувствовал бедняге Кори — жена его совсем заела. Разворошил пару осиных гнезд и пустил Делию по новому следу. У нее нюх не хуже чем у гончей. Жаль, я не могу произвести в лейтенанты ее!

«Это злосчастная вакансия доставляет ему больше забот, чем убийства, — думала Дездемона, глядя на Кармайна. — Повышение получит только один. Убить готова этого Джона Сильвестри! Почему он не отпустит Кармайна из этой дурацкой квалификационной комиссии? Команде пришел конец, и Кармайн это знает. Проигравший будет искать продвижения по службе в другом полицейском управлении. Вот бы законодательное собрание штата подняло пенсионный возраст. Нет, этого не будет. Скорее уж понизит. Кармайн весь извелся. Я его так люблю, и знаю, что он меня гоже любит. У нас одна жизнь на двоих, даже когда мы порознь. Мы не можем друг без друга».

— Бедная Эрика Давенпорт! — сказала она внезапно.

— А?

— Казалось бы, она имеет все — ум, красоту, счет в банке. Но ее жизнь пуста.

— Эрика так не считает, — усмехнулся Кармайн. — Как раз сегодня прочла мне проповедь на тему «Власть как двигатель прогресса».

— Фу! Власть над чем? Над компанией? Над людьми? Это иллюзия. Жизнь — не шахматы, где умные мужчины передвигают неодушевленные фигуры. Чтобы получить истинную власть над человеком, нужно лишить его личной свободы. Когда тебя могут поставить к стенке за то, что твои документы не в полном порядке или ты оказался не в том месте. Без всякого объяснения отправить в концентрационный лагерь. Когда за тебя решают, где жить, работать, как отдыхать. Власть превращает людей в животных — скажи это в следующий раз своей драгоценной Эрике Давенпорт!

Больше Дездемона не успела сказать ничего. Она оказалась на полу столовой в горячих объятиях Кармайна.

— Кармайн! Ты с ума сошел! А если София...

— У тебя десять секунд, чтобы добежать до спальни.

Глава восьмая

На следующее утро Кармайн спросил Эйба и Кори:

— Сколько может быть совпадений?

Хотя сержанты не поняли, что имел в виду капитан, они не торопились переспрашивать — может, это проверка?

Кори сглотнул.

— О чем ты, шеф?

— Третьего апреля. Джимми Картрайт случайно убит третьего апреля. Декан Денби — по всей видимости, тоже. И что? Наш толстый банкир — еще одно совпадение?

— Да, это уже перебор, — сказал Кори, довольный, что не стал притворяться. Никогда не знаешь, что у Кармайна на уме. Вчера вечером у Кори с Морин была жуткая ссора, чуть до драки не дошло, но это разрядило обстановку, и он надеялся, что хоть на время скулеж и нытье прекратятся. Сегодня утром жена ему улыбнулась, приготовила завтрак и словом не обмолвилась о повышении.

— Что тебя смущает, Кармайн? — спросил Эйб.

— Слишком удобный момент выбран. Если бы не дата, главной подозреваемой была бы миссис Нортон. А раз третье апреля, значит, она отпадает?

— Что такого особенного в этом дне? — задумался Кори. — Понедельник, первый рабочий день месяца, во многих компаниях конец финансового года...

— Жаль, что первое апреля пришлось на субботу, — усмехнулся Эйб. — Никаких розыгрышей в этом году.

— Происхождение стрихнина по-прежнему неясно, — сказал Кармайн.

— Угу, — хором подтвердили сержанты.

— Что ж, рискуя показаться циничным, предлагаю взглянуть на дело с другой стороны.

Кармайн не любил пользоваться доской, но иногда для наглядности полезно представить все данные схематично. Сейчас был как раз такой случай.

— У нас есть обычные убийства и убийства особо жестокие. — Он прочертил линию по центру доски, деля ее на две колонки. — К обычным отнесем Беатрис Эгмонт, Кэти Картрайт и троих чернокожих. Никто из них не ждал смерти, и все они умерли очень быстро. Итак, всего пять.

Он перешел к левой стороне.

— К жестоким можно отнести декана Денби, но его мы исключаем. Остается тоже пять: Питер Нортон, Диди Холл, Бьянка Толано, Эван Пью и Дезмонд Скепс. Однако я хочу записать их в порядке от самой легкой смерти к самой мучительной. Кто, по-вашему, страдал меньше всех?

— Питер Нортон, — сказал Кори. Сегодня у него будто выросли крылья!

— Почему?

— К моменту, когда начались судороги, он, вероятно, был уже без сознания. Конечно, полной уверенности нет, но Патрик подтвердит: генерализованные судороги блокируют проводящие пути мозга, ответственные за сознание.

— Согласен, Кори. Итак, первым записываем Питера Нортон. Кто следующий в этом жутком списке?

— Диди Холл, — торопливо начал Эйб. — Она не сопротивлялась. Только стояла и истекала кровью. Из яремных вен кровь не бьет фонтаном, как из артерии, но все равно вытекает достаточно быстро — как любая жидкость под давлением насоса, а сердце — прекрасный насос. Диди страдала как физически, так и душевно, однако не сделала ни малейшей попытки защититься или убежать. Это заставляет предположить, что она не слишком дорожила своей жизнью.

Кармайн записал на доске имя проститутки.

— Таким образом, будем считать, что ее убийство находится примерно на том же уровне, что и отравление Питера Нортон.

— Дальше Эван Пью, — сказал Эйб.

— Ты так думаешь, Эйб?

— Я тоже, — согласился Кори. — Он умер от повреждения спинного мозга и внутренних органов. Смерть была медленной, но... как бы сказать... не унижительной, что ли. Самое худшее происходило у него в голове, а об этом мы можем лишь догадываться. Все люди разные.

— Эван Пью, — проговорил Кармайн, записывая. — Предпоследний?

— Дезмонд Скепс, — сказал Эйб. — Смерть чудовищная, но большая часть пыток не идет в сравнение с тем, через что прошла Бьянка Толано.

— Эйб прав, Кармайн, — уверенно сказал Кори. — Скепс был человеком известным, врагов у него хватало. Он понимал, что среди них могут найтись такие, кто ненавидит его так сильно, что готов пойти на убийство. Пытки были поверхностными, даже отрезание сосков. Бьянка Толано, напротив, абсолютно невинная жертва, которой пришлось перенести худшие унижения. Участь Скепса сравnilась бы со страданиями

девушки, только если бы его изнасиловали. Однако убийца... гм...

— Не посягнул на его мужскую честь, — закончил Кармайн. — Да, это важно. Ни над одним из убитых мужчин не надругались сексуально, подобному насилию подверглась единственная женщина — Бьянка Толано.

Он написал имя девушки внизу правой колонки и уставился на доску.

— Будем исходить из того, что убийца знал всех жертв. Отсюда вопрос: какими мотивами он руководствовался при выборе способа убийства каждой из них?

— Беатрис Эгмонт — милая старушка, — сказал Кори.

— Кэти Картрайт — хорошая женщина, которой жутко не повезло с мужем и детьми, — продолжил Эйб.

— И трое чернокожих абсолютно безобидны, — закончил Кармайн. — Что касается жестоких убийств...

— Банкир — грубиян, частенько злоупотреблявший властью, — начал Эйб. — Диди — проститутка, для некоторых это уже преступление.

— Эван Пью — вымогатель, выбравший не ту жертву, — сказал Кори, — а Скепс так или иначе разрушил тысячи жизней.

— И все же худшую смерть преступник приберег для невинной девушки. Что распалило в нем такую ненависть? — Лоб Кармайна бороздили глубокие морщины. Из-под сдвинутых бровей он посмотрел на Кори. — Ты проводил предварительное следствие, Кори. Тебе не попадалось что-нибудь, позволяющее допустить, что Бьянка — не невинная жертва?

— Нет, абсолютно ничего, — уверенно сказал Кори. — Голову даю на отсечение, она именно такая, какой кажется на первый взгляд. — Он покраснел. — Я не халтурил, несмотря на личные проблемы.

— Я никогда в этом не сомневался. — Кармайн сел и махнул рукой на стулья, приглашая сестр сержантов. — Таким образом, мы имеем убийцу девяти или десяти человек, испытывавшего жалость по отношению к одним из намеченных жертв и неукротимую ненависть к другим. И лишь в одном случае ненависть была не холодной и расчетливой, а очень даже горячей. Бьянка Толано, двадцатидвухлетняя выпускница экономического факультета, мечтавшая продолжить обучение в Гарварде. Очень симпатичная, с прекрасной фигурой, но слегка застенчивая. Не падкая на мужчин. При повторном вскрытии Патси установил, что она скорее всего была девственницей.

— Напоминает Эрику Давенпорт, — задумчиво сказал Эйб.

— Что?

— В самом деле. — Эйб приготовился защищать свое шаткое

предположение. — Именно такой я представляю доктора Давенпорт в этом возрасте — диплом с отличием, впереди куча надежд и перспектив. Теперь она ледышка, но держу пари, тогда была совсем другой. И по-моему, она тоже мало интересовалась мужчинами. Слишком честолюбива. Точно как Бьянка.

— Боже мой, как я мог этого не заметить! — медленно произнес Кармайн. — Вчера полдня просидел за досье Эрики Давенпорт и ничего не понял. Бьянка — копия Эрики!

— Ого, дело с каждой минутой становится все запутаннее! — воскликнул Эйб.

— Только подумайте! — с горячностью продолжил Кармайн. — Если Бьянка убита вместо Эрики, все становится на свои места. Элемент случайности исчезает. Они все так

или иначе связаны друг с другом! Эрику Давенпорт можно смело исключить из подозреваемых. Сейчас меня больше всего волнует, исчезла ли с убийством Бьянки опасность для самой Эрики.

— С третьего апреля убийств не было, — сказал Кори.

— Как будем действовать дальше? — спросил Эйб.

— Вы оба сконцентрируйте внимание на Питере Нортоне, — бодрым тоном распорядился Кармайн. — Не верится мне, что убийца выжидал за окном удобный момент подсыпать яд. Ерунда! Вдруг миссис Нортон давно задумала убить мужа, а кто-то подтолкнул ее сделать это именно третьего апреля? Если она виновна, то ведь где-то же раздобыла стрихнин, и, может статься, тут ей как раз помог наш тайный гений. Изучите прошлое миссис Нортон. Все до мелочей. Был ли у нее любовник? Я лично сомневаюсь, но исключать эту версию нельзя. Есть ли у нее долги? Покупала ли она драгоценности? Меха? Одежду? Может быть, увлекалась азартными играми? Считала ли свою жизнь скучной? Она полновата, но весьма привлекательна. Носом землю ройте, но разберитесь, какой мог быть мотив.

У Кармайна осталось время пообедать в «Мальволио» с Майроном. Тот выглядел очень озабоченным.

— Что, совсем Эрика замучила? — спросил Кармайн, садясь за столик и улыбаясь так, что вопрос не казался слишком бесцеремонным.

— Ну, с тех пор как я посоветовал ей отпустить «Корнукопию» в свободное плавание, стало полегче. Я должен был сам догадаться.

— Ты зажат, как ветчина в бутерброде. — Кармайн повернулся к официантке. — Минни, мне, пожалуйста, салат: латук, помидоры, огурцы, сельдерей. На заправку — масло и уксус. И крекеры. — Он перевел взгляд

на Майрона. — Так что произошло?

Майрон пожал плечами.

— В чем дело, Кармайн? А как же соус «Тысяча островов»? Булочки с маслом?

— Ты давно у нас не ужинал, Майрон, — сказал Кармайн, потягивая черный кофе без сахара. — Моя жена превратилась в одного из величайших поваров мира, так что на обед я ем корм для кроликов или вообще не обедаю. Иначе скоро стану похожим на дирижабль.

— Ну и дела! А что с убийствами?

— Мы делаем успехи. Эрика тебе рассказывала про свое детство и юность?

— Гораздо больше, чем Дезмонду Скепсу. Эрика вешает лапшу на уши руководству «Корнукопии» из чувства самосохранения, но мне, когда я спросил, она выложила все начистоту. Детям тридцатых приходилось нелегко, Кармайн.

— Кому ты об этом говоришь? Я сам один из них. Моему отцу повезло, он сохранил работу, но ему приходилось помогать куче родственников. Восточный Холломен оправился от Депрессии одним из первых, так что в тридцать пятом дела снова пошли в гору. Классы в школе Святого Бернарда были почти пустыми, зато учителя уделяли нам много времени.

— Я ничего этого не почувствовал, — признался Майрон. — Киноиндустрия процветала, и у моего отца все было на мази.

— Это было сумасшедшее десятилетие. — Кармайн бодро, с нарочитым наслаждением, жевал салат. — Как думаешь, Майрон, почему Эрика стала такой?

— Понятия не имею, а у нее спрашивать бесполезно.

— Она когда-либо упоминала, чем занималась в Европе, когда путешествовала там летом сорок восьмого года?

— Я даже не знал, что она была в Европе. Эрика мне только про Лондон рассказывала.

— Эти сведения есть в досье ФБР и, возможно, многое объясняют.

— Я не буду шпионить для тебя, Кармайн.

— И не надо. Шпионажа в этом деле и так хватает. Кто-то в «Корнукопии» продает секретную информацию красным, Эрика — в числе главных подозреваемых.

Майрон стал белый как мел и со звоном уронил вилку.

— О Господи, этого еще не хватало!

— Кстати, это тоже секретная информация, так что никому ни слова.

Впрочем, Эрике можешь сказать. Она знает об Улиссе.

— Улисс — шпион?

— Да. Это его кодовое имя. Вряд ли Эрика — Улисс, но, по-моему, ей известно, кто это. Твой допуск к закрытой информации наверняка много выше моего, так что, думаю, я ничего не нарушаю, рассказывая тебе об этом. Если ты не в курсе, так только потому, что твоих фирм и партнеров это не коснулось.

Серые глаза Майрона наполнились слезами. Он часто кивал, не произнося ни слова, потом чуть успокоился и произнес:

— У меня пропал аппетит. Я даже не притронулся к этому превосходному мясному рулету. Может, ты?..

— Ни в коем случае. Только корм для кроликов.

— Бог мой! Дездемона, должно быть, готовит не хуже самого Эскофье!

— Не знаю насчет Эскофье, но мою бабушку Черутти она определенно затмила, а это кое-что значит.

На следующий день Кармайн снова отправился к Филомене Скепс. Угроздило же ее поселиться в Орлеане! Три часа езды — и это при включенной сирене в пределах Коннектикута. К тому же вряд ли в этот раз Филомена предложит капитану поздний завтрак. День был сумрачный; небо сплошь затянули тучи, дул промозглый ветер, а океан пытался не то сровнять дюны с землей, не то насыпать их еще выше.

Насчет завтрака Кармайн оказался прав. Миссис Скепс в сопровождении Энтони Бера встретила его у двери и провела в небольшую комнату, плохо освещенную единственным окном, заросшим стеблями вьющихся роз. Адвокат был в строгом костюме-тройке с гарвардским галстуком, Филомена — в мшисто-зеленом шерстяном платье, подчеркивающим ее превосходную фигуру. Почему такой цветок впустую расточает свой аромат в просоленную атмосферу Кейп-Кода? Бера можно понять; он — мастиф, ждущий, что ему бросят кость.

— Миссис Скепс, вы связаны каким-то образом с движением за женское равноправие? — спросил Кармайн.

— Я бы так не сказала, капитан. Я жертвовала небольшие суммы на некоторые заинтересовавшие меня программы, но я не феминистка.

— К этим программам ваше внимание привлекла доктор Полина Денби?

— Мы с ней немного знакомы, но ни к членству, ни к пожертвованиям она меня никогда не призывала.

— Вы сочувствуете феминистским целям?

— А вы нет, капитан?

— Да, разумеется.

— К чему тогда этот вопрос?

— Что вы и доктор Эрика Давенпорт так серьезно обсуждали на вечеринке мистера Мандельбаума?

— Ты не обязана отвечать, Филомена, — вмешался Бера. — Напротив, я советую этого не делать.

— Нет, я отвечу, — сказала она приятным, терпеливым голосом; казалось, вывести ее из равновесия невозможно. — Мы обсуждали будущее моего сына, поскольку доктор Давенпорт теперь решает его судьбу. К мистеру Мандельбауму я приехала исключительно с целью увидеться с Эрикой и могу предположить, что она попросила меня пригласить только ради этой встречи. Доктор Давенпорт — не желанная гостья в моем доме, а мне не рады в «Корнукопии». Поэтому мы выбрали нейтральную территорию.

— Я так и думал, — сказал Кармайн. — Но по существу вы мне не ответили. Какие именно аспекты будущего вашего сына вы обсуждали и каков был результат ваших... переговоров?

— Моему сыну придется быть под пятой доктора Давенпорт почти восемь лет, и последние три или четыре из них будут для него самыми трудными. Он с раннего детства ее не выносит. Я надеялась убедить Эрику согласиться на посредника. Меня очень беспокоит, что она может уничтожить все наследство мальчика. Не преднамеренно, а из-за своей некомпетентности.

— Риск остается всегда. Привести к краху процветающую корпорацию может любой, — возразил Кармайн. — Полагаю, вы просто не хотите видеть во главе «Корнукопии» женщину?

— Нет, я не против женщин, дело именно в этой женщине! Я просила Эрику взять в качестве партнера Тони... мистера Бера. Она отказалась. Вот и весь разговор.

— Вам, должно быть, часто приходилось сталкиваться с доктором Давенпорт, прежде чем у вас сформировалась такая взаимная неприязнь, — сказал Кармайн. — Почему ее не любит ваш сын? Когда и где они виделись?

Ее взгляд метнулся к Энтони Бера. «Помоги, спаси! Что мне говорить? Как себя вести?»

— Я советую не отвечать, Филомена, — произнес мастиф, зарабатывая свою косточку.

Кармайн с трудом выбрался из чрезвычайно неудобного кресла.

— Спасибо, что уделили мне время, миссис Скепс.

«Я будто Микеланджело, обтесывающий глыбу мрамора, — думал Кармайн, начиная нескончаемый путь домой. — Сегодня я обнажил локоть, предплечье и кисть. Но какая эта рука — правая или левая? И каким боком со всем этим связан Улисс?»

По возвращении он обнаружил, что Делия захватила половину его кабинета, установив там складной стол и стул на колесиках.

— У себя мне слишком тесно, — заявила она. — Дядя Джон распределил кабинеты несправедливо! Капитану детективов полагается секретарь, и у секретаря должен быть нормальный кабинет. А мне приходится сидеть в шкафу!

— Почему бы тебе не пожаловаться дяде Джону? Куда я посажу Эйба и Кори на следующем совещании? Я тебя, конечно, очень люблю, Делия, но мне совсем не улыбается, чтобы ты все время болталась рядом. Кабинет — мое рабочее место. Я не смогу сосредоточиться, если ты будешь маячить у меня перед глазами.

Делия не обиделась, но и не проявила ни малейшего намерения убрать горы бумаг, которые она повсюду разложила.

«Не воевать же с Делией!» — решил Кармайн и, как всегда, беззвучно вышел из кабинета.

«Любой другой на его месте устроил бы скандал, — подумала Делия. — К следующему понедельнику у меня будет большой кабинет».

Она подождала, пока не почувствовала в воздухе определенную разреженность — верный знак, что Кармайн покинул здание. Все, ушел!

— Ты уже знаешь, как все устроить, дядя Джон? — проворковала она, скользнув в дверь комиссара.

— Нет, Делия. Я решил просто посидеть и подождать, пока ты придешь и все мне растолкуешь, — сказал Сильвестри.

— Ты поступил очень разумно, дядя Джон. Проблема в Микки Маккоскере. Он занимает вдвое больше места, чем Кармайн и Ларри, при том, что почти никогда здесь не бывает. Я предлагаю переселить Микки в кабинет Кармайна, а Кармайну отдать обе освободившиеся комнаты. Ну как? Можно завтра вызывать грузчиков?

Сильвестри молча кивнул. Почему Делия всегда оказывается права?

— Если ты мне это объяснишь, — сказал он Кармайну пять минут спустя за столиком в «Мальволио», — я отдам тебе должность Дэнни. Или мою, если хочешь.

— Ваше здоровье, шеф. — Кармайн поднял стакан. — Мне нравится быть капитаном, особенно если я получу кабинет Микки — или меня вы определили во вторую комнату?

— Нет, ты получишь кабинет. Вторая комната в два раза больше, на нее наложила лапу Делия. — Сильвестри умудрился вполне узнаваемо изобразить лицо племянницы и пропищал пронзительным фальцетом: — «Чур, эта комната моя, дядя Джон!» Я и согласился. Так проще. — Он машинально потягивал свой бурбон.

— Если Делия продолжит коллекционировать шкафы для хранения документов в таком же темпе, новой комнаты ей хватит года на два-три, — усмехнулся Кармайн. — Потом вам придется баллотироваться в мэры и строить для племянницы новое управление.

— Нет уж, обойдется! — Комиссар допил бурбон и сделал знак официанту принести еще. — Чем она сейчас занимается?

— Одной сумасшедшей идеей, работа колоссальная, но она сама напросилась. Шерстит общественные мероприятия, связанные с нашим расследованием. Видишь, я использую ее в качестве детектива. — Кармайн тоже махнул официанту принести бурбон и посмотрел на Сильвестри с надеждой. — А Делию никак нельзя произвести в лейтенанты?

— Ну вот еще! Хватит того, что я из-за нее напиваюсь белым днем! Вот чернильная душа!

От хаоса не осталось и следа; к полудню понедельника Кармайн успешно устроился в новом кабинете, расположенном в глубине здания, куда почти не доносился уличный шум. Высокие светлые окна, обращенные к преобладающим ветрам Холломена, обещали приносить прохладу в жаркие дни августа. Дополнительным преимуществом была близость кабинета Эйба и Кори — всего через две двери по коридору. Прежний кабинет Кармайна находился двумя лестничными пролетами выше, на одном этаже с комиссаром.

— Надо тут все покрасить и сменить мебель, — сказала Делия.

— Не раньше, чем я уйду в отпуск, — безапелляционным тоном заявил Кармайн, озирая кабинет Делии, пол которого был устлан огромными листами бумаги. — Что это? Календарь мероприятий?

— Вроде того. Теперь я могу наконец все как следует разложить. К пятнице предоставляю отчет.

Вошел Кори.

— Кармайн, в Яме бытовуха, — сказал он. — Женщина избита до смерти, любовник пропал.

«Начало положено, — сказал себе Кармайн, идя по коридору. — События третьего апреля теряют свою остроту, и наш тайный «гений» становится в один ряд с обычными преступниками. Не мог он все предусмотреть. Должна, должна быть зацепка! Рано сдавать папки в

архив!»

— Дело Нортонна получило продолжение, — сообщил Эйб во вторник утром. Вид у него был взволнованный и мрачный.

Капитан мгновенно вскочил из-за стола:

— Что?

— Погиб мальчик.

Кармайн застыл на месте.

— О Господи! Как? Почему?

— Говорят, что-то съел или выпил.

— Но стрихнина в доме не нашли!

— Может, это и не стрихнин.

— А что тогда?

— Пока неизвестно.

Кармайн пошел к выходу. В первый момент он рванулся бежать сломя голову, потом решил: «Зачем? Бедного Томми уже не вернешь».

— Патси там?

— Да, ему я сообщил первому. Кори поехал с ним. — Голос Эйба дрожал. — Как его звали? Мальчишку?

— Томас Питер. Ему исполнилось пять лет несколько дней назад. В сентябре пошел бы в школу.

Они сели в «фэрлейн»; Эйб машинально прилепил на крышу мигалку. Кармайн, на переднем сиденье, закрыл лицо руками. Кошмар, настоящий кошмар! Станным образом гул сирены подействовал успокаивающе — унылые, тоскливые звуки. Он убрал руки от лица. Машина приближалась к Северному Холломену.

— Только Дэйв О'Брайен — дежурный по Северному Холломену на этой неделе. Миссис Нортон позвонила ему, спокойная как слон. Дэйв сразу помчался туда, потом сообщил мне. Вот все, что я знаю.

— Как мог этот ее тупой доктор не понимать, что с ней происходит? Оба раза, когда я ее видел, она была накачана до одури! Я должен был ее расколоть, Эйб, но она меня провела!

— Кармайн, никто из нас не мог такого представить. Если она убила мужа, то, очевидно, не ожидала, что его смерть будет настолько ужасной, и потому спятила. Она не притворялась! Но нам пока ничего не известно.

— Что это может быть кроме стрихнина?

— Скоро узнаем. Проколы случаются, Кармайн, нельзя все предусмотреть заранее. Не вини себя!

У изгороди топтались несколько соседей, двое полицейских преграждали путь к дому; на пороге ждал Патси. Увидев Кармайна и Эйба,

вышел навстречу.

— Это не стрихнин, — коротко и тихо произнес он. — Мальчик подавился ластиком в форме земляники.

Кармайна и Эйба охватило облегчение, быстро сменившееся стыдом за то, что они почувствовали его в такой неподходящий момент. Это не их оплошность! Хотя могла, могла быть. Бедного ребенка не воскресить, но Бог хотя бы избавил их от мук совести.

— Как она? — спросил Кармайн, чувствуя слабость в ногах.

— Сядь, брат. Ты тоже, Эйб.

Они опустились на ступеньки у веранды.

— Она там, — буркнул Патси, кивнув на окна гостиной. — Видеть ее не могу!

Кармайн встал, удивленный:

— Патси, что она сделала? Заставила его съесть ластик?

— С нее станется. Она сама тебе все расскажет. — Патрик провел их через парадную дверь на второй этаж в спальню Томаса Питера.

Патрик осторожно приподнял мальчика, поместил его в выстланный полотенцами мешок, затем увез на каталке, казавшейся пустой: ее впалое дно ничем не выдавало присутствия маленького тела.

Совершенно спокойная миссис Барбара Нортон сидела с Кори и сержантом Дэйвом О'Брайеном. Впрочем, по ходу рассказа обнажались все более глубокие слои ее безумия. Она, казалось, не понимала, что ее сын умер, хотя в телефонном разговоре с Дэйвом О'Брайеном, говорила, что у Томми почернело лицо и он не дышит; более того — сказала, что убила его.

— Теперь, когда Питера нет, — объявила она мужчинам, — я, наконец, могу делать что хочу. — Она наклонилась вперед и заговорила шепотом: — Питер был обжорой и нас заставлял есть — дети раздулись, как воздушные шары! Я никогда не пыталась спорить, все равно без толку. Я просто ждала. И дождалась. — Она серьезно кивнула, потом снова откинулась на спинку стула и улыбнулась. — Знаете, никто не любит толстяков. После смерти Питера я всех нас посадила на диету. Марлин и Томми пьют воду. Я — черный кофе. Мы можем есть сколько захотим сырые овощи, только без хлеба. Никаких пирожных и печенья. Ни грамма сахара. Молоко, сливки, десерты отменяются. За завтраком и обедом я позволяю Томми и Марлин несколько крекеров. Мы едим курицу на гриле, без кожи, или рыбу и паровые овощи. Рис. И вес уменьшается! К школе Томми будет стройный как лоза!

Она умолкла.

— Как вам удавалось оставаться такой стройной, Барбара? — спросил

Кармайн.

— Засовывала себе пальцы в рот.

Понятно, почему бедный малыш подавился, пытаясь съесть ластик. Но как давно длится это безумие? Что стало его причиной? Смерть Питера Нортон? Или убийство — следствие безумия? Смерть Томми стала для миссис Нортон последней каплей. Однако надо попытаться получить некоторые ответы.

— Куда вы дели стрихнин, Барбара?

— Бросила пузырек в реку.

— А пробку вынули?

Она посмотрела на него с возмущением:

— Ну конечно, вынула! Я же не дура!

— Почему вы всыпали стрихнин в апельсиновый сок Питера именно третьего апреля?

— Да ладно вам, сами знаете!

— Я забыл. Напомните мне.

— Потому что снадобье действовало только третьего апреля! В любой другой день оно теряло волшебную силу. Он это совершенно ясно сказал.

— Кто сказал?

— Вот глупый! Будто сам не знает!

— У меня плохая память. Я забыл его имя.

— Рубен.

— Его фамилию я тоже забыл, Барбара.

— Как можно забыть то, чего нет?

— Где вы встречались с Рубеном?

— В кегельбане, конечно, глупыш!

— Какое волшебство должно было произойти третьего апреля?

Миссис Нортон, казалось, утратила всякий интерес к разговору или устала; возможно, и то и другое сразу; ее веки опустились, и она с видимым трудом разлепила их снова.

— Волшебство действует только один день, сказал Рубен. — Внезапно она заерзала на стуле, начала волноваться. — Он лгал! Лгал! Он говорил, что Питер просто уснет! Я не ошиблась! Он сказал — третьего апреля!

— Да, Барбара, вы все поняли правильно, — сказал Кармайн. — Он лгун. Успокойтесь и подумайте о чем-нибудь хорошем.

Четверо мужчин сидели молча, боясь встретиться глазами друг с другом и стараясь не смотреть на миссис Нортон.

— Где Томми? — спросила она.

Не «где дети». Только Томми.

— Он спит, — ответил Кармайн.

— Вряд ли она когда-нибудь предстанет перед судом, — сказал он позже комиссару Сильвестри. — Бедный малыш разрешил еще одну загадку. Только представьте, Джон: пятилетнего карапуза, привыкшего есть без перерыва, с тех пор как он научился ходить, вдруг сажают на голодную диету! Девочка, та на три года старше и хитрее. Воровала деньги из кошелька мамы и покупала еду. Только этого не хватало, даже чтобы утолить собственный голод, не говоря уже о голоде брата. Она жутко боялась, что когда-нибудь мама пересчитает деньги и все поймет, но все равно продолжала бы красть, пока не попалась.

Сильвестри, часто моргая, качал темной прилизанной головой.

— С девочкой все в порядке? Есть родственники, готовые взять ее к себе? Государственная опека сделает из нее еще одну преступницу.

— Ее заберут родители Нортон — они живут в Кливленде. Девочка — единственная наследница его состояния. — Кармайн выдавил улыбку. — Надеюсь, с ней все будет нормально.

— Резиновая земляника! — воскликнул Сильвестри. — Она что, так похожа на настоящую?

— Только для жутко голодного мальчишки. Хотя я не знаю, как она выглядела изначально, до того как он попытался ее съесть. Ластик принадлежал его сестре. Мальчик искал еду по всему дому.

— Из чего следует, что в любом деле важно не переусердствовать. Глупая диета превратила одного ребенка в воровку и убила другого. — Черные глаза Сильвестри сурово смотрели на безбожника Кармайна. — Надеюсь, ты закажешь несколько месс за упокой души маленького Томми. Школе Святого Бернарда требуется новая крыша. Иначе в следующий раз, когда пойдет дождь, миссис Тезорьеро увидит лицо Девы Марии в слезах и заявит о чуде.

— Сегодня у нас у всех лица были в слезах, Джон. Да, я закажу десять месс.

— Полагаю, у меня нет выбора, — сказала Дездемона вечером, когда они сидели перед ужином в гостиной с бокалами в руках.

— Нет выбора?

— Я вошла в католическую семью, значит, мои дети будут воспитываться как католики, и мое мнение никого не интересует.

Кармайн посмотрел на нее удивленно.

— Я не знал, что ты против, Дездемона. Ты никогда об этом не говорила.

— Наверное, до появления Джулиана я не думала, что это имеет для

тебя значение. Ты совсем не религиозен.

— Да. Моя работа не располагает к вере в Бога. Но своим детям я хочу дать католическое образование. Сыновья пойдут в мою бывшую школу, дочери — в школу Святой Марии, — сказал Кармайн, готовясь к сражению. — Они должны знать христианского Бога, и лучше, если получают это знание из первых рук.

— Если бы мы жили в Англии, — сказала его жена глубокомысленно, — я была бы за англиканскую церковь, но здесь нет подходящего эквивалента. Мне нравится, что в Восточном Холломене такая дружная община, и не хочу, чтобы наши дети были этого лишены. Преимущества перевешивают неудобства. Я вышла замуж за католика, но отказываюсь менять веру и ходить на мессу и не буду заставлять наших детей ходить в церковь.

— Справедливо, — признал Кармайн, чрезвычайно довольный, что сражение отменяется. — Я сам хожу в церковь только на Рождество и Пасху, и вот теперь схожу — ради Томми Нортон. Я обещал Сильвестри.

— Твой шеф — замечательный человек, — улыбнулась она.

— Что у нас на ужин?

— Свинина, поджаренная до хрустящей корочки.

— Я глина в ваших руках, прекрасная леди. — Он посмотрел на нее поверх стакана.

— Почему ты так легко сдалась? Я ожидал большего упорства. Ты ведь настояла на гражданской свадьбе.

— Тогда я была беременна и не в настроении заниматься нарядами и прочими свадебными хлопотами. Мне не терпелось стать миссис Дельмонико — остальное не имело значения.

— Это не объясняет твою сегодняшнюю уступчивость, — упорствовал Кармайн.

Все просто. Я ненавижу совместное обучение, а в католических школах Восточного Холломена оно раздельное. Подростку с разгулявшимися гормонами точно не нужно присутствие противоположного пола в классной комнате. Большинство детей с этим справляются, но цена обычно высока. Посмотри на Софию: она каждый день расфуфыривается, перед тем как отправиться в школу. Школьная форма пошла бы ей только на пользу.

— Ты меня не прекращаешь удивлять, — сказал Кармайн, следуя за ней в кухню. — Ты носила школьную форму?

— Естественно. Я училась в англиканской школе и носила отвратительный темно-синий жакет с блузкой и галстуком. И шляпу на

резинке, чтобы ветер не сдувал, — шляпы были дорогие. — Дездемона вытащила из духовки жаровню. — Резинка под подбородком — это ужас что такое. — Она выложила жаркое на блюдо. — Пусть немного постоит. — Потрогала красивую поджаристую корочку. — Отлично! Мужская школа — это то, что нужно для Джулиана.

— Почему именно для него?

— Потому что он вырастет высоким, черноволосым и жутко красивым. Если в классе или на школьном дворе будут девчонки, ему прохода не дадут. Вдобавок он загордится. Из школы Святой Марии они его не достанут.

— Плохо ты знаешь девочек из школы Святой Марии.

Дездемона заинтересовалась:

— А ты их знаешь хорошо?

— Было дело.

— Так что, я вышла замуж за школьного ловеласа?

— Нет, ты вышла за немолодого мужчину с артритом.

— Убийство Питера Нортона доказывает существование тайного организатора, — сказал Кармайн на совещании, где присутствовали комиссар, Дэнни Марчиано, Патрик О’Доннелл и Кори с Эйбом. Делия, сославшись на занятость, отпросилась.

— На сегодня раскрыты четыре убийства — Джимми Картрайта, Джона Денби, Бьянки Толано и Питера Нортона. Про огнестрелы было сразу ясно, что они заказные. Однако хотя мы и подозревали существование мозгового центра, у нас не было явных тому свидетельств, пока Барбара Нортон не объяснила, почему она решила убить мужа именно третьего апреля. Имя Рубен, конечно, вымышленное. Внятного описания его внешности от миссис Нортон мы не получим. Я думаю, организатор применил какую-то сложную уловку и в случае с Полиной Денби, но допрашивать ее скорее всего тоже бесполезно. Она хочет добиться оправдания. Барбару Нортон убийца убедил, что ее муж просто уснет, Полину Денби агония мужа не волновала — лишь бы она происходила не у нее на глазах. Орудие убийства найдено — пузырек с цианистым калием у нас. Если будут еще отравления цианидом — значит, яд отсыпали из пузырька заранее. Сколько там не хватает, Патси?

— Если изначально пузырек был полный, приблизительно шестьдесят граммов — две полные столовые ложки.

— Вы правы, Кармайн, — сказал Сильвестри. — Убийца один.

— Очень хитрый убийца. Изобретательно использовал слабости людей, недовольных своей жизнью. Барбара Нортон и Полина Денби обе

мечтали избавиться от тирании мужей без грязных разводов и преследований с их стороны. Джошуа Батлер хотел воплотить в реальность свои фантазии, его нужно было лишь подтолкнуть.

— Как насчет остальных, Кармайн? — спросил Кори.

— В случаях с Эваном Пью и Дезмондом Скепсом убийца действовал самостоятельно. С Беатрис Эгмонт, Кэти Картрайт и тремя огнестрелами разобраться сейчас нереально. Страховая компания назвала бы их сопутствующими потерями.

— Диди Холл ты к ним не относишь? — поинтересовался Марчиано.

— Нет, я думаю, Диди он убил лично — почему, не знаю.

— Хорошо, какой твой следующий шаг? — спросил Сильвестри, подсовывая пепельницу с окурком сигары под нос Дэнни.

— Массированный удар, — со вздохом сказал Кармайн. — Господи, как я ненавижу «Корнукопию»! Но нам придется туда вернуться, ребята.

— Все-таки Эрика Давенпорт? — с надеждой спросил Кори.

— Эрика замешана, но она не организатор. Скорее... — Он осекся и наморщил лоб. Нет, про Улисса упоминать нельзя. — Скорее, тайный «гений» хотел с ее помощью пустить нас по ложному следу.

— Ты ведь не это собирался сказать, — заметил Сильвестри, когда они с Кармайном остались одни.

— Видишь ли, то, что я хотел сказать, говорить нельзя! Именно поэтому я ненавижу «Корнукопию» — слишком много секретов.

Майрон ждал Кармайна в новом кабинете капитана.

— Не мешало бы тут покрасить и мебель кое-какую обновить, — сказал он без предисловий. — Но во всяком случае, тут лучше, чем в твоих прежних владениях.

Со вчерашнего дня друг Кармайна превратился чуть ли не в старика: покрасневшие глаза, запавшие щеки, безвольный рот; гордой осанки как не бывало.

— Никто ни к чему не притронется, пока я не уйду в отпуск, — сказал Кармайн, усаживаясь за стол. — Полицейского кофе выпьешь?

— Нет, спасибо! Хочу дожить до обеда.

— Чем могу быть тебе полезен, Майрон?

— Я сегодня улетаю в Калифорнию.

— Раньше бы я сказал — давно пора. — Кармайн пожал плечами. — А теперь даже не знаю. Эрика в курсе?

— Да.

— Ты еще не сделал ей предложение?

— Нет, — ответил Майрон с несчастным видом.

— Почему? Ты же ее любишь!

— Я-то люблю! А вот любит ли она меня? По крайней мере не так, как тебя Дездемона.

Кармайн вздохнул.

— Майрон, ты должен понимать: Дездемона и я — особый случай. Мы пережили общую опасность, а это всегда сплачивает. Да что тут говорить! Ты смотришь на нас и хочешь, чтобы у тебя было точно так же! Это ребячество.

Майрон покраснел и поджал губы.

— Ну хорошо, признаю. Но как мне пробить ее оборону? Я ведь знаю, что Эрика вовсе не чопорная и не холодная...

— Ты у меня спрашиваешь? — в недоумении развел руками Кармайн. — Мне-то откуда знать?

— Когда она разговаривает с тобой, то будто оживает! Если бы не ты, я давно решил бы, что она не способна на эмоции. — Майрон взволнованно жестикулировал. — Нет, не бойся, она не вспылала к тебе страстью, можешь не искать пожарную лестницу! Я просто подумал... Может, у тебя есть какой-то полицейский приемчик... — Майрон умолк с несчастным видом.

— Нет, дружище, на самом деле ты хочешь узнать, что есть во мне такого, перед чем ее оборона бессильна. Не знаю я, Майрон. А если бы и знал, не объяснил бы. Ты притягиваешь женщин как магнит. Вот и Эрику притянул. Ты уже пробил ее оборону, Эрика тебе доверилась. Перед тобой она строит из себя американскую принцессу- ледышку. Я бы сказал, это большой прогресс.

— Это — жалкая подачка, — подавленно сказал Майрон. — Эрика снисходит до интимных отношений со мной — сама проявила инициативу! — но ее мысли при этом где-то далеко, Кармайн. Прямо как в той присказке — «расслабься и думай об Англии», только Эрика думает не об Англии.

— Дело не в тебе, Майрон, а в ней, — сказал Кармайн, не чающий завершить этот разговор. — На твоём месте я бы поговорил с Дездемоной.

Майрон решительно покачал головой:

— Нет, я и с тобой-то едва решился об этом заговорить. — Он встал. — Передай нашей дочери, что я ее очень люблю.

— Лучше скажи ей это сам.

— Не могу. Мне надо поскорее уносить отсюда ноги.

Он ушел. Кармайн слушал стук удаляющихся шагов в коридоре и молился, чтобы его лучший друг набрел на более зеленые пажити в своих

собственных угодьях.

— В общем, можешь не беспокоиться о матери, — сказал он Софии вечером. — Развод пока в планы Майрона не входит.

— Ладно, тогда я его прощаю, — великодушно сказала София. — Эта ледяная стерва его бы доконала.

Глава девятая

В восемь утра, в пятницу, двадцать первого апреля, Кармайн пришел на работу и обнаружил у себя в кабинете изнывающую от нетерпения Делию. Очевидно, день был для нее каким-то особенным. Она облачилась в свой самый лучший наряд; пронзительное сочетание фиолетовых и оранжевых цветов гарантировало резь в глазах любого, незнакомого со вкусами Делии.

Если не возражаешь, начала она, усаживаясь на стул перед столом Кармайна, я бы хотела сначала поговорить с тобой конфиденциально. Это возможно?

— Конечно. Выкладывай.

Делия благоговейно развернула на столе большой лист бумаги и несколько листов поменьше. Кармайн посмотрел на них, потом снова на секретаршу и удивленно поднял брови.

— Я нашла мероприятие, на котором присутствовали все одиннадцать жертв, сказала она, старательно подавляя в голосе нотки триумфа. — Оно проводилось в субботу, третьего декабря прошлого года, в здании холломенского муниципалитета. Организовал его фонд Максвеллов с целью сбора средств на исследования хронических детских заболеваний. — Делия прервалась, ее лицо сияло.

— Ого! — присвистнул опешивший Кармайн. — И они все там были? Включая чернокожих?

— Да. Это был банкет для пятисот человек, с танцами. В зале стояли круглые столы на десять персон каждый. Большинство столов были «выкуплены» различными фирмами и учреждениями — вы с Дездемоной, будь там, сидели бы за столом с дядей Джоном, но у вас как раз родился ребенок. Место стоило сто долларов, весь стол — тысячу. Двадцать из

пятидесяти столов заняла «Корнукопия» с дочерними компаниями, десять — Чабб, один — мэр, полиция и пожарная охрана скинулись на один и так далее. — Делия снова сделала паузу, устремив на Кармайна сияющие глаза.

— Потрясающе, — произнес он медленно, чувствуя себя обязанным что-то сказать, но не находя слов.

— Ты не представляешь, Кармайн, сколько хлопот требует подготовка мероприятия такого рода! — воскликнула Делия. — Все равно что составить план сражения, хотя если бы большинство сражений

подготавливались так тщательно, результаты, думаю, были бы совсем другими. Куда поставить стол, спонсируемый определенной организацией? Чьи столы должны быть слева, справа, впереди, сзади, по диагонали. Даже лорд Китченер не уделял столько внимания подготовке своих баталий! Когда схема расстановки столов была закончена, каждому присвоили номер. Затем размещение гостей! Некоторые приходили компанией из пяти пар, некоторые — поодиночке. Одни хотели сидеть за столом X, другие за столом Y, третьи просили усадить их рядом с определенной парой или любой из нескольких пар. Были гости и без особых предпочтений, такие как Беатрис Эгмонт. Всем занималась небольшая группа добровольцев из фонда Максвеллов, и они справились великолепно. Даже избежали давки в холле, когда сотни людей одновременно пытаются найти свои имена в списке. Шесть добровольцев со списками сидели у стойки администратора и называли каждому номер его стола. — Делия умолкла.

— Понимаю, к чему ты ведешь, Делия. Продолжай, не томи!

— Один из столов «Корнукопии» спонсировался Четвертым национальным банком под эгидой мистера Питера Нортон. Из-за капризов судьбы компания, которую он подобрал, заметно поредела. Его жена, например, слегла с желудочным гриппом, который тогда ходил, — я сама его подхватила. Жена декана Денби тоже. Беатрис Эгмонт пришла одна. Муж миссис Кэти Картрайт уехал в Бичмонт к своему темпераментному повару. Не смогли явиться и мистер Дорли с женой, он отдал билеты своей подчиненной Бьянке Толано. Та, похоже, и не пыталась найти себе спутника, но, как девушка разумная, второй билет вернула на входе. Откуда я знаю? Потому что билет был с номером и продан в день мероприятия молодому человеку по имени Эван Пью. В некотором смысле он и Бьянка пострадали вместо Дорли, которым крупно повезло. — Делия поежилась. — Но почему, — риторически спросила она, — мистер Нортон не пригласил к себе за стол своих друзей? Ни одного!

Неподражаемый стиль, с которым Делия излагала свои открытия, был Кармайну не в новинку, однако сегодня его секретарша превзошла самое себя. Очевидно, речь она подготовила не менее тщательно, чем фонд Максвеллов свой банкет. Кармайну оставалось только набраться терпения и слушать.

— А потому, что мистер Нортон побоялся приглашать своих друзей, — продолжала Делия, довольная тем, как Кармайн заинтересованно подался вперед. — Почетное место за столом Четвертого национального банка принадлежало мистеру Дезмонду Скепсу! Из всех корнукопских гостей он предпочел провести вечер рядом с мистером Нортоном и со своей

спутницей Диди Холл!

— Что?!

— Ее имя значится черным по белому в списке основных гостей, как сопровождающая мистера Дезмонда Скепса. Смотри. — Делия пододвинула к Кармайну листок.

Схватив его, он стал читать, не веря глазам.

— Что, черт возьми, он задумывал? Наверняка какую-то гадость! Ну, продолжай, продолжай!

— Итак, у нас есть четыре женщины — Кэти Картрайт, Бьянка Толано, Беатрис Эгмонт и Диди Холл и четверо мужчин — Дезмонд Скепс, Питер Нортон, Эван Пью и декан Джон Денби. Восемь человек, все они стали жертвами убийцы. Обрати внимание, два из десяти стульев остались незанятыми.

Кармайн покачал головой.

— Неудивительно, что тебя в последнее время днем с огнем было не сыскать! Все это невозможно узнать из одного только списка гостей.

— Нет, конечно, — призналась Делия. — Пришлось обзвонить кучу людей и несколько раз сходить в фонд Максвеллов. Я боялась, что списки выбросили или сожгли, но опасения оказались напрасными. Даже в благотворительных учреждениях полно бюрократов, а они сто раз перестрахуются и ничего не уничтожат, лишь бы не подставить под удар свое паразитическое существование.

— Почему ты так не любишь бумажные души, Делия? — хитро спросил Кармайн. — Ты же сама одна из них.

Она тут же поддалась на провокацию.

— Я не паразит! Моя работа приносит плоды, я — винтик в важном механизме! Покажи мне хоть одно полицейское управление, где секретари сидят без дела! — сказала она с негодованием.

— Ладно-ладно, не кипятись. Я пошутил. Ты только что проделала больше полезной работы с бумагами, чем целое министерство, — сказал Кармайн. — Дезмонд Скепс! Что у него общего с уличной проституткой? Хотя нельзя сказать, что она выглядела как шлюха. Диди Холл умела...

— Прихорошиться? — подсказала Делия.

— Да, в нормальной одежде она выглядела почти респектабельно. Не такая уж светская дама, однако спутнице Скепса можно многое простить. Людям трудно допустить мысль, что человек такого положения, как Скепс, над ними издевается. — Кармайн наморщил лоб. — Хорошо, это восемь из одиннадцати. А как насчет чернокожих?

— Они тоже присутствовали. Банкет обслуживала фирма «Барнстепл

кейтеринг». Раньше она специализировалась на небольших вечеринках и приемах, но Чабб собирался заключить с ней контракт на обслуживание университетских банкетов, и это мероприятие было своего рода испытанием. Фонд Максвеллов поставил некоторые особые условия. Такой крупный банкет с тысячедолларовыми столами устраивался впервые, и руководство хотело сделать его незабываемым. «Барнстепл» должен был обеспечить команду из трех официантов для каждого стола. Седрику Баллантайну, Моррису Брауну и Людовике Бересон достался стол Четвертого национального банка. Вечер прошел без сучка без задоринки. — Теперь, когда все карты были раскрыты, Делия перешла на будничны́й тон. — Еда подавалась с пылу с жару, бокалы не пустовали, грязную посуду убирали в течение двух-трех минут.

— А была ли особая причина, почему трем чернокожим поручили этот стол? — спросил Кармайн.

— Никакой, кроме того, что все они по выходным подрабатывали в «Барнстепле» и успели себя хорошо зарекомендовать, включая Седрика Баллантайна, который прибавил себе возраст, чтобы получить работу. Документы особенно не проверяли, а Седрик выглядел старше своих лет. В будний день парни не смогли бы работать из-за школы. Миссис Бересон, вероятно, тоже отказалась бы после дня уборки. Субботний вечер всем подходил идеально.

— Если бы я не был счастливо женатым мужчиной, Делия, я бы просил у тебя руки и сердца, — улыбаясь, сказал Кармайн. — Мы с Эйбом и Кори и половины бы всего не узнали. Эта кропотливая работа нуждалась как раз в таком педанте, как ты. Не знаю, как тебя благодарить.

— Не стоит благодарности. Мне это доставило огромное удовольствие. — Делия поднялась, но бумаги забирать не стала. — Пусть они будут здесь, вдруг понадобятся. Ну, я пойду.

Как только она исчезла за дверью, Кармайн позвонил Дездемоне.

— Какие цветы подарить Делии за одну потрясающую работу?

— Яркие орхидеи, — ответила Дездемона немедленно. — Не букет, а в горшке. Каттлей.

— Интересно, почему Дезмонд Скепс захотел сидеть за столом Питера Нортонa? — спросил Кармайн Кори и Эйба.

— Едва ли мы это узнаем, — уныло ответил Кори. — Все, кто был за тем столом, мертвы.

— А мне еще интересно, — сказал Эйб, — почему между банкетом и убийствами прошло четыре месяца.

— Думаю, этот вопрос тоже придется отложить до лучших времен, —

сказал Кармайн.

— Зато нам известны имена тех, кто был на банкете и остался жив. Надо получить представление, что там происходило, — предложил Кори.

— Сильвестри! — воскликнул Кармайн. — На банкете был он, а еще Дэнни и Ларри. — В следующую секунду Кармайн оказался у двери. — Я поговорю с ним, а вы пока ни слова. Никому.

Джон Сильвестри слушал увлеченно, чувствуя гордость за племянницу. «Надо будет написать чванливому зятю в Оксфорд, — мелькнуло у него в голове, — что у Делии куда больше шансов оставить след в истории, чем у ее отца». Потом он одернул себя и сосредоточился на самих фактах, открытых Делией.

— Разрази меня гром, — произнес он, дослушав. — У хитрого ублюдка явно была на уме какая-то пакость! Меня спрашивать бесполезно, Кармайн, я знаю не больше, чем ты.

— Но, Джон, вы же там присутствовали, — сказал Кармайн. — У нас как раз родился Джулиан, и мы не пошли. Расскажите, как все происходило. Мне нужно представить себе всю картину.

Сильвестри прикрыл глаза.

— Пожалуй, этот банкет запомнился мне лучше, чем другие мероприятия такого рода. Очень уж гладко все шло. Как по нотам! За час сменилось три блюда, так что до полуночи оставалось время и потанцевать, и пообщаться. Еда была отменная, подавалась без задержек — официантов хватало. После десерта постоянно подносили кофе и напитки. Кофе хороший и горячий, желающим предлагали чай. Все остались довольны.

Внимание Кармайна привлекло одно слово.

— Вы сказали, было время пообщаться, Джон. Можно поподробнее?

— Если бы ты чаще посещал такие мероприятия, а не увиливал, Кармайн, то знал бы сам, — сказал комиссар, ненавязчиво вкладывая во фразу толику упрека. — У нас не Нью-Йорк. Впечатлений не так много, а тут столько знакомых разом, и, конечно, многие, как только подадут кофе, начинают ходить от стола к столу, делясь новостями. Взять, к примеру, Джесси Бэйтмана — я редко вижу старика; когда одна пара за его столом куда-то ушла, мы с женой пересели туда. В зале был большой танцпол, оркестр играл Гленна Миллера, но не все хотят танцевать. Пожалуй, большинство приходят ради общения.

— За столом Четвертого национального банка было два свободных стула, — сказал Кармайн. — Значит, к Нортону и его гостям наверняка подсаживались. — Он громко хекнул. — Остается только узнать, кто именно.

— Ну, меня можешь сразу исключить, — сказал Сильвестри. — Я только раз взглянул на Дезмонда Скепса и обошел его стол подальше. Многие поступали так же, включая мэра и его лизоблюдов.

— Почему? — удивился Кармайн.

— Даже издали было видно, что Скепс пьян в стельку.

— Ничего себе! Вот тебе и его хваленая умеренность. Миллион благодарностей, сэр. Вы мне очень помогли.

Когда Кармайн возвратился в глубокой задумчивости в свой кабинет, он увидел Кори и Эйба, склонившихся над планом расстановки пятидесяти круглых столов — каждый кружок с номером и обозначением спонсора. Стол Четвертого национального банка значился под номером 17, слева от него находился стол номер 16, справа — 18. Всего было десять рядов по пять столов, номер 17-й стоял ближе к северной стене зала, в отдалении от директорских столов «Корнукопии». Фил Смит сидел за 43-м номером, Уол Грирсон за 39-м, Фред Коллинз за 40-м. Номер 17-й окружали менее значительные персоны. Почему же Дезмонд Скепс выбрал именно его? Потому что собирался напиться? Или из-за Диди?

— Итак, почему с Питером Нортоном? — снова спросил Кармайн.

— И почему с Диди? — в который раз добавил Кори.

— Логичным выбором была бы Эрика Давенпорт, — заметил Эйб.

— Ни в коем случае! — возразил Кори. — Он как раз дал ей отставку, и она пришла со своим обычным спутником, Гасом Первеем.

— Скепс хотел кого-то сбить с толку, — уверенно заявил Эйб. — Наверняка сам напросился к Нортону, а тот был на седьмом небе от счастья, что его заметил небожитель.

— Хоть бы и мертвецки пьяный, — встрял Кори.

— Да, но вряд ли Нортон предполагал, для чего Скепс попросил оставить два места за столом незанятыми, — не согласился Эйб.

— Хотел бы я увидеть, — сказал Кармайн, — как Бьянка, Кэти и старушка отнеслись к Диди. Да еще при том, что Скепс надрался как сапожник. Даже если они не узнали Скепса, Нортон или Денби их, конечно, просветили, хотя сомневаюсь, что на женщин это произвело впечатление. Эван Пью мог знать Скепса, но не в его характере преклоняться перед кем-то кроме себя самого. Таким образом, свободные стулья скорее всего были по обе стороны от Скепса и Диди. Беатрис, Кэти и Бьянка небось сидели как на иголках — женщины всегда сторонятся пьяных.

— Надо расспросить Джеральда Картрайта, — предложил Кори. — Кэти могла рассказать ему про пьяного Скепса.

— Спорим, что нет? — спросил Эйб. — Тут куда ни сунься, везде

тупик. Жена Нортон — сумасшедшая, у Кэти Картрайт забот был полон рот — не до разговоров, Бьянка и старушка приехали в одиночку и жили в одиночку, чернокожие вращались в мире, где до Скепса никому нет дела, Денби с женой тоже вряд ли шушукались в постели. Хотя странно, что Марти Фейн ничего не упоминал о Диди и Скепсе. Он был готов на что угодно, лишь бы помочь нам разыскать убийцу.

— Думаю, Марти просто не знал, — сказал Кармайн. — Диди была ему верна в определенном смысле, но против пары кусков не устоит. Может, прикинулась, что тоже подхватила грипп.

— Мы никак не найдем ни одной зацепки, — сказал Кори.

— Почему же! Делия навела нас на банкет фонда Максвеллов, чем не зацепка? — Кармайн оперся подбородком о ладони. — Эрика Давенпорт говорила, что Скепс никогда не выпивал больше бокала в День. Она даже называла причину. Однако чем лучше я узнаю членов правления «Корнукопии», тем труднее мне им верить. А заодно Филомене Скепс, Энтони Бера и Полине Денби. И еще мне не дает покоя мысль, что у нашего тайного «гения» в Холломене есть помощник — возможно, кто-то, кого мы даже не подозреваем.

— Почему ты думаешь, что это помощник, а не несколько наемников? — спросил Эйб.

— Ну, наемники наемниками, но у каждого гения должен быть ученик. — Кармайн выпрямился и посмотрел на них серьезно. — Одно ясно наверняка. Одиннадцать человек умерли из-за того, что произошло за столом Питера Нортон. Нам необходимо узнать, что именно.

— То есть найти людей, которые к ним подсаживались? — спросил Кори.

— Конечно. Беатрис Эгмонт пользовалась популярностью. Эйб, у тебя есть список ее друзей. Узнай, кто из них был на банкете и что там видел. Ты, Кори, хорошенько допроси Джеральда Картрайта. Жена скорее всего действительно ничего ему не рассказывала — закрутилась с делами, однако раз он отправил ее на банкет одну, значит, там были их друзья. Разузнай, кто они, и поговори с ними.

— А ты, — заметил Эйб, — возьмишь на себя Эрику Давенпорт.

После отъезда Майрона доктор Эрика Давенпорт как-то осунулась, хотя прическа, макияж и одежда по-прежнему были безупречны. Сегодня на ней было свободное платье светло-лилового цвета, который отражался у нее в глазах. Походка потеряла свою величавость, а когда Эрика села за стол, ее пальцы ни на минуту не находили покоя — то теребили ручку или папку, то поглаживали идеально наманикюренные ногти. Казалось, Эрика

достигла предела, и ее вот- вот прорвет, однако Кармайн не мог даже предположить, с чем это связано. Во всяком случае, она не тайный «гений» и не Улисс. «Вероятно, — решил он, — Эрика просто поняла, что не столь важна для Майрона, как ей казалось, и считает себя обманутой».

Почему между банкетом фонда Максвеллов и убийствами прошло четыре месяца? Кармайн чувствовал, что если кто-либо и знает ответ на тот вопрос, то это Эрика Давенпорт.

Секунд через десять она наконец встретилась взглядом с Кармайном. В ее глазах таились страх, беспокойство и отчаяние. Господи, что же ей известно? Как вырвать это из нее? Да, Эрика дошла до предела, но он не сумеет вызвать ее на откровенность. Внезапно Кармайн пожалел, что Майрон уехал. Майрон был единственным, кто бы смог. Если изысканная нежность способна пробить броню, то сейчас такой случай.

— Скучаете по Майрону?

— Очень, — призналась она. — Но вы ведь здесь не для того, чтобы выразить мне соболезнования, капитан. Что вам нужно?

— Четыре месяца назад все одиннадцать жертв, убийства которых я расследую, присутствовали на одном мероприятии и сидели за одним и тем же столиком, спонсируемым Четвертым национальным банком, — сказал Кармайн, наблюдая за ее реакцией так пристально, что боялся моргнуть. — Третьего декабря прошлого года, в субботу. Это был банкет фонда Максвеллов.

— Да, помню, — сказала она, внезапно успокоившись. — Я была там с Гасом Первеем, мы сидели за столом Филадельфия Смита.

— Вы знаете, где сидел Дезмонд Скепс?

Она наморщила лоб и прикрыла веки.

— Да, он был какой-то странный. Хотя ничего удивительного. Незадолго до этого он уведомил меня, что не желает продолжать со мной любовные отношения. Его стол стоял в другом конце зала, и никого из сидевших за ним я не знала.

— Но вы все-таки подходили к его столу?

«Скажи «да», Эрика, скажи «да»!»

— Да. — Она скорчила мину. — Как и следовало ожидать, удовольствия мне это не доставило.

— Почему?

— Дез был пьян.

— Однако, по вашему собственному утверждению, мистер Скепс много лет не выпивал больше одного бокала в день. Когда вы мне об этом сказали, вы ни словом не упоминали о его грехопадении на банкете фонда

Максвеллов.

— Это был единичный случай, капитан.

— И какова причина?

— Причина грехопадения, вы имеете в виду?

— Да.

— Понятия не имею, но если вы думаете, из-за того, что он порвал со мной, то ошибаетесь, капитан. Любви между нами никогда не было. — Подумав, она добавила: — Равно как и симпатии.

— Что вы можете сказать про его спутницу?

Эрика искренне удивилась:

— Какая еще спутница? Дез был один.

— Женщина, ростом около ста восьмидесяти сантиметров, даже сидя, она должна была казаться высокой. На ваш вкус, пожалуй, вульгарная. Смуглая, с красивым лицом, светлыми волосами и большой грудью. Сильно накрашенная. Вероятно, на ней было обтягивающее атласное платье яркого цвета — изумрудно-зеленое или розовое. Возможно, боа из норки.

Лицо Эрики разгладилось.

— А, вот вы о ком! Да, она сидела за столом между красивой девушкой и пожилой дамой с седыми волосами и одышкой. На Деза она не обращала внимания, и он на нее тоже. Он вообще дальше своего носа не видел — так напился. Вдрызг. Что-то лепетал, но я не смогла разобрать ни слова и скоро ушла.

— Когда вы сидели рядом с Дезмондом Скепсом, с другой стороны от него кто-то был?

— Да, очень толстый мужчина, не помещавшийся на стуле.

— А дальше?

— Не видела. Толстяк загораживал мне обзор.

— А кто сидел рядом с вами, кроме Скепса?

— Довольно отталкивающий юноша, все норовил положить мне руку на коленку. Женщины сидели все вместе, и я их понимаю. Даже декан Денби не вызывал симпатии.

Дальнейшие расспросы Кармайна не принесли ничего нового. Выходя из кабинета, он чувствовал, что потерпел неудачу.

Пока он ждал лифта, к нему присоединился секретарь Эрики Ричард Оукс в сопровождении мужчины лет на десять его старше. Когда все вошли в кабину, Оукс заметно поежился и отодвинулся от Кармайна в дальний угол.

— Кто ваш спутник, мистер Оукс? — спросил Кармайн.

Оукс молчал, будто онемев от страха.

— Я не спутник мистера Оукса, — произнес незнакомец, энергично выдвигая челюсть вперед. — Я Ланселот Стерлинг из бухгалтерии.

— А, душка-босс! Тиран и сплетник.

— Простите, не понял?

— Да так, ничего, — отмахнулся Кармайн.

Остаток пути проделали молча. Стерлинг метал в Кармайна недобрые взгляды, но вид Ричарда Оукса предостерегал от агрессии. Рассказ о кулачном бое перед «Мальволио» так или иначе достиг директорских этажей. Судя по выражению лица Оукса, теперь об этом узнает и бухгалтерия.

На первом этаже Оукс и Стерлинг, оживленно шушукаясь, отправились к лифту для спуска в подземную парковку, а Кармайн вышел на улицу к своему «фэрлейну» — ни одному транспортному копу в Холломене не придет в голову наклеить квитанцию о штрафе на автомобиль капитана Дельмонико.

Прошло несколько дней. Кармайн, Эйб, Кори и Делия безуспешно пытались найти кого-нибудь, кто подсаживался к столу номер 17.

Не придумав ничего лучшего, Кармайн направился к Сильвестри.

— Нужно сделать объявление в выпуске новостей по телевизору, — сказал он комиссару. — Попросить явиться тех, кто контактировал с мистером Дезмондом Скепсом на банкете фонда Максвеллов четыре месяца назад, так как могут выясниться важные обстоятельства.

— Слава Богу, еще не просочился тот факт, что все сидевшие за его столом, убиты. Не беспокойся, Кармайн, я постараюсь объяснить, как это важно, не вдаваясь в шокирующие подробности.

Обещание Сильвестри исполнил, однако, по его собственной выразительности, дело не выгорело.

— Финиш, — сказала Делия.

— Приплыли, — сказал Эйб.

— Суши весла, — сказал Кори.

Жизнь Кармайна на излете четвертой недели расследования легче не стала. Дездемона пыталась ободрить его, готовя ему вкусную еду и позволяя побольше общаться с Джулианом. Впрочем, этому способствовал и наступивший затык в работе, поскольку дошедши до финиша, приплывший и сушащий весла Кармайн возвращался домой намного раньше, чем Кармайн бодрый и деятельный.

Хотя Джулиану не исполнилось еще шести месяцев, Дездемона мечтала как можно скорее завести второго ребенка, полагая, что дети с меньшей

разницей в возрасте лучше ладят друг с другом. Свекровь утверждала, мол, ничего подобного, однако Дездемону, если она что-то вбила себе в голову, было трудно переубедить. Очередные месячные привели ее в настолько брюзгливое расположение духа, что даже Эмилия Дельмонико в конце концов не выдержала.

— Сколько можно себя жалеть! — взорвалась она. — Лучше пойдешь погуляй с Джулианом. Малютка родился на День благодарения еще никогда солнца толком не видел. Сейчас весна, погода прекрасная. Что еще надо!

— Но я же хотела сделать беарнский соус... — возразила Дездемона.

— Обойдется Кармайн разок без соуса. Иди отсюда!

— Я люблю возиться на кухне.

— Тебе надо чаще из нее выбираться! Ты хочешь, чтобы Кармайн стал толстяком с одышкой?

— Нет, конечно, но...

— Никаких «но»! Посади Джулиана в коляску, Дездемона, и живо на прогулку!

— Джулиан слишком мал для сидячей коляски.

— Чушь! Он умеет сидеть прямо и прекрасно держит головку. Вам обоим не помешает немного размяться. Ну-ну, давай!

Поскольку Кармайн уже оснастил коляску ремнями, аргументы Дездемоны иссякли. Отрегулировав спинку так, чтобы Джулиан мог откинуться назад, если захочет спать, она выкатила коляску на улицу. По правде сказать, толкать низкую сидячую коляску по крутому склону было гораздо удобнее, чем высокую, да и Джулиану прогулка нравилась. Он широко раскрыл глазенки и с интересом смотрел по сторонам.

Сделав круг по Ист-Серкл, Дездемона повеселела и даже прониклась благодарностью к своей всезнайке-свекрови. День был действительно прекрасный: безоблачное небо и легкий ветерок. А еще даже не начался май! Дойдя до длинной извилистой дорожки, ведущей с улицы к дому, Дездемона решила, что сегодня самое время первый раз показать Джулиану синий простор моря.

Глубоко вбирая в легкие живительный весенний воздух, она покатила коляску не к дому, а в направлении их причала и домика для лодок. Вокруг уже все было зеленым. Форзиция отцвела и теперь образовывала плотную живую изгородь: ближе к воде теснились солелюбивые кустарники. Только у самой скамейки ничего не росло, и была видна вода.

Сад лежал с подветренной стороны, да и вообще в Коннектикуте ураганы редкость. Дездемона села на скамейку и стала любоваться на Джулиана. Мальчик, широко раскрыв глаза, окаймленные пышными

ресницами, впитывал все вокруг — молчаливый свидетель мудрости Эмилии. Да, поменьше торчать на кухне, почаще гулять с Джулианом! Она вытащила ребенка из коляски, посадила себе на колени, касаясь щекой завитков его волос, вдыхая его сладкий чистый запах.

«Мой малыш, мой Джулиан!»

Оба не издали ни звука ни по пути сюда — дорожка была песчаной, шаги Дездемоны легкими, — ни теперь, сидя на скамейке. Джулиан, по природе тихий ребенок, молчал, поглощенный новыми впечатлениями. «Он будет немногословным мужчиной», — думала Дездемона.

Минуты через две Дездемона осознала, что в лодочном домике кто-то есть. Оттуда доносился шум передвигаемых предметов, потом послышался громкий всплеск. Она повернула голову и увидела, как дверь отворилась. Из домика вышел мужчина в пятнистом камуфляжном костюме и балаклаве, скрывавшей лицо. В правой руке неизвестный держал автоматический пистолет.

Первой мыслью Дездемоны было броситься наутек, однако с ребенком на руках она ни за что не успеет взбежать по склону. Мужчина заметил ее и поднял оружие. Уверенный, что ей некуда деваться, он не торопился, хотел хорошо прицелиться. Ее расширившиеся от ужаса голубые глаза вглядывались в отверстия балаклавы, умоляя пощадить ребенка; она даже приподняла малыша, словно хотела открыть этому человеку всю чудовищность преступления, которое он собирается совершить. Это не изменило его намерений, однако прицеливаться пришлось заново. Он поправил оружие, метя теперь в голову. Жене полицейского стало ясно: мужчина — опытный стрелок, он не промахнется.

Дездемона мгновенно зажала ладонью рот и нос Джулиана и, преодолев двумя огромными прыжками расстояние в шесть метров, оказалась у воды. Держа малыша под мышкой, она оттолкнулась длинными ногами от берега и нырнула как можно глубже. Ее мысли метались — куда теперь? Джулиан, который не мог дышать, изо всех сил сопротивлялся.

Она вынырнула в стороне от причала, там, где у берега густо рос кустарник, убрала руку с лица Джулиана, и как только тот вздохнул, зажала ему рот снова, не давая зареветь. Набрав в легкие побольше воздуха, нырнула еще раз.

Вода была ледяной. Дездемона боялась, что от холода ее мышцы быстро ослабнут и ей не хватит сил всплыть, но Джулиан был ее ребенком, ее и Кармайна, и она не позволит ему умереть. Ледяная вода или нет, она должна доплыть до соседей. Дом Зильберфейнов

стоял у самой воды, слишком близко, как ворчали старожилы. Для

Дездемоны это было спасением.

К пятому погружению Джулиан был готов, по крайней мере так показалось его матери: он сделал вдох и крепче прижался к ее телу, уже не пытаясь вырваться. Но семь погружений было ее пределом. Если враг ждал на берегу, им конец. Она вытащила ребенка на берег и без сил упала рядом. Им повезло, что сейчас отлив, иначе скользкий, обросший ракушками берег был бы намного дальше. Выстрел не прозвучал. Дездемона взяла Джулиана на руки и поплелась к дому Зильберфейнов, зовя на помощь. Они спаслись!

Убедившись, что жена и сын в безопасности и относительно целы, Кармайн постарался взять себя в руки, подавить шок и ужас от сознания того, что он опять не справился, не смог защитить свою семью. Здравый смысл подсказывал, что он не может быть все время рядом с ними. Однако это не первый случай, когда Дездемоне пришлось спасать свою жизнь; Кармайн лишь молился, чтобы это не повторилось. Он еще долго будет замирать от страха, втайне плакать бессонными ночами. Кармайн, которого все знают, сильный Кармайн. Никто не увидит его страха и слез. Дело не в бравате, просто это у него в крови. Так нужно.

«Возможно, это было для меня благословением, — решил он. — Осознание того, что я едва не потерял семью, вскрыло мне душу до самой сердцевины, и я только сегодня по-настоящему понял, что они для меня значат. Буквально всё».

Его мать была в худшем состоянии, чем Дездемона и Джулиан; она винила себя, что заставила Дездемону пойти гулять. Кармайн оставил Эмилию на попечение доктора Сантини и своих бесчисленных сестер, тетушек и кузин. Время вкупе с заботами и увещеваниями родственников приведет ее в порядок. Джулиан пережил испытание без видимого вреда для психики; так по крайней мере сказал доктор Сантини, когда сытый малыш совершенно как обычно заснул в своей кроватке. Дездемона, отогревшись в ванной и укутавшись в толстый халат, села около кроватки сына и ни за что не хотела уходить.

«Все расспросы потом, — решил Кармайн, спускаясь к причалу. — Сейчас она едва меня замечает, не стоит совать свою полицейскую физиономию между ней и Джулианом».

У лодочного домика суетились Эйб, Кори и Патрик со своей командой. Рядом на относительно ровном пятачке земли был натянут брезент.

Под брезентом лежало вытащенное из воды скрюченное тело Эрики Давенпорт. Склон был слишком крутым для каталки, до дороги труп понесут на носилках.

— У нее каждая конечность переломана в двух местах, — сказал

Патрик Кармайну. — Сломаны бедренные и берцовые кости на ногах, локтевые, лучевые и плечевые на руках. Смерть наступила в результате удушения, предположительно тонкой веревкой. Между переломами и моментом смерти прошло достаточно продолжительное время.

— В однообразии убийцу не упрекнешь, — сказал Кармайн.

— Как твои? — поинтересовался Патси.

— По словам доктора Сантини, не пострадали. Мама не находит себе места. Винит во всем себя.

— У тебя жена одна на миллиард.

— Знаю. Я скоро буду на Сидар-стрит.

— Мы и сами справимся, — заверил Эйб.

— Я не сомневаюсь. Все равно я здесь всем только мозолю глаза — мой дом наводнили две дюжины разъяренных женщин, готовых разнести Холломен в пух и прах, если мы не найдем, кто пытался убить мать с ребенком на руках, — вполне серьезно сказал Кармайн. — Я с ними полностью солидарен. Сперва моя дочь, теперь жена и сын. Ублюдок ближе, чем мы думаем.

Окружное управление шумело как улей; едва капитан вошел, его окружили полицейские, наперебой предлагая свою помощь. Потребовалось немало времени, чтобы пройти сквозь их толпу, но Кармайн был рад поддержке коллег. Несмотря на пустоту, зияющую у него в Душе, он понял, что дни злого «гения» сочтены. Преступник потерял

хладнокровие, действовал слишком нагло. Конечно, он не планировал убивать Дездемону и малыша, но решил отправить полиции предупреждение, подсунув труп Эрики Давенпорт под лодочный домик Кармайна. Средь бела дня!

Что-то произошло на банкете фонда Максвеллов, но в течение четырех месяцев никак не проявлялось. Затем Эван Пью послал свое письмо, и спустя четыре дня все свидетели этого чего-то были мертвы. Значит, приблизительно двадцать девятого марта произошло еще нечто, способное разоблачить убийцу.

— Нам необходим живой свидетель, — сказал Кармайн Эйбу и Кори, когда добрался до кабинета.

— Тот, кто видел, что происходило за столом Питера Нортон? — спросил Кори.

— Да, но не меньше нам нужен свидетель любого инцидента или события, толкнувшего Эвана Пью на шантаж. Думаю, Эрика Давенпорт если и не была свидетелем, то что-то знала, и поэтому ее убили. Почему я не отговорил Майрона улетать домой! Хочется дать самому себе пинка. Я

как только ее увидел, сразу понял, что с ней творится неладное, и очень пожалел об отъезде Майрона. Ему бы удалось ее разговорить! — Кармайн провел ладонью по лицу. — Нуда что теперь? Остается только сообщить ему об убийстве Эрики.

— Мы пойдем, не будем мешать, — сказал Эйб.

Разговор был долгим. Хотя Майрон плакал, известие, казалось, не стало для него неожиданностью.

— Наверно, в глубине души я ждал чего-то подобного, — сказал он. — Возможно, потому, что Эрика сама будто ожидала этого. Может, не именно смерти, но определенно чего-то ужасного. Она так радовалась моему отъезду! Не в том смысле, что я ей надоел, скорее, добавлял беспокойства. Все добивался от нее, отчего она сама не своя.

Кармайн не прерывал Майрона, давая ему выговориться и не торопясь увеличивать страдания друга рассказом о том, как именно умерла Эрика Давенпорт. А рассказать придется — пусть лучше узнает от него, чем от какого-нибудь недоумка. Фил Смит, к примеру, или Фред Коллинз — завсегдатаи нью-йоркских конференц-залов.

Наконец Кармайн поведал ему о Дездемоне и Джулиане.

— Слушай, тебе надо немедленно вывезти их оттуда! — воскликнул Майрон с ужасом в голосе. — Кстати, я как раз собирался спросить, нельзя ли Софии погостить некоторое время у меня? Школа не пострадает, девочка сможет закончить учебный год в Лос-Анджелесе.

— С превеликим удовольствием, — ответил Кармайн. — Честно говоря, без нее мне будет спокойнее.

— Вот и хорошо, только это не все! — Майрон орал так громко, что Кармайну пришлось отстранить трубку от уха. — Я вышлю денег Дездемоне, и ты отвезешь ее и Джулиана в Лондон. Молчи, Кармайн! Отказа я не приму!

— Ответ может быть только один, Майрон, — нет! Во-первых, я — государственный служащий и не имею права принимать деньги от миллионеров. Моя жена, разумеется, тоже. Во-вторых, расследование в самом разгаре, я не могу все бросить и улететь в Лондон, — терпеливо сказал Кармайн, не обращая внимания на крики в трубке. — И почему именно Лондон?

— Потому что Дездемона хотела там жить, до того как вышла за тебя замуж. Вдобавок Лондон — на другой стороне Атлантики, вдали от убийцы.

— Я тебе очень благодарен, старая ты калоша, но это невозможно. Все, закрыли тему!

Разговор затянулся. Наконец Кармайн повесил трубку, совершенно измотанный. Он ненавидел споры, — для Майрона они были хлебом насущным.

Не застав Эйба и Кори в их кабинете, Кармайн, желая увидеть дружеское лицо, отправился к Патрику.

— Ты сообщил Майрону?

— Да. Он держится молодцом, учитывая обстоятельства. Но главное — Майрон забирает Софию на время к себе. Она будет счастлива, они с Майроном потакают друг другу во всем, и мне не придется за нее волноваться. Вряд ли чертов ублюдок достанет ее в Лос-Анджелесе.

— Согласен с тобой. И если тебя это утешит, думаю, он пытался убить Дездемону только потому, что она застала его в лодочном домике. Жаль, однако, что она не из Монтаны или Нью-Мексико — было бы куда ее отослать.

— Майрон говорит то же самое, только он предлагает мне кругленькую сумму, чтобы я отправил Дездемону с Джулианом в Лондон.

Патрик засмеялся, затем повернулся к секционному столу и откинул простыню. Кармайн увидел обнаженный труп Эрики Давенпорт — страшно раздутые, деформированные и посиневшие конечности, иссиня-черное лицо с высунутым языком и совершенно неповрежденный торс, который, казалось, принадлежал другому человеку.

— Несчастливая женщина, — произнес Кармайн.

— Ты даже не представляешь насколько, — мрачно отозвался Патрик.

— Что такое, Патси?

— Лет в восемнадцать — двадцать ее многократно жестоко изнасиловали, в том числе предметами большого диаметра. Анально и вагинально. Остались рубцы. Я обнаружил, когда обмывал тело. Вряд ли в постели она вела себя очень страстно — боялась, что любовник заметит. Хотя Скепс мог знать, если его отношения с ней были действительно такими долгосрочными, как утверждает Филомена Скепс.

Кармайн прислонился к кафельной стене.

— Это многое объясняет, Патси.

— Я так и думал.

— Когда ты проведешь полную аутопсию?

— Собирался сейчас, но из-за этого открытия провозиться придется дольше. Так что начну завтра с утра. — Ярко-голубые глаза Патрика потускнели; он ненавидел обследовать жертв сексуального насилия. — Кто будет ее хоронить, Кармайн?

— Майрон. Представляешь, он даже не сильно удивился. Эрика отдала

ему свое завещание перед его отъездом. Он назначен душеприказчиком. Все имущество — понятия не имею о его стоимости — переходит в пользу фонда «Женщины против насилия». Ей удалось провести Майрона, он не подозревал, что она сама — жертва насилия. Еще одна дурная весть, которую мне придется ему сообщить! Относительно «Корнукопии» и попечительства над Дезмондом Скепсом Третьим ничего не сказано. Она понимала — если с ней что-то случится, Филомене Скепс будет намного легче добиться полного опекуинства. Уверен, тайный «гений» тоже об этом знает, а потому убийство не преследовало цели получить контроль над «Корнукопией». Бог мой, вот начнется грызня!

— Шел бы ты домой, брат, — посоветовал Патси.

Кармайн послушался.

Женщины семейства Дельмонико, включая Эмилию, разошлись по домам, но двор патрулировала полиция. В воздухе витала тревожность. Новость о случившемся облетела Восточный Холломен с еще большей скоростью, чем обычно. Соседи Кармайна, Зильберфейны, оказались на высоте положения с той самой минуты, как Сэм Зильберфейн нашел Дездемону у себя во дворе. Обычно днем он работал в собственной химчистке, но сегодня утром Сильвии нездоровилось, и он остался дома. К тому времени как примчался Кармайн, фельдшер «скорой помощи» успел осмотреть Джулиана, продрогшего до крайности, но в остальном целого и невредимого. Дездемона ни в какую не хотела отойти от ребенка, отказывалась даже снять мокрую одежду и вся посинела от холода. Кармайн еле убедил ее пойти домой вместе с Джулианом и медиком. Капитан сердечно, с жаром поблагодарил Зильберфейнов. Дома он стянул с жены одежду и дал Джулиану бутылочку грудного молока из запасов в холодильнике, пока Дездемона отогревалась в теплой ванне.

Когда Кармайн вошел в спальню, его жена все еще сидела у кровати, которую перенесли из детской. Подогнув под себя ноги и сгорбившись, Дездемона смотрела на спящего ребенка.

Кармайн не стал ей мешать. Нашел другой стул, сел напротив — так, чтобы не загораживать сына. Щеки жены были сухими, из-за скрюченной позы нельзя было понять, дрожит Дездемона или нет. Лицо выражало жесткую решительность, но глаза светились любовью.

— Мне нужны подробности, — сказал он сухо.

— Спрашивай.

— Можешь его описать?

— В общих чертах. Рост средний — не высокий и не низкий. Думаю, хорошо тренированный. Быстрая реакция. Пистолет автоматический,

калибр, кажется, двадцать второй. Без глушителя, так что выстрелы наделали бы много шума, хотя я ничего не слышала. Он, наверное, застрелил ту несчастную в лодочном домике?

— Нет, она была задушена, — спокойно ответил Кармайн. — Пистолет, должно быть, взял на случай непредвиденных обстоятельств. Ты стала таким обстоятельством.

— Труднее всего совладать со своим страхом, — сказала она ровным голосом. — Когда я вижу Джулиана, получается лучше. Нет ничего глупее, чем забиться в угол и трястись, что нечто подобное может произойти снова, но как раз этого мне сейчас больше всего хочется. Нужно это как-то переварить, и ради Джулиана я справлюсь. Посмотри на него! Сегодня ему в первый раз в жизни пришлось нырять, он понятия не имел, что происходит, но с ним была я.

— Джулиан еще слишком мал, вряд ли он запомнит это происшествие.

— Это мы узнаем, когда он снова увидит гавань или мы пойдем купаться в бассейн. Если остались какие-то травмирующие воспоминания, то они себя проявят.

— Не будем переживать заранее. Посмотри на него, Дездемона! Наш сын мирно спит. Он не просыпался с криками? Не метался во сне?

— Нет.

— Я не волнуюсь за малыша, он — наполовину я, — сказал Кармайн с улыбкой. — Твой английский дух не позволяет тебе дать волю чувствам, ты стараешься подавить их логикой. Но ты человек. Было бы странно, если бы у тебя не осталось шрамов, и самый глубокий из них — страх, что это может повториться. Моя мать — она во всем винит себя — оправится не раньше чем через несколько месяцев. Если ты действительно хочешь маленького брата или сестру для Джулиана, не оглядывайся на сегодняшний день. Самокопание тут не поможет, моя прекрасная леди. Займись каким-нибудь делом и наслаждайся тем, что имеешь — что мы имеем. Нельзя позволить ублюдку разрушать нас, разрушать нашу семью. Не старайся забыть. Время само все сделает за тебя. — Главный козырь Кармайн приберег под конец. — Как бы то ни было, Дездемона, ты одержала верх! Вы с Джулианом отделались купанием в холодной воде. Ты — победительница, так же как в тот раз, когда тебе пришлось заниматься воздушной гимнастикой на здании страховой компании. То, что произошло сегодня, должно укрепить твою веру в себя.

Дездемона улыбнулась и перевела взгляд от сына к мужу.

— Да, похоже, ты прав. — Она распрямилась и поежилась. — Боже, как я испугалась! Кажется, целую вечность стояла, не зная, куда деваться.

Потом вдруг посмотрела на воду — по-настоящему посмотрела — и увидела, что наступил прилив. Берег там круто уходит под воду, я знала, что смогу скрыться с головой. Как только у меня появился план, будто гора с плеч свалилась. Бедняжка Джулиан! — Ее глаза тревожно расширились. — Надо же, Кармайн, оба раза я осталась жива только благодаря своему росту! Однако тогда я была в гораздо лучшей форме — часто ходила в походы. Надо срочно заняться спортом. Я проленилась больше года, и сегодня это сказалось. Мне повезло, что убийца не стал нас преследовать, я выбралась на берег совершенно обессиленная. Если бы Сэма не оказалось в саду, мы бы погибли.

— О походах пока придется забыть, — сказал Кармайн, притягивая Дездемону к себе на колени. — Почему бы тебе не сходить в спортзал? В один из этих новых фитнес-клубов?

— Нет уж, лучше я буду тренироваться дома. Знаю, это глупо, но я хочу быть рядом с Джулианом.

— Обещаю, что не буду опекать его позже. Вряд ли у меня это получится, даже если я захочу. Он и в самом деле наполовину ты. Спасибо тебе, милый. Теперь я чувствую себя намного лучше. Что ты еще хочешь знать?

— Как можно больше о внешности мерзавца.

— Его лицо было скрыто балаклавой цвета хаки.

— Чем?

— Балаклавой. Такая вязаная штуковина с прорезями для глаз и рта. Я была довольно далеко от него — сидела на скамейке, когда он вышел из лодочного домика. Сколько это? Метров двенадцать, пятнадцать? Я видела, как блестели его глаза, но не рассмотрела их цвет и форму, а брови были скрыты. На руках перчатки.

— Экипирован как лыжник.

— Да, точно! И пятнистый, как фризская корова. На нем была камуфляжная одежда, зелено-буро-оливковая: куртка и мешковатые брюки, заправленные в армейские ботинки. Пока я тут сидела с Джулианом, мне пришло в голову, что он неспроста так оделся — хотел затеряться среди кустов. Он пришел по берегу.

— Ты сразу увидела оружие?

— Да, сразу. Он не ожидал, что кого-то встретит, но был начеку. Поднял пистолет, как только меня заметил. Одно я знаю наверняка, Кармайн, — стрелок он профессиональный. Когда я передвинулась и сбила ему прицел, он стал целиться мне в голову. На таком расстоянии и с малокалиберным оружием он бы не промазал. Видишь, — сказала она

гордо, — недаром я жена полицейского, понимаю, что к чему.

— Он, вероятно, давно наблюдал за нашим домом и знал обо всех наших передвижениях. Треклятый телескоп в пентхаусе Скепса был направлен на восточный берег! А потом телескоп исчез... Но им явно продолжали пользоваться. — Кармайн обнял Дездемону и поцеловал в щеку. — Я думал, виной просто страсть к подглядыванию — в случае Скепса так, возможно, и было. Однако кто-то нашел прибору более практическое применение.

— И этот кто-то, — подхватила Дездемона взволнованно, — видел, что в саду никогда никого не бывает! Сначала я была беременна и не могла подниматься по склону, потом у меня появился Джулиан, наступила зима. Сегодня я вышла к пристани в первый раз за бог знает сколько времени. — Внезапно ее начала бить дрожь. — Господи, Кармайн, что, если бы я не отвязала ремни и не вытащила Джулиана из коляски? Нас бы убили!

Кармайн уже и сам думал об этом. Он прижал жену к себе, раскачиваясь взад-вперед.

— Но ты ведь их отвязала, Дездемона! Малыш сидел у тебя на коленях. Мне кажется, что кто-то там, наверху, хорошо к вам относится.

Приступ рыданий сотряс ее тело, а затем Дездемона начала возвращаться к обыденной жизни:

— Я же ничего не приготовила тебе на ужин!

— Не беда. Я принес пиццу.

— А София! Как я могла забыть про Софию?

— Патси отвезет ее в аэропорт Кеннеди. Майрон хочет взять ее к себе.

Тут проснулся Джулиан, голодный, но в остальном совершенно обычный.

Кармайн сидел и, глядя, как жена кормит сына, старался изгнать завладевших сознанием демонов. Беда в том, решил он, что Дездемона преувеличивает для себя важность его полицейской работы. Холломен — городок небольшой, к Дездемоне относятся не только как к жене полицейского. Она и без того притягивает враждебность, как магнит железные опилки. Свою роль играют ее рост, излучаемое ею чувство собственного достоинства, впечатление неуязвимости. Враги Кармайна ненавидят его жену как самостоятельную личность. Дездемона — не принцесса, она — королева.

Глава десятая

Смерть Эрики Давенпорт подобно землетрясению взбудоражила многих, начиная от совета директоров «Корнукопии» и Кармайна Дельмонико с его семьей до самого ФБР.

— Она и есть Улисс! — убеждал Тед Келли, явившись в кабинет Кармайна в окружном управлении. — Мы знали это уже два года!

— Почему же вы ее не арестовали?

— Доказательства! Где доказательства? Сколько мы ни бились, сколько ни копали, нам не удалось добыть ни единой стоящей улики. Любой суд ее бы оправдал, журналисты выставили бы нас охотниками на ведьм, а ее — невинной жертвой.

— Чушь, — сказал Кармайн. — Доказательств нет по той простой причине, что Эрика Давенпорт не была Улиссом. По-моему, она знала, кто такой Улисс, но знать Улисса совсем не то же самое, что быть им. Специальный агент Келли, сегодня ты нравишься мне ничуть не больше, чем в тот раз, когда я посадил твою большую задницу на землю. Ты — непробиваемый болван.

— Говорю тебе — она была Улиссом! — Тед Келли в сердцах ударил себя кулаками по бедрам. — Мы как раз собирались проверить одну хитрую операцию с подставным агентом — она бы точно клюнула, пошла к своему тайнику, а там бы мы ее и сцапали. Теперь... Черт!

— Вы знали, где у нее тайник? — спросил Кармайн с невинным удивлением. Предполагали, где будет следующий, — уязвленно буркнул специальный агент Келли, затем принялся читать лекцию: — У шпионов есть список тайников, они никогда не используют один и тот же дважды. Список, конечно, зашифрован. Условными сигналами шпион сообщает, когда готов передать информацию связному, обычно в каком-нибудь пустынном месте — в лесу или на заброшенной фабрике...

— А еще они обмениваются одинаковыми чемоданчиками, приклеивают пакеты под сиденьем в автобусе или прячут их за четвертым кирпичом в семнадцатом ряду сверху, — с ухмылкой закончил Кармайн. — Брось, Келли! Ты не хуже меня знаешь, что это чушь собачья. Громадные суммы денег, шпионы, не знающие своих связных, — бред. Во-первых, тот, кто этим занимается, делает это не ради денег или острых ощущений. Он — идеолог, действующий во имя отчизны или Маркса с Лениным, — короче, коммунистических идеалов. Во-вторых, украденное передают

вполне открыто, после телефонного звонка или факса с неизвестного номера. Не можете же вы прослушать каждый телефон в стране и перехватить каждый телекс. Как ни следи за человеком, если он так умен, как Улисс, то обведет вас вокруг пальца в два счета. Никогда не поверю, что вы в ФБР не знаете, какая важная птица этот Улисс! Он наверняка разъезжает по центральным улицам в лимузине, ходит отлить в персональную уборную, останавливается в пятизвездочных отелях и ест в ресторанах, где у нас с тобой и на воду в полоскательнице денег не хватит... Ну скажи, я прав, Тед?

— Улиссом была Эрика Давенпорт, — продолжал долбить свое Келли.

— Улисс жив-здоров. Это он накинуд удавку на шею бедной женщины, — резко возразил Кармайн, — а предварительно переломал ей руки и ноги, желая выяснить, что именно она знала и кому могла рассказать.

С Теда Келли будто слетела маска, и неуклюжий, туповатый агент ФБР невысокого ранга исчез, уступив место прекрасно обученному, Умному и ловкому профессионалу.

— Сдаюсь, — вздохнул он. — Меня предупреждали, что тебе не просто запудрить мозги, но попробовать стоило. Мне-то ни к чему, чтобы в «Корнукопии» меня считали грозой преступного мира вроде тебя. Пусть Улисс думает, что я тупой чиновник дурацкого учреждения, и мои боссы не лучше. Ты — другое дело, ты охотишься на убийцу. Можешь и дальше распускать хвост и демонстрировать удачу. Я охотник иного рода. Даже приближаясь к финишу, делаю вид, что только начал разминку. Мой клиент не делает ошибок.

— Теперь делает. — Кармайн подался вперед на стуле. — Так уж вышло, мистер Келли, что на этот раз ты и я охотимся на одного хищника. Я уже давно предполагал, что мой убийца — это ваш Улисс. Теперь я уверен. — Он поглядел на свои железнодорожные часы. — У тебя есть полчаса?

— Конечно.

— Тогда примем меры, чтоб нас не беспокоили.

Двери закрыли, все телефонные звонки перевели на Делию. Возвратившись к столу, Кармайн объяснил, как он пришел к выводу, что одиннадцать человек, посетивших благотворительный банкет пять месяцев назад, убил Улисс.

— Как видишь, — закончил капитан, — не исключено, что убийство мы сможем доказать скорее, чем шпионаж. ФБР не будет против?

— Только «за», — сказал специальный агент Тед Келли. — Шпионские

страсти взбудоражат людей понапрасну. Нам это ни к чему. Пусть слава достается тебе, я потихоньку ретируюсь в Вашингтон, как последний недотепа. Такая репутация сыграет мне на руку при следующем задании.

— Я не гонюсь за славой! — огрызнулся Кармайн.

— Знаю. Но если мы схватим ублюдка, кому-то придется надеть лавровый венок. Ни в коем случае не мне. Единственное мое желание, чтобы, если, а точнее, когда вы его поймаете, он до конца жизни остался за решеткой.

— Убийства, даже с отягчающими обстоятельствами, не в юрисдикции федерального суда, — сказал Кармайн, — а Коннектикут — очень либеральный штат. Никто не может поручиться, что через какое-то время его не выпустят. В комиссиях по условно-досрочному освобождению всегда полно дураков-идеалистов.

Келли выпрямился во весь свой огромный рост и протянул руку Кармайну.

— Думаю, нам не стоит беспокоиться, — сказал он бодро. — Гарантирую, в его комиссии соберутся одни скептики. «Сучонка» я тебе прощаю. Сам напрашивался.

— На людях продолжаем в том же духе, — сказал Кармайн, провожая Теда к двери. — Уши прижаты, оскал пострашнее, и рык погромче. Кстати, что было на пленке в камере, которую ты снял с телескопа?

— Ничего достойного упоминания. Вид на береговую линию гавани от паромного причала до конца Восточного Холломена. Прилив-отлив. Возможно, это как-то связано с местом встречи или тайником.

В коридоре было пусто; специальный агент Тед Келли пересек его тремя длинными шагами и скрылся на лестничной клетке. Кармайн направился к Делии.

— Наш фэбээровский индюк вовсе никакой не индюк, — сообщил он с усмешкой. — Орел! Однако едва заметишь размах его крыльев, как он тут же убедит тебя, что на самом деле он тетеря.

— Очень странная птица, — серьезно сказала Делия.

— Есть новости?

— Ноль. Эйб и Кори проверили всех, кто мог подсесть за стол Питера Нортон. Безрезультатно. Думаю, люди просто уже забыли. Нет, не уходи! Тебя хотел видеть комиссар. Немедленно! Боюсь, дядя Джон не в духе.

Судя по выражению лица комиссара Сильвестри, «не в духе» было мягко сказано. Кармайн приготовился принять горькую пилюлю.

— Что этот ублюдок сделает дальше?

Вполне безобидный вопрос, можно ответить уклончиво.

— Зависит от того, кто был в моем лодочном домике — убийца или его сообщник.

— Почему?

— Помощник чрезвычайно ценен, сэр, но им можно пожертвовать. По моему мнению, Бэтмен оставался у себя в логове, а у меня орудовал Робин.

— Крыса он помойная, а не Бэтмен! Как Дездемона?

— Так же как и в прошлый раз, сэр. — Кармайн посмотрел на часы. — Вы спрашивали час назад.

— А мать? — спросил Сильвестри, ерзая на стуле.

— Аналогично.

— Я слышал, Майрон получил тело Эрики Давенпорт из полицейского морга и везет хоронить в Лос-Анджелес.

Кармайн посмотрел на шефа с удивлением:

— Кто вам сказал?

Лицо комиссара выражало неловкость.

— Я... это... говорил с ним.

— По телефону или лично? — с подозрением спросил Кармайн.

— По телефону. Да сядь ты, не стой как столб!

Кармайн сел.

— Выкладывай, Джон!

— Как ты разговариваешь со старшим по званию?

— Мое терпение небезгранично, сэр.

— Полагаю, ты сознаешь, какая важная птица твой Майрон?

— Сознаю, — обреченно сказал Кармайн.

— Он достал всех в администрации штата, как шмель в штанах.

— Злой, ничего не понимает, но страшно настырный.

— Так и есть, даже более того. Он требует, чтобы расследование убийства Эрики Давенпорт стало нашей приоритетной задачей, и губернатор склонен с ним согласиться, учитывая внимание общественности.

— О внимании позаботился, конечно, сам Майрон.

— Естественно, все это прекрасно понимают. Однако губернатор предпочитает, чтобы Майрон гудел где-нибудь подальше от Хартфорда. А тот знай себе долбит как дятел...

— Шмель, дятел... Давайте уже к делу!

— Я посылаю тебя в Лондон собрать информацию о студенческих годах доктора Давенпорт. — Сильвестри откашлялся. — Анонимный благотворитель сделал пожертвование, чтобы ты мог взять с собой жену и ребенка в связи с недавним покушением на их жизни. На твою

командировку раскошелились власти штата, — закончил Сильвестри, закрывая глаза в ожидании бури.

Отреагировать можно было двумя способами. Первый означал бы испортить себе весь день сразу, второй позволял по крайней мере сначала выпустить пар. Кармайн выбрал второй и расхохотался.

— Вы меня уморите, чтоб вам всем ни дна ни покрышки! — выдавил он, хватаясь за бока. — Не могу я лететь в Лондон, никак не могу! Стоит мне отлучиться, здесь не пойми что начнется. Вы же понимаете, Джон!

— Конечно, понимаю! Я им так и сказал! Только это как об стенку горох. Наше расследование стало разменной картой в политических играх — скажи спасибо Майрону Мандельбауму.

— Конечно, он хочет как лучше, но какого черта совать свой нос туда, где ничего не смыслишь! Он смотрит на жизнь как на кино — все происходит со скоростью света, нет ни секунды, чтобы остановиться и подумать. Какой толк от этой одиссеи в Лондон, если убийца и шпион тем временем заметет следы, — простонал Кармайн.

— Знаю-знаю.

— Губернатор поставил какие-либо условия? Сколько времени, например, я должен провести в Лондоне?

— Учитывая нагрузку на бюджет, думаю, чем быстрее вы вернетесь, тем лучше. Анонимный благотворитель не может финансировать государственного служащего.

— Теперь я уже не так в этом уверен.

— Я могу чем-то помочь?

— Свяжитесь с губернатором насчет меня. В конце концов, Майрон затеял это ради Дездемоны и Джулиана, почему бы мне не оставить их в Лондоне, а самому вернуться через пару дней? Еще было бы неплохо узнать до отлета, к кому мне там обратиться, чтобы поговорить об Эрике. Поскорее все разузнаю — и назад.

— Поручи это Делии, Кармайн. Она найдет тебе нужного человека.

— Вот кого следовало бы отправить в Англию.

— Да-да, я-то с тобой согласен, а вот Майрон... Однако, — продолжил комиссар заговорщическим тоном, — возможно, нам удастся всех провести. Про Лондон никому ни слова. Кто будет спрашивать, отвечай: хочу, мол, вывезти на время семью из Холломена. Отправляйтесь в аэропорт Кеннеди, дескать, вы летите в Лос-Анджелес. Я сам поговорю с Майроном, устрою его еврейской душе католическую преисподнюю. Он всем скажет, что Дездемона и Джулиан собираются к нему. Ничего удивительного тут нет, вряд ли кому-то придет в голову следить за вами до

аэропорта, тем более — до самого трапа. Так что если ты справишься в Лондоне за два-три дня, преступный мир в твоё отсутствие расползётся не успеет.

Два дня спустя о том, куда на самом деле направляется Кармайн с семьёй, знали только Делия и Джон Сильвестри. После некоторых сомнений Кармайн решил также довериться Теду Келли, который мог разнести по всей «Корнукопии», что Кармайн улетел в Лос-Анджелес и, если события выйдут из-под контроля, вернется назад ближайшим рейсом.

Обрадованная Дездемона взволнованно рассказывала женщинам семьи Дельмонико, как ей не терпится снова побывать там, где они с Кармайном провели медовый месяц, — в Хэмптон-Кортском дворце Майрона. Щедрая рука последнего, как обнаружил Кармайн, проникла буквально всюду: у дома ждал лимузин, внутри которого хватило бы места устроить небольшую вечеринку, в аэропорту их сразу, в обход толпы ожидающих посадки пассажиров, провели на борт «Боинга-707». Напрасно Кармайн противился, утверждая, что у него в отличие от жены и сына билет в эконом-класс — капитана чуть ли не насильно усадили рядом с ними. «За вас доплатили», — пояснила старшая стюардесса. От внимания Кармайна не укрылось то, как передернулись остальные пассажиры первого класса при виде маленького ребенка и принялись глотать таблетки в надежде проспать весь полет и не слышать орущего младенца. «Зря беспокоитесь», — усмехнулся про себя Кармайн. Джулиан с интересом смотрел по сторонам, морщил личико, когда от перепадов давления закладывало уши, но и не думал реветь. После ныряния в холломенской гавани для него это сущие пустяки.

— Поездом путешествовать гораздо интереснее, — заявила Дездемона после скучного перелета.

Майрон поселил их в «Хилтоне», разумно рассудив, что традиционные лондонские отели не всегда отличаются вместительными лифтами, высокими дверными проемами и большими кроватями; Дездемоне нужно много пространства, особенно когда она шагает с детской коляской. «Хилтон» — то, что надо.

В Лондоне Кармайн был не впервые, к тому же Делия нашла ему нужного человека — профессора Хью Лефевра. Она даже договорилась о встрече — завтра, в одиннадцать утра, на квартире профессора в районе Сент-Джонс-Вуд. Очевидно, даже дорогие рестораны не были достаточно хороши для доктора Лефевра; мистер Кармайн, сказал он Делии, вполне может выпить чашечку чаю и у него дома.

Вопреки ожиданию улица не производила впечатления благополучия

— обветшалые дома в стиле, отдаленно напоминавшем георгианский, плотно жались друг к другу; грязные ступени вели к входным дверям, рядом с которыми на табличках от руки были написаны имена жильцов. Кармайн отыскал нужный дом и подошел к парадной Двери, где выяснилось, что Лефевр проживает в квартире 105. Этаж, конечно, не первый. Кармайн бросил взгляд на часы — одиннадцать. Он вошел внутрь и быстро взбежал по темной лестнице на верхнюю площадку с пятью дверями. Дверь Лефевра была самой дальней, значит, окна его квартиры выходили во двор позади дома. Кармайн постучал.

— Войдите! — донесся мужской голос.

Кармайн нажал на ручку, толкнул дверь и оказался в большой комнате, освещенной только двумя окнами, сквозь которые проникал тусклый свет хмурого дня. Как и весь дом, комната производила тягостное впечатление. Обои выцвели и местами отклеились, плотные бархатные занавески заляпаны, лак на выдавшей виды мебели самых разных стилей облупился, обивка местами протерта насквозь. Повсюду книги, одна стена заставлена ими полностью. Письменный стол завален бумагами, рядом вращающееся кресло и небольшой столик с пишущей машинкой.

Мужчина, стоявший у окна, повернулся, и Кармайн протянул ему руку:

— Профессор Лефевр?

— Он самый. Присаживайтесь, капитан Дельмонико.

— Куда прикажете, сэр?

— Да вот сюда, например. Чтобы я мог видеть ваше лицо. Хм! Женщины, должно быть, за вами табунами бегают. Такая внешность встречается только у представителей Нового Света — Америки, Австралии, Южной Африки. У мужчины Старого Света черты более мягкие, их брутальность выражена не столь ярко.

— Никогда не замечал возле себя табунов женщин, — улыбнулся Кармайн. Хороший способ начать разговор — польстить собеседнику и в то же время вызвать у него неловкость. Что ж, профессор, в эту игру можно играть вдвоем. Осмотревшись с озадаченным видом, Кармайн спросил: — И это все, что способна дать Англия своему профессору?

— Я коммунист, капитан. Окружать себя комфортом, в то время как другие прозябают в нищете, противоречит моим этическим принципам.

— Но как ваш образ жизни может принести кому-то пользу, сэр?

— Не в этом суть. Я живу в спартанских условиях специально для того, чтобы продемонстрировать мою этику людям, не мыслящим себя без комфорта, вроде вас. Полагаю, у себя дома вы купаетесь в роскоши.

Кармайн засмеялся.

— Я бы не назвал роскошью то, что моей жене не приходится выполнять тяжелую работу по дому, а моя семья не влачит жалкое, однообразное существование.

Ага, в точку! Профессор Хью Лефевр резко выпрямился на стуле — настоящий подвиг для пожилого человека с артритом. Двадцать лет назад, когда Эрика Давенпорт была его студенткой, он, несомненно, привлекал женщин — высокий красавец с мягкой грацией движений, прямым тонким носом, черными бровями и ресницами, пышной шевелюрой и глазами цвета васильков. Кое-что от этого еще сохранилось, но болезни и ненужные жизненные трудности подточили его как снаружи, так и изнутри. Теплое жилье, приличная еда и помощь по хозяйству пошли бы ему на пользу. «Но нет, — думал Кармайн, — у него же этика! Вон как отреагировал, когда я про однообразие заговорил, — будто бык на красную тряпку».

— А куда вы деваете свои деньги? — с любопытством спросил капитан.

— Жертвую коммунистической партии.

— Где, по всей вероятности, какой-нибудь прощелыга с хорошо подвешенным языком прикарманивает их, чтобы самому жить в комфорте.

— Это не так! Мы верим в наши идеалы.

Пожалуй, хватит изводить беднягу. Кармайн наклонился вперед.

— Простите меня, профессор, у меня не было намерения порочить вас или ваши идеалы. Моя секретарша сообщила вам — к счастью, у вас есть телефон, — что мне требуется информация о прошлом доктора Эрики Давенпорт, которая, если я правильно понял, была вашей студенткой.

— А, Эрика! — Старик улыбнулся, показав плохие зубы. — Почему я, собственно, должен отвечать на ваши вопросы? В сенате появился новый Маккарти? Ваше капиталистическое правительство хочет расквитаться с Эрикой? Вы напрасно потратили время, капитан.

— Эрика Давенпорт мертва. Зверски убита. Ее пытали, переломав все кости в руках и ногах, — ровным голосом произнес Кармайн. — Я не орудие капитализма, я лишь детектив, которому поручили расследовать ее смерть. Политические взгляды Эрики меня не касаются. Только ее убийство.

Лефевр заплакал — легко, как случается со старыми людьми. «Да, с годами в плотине, сдерживающей наши эмоции, образуется всё больше трещин, — подумал Кармайн. — Похоже, Эрика что-то значила для старика».

— Расскажите мне, какой она была двадцать лет назад, сэр.

— Какой? — Выцветшие голубые глаза Лефевра сверкнули. Яркая, как

солнце и звезды! Полная жизни и энергии, стремления изменить мир. Все мы в школе экономики были очень левыми — это ни для кого не секрет. Эрика прибыла уже со схожими взглядами, оставалось только подтолкнуть ее в нужном направлении. А когда выяснилось, что она свободно говорит на русском, я понял, какие открываются перспективы. Я позволил ей думать, будто она меня обольстила, и начал, так сказать, обращать ее в свою веру. Москва, разумеется, ею заинтересовалась, особенно когда выяснилось, какая Эрика умная и способная. Не каждый день выпадает шанс внедрить агента в какую-нибудь крупную американскую корпорацию. И тут вдруг Эрика начинает сомневаться, идти на попятный...

— Почему вдруг такая откровенность, профессор? Вы так легко сознаетесь в вашей и ее государственной измене.

— Какая измена? Я никому не изменял и не шпионил, — самодовольно заявил Лефевр. — Москву в школе экономики интересовали только люди. — Он внезапно запнулся и посмотрел на Кармайна в замешательстве. — Чай! Я забыл угостить вас чаем.

— Спасибо, не нужно. Рассказывайте дальше.

— Вмешались мои наставники по партии и устроили для Эрики поездку в Москву и встречу с тамошними первыми лицами. КГБ сделал ей особый паспорт, в настоящем проставили штампы, будто она путешествовала по древним городам Европы, и снабдили ее сувенирами. Как раз началась «холодная война», и Москва была очень осторожна.

Лефевр встал и подошел к окну, за которым был виден заросший травой двор, где ржавело всякое барахло — старые керосинки, ночные горшки, сундуки. «Никаких стиральных машин, — отметил Кармайн, обойдя сзади и глядя через плечо старика. — Может, тут все жильцы — члены коммунистической партии?»

— Значит, летом сорок восьмого Эрика ездила в Москву?

— Да. — Лефевр замолчал, морща лоб и покусывая нижнюю губу. Вздыхнув, он возвратился к своему стулу.

— Что произошло в Москве?

— Первая поездка — на три недели — прошла блестяще. Эрика была в полном восторге. Она встречалась с членами Центрального Комитета, пожала руку Иосифу Сталину. У него тогда были проблемы со здоровьем. Потом она поехала туда на спецподготовку, Москва хотела удостовериться в ее лояльности. Во второй раз она пробыла там девять недель. Обычно курс длится дольше, но Эрика была способной ученицей и проявляла исключительное рвение. Сама сочинила легенду, объяснявшую ее отсутствие.

Лефевр снова умолк, чем-то обеспокоенный. Кармайн понимал, что если бы не известие о жуткой смерти Эрики, ничего из этого он бы не узнал. ФБР и ЦРУ, конечно же, связались с профессором, когда на сцене появился Улисс, но в ответ на все запросы слышали сказку о паломничестве Эрики к античным достопримечательностям Европы. Вестникам смерти сопутствует удача. Лефевр одинокий, всеми забытый старик, ему нечего бояться. А Эрике уже ничто не сможет повредить.

— Вы уже сказали, что Эрика была предательницей, профессор. Что еще скрывать?

Наконец Лефевр решился:

— Эрику изнасиловали в последнюю ночь ее пребывания в Москве. Это случилось на попойке, устроенной партийными чиновниками и офицерами КГБ высокого ранга. Не знаю, почему они выбрали Эрику... Возможно, потому что она — американка, красивая и не распущенная, на хорошем счету у их начальства.

— Это было очень жестокое изнасилование, — тихо сказал Кармайн. — На вскрытии двадцать лет спустя все еще видны шрамы. Как ей удалось выжить, сэр?

— Оказала себе первую помощь и вернулась в Лондон, как и планировалось. Ко мне. Я отправил ее в клинику Гая, там работал мой друг. В тот год как раз вводили систему национального здравоохранения, царил жуткий бардак, этим мы и воспользовались. После выписки все записи о состоянии здоровья Эрики уничтожили. Лондон был тогда совсем не такой, как сейчас. Продукты все еще выдавались по карточкам, приличной одежды не купить — очень плодотворная ситуация. Некоторые весьма многообещающие студенты сами падали к нам в руки, как спелые персики.

— А Эрика? После второй поездки в Москву она наверняка очень изменилась.

— С одной стороны — да, с другой — нет. Огонь угас, но на его место пришла ледяная решимость. Эрика совершенно отказалась от сексуальной жизни, пока кто-то из руководителей не надоумил ее, что секс — лучшее оружие красивой женщины. Она овладела искусством фелляции. В одном из бостонских банков открыли крупный счет на ее имя. Насколько я знаю, она начала успешно подниматься по карьерной лестнице. После нескольких сентиментальных писем я потерял с ней контакт.

— Значит, вы не в курсе, что она достигла поста генерального директора в очень крупной американской компании, которая производит оружие?

— Да? В самом деле? — восхитился Хью Лефевр. — Великолепно!

— Но для Москвы она не шпионила.

— Откуда вам это известно? После спецкурса Эрика могла обвести вокруг пальца кого угодно.

— Она кого-то прикрывала. По всей видимости, ее действия контролировал и направлял кто-то другой. Она вела себя не как шпион, потому что шпионом не была. Всего лишь ширмой.

— Надеюсь, вы правы, капитан. Если так, то агент, внедренный в компанию, до сих пор не раскрыт. Замечательно, гениально!

Обратный путь до «Хилтона» Кармайн проделал пешком, стараясь, сколько можно, идти через Риджентс-парк, между азалий и рододендронов, цветущих деревьев и густого ковра немыслимо зеленой травы. Не Гайд-парк, конечно, но и тут есть свое очарование. Только выпив чашечку чаю в одном из павильонов, Кармайн смог избавиться от кислого привкуса во рту, оставшегося после общения с профессором Хью Лефевром. Жалкий старикашка, питаемый идеологией. Таких, как он, много; идеологии разные, результат тот же.

Кармайн успел пообедать в кафе с Дездемоной; она только что вернулась с длительной прогулки — возила Джулиана в коляске по Гайд-парку. Коляску она теперь называла не иначе как на британский манер; надо же, еще дня не прошло, а «английскость» уже вся тут как тут. Зато страх и усталость как рукой сняло, несмотря на долгую ходьбу. Майрон та еще заноза в заднице, но иногда в его сумасбродную башку приходят дельные мысли.

Ну и как ей сказать, что он летит домой? Да вот так прямо и сказать, не мямля и не извиняясь.

— Профессор Лефевр рассказал мне все, что нужно, — произнес Кармайн, беря Дездемону за руку. — Мне пора возвращаться.

Ее глаза моментально погасли, она не смогла скрыть разочарования.

— Я знаю, ты остался бы, если б мог, — сказала она ровным голосом. — Наверное, всем женам полицейских приходится с этим мириться — недаром процент разводов такой высокий. — Дездемона вымученно улыбнулась. — Не надейся, капитан Дельмонико, от меня ты так легко не отделаешься! Да, я недовольна, но ничего не поделаешь, — знала, за кого выхожу замуж. У тебя просто талант притягивать опасности! У меня, правда, тоже — наверно, это заразно. По крайней мере, моя постель будет не такой холодной, как твоя, — со мной Джулиан. Только обещай мне, что, когда все закончится, мы сюда вернемся. Не с майроновской помпой, конечно! Вполне сгодится какая-нибудь частная гостиница на Глостер-роуд, насквозь пропахшая карри и капустой. И ни к

чему брать напрокат большую детскую коляску — Джулиан, кажется, предпочитает сидячую. Любопытством он весь в тебя, милый: ему нравится смотреть, куда едет.

— Договорились. — Кармайн поцеловал ей руку. — Я все равно буду за вас волноваться. Лондон такой большой.

— О, мы будем не в Лондоне, — просто сказала Дездемона. — Я договорилась с Делией. Мы с ней так и знали, что ты тут долго не удержишься, и Делия предложила нам с Джулианом пожить у ее родителей в Котсуолдсе. Никто не догадается, куда мы делись. Там нас щедрость Майрона не достанет. Хотя, честно говоря, страшно представить, как бы я мучилась в поезде с багажом, коляской и маленьким ребенком. Мы поедем на «роллс-ройсе».

— В следующий раз будут поезда, автобусы и такси.

— Зато ты будешь мне помогать. Я хоть большая, Кармайн, но у меня только две руки.

Тут Кармайна осенило.

— Ты все-таки на меня дуешься! А то я уже начал беспокоиться.

— Еще бы я не дулась! — раздраженно фыркнула Дездемона. — Не так-то просто быть женой идеального полицейского! Я надеялась, ты справишься не так быстро, побудешь с нами хоть три дня. Я до сих пор ни разу не видела королевские регалии!

— Ну и что? Я тоже.

— Сколько времени у меня есть?

— Вообще-то я собирался узнать, есть ли самолет сегодня вечером, но попробую улететь завтра утром. Хочешь устроить мне суд Линча?

— Линчевание на королевской кровати сегодня ночью. Я позвоню миссис Карстерс, чтобы нас ждали, а утром мы выпишемся из гостиницы и вместе выедем на «роллс-ройсе» Майрона. Нам с Джулианом на запад, аэропорт Хитроу в той же стороне. Мы можем тебя подбросить.

— Очень умный план, прекрасная леди. Не думаю, что вам тут грозит опасность, но, как говорят шпионы, прикрытые лишним не бывает. Никто не знает, что родители Делии живут здесь.

— Это дело правда связано со шпионажем?

— Меня интересует только убийство.

* * *

«Ну теперь-то, — удовлетворенно подумал Кармайн, выходя из автомобиля в сумасшедшем доме под названием Хитроу, — Майрон Мендель Мандельбаум до меня не доберется! Никто не помешает мне занять свое место в эконо-классе и в течение девяти часов покорно,

честно сносить все сопутствующие неудобства».

Однако Майрон смеялся последним. Едва Кармайн устроился на борту «Боинга-707», как в хвостовую часть салона прошествовала старшая стюардесса и перевела Кармайна в первый класс, где ему подали бурбон с содовой в хрустальном бокале. Плоть победила.

— Тебе повезло, — сказал Тед Келли, когда Кармайн закончил свой рассказ. — Мы несколько раз пытались подступиться к профессору Лефевру, но каждый раз он клялся, что Эрика Давенпорт всего лишь одна из многих талантливых американских студенток, причастившихся научной мудрости Лондонской школы экономики. Лживый старый козел! Дурачил нас, только и молол языком про свои коммунистические идеалы. В Англии коммунисты чувствуют себя вольготно, их там тьма-тьмущая, а наших запугал Джо Маккарти, и те, которые действительно опасны, затаились, ушли в подполье. От этого больше вреда, чем пользы.

— Охота на ведьм никогда не приносила пользы.

— Теперь откровения старика ничего не стоят.

— Не соглашусь. По крайней мере, мы знаем, что Улисс потерял свою ширму. Вы установили, когда именно из «Корнукопии» началась утечка секретной информации?

— Как раз когда на сцене появилась наша «ширма» — десять лет назад. А два года назад, после истории с топливным регулятором, скрывать хищения стало невозможно — слишком много людей узнали.

— С тех пор как Эрика запаниковала, что-нибудь пропадало?

— Ты имеешь в виду после банкета фонда Максвеллов?

— Да.

— Неизвестно, — уныло признался Келли. — В отличие от нас никаких ощутимых прорывов у красных за это время не было. Наша собственная агентура ничего не обнаружила.

— Что ж, по-моему, Улисс залег на дно. У него есть запас информации, готовой к отправке, но он пока не уверен, что гроза миновала. Он устранил Эрику и, наверное, расслабился, хотя это зависит от того, что она рассказала под пытками.

— А что она могла рассказать?

— Прежде всего, что произошло между ней и Скепсом на банкете. Улисс, возможно, там не присутствовал и поручил Эрике что-то выведать у Скепса, — например, догадывается ли Скепс о нем. Потом до письма Пью она уходит в сторону. Было оно адресовано Эрике, и она передала его Улиссу, или письмо получил сам Улисс, мы не знаем. — Из горла Кармайна вырвался зычный рык. — Хочешь не хочешь — и чтоб мне провалиться,

если я этого хочу! — снова надо ехать в Орлеан, к Филомене Скепс. Теперь, после смерти Эрики, леди может разоткровенничаться.

— Ты можешь туда слетать.

— Отличная идея! — сыронизировал Кармайн. — Воздушного сообщения с Орлеаном нет, но комиссар с радостью арендует мне самолет.

— Кармайн, иногда ты бываешь чертовски глуп! Я доставлю тебя туда и обратно на служебном вертолете.

— Вот за это, — произнес Кармайн с мрачной усмешкой, — мы, жалкие копы, и ненавидим ФБР! Сорите деньгами налево и направо. Однако ловлю тебя на слове и принимаю твое предложение.

— Завтра?

— Чем скорее, тем лучше.

— Как твоя семья в Лондоне?

— Развлекается на полную катушку, — ответил Кармайн, решив не сообщать новому союзнику, что Дездемона и Джулиан на самом деле проводят время вдали от городской суеты в усадьбе между живописными деревушками Аппер-Слотер и Лоуэр-Слотер. В последнее время Кармайн стал настолько мнительным, что даже оснастил свой домашний телефон шифратором и о своей семье разговаривал с Делией только шепотом. Что только подумали о нем Карстерсы, когда по его настоянию на их телефон тоже установили шифратор? Ну и пусть себе думают! Он сделает все, чтобы ублюдок не добрался до Дездемоны и Джулиана.

— Жаль, тебе не удалось побыть с ними дольше.

— Ничего, главное — они в безопасности и отлично проводят время. В Лондоне есть на что посмотреть.

— Кажется, я понял, — медленно сказал Тед Келли, — зачем был нужен телескоп. Улисс изучал, как лучше подобраться к вашему дому по берегу. По-настоящему подхода там ведь нет, все участки доходят до самой воды.

— Вот и я так думаю. Хотя это был не он сам, а его помощник, возможно, более молодой и крепкий физически. Вдобавок Улиссу неизвестно, что мы знаем о существовании помощника: посылая его, он рассчитывал обеспечить себе алиби. — Кармайн криво усмехнулся. — Ирония в том, что на это место однажды уже подбрасывали труп. При прежнем владельце. Только ту бедную девочку привезли на шлюпке, а Эрику несли или тащили по берегу.

Келли вытаращил глаза:

— Бог мой! А еще говорят, что молния не бьет два раза в одно дерево!
Дело

Призрака, да?

— Да. Тогда труп аккуратно уложили у края дорожки, а не топили под водой.

Агент ФБР поднялся.

— Позвони, когда договоришься с Филоменой Скепс о встрече. Вертушка будет ждать на том поле, которое у вас называют аэропортом.

Кармайн усмехнулся:

— Из Холломена ежедневно летают самолеты в Нью-Йорк и Бостон. Не забывай, что в Чаббе есть юридическая и медицинская школы, где высококлассных специалистов — как сорняков на запущенной грядке. То одного, то другого постоянно приглашают куда-нибудь для консультаций.

* * *

Насколько удобнее лететь, чем ехать на машине! Через каких-то двадцать пять минут после взлета вертолет приземлился в крошечном аэропорту для частных самолетов в Чатеме. Правда, взлетал Кармайн не без опаски. Странное ощущение — видишь, как земля уносится из-под ног, и вот уже внизу проплывают поля, дороги, крохотные домики и много воды; изнутри вертолет походил на стеклянный шар, а снаружи — на москита. Пилот попался молчаливый, все его внимание было сосредоточено на управлении насекомым. Только когда Кармайн спрыгнул на землю, пилот сказал:

— Я буду ждать здесь.

У забора стоял двойник «форда-фэрлейна» с ключом в зажигании; ни одной живой души.

«Ну-ну, видимо, ФБР хочет, чтобы миссис Скепс и мистер Тони Бера считали, что я всю дорогу трялся в полицейской машине, натер себе мозоль на заднице и злой как черт», — подумал Кармайн.

Со времени первого визита деревушки Кейп-Кода покрылись зеленью и цветами; день был погожий — лазурное небо, безмятежный океан.

«Да, неплохо бы завести себе тут летний домик, — размышлял Кармайн. — Купаться, учить детей плавать, строить с ними замки из песка, есть бутерброды с желе и арахисовым маслом. Не станет мой сын бояться воды из-за того дурацкого происшествия в гавани. Джулиан не из робкого десятка; он слишком похож на свою мать».

Всю короткую дорогу до дома Скепсов он думал о своей семье. Люди, подобные жене Кори, считают их откровенное счастье притворством, ну да что взять с Морин? Она, вечно брюзжащая и недовольная, представить себе не может, что есть женщины, которые ценят жизнь и не портят ее другим. И конечно, почти все, даже Патрик, не учитывают одного существенного

обстоятельства — возраста. Большинство из них были женаты уже, по крайней мере, лет десять, когда он и Дездемона, сблизившиеся в результате событий опасных и изматывающих, связали себя узами брака. Дездемона никогда раньше не была замужем, а первый брак Кармайна проистекал скорее из страсти, а не любви. С возрастом приходит мудрость, но, что более важно, умение радоваться счастью любить и быть любимым.

Филомена Скепс ждала его в палисаднике перед домом, одетая шорты, кроссовки и простую белую футболку. Увидев Кармайна, вышла ему навстречу, уверенно ступая гладкими смуглыми ногами. Ее упругие груди не нуждались в лифчике, копна темных волос была собрана в небрежный пучок на макушке. Однако если Филомена стремилась выглядеть по-простецки, то попытка не удалась; ее красота больше подходила французскому салону, чем уличному рынку.

— Добрый день, капитан, — поздоровалась она, крепко пожимая ему руку. — Давайте расположимся за домом, там тепло и свежий воздух. Обожаю свежий воздух.

— Где мистер Бера? — поинтересовался Кармайн, следуя за хозяйкой на противоположную сторону дома к выложенной плиткой террасе.

— Он скоро будет. — Филомена жестом пригласила его сесть на плетеный стул. — Лимонад?

— Спасибо.

Кармайн не спешил переходить к делу, позволяя собеседнице умиляться прелестям весны и свежим воздухом, потягивать превосходный фирменный напиток. На солнце зеленые глаза Филомены казались изменчивыми, как озера, в глубине которых покачиваются густые водоросли.

— Вы не полетели в Лос-Анджелес на похороны Эрики? — спросил он, протягивая стакан за новой порцией лимонада «С.С. Пирс».

— Нет, не полетела. — Филомена сморгнула неожиданно набежавшие слезы. — Никто даже толком не сказал мне, как умерла Эрика. Уведомили только, что ее убили. — Она взглянула на Кармайна прямо, решительно. — Я всегда считала вас человеком суровым, но добрым, поэтому ответьте, как это произошло? Она очень мучилась?

— Да. Ее мучили, переломали руки и ноги. Потом задушили.

— Повесили?

— Нет, просто затянули на шее удавку, если тут уместно слово «просто». Хотя, мне кажется, это было долгожданной смертью.

Глаза Филомены оставались сухими, было невозможно понять, о чем она думает.

— Да, понимаю, — сказала она. — Странный способ пытки, не правда ли? Это не мог быть сексуальный маньяк?

— Судя по всему, убийство не сексуальное. Похоже, Эрику пытали, чтобы добыть информацию. По всем канонам, ничем сексуальным тут и не пахнет, хотя иногда я задаюсь вопросом, много ли нам известно о подобных преступлениях. У вас никогда не возникало мысли, что Эрике грозит опасность?

— Во всяком случае, не опасность убийства. Изнасилование я бы еще могла понять. Эрика была такая холодная, неприступная. Есть категория мужчин, которые считают, что таких, как она, надо ставить на место. Насилие — самый эффективный способ.

«Чертовски умная женщина!» — подумал Кармайн.

— Вы знали, что в юности она стала жертвой группового изнасилования?

— Нет, но меня это не удивляет.

— У вас не было с ней доверительных разговоров?

— Я ведь говорила, капитан, мы не особенно ладили друг с другом.

— В последнее время — да, но раньше все было по-другому. Нет смысла это отрицать, миссис Скепс.

— Вы правы, когда-то мы были неразлейвода. Из-за меня Эрика стала любовницей Дезмонда... Я ее уговорила. Конечно, наши отношения от этого пострадали, хотя мы еще долго оставались подругами. Если бы я знала об изнасиловании, мне бы и в голову не пришло просить ее о чем-то подобном. Чистый эгоизм с моей стороны. Получив Эрику, Дезмонд оставил меня в покое. Меня несколько удивило, что, по ее словам, они занимались исключительно оральным сексом... Впрочем, мужчинам это нравится.

— Почему это вас удивило?

— Эрику не интересовал секс. Нельзя сказать, что она была лишена чувственности, просто не стремилась к нему. — Филомена Скепс с досадой стиснула руки. — Пожалуйста, давайте оставим эту гадкую тему!

— Что вас объединяло с Эрикой?

— Родство душ. Точнее, разумов. Мы любили читать, обсуждать прочитанное, нас завораживала бескрайность мира, мириады сил и процессов, действующих в нем. Нас восхищала красота в любых проявлениях — в усиках мотылька, переливчатых крыльях жуков, чешуе рыб — во всем. Мы обе никогда прежде не знали такой замечательной дружбы. После нашего разрыва будто потеряла часть себя.

— Почему вы прервали отношения? Что послужило толчком?

— До сих пор не могу понять. Все произошло внезапно, три года назад, в ноябре, на День благодарения. Мы собирались устроить праздничный обед вчетвером — я, Эрика, Тони и маленький Дезмонд. Эрика приехала слишком рано. Я была на кухне, готовила начинку для индейки. — В голосе Филомены Скепс слышалось отчаяние. — Она вошла и без обиняков заявила, что ненавидит меня, что ей надоело притворяться и что с нашей дружбой покончено. Старший Дезмонд — скотина, а младший ее на дух не выносит, и она сыта этим по горло. И еще дюжина причин, все в таком роде. От изумления я не смогла ей возразить, просто стояла с перепачканными руками и слушала. Потом она развернулась и вышла. Вот так. Больше мы с ней никогда намеренно не виделись, кроме как на приемах и собраниях, когда встречи было не избежать.

— Представляю, какой это был для вас шок, миссис Скепс.

— Не шок, трагедия! Вся моя жизнь перевернулась.

— Как вы отнеслись к тому, что ваш бывший муж передал Эрике контроль над наследством вашего сына?

— Для меня это был удар, но я не удивилась. Дезмонд пошел бы на что угодно, лишь бы осложнить мне жизнь. Тони отчаянно и безуспешно пытался найти причину, по которой можно было бы оспорить завещание. Конечно, теперь, без Эрики, ситуация изменится. — Говоря это, Филомена не сумела скрыть удовлетворения.

— Почему ваш сын терпеть не мог Эрику?

Она криво усмехнулась:

— Из ревности, конечно! Ему казалось, что Эрика для меня важнее, чем он, и в какой-то мере был прав. Разум ищет себе достойную компанию, а дети, как бы мы их ни любили, не могут конкурировать со взрослыми на интеллектуальном уровне. Чуткий ребенок это понимает. Но Дезмонд-младший чуткостью не отличается. Он возненавидел Эрику за то, что та украла меня у него. И был очень рад, когда нашей дружбе пришел конец. Кстати, пора отвыкать от «Дезмонда-младшего». Теперь он просто Дезмонд.

Кармайн сам не понимал, как ему удалось сохранить невозмутимость, пока перед ним разыгрывалась целая драма с Эдипом, Клитемнестрой, Медеей и дюжиной других греков и гречанок, проникших во все учебники психологии и воплотившихся теперь в одной-единственной женщине.

«Хотя бы мне уйти на пенсию, — думал он, — до того как эта жуткая амальгама взорвется. Бог мой, ну и клубок!»

— Мама! — послышался детский голос.

Легок на помине!

Как и оба родителя, Дезмонд был смуглокожим, однако лицом и фигурой больше походил на Филомену, чем на отца. Едва только достигнув половой зрелости, он уже перерос свою мать. Джинсы с обрезанными штанинами позволяли хорошо рассмотреть всю его широкоплечую, узкобедрую фигуру с красивыми руками и ногами, с мягкой грацией движений. Лицо его, лишенное явных признаков пола, могло в равной степени быть названным и женским, и мужским. Подобная неопределенность вряд ли исчезнет с возрастом. Скульптурные североευропейские черты, большие ярко-зеленые глаза, оттененные густыми темными ресницами. Ни следа прыщей; смуглая кожа совершенно безупречна, без единого пятнышка.

Кармайн почувствовал, как по спине побежали мурашки.

«Тут-то собака и зарыта».

Мальчик подошел к матери и стал рядом с ее стулом; улыбнувшись, она повернула голову, поцеловала сына.

— Капитан Дельмонико, познакомьтесь, мой сын Дезмонд.

— Привет, — сказал Кармайн, вставая и протягивая руку.

Мальчик брезгливо ее пожал; по красным губам пробежала гримаска отвращения.

— Привет, — произнес он, потом взглянул на мать, — это по поводу злой ведьмы из «Корнукопии»?

— По поводу Эрики Давенпорт. Хочешь лимонаду?

— Нет. — Он стоял гордый, как изваяние древнегреческого скульптора Праксителя, не подозревая, что нога посетителя просто-таки зудит от желания вбить в юного высокомерного засранца хоть немного почтительности. — Мне скучно, — проговорил Дезмонд.

— Ты уже сделал все домашние задания? — поинтересовалась мать.

— С моим ай-кью в двести баллов, мама, это семечки! — ответил он едко. — Мне нужна нормальная библиотека.

— Да, он прав, — виновато сказала она Кармайну. — Боюсь, нам придется переехать в Бостон. Кейп-Код подходит для меня, но Дезмонду здесь тесно. — Она снова повернулась к сыну: — Как только мы разделаемся с юридическими тонкостями, дорогой, мы отсюда уедем. Через несколько недель, говорит Тони.

— Кажется, ты полностью выздоровел от ветряной оспы? — спросил Кармайн мальчика.

Мальчик вопрос проигнорировал — видимо, само упоминание такой прозаической детской болезни в разговоре показалось ему неуместным.

— Где Тони? — спросил он капризным тоном.

— Здесь! — тут же отозвался голос Энтони Бера у задней двери дома.

Перемена, произошедшая в лице Дезмонда-младшего, была столь же внезапной, как и разительной; он весь просветлел, бросился к Бера и обнял его.

— Тони, слава Богу! Давай выведем лодку, мне скучно.

— Хорошая идея, — сказал Бера, — только я должен сначала поговорить с капитаном. Может, ты пока все приготовишь? Нам нужна наживка.

Мальчик ушел, но не раньше, чем они с Бера перебросились еще несколькими фразами. Кармайн подавил стон жалости и отвращения. Юный Дезмонд уже успел познать плотскую любовь, однако, отнюдь не с противоположным полом. Бера был его наставником и в этой области тоже. В мозгу Кармайна промелькнули еще несколько греческих имен.

— Юный Дезмонд не прихвастнул по поводу своего интеллекта? — спросил Кармайн, когда мальчик не мог их слышать.

— Самую малость, — хохотнул Бера. — Ай-кью у него действительно в верхнем диапазоне, ближе к гениям. — Он нахмурился. — Правда, круг его интересов несколько ограничен. Его таланты математические, но не эстетические, ему не хватает любознательности.

— Очень прагматичная оценка, учитывая, что мальчик в вас души не чает.

— Уж какая есть, — сказал Бера, ничуть не озабоченный тем, что Кармайн догадался о его отношениях с юным Дезмондом.

— Полагаю, теперь вы оспорите завещание? — спросил Кармайн.

— Возможно, этого не потребуется. В завещании нет каких-либо специальных оговорок на случай смерти Эрики. Если повезет с советом попечителей, думаю, обойдемся без лишней юридической мороки, — непринужденно пояснил Бера. — Очевидно, что мать мальчика была незаслуженно лишена права опеки мстительным бывшим мужем. Зачем теперь Филу Смиту или другим членам правления «Корнукопии» осложнять жизнь Филомене? В общем, все будет тип-топ.

«Доходчиво и поверхностно, — подумал Кармайн, — в самый раз для такого профана, каким он меня считает. Но в целом скорее всего так и выйдет. Это все, что мне нужно знать. Руководство «Корнукопии» останется прежним еще года три или четыре. А там, учитывая привязанности юного Дезмонда... Но кто знает? К тому времени он, вероятно, закончит Гарвард и будет думать своей головой. Гомосексуальность мальчика меня не волнует. А вот его патриотизм... Интересно, что думает Тед Келли по поводу лояльности Энтони Бера? Надо

будет спросить».

Кармайн встал со стула и попрощался. Филомена осталась на террасе, Бера проводил капитана до машины.

— Изрядно вам пришлось намотать миль за три раза, — сказал адвокат, придерживая дверцу.

— Что ж, ничего не поделаешь, — вздохнул Кармайн, сел за руль и, махнув рукой на прощание, укатил прочь.

Несколько минут спустя он был в воздухе над Нантакетским проливом.

— Что это за остров — Нантакет или Мартас-Винъярд? — спросил он, когда водная гладь внизу сменилась пестрым одеялом суши.

— Мартас-Винъярд, — ответил пилот.

После нескольких минут полета над 95-й магистралью вдоль побережья Коннектикута Кармайн снова был в Холломене. «Фэрлейн» за это время даже с Кейп-Кода не успел бы выбраться. Выпрыгнув из вертолета, Кармайн решил презентовать специальному агенту Теду Келли бутылку его любимой выпивки. Как здорово успеть вернуться домой как раз к обеду в «Мальволио»! На все про все ушло меньше трех часов.

После обеда Кармайн, не найдя ничего лучшего, снова отправился в осточертевшую ему «Корнукопию».

Фил Смит перебрался в кабинет Дезмонда Скепса, отказавшись при этом от услуг секретаря Ричарда Оукса. О прибытии Кармайна Смит доложила его расфуфыренная мегера.

Обстановка почти не изменилась, но все же сразу было видно, что кабинет теперь принадлежит мужчине: исчезли вазы с цветами, городские пейзажи с сонными улочками сменились мрачными гравюрами Хогарта, а лайковая обивка мебели из серовато-зеленой стала красной.

— Не хватает парочки флагов со свастикой, — сказал Кармайн.

— Простите?

— Много черных, белых и красных тонов. Как раз в нацистском Духе.

— Вы, капитан, любите вывести собеседника из равновесия своими язвительными замечаниями, но сегодня я на вашу уловку не клюну, — сказал Смит. — Я слишком счастлив.

— Что, так не нравилось ходить в подчиненных у женщины?

— Какому мужчине это нравится, если по-честному? Однако ее пол я бы еще мог стерпеть. Что меня по-настоящему выводило из себя, так это нерешительность.

Словно пародируя траур, Смит облачился в черный шелковый костюм и черный галстук, густо усеянный белыми пятнами; его запонки были из

черного оникса в золотой оправе, туфли — из превосходной черной лайки. Верх франтовства. Смит выглядел замечательно, казалось, даже помолодел. Быть главной шишкой в «Корнукопии», очевидно, доставляло ему огромное удовольствие, чего он и не скрывал.

— Куда подевался Ричард Оукс? — спросил Кармайн.

Смит скорчил презрительную мину:

— Он гомосексуалист, капитан, а мне не нравятся гомосексуалисты. Я сослал его в Сибирь.

— Что такое Сибирь на глобусе «Корнукопии»?

— Бухгалтерия.

— Остроумно. Для меня она тоже была бы Сибирью. Арктические просторы цифр... А вот насчет гомосексуалистов я с вами не согласен. Для некоторых мужчин гомосексуализм — естественное состояние. Разумеется, это не касается сексуальных преступлений, с которыми мне приходится сталкиваться.

Интересно, давно ли Смит видел Дезмонда Скепса Третьего? Вот где его ждет сюрприз!

Внезапно Фил Смит сбросил личину дружелюбия.

— Что вам нужно? — спросил он грубо. — У меня много дел.

— Я хочу знать, где вы находились весь тот день, когда труп Эрики Давенпорт был подброшен в мой лодочный домик.

— Здесь, в «Корнукопии». С восьми часов утра и до шести вечера. Найдется немало свидетелей, готовых это подтвердить. Ради Бога, займитесь поисками в другом месте! Единственный способ, которым я устраняю людей, — это ссылка в «Сибирь». Признаю, я бы с удовольствием разделался с доктором Эрикой Давенпорт, но только без убийства. Разве это наказание? После меня ей потребовалась бы смиренная рубашка.

— Охотно верю, мистер Смит. Что вы имели в виду, когда назвали ее нерешительной?

— Именно то, что означает это слово. Гомосексуалист в качестве секретаря — очень показательно, можете мне поверить. Один из способов, позволяющих «Корнукопии» оставаться в лидерах, — это поглощение более мелких независимых компаний, особенно тех, у которых есть передовые идеи и которые нашли нишу для нового продукта. Переговоры о слиянии имеют свою специфику, свои временные рамки. Нужно ковать железо, пока горячо. Эрика в этом ничего не смыслила. Из-за нее мы упустили четыре компании меньше чем за четыре дня: с тремя из них работал Фред Коллинз, с одной — я. Каждую мы обхаживали от

нескольких недель до нескольких месяцев. Но Эрика все колебалась как последняя идиотка, а потом побежала советоваться к Уоллесу Грирсону.

— Разве вы не могли принять решение большинством голосов? — полюбопытствовал Кармайн.

— Нет. Решающее слово было за ней. По завещанию Дезмонда она распоряжалась контрольным пакетом юного Дезмонда, — кисло сказал Смит.

— Хм. Таким образом, у вас были все причины избавиться от Эрики, хотя вы бы для этого воспользовались иным способом.

— Вы туго соображаете, капитан? Я только что сказал то же самое.

— Нет, мистер Смит, соображаю я нормально, — холодно возразил Кармайн. — Просто хочу удостовериться. — Он встал и неторопливо подошел к длинной стене, на которой с геометрической точностью были развешаны гравюры Хогарта: изображения Лондона давно минувших дней — города, где правили голод, убожество и порок, где человеческая жизнь не стоила ломаного гроша. Смит озадаченно наблюдал за ним со стороны. — Поразительно, — произнес Кармайн, поворачиваясь к фигуре за черным лакированным столом. — Человеческое страдание в высших своих проявлениях, и художник видел это каждый день. Не делает чести тогдашнему правительству, не правда ли?

— Полагаю, что не делает. — Смит пожал плечами. — А почему вас это так заинтересовало?

— Да так. Просто немного странная тематика для кабинета главы промышленной компании, особенно если учесть, что ее продукция служит умножению человеческого страдания.

— Ах это! — воскликнул Смит. — Ну, тут я не виноват. Гравюры полностью на совести моей жены! Я попросил ее заняться оформлением.

— Тогда это все объясняет, — сказал Кармайн и, улыбнувшись, вышел.

Следующими на повестке дня стояли Гас Первей, Фред Коллинз и Уол Грирсон, в таком порядке.

Первей выглядел искренне расстроенным, он недавно вернулся из Лос-Анджелеса с похорон Эрики. Как и у Фила Смита, его алиби на день смерти Эрики было железным.

— Мистер Смит считает, что доктор Давенпорт была чересчур нерешительной, — сказал Кармайн, гадая, делился ли Смит своими соображениями по этому поводу с другими. Очевидно, делился.

— Я не согласен. — Первей вытер глаза. — Фил и Фред — две акулы, они заглатывают все, что попадает на их пути, не задумываясь, смогут ли это переварить. Эрика была уверена, что все четыре компании принесут

больше проблем, чем пользы.

Коллинз поддержал точку зрения Фила Смита, зато Грирсон встал на сторону Первея.

— Ей была свойственна разумная осторожность, — сказал Грирсон. — Думаю, именно поэтому Дез захотел, чтобы «Корнукопию» возглавляла она. Однако Эрика выкупила небольшую фирму для «Дормуса», у которой есть хорошие наработки по использованию солнечной энергии. Результата придется ждать не одно десятилетие, но меня это заинтересовало. Эрику тоже. Я не собираюсь вмешиваться во внутренние дела фирмы, только вложу некоторый необходимый капитал в ее инфраструктуру и буду ждать урожая. То же самое с дистилляцией морской воды. К мелким компаниям надо присматриваться, капитан, а не проглатывать их. — Грирсон неосознанно повторил метафору Первея. — В этом смысле нерешительности Эрики шла исключительно на пользу делу. К несчастью, в отношении большинства других вопросов этого сказать нельзя.

— Что ждет «Корнукопию» теперь, когда доктора Давенпорт больше нет?

— Руководство возьмет на себя Фил Смит. Забавно. Пятнадцать лет он протирали штаны, а теперь вдруг встрепенулся и развернул бурную деятельность. — Грирсон нахмурился. — Не знаю только, надолго ли его хватит. Надеюсь, что надолго. Лично я не горю желанием стать на его место.

— Что вы можете сказать о жене Смита? — спросил Кармайн, вспомнив коричневую шляпу блином.

— Натали? — засмеялся Грирсон. — Она откуда-то с Севера, называет себя саами. Это вроде эскимосов. Трудно поверить, правда? Голубые глаза, светлые волосы. Говорят, саами все светлые. По-английски говорит ужасно. Мне она нравится, она... э-э... такая жизнерадостная. Дети настоящие красавцы, все блондины. Девочка и два мальчика. Никто из них не пошел по стопам отца — удивительно, как часто это случается. Какими бы богатыми ни были родители, дети хотят все делать по-своему.

— Не стилиаги?

— Скорее работяги. Натали приучила их к труду. После университета каждого непременно возила на родину, в страну полуночного солнца. Такой бзик. Они, конечно, там не остались. Разъехались кто куда.

— Смиты, похоже, представляют собой экстравагантную парочку.

«Невероятно, — подумал Кармайн. — Уол Грирсон любит посплетничать. Никогда нельзя судить о людях по внешности. Он, наверно, лучшая подруга своей жены».

— Смиты это еще что, видели бы вы Коллинзов, когда была жива первая жена Фреда. Ее звали Аки. Турчанка — и тоже блондинка, представьте себе. Очень эффектная, хотя довольно своеобразная. Родом то ли из Армении, то ли с Кавказа. Дети — просто загляденье, теперь уже, конечно, взрослые парни. Один служит офицером морской пехоты в Западной Германии, другой — ученый в НАСА, работает над отправкой человека на Луну.

— Что с ней произошло? Развод?

Лицо Уола Гриссона посерьезнело.

— Нет. Несчастный случай на охоте в Мэне. Какой-то придурок с ружьем принял ее за оленя и снес ей пол-лица. Поэтому мы терпим шлюшек Фреда. Когда Аки была жива, он ничего такого себе не позволял.

— Жуткая история, — сказал Кармайн.

— Да, не повезло Фреду.

В голове Кармайна рождались какие-то странные образы, мерцая, трепетали на границе сознания, как предмет, которым некий садист-офтальмолог размахивает на краю вашего периферийного зрения: вроде бы есть, но стоит повернуть голову, чтобы рассмотреть получше, — бац! — и исчез.

— Может быть, я схожу с ума? — спросил Кармайн во время разговора с Дездемоной, предварительно включив на телефоне шифратор.

— Нет, милый, ты здравомыслящий как никогда, — сказала она. — Мне знакомо это чувство. О, как я по тебе скучаю! — Она сделала паузу, потом нанесла коварный удар: — И Джулиан тоже. Правда, Кармайн! Как увидит какого-нибудь мужчину, похожего на тебя или с твоей походкой, сразу начинает подпрыгивать. Так трогательно!

— Дездемона, это нечестно!

— Ты еще не узнал, кто убийца?

— Увы, нет. В том-то и дело. Должен знать, но не знаю.

— Не унывай. Еще узнаешь. Погода хорошая?

— Превосходная, — взял реванш Кармайн. — Как всегда в Коннектикуте весной.

— Угадай, как здесь?

— И гадать нечего. Дождь. Пятьдесят градусов широты, влияние Гольфстрима. Поэтому климат мягкий и много осадков.

Глава одиннадцатая

То, что Симонетта Марчиано внезапно ворвалась к нему в кабинет, несколько удивило Кармайна; впрочем, Симонетта всегда и всюду не входила, а врывается — такой уж характер. Боевой дух у нее остался с военных сороковых, отмеченных главной победой ее жизни — матримониальным пленением майора Дэнни Марчиано, до той поры счастливо избегавшего всех ловушек. Симонетте тогда едва исполнилось двадцать, однако молодые солдатики ее не интересовали. Ей был нужен зрелый мужчина, способный обеспечить красивую жизнь с самого начала их отношений. Положив глаз на майора Марчиано, Симонетта пустила в ход все восхитительные уловки молодости, красоты и жизнерадостности. Теперь Марчиано оставалось несколько лет до пенсии, в то время как его супружнице только-только перевалило за сорок.

Сегодня на ней было розовое платье в красный горошек с пуговками впереди; юбка едва доходила до колен, открывая красивые ноги в чулках со швами; розовые лайковые туфли на старомодных невысоких каблуках и с бантиками прекрасно подходили к ее наряду. Голову венчала корона искусно уложенных волос. Вопреки моде на помаду приглушенных тонов Симонетта предпочитала ярко-красную. Увидев миссис Марчиано впервые, человек со стороны легко мог подумать, что она не отличается строгостью нравов, и ошибся бы. Симонетта всей душой была привязана к своему Дэнни и их четырем детям, а если в чем и заслуживала упрека, так это в чрезмерном любопытстве — ни одно событие в Холломене не происходило без ее ведома. Агентурная сеть Симонетты проникла в мэрию, Чабб, управление округа, торговую палату, общественные организации и тайные клубы — всюду, где был шанс подхватить какую-нибудь пикантную новость. Симонетта, шутил ее муж, — живая Библиотека конгресса с тем преимуществом, что не надо возиться с каталожными карточками.

— Привет! — Кармайн вышел из-за стола, чмокнул Симонетту в щеку и предложил стул. — Великолепно выглядишь, Нетти.

Она поправила прическу.

— Если уж ты заметил, то это действительно так.

— Кофе?

— Нет, спасибо. Я заскочила на минутку. В погребке «Баффо» начинается собрание организации за освобождение женщин. — Она хихикнула. — Обед, итальянское красное вино и целые ушаты грязи.

— Не знал, что ты стала феминисткой, Нетти.

— Еще чего! — фыркнула она. — Лично я требую только равной оплаты за равный труд.

— Я могу чем-то помочь? — спросил Кармайн, окончательно сбитый с толку.

— О нет, конечно! Я здесь не за этим. Просто Дэнни как-то говорил, что вы ищете людей, которые были на банкете фонда Максвеллов.

— Ты ведь и сама там была, Нетти.

— Да, за столом Джона. Только мы ничего такого, что вам нужно, не видели, я точно помню. Знаешь похоронное бюро «Упокоение»? — спросила она ни с того ни с сего.

— Кто ж его не знает? Барт, наверное, похоронил половину Восточного Холломена.

— Притом лучшую половину.

Вступление заинтриговало Кармайна; в этом заключалось искусство Симонетты — вначале набросать хлебных крошек, чтобы собрались все утки, а уж потом жажнуть из дробовика.

— С тех пор как умерла Кора, он очень изменился, — продолжала Нетти.

— Они любили друг друга, — серьезно сказал Кармайн.

— Жаль, что у него нет сына, чтобы продолжить дело! Дочери — хорошо, только едва ли они захотят пойти по стопам отца.

— Помнится, муж старшей как раз и продолжил семейное дело, сам стал гробовщиком и взял предприятие Барта в свои руки.

— Только не вздумай называть Барта гробовщиком в его присутствии! Он предпочитает называться организатором похорон.

— Нетти, такими темпами мы к вечеру до сути не доберемся! — не утерпел Кармайн.

— Мы уже почти добрались. Остался один шажок. Так вот, со смерти Кору прошло уже полтора года, и дочери Барта очень за него волнуются, — продолжала Нетти, невозмутимо следуя намеченному курсу. — Первые шесть месяцев они его не трогали, но потом решили растормошить. Не дали пропустить ни одной премьеры в театре, покупали ему билеты в кино и на общественные мероприятия — в общем, устроили старику веселую жизнь.

— Ты хочешь сказать, что он был на банкете фонда Максвеллов? — перебил Кармайн.

Симонетта скорчила недовольную мину:

— Господи, Кармайн, какой ты нетерпеливый! Ну да, дочери

уговорили его купить билет. — Она снова воспрянула духом. — Вчера в салоне красоты я оказалась рядом с его младшей дочерью, ну и спросила, как поживает Барт. — Она усмехнулась. — Пока впитался лосьон, она мне чуть ли не всю его жизнь успела рассказать. В том числе упомянула кое-что и про банкет. Кажется, Барту там не особенно понравилось, его угораздило подсесть к каким-то пьяницам и чудикам, как он сказал Долорес.

Симонетта поднялась и взяла вещи — свитер, ключи от машины, розовую сумочку.

— Ну, я побежала, Кармайн, пока! Повидай Барта. Может, он чем-нибудь поможет.

И умчалась, едва не столкнувшись с Делией в дверях.

— Боже ты мой! Кто это был? — спросила секретарша.

— Жена Дэнни Марчиано, Симонетта. Один из самых ценных источников информации холломенского полицейского управления. Если бы ФБР удалось наладить с ней контакт, думаю, их заботам пришел бы конец. — Кармайн посмотрел на часы: — Скоро обед. Делия, найди мне, пожалуйста, номер Джозефа Бартоломео. И его адрес.

Насколько помнил Кармайн, прежде хозяин похоронного бюро «Упокоение» жил рядом со своим предприятием, в нескольких минутах ходьбы или неторопливой поездки на катафалке от католической церкви Святого Бернарда. Однако после смерти жены он передал бизнес своему зятю и купил квартиру в здании страховой компании «Мускат», где раньше обитал Кармайн. От окружного управления рукой подать.

Поразмыслив, Кармайн попросил Делию назначить похоронных дел мастеру встречу в «Мальволио». Мистер Барт оказался дома и охотно принял приглашение.

Когда Кармайн вошел в закусочную, его гость уже сидел за столиком в дальнем конце просторного зала и пил кофе. Хотя по-настоящему гробовщика звали Джозеф Бартоломео, все знакомые называли его Бартом; это имя ему нравилось, поскольку не вызывало ненужных ассоциаций этнического или персонального толка. Джозефов в мире пруд пруди — от Сталина и до Маккарти, а вот Бартов гораздо меньше. В свои семьдесят Барт выглядел на любой возраст от пятидесяти до восьмидесяти, настолько невыразительной у него была внешность. Никто не смог бы толком описать ни как он выглядит, ни как себя ведет. Телосложение — среднее, лицо — обыкновенное, манеры тоже самые обычные. Настоящий идеал для представителя его профессии — незаметный человек, который добросовестно заботится о чьих-то ушедших близких, организует похороны, следит за соблюдением всех формальностей, потом удаляется, не

оставив в памяти ничего, что вносило бы диссонанс в последние скорбные воспоминания.

— Добрый день, Барт, как поживаете? — спросил Кармайн, протягивая руку.

Даже рукопожатие было каким-то неопределенным: ни вялым, ни твердым; ладонь не сухая, но и не чересчур влажная.

— У меня все хорошо, Кармайн, — с улыбкой ответил Барт.

Не было необходимости приносить ему соболезнования через полтора года после смерти Кору; Кармайн ходил на ее похороны.

— Давайте пообедаем, а о деле потом, — предложил он. — Что-нибудь выбрали?

— Минни хвалила грудинку — блюдо дня. Возьму, пожалуй, ее и рисовый пудинг на десерт.

Кармайн заказал салат Луиджи с соусом «Тысяча островов». Пока Дездемона не готовила ему своих вкусных, но жутко калорийных блюд, он мог вернуться к старым холостяцким привычкам.

Они поели с удовольствием и не торопясь, как истые восточные холломенцы. Только после того как Минни убрала тарелочки из-под пудинга, Кармайн сделался серьезным.

— Сегодня утром ко мне заходила Нетти Марчиано, — начал он. — Она говорит, что вы были на банкете фонда Максвеллов. Это так, Барт?

— Да, я купил один билет. Организаторов банкета упрекнуть не в чем, но мне там было не по себе, по крайней мере, вначале.

— Расскажите все по порядку, мне это очень нужно.

— Я собирался там встретиться с друзьями, но, когда приехал, оказалось, что они сдали свои билеты — желудочный грипп. Меня посадили к совершенно незнакомым людям — четверым дантистам с женами. Женщина-дантист без пары повернулась ко мне спиной. Они болтали, развлекались, а я не знал, чем себя занять. — Барт вздохнул. — Вечная проблема, когда идешь куда-нибудь один. Отчасти виной тому моя профессия. Как только собеседники узнают, чем я зарабатываю на хлеб, смотрят на меня как на Бориса Карлоффа.

— Сочувствую, — мягко сказал Кармайн.

— После десерта я решил поискать место получше, — продолжал Барт тихим, обыкновенным голосом. — Первая попытка оказалась неудачной — адвокат Дубровский и несколько его коллег из города. Эти не переставая говорили о делах — как отнесутся клиенты к повышению ставок и все в таком духе. Я не стал ждать, пока спросят о моем занятии и шарахнутся как от Бориса Карлоффа.

— Все адвокаты — мерзавцы, — с чувством сказал Кармайн.

— Кому вы это рассказываете!

Барт помолчал, морща и без того морщинистый лоб.

— И куда вы пошли?

— Подсел к одной очень странной компании — невероятно странной!

Четыре женщины и четверо мужчин, каждый сам по себе. Какой-то «чаббист», уж такой надменный, смотрел на всех сверху вниз, остальных обозвал филистерами. Другой мужчина очень толстый — я тогда подумал, что им скоро займется похоронное бюро. И старушкой тоже — дыхание тяжелое, ногти синюшные. Несколько человек пьяные, в смысле совсем в стельку, особенно один — высокий, худой и смуглый. Смотрел только в стакан и продолжал напиваться. Еще там была молодая девушка, симпатичная, она, похоже, чувствовала себя не в своей тарелке. Потом женщина постарше — такая измотанная, что казалось, вот-вот положит голову на стол и заснет. Вряд ли пьяная, просто очень устала. Четвертую женщину я узнал, ее все знают, — Диди, проститутка. Не представляю, как ее туда занесло.

Кармайн слушал как завороченный, не зная, прервать ему рассказ Барта или попридержать вопросы, пока тот не закончит. Решил, лучше не мешать.

— Четвертый мужчина был очень молод — наверное, студент. Чем-то похож на «чаббиста», только тот красивый, а парень как раз наоборот. Я сел на свободный стул между толстяком и «чаббистом». Еще один свободный стул стоял между мистером Выпивохой и заносчивым пареньком. Сразу после меня подошла женщина и села там. Тоже пьяная, еле на ногах держалась. Кажется, у нее с Выпивохой были какие-то счеты.

«Теперь пора подключаться», — решил Кармайн.

— Почему вы все так подробно помните, Барт, спустя пять месяцев?

Какой-нибудь пронырливый адвокатишка обязательно задаст этот вопрос. Лучше знать заранее, как на него ответит Барт.

— Моя работа — помнить каждую мелочь, — несколько уязвленно, с достоинством сказал Барт. — Кто где сидит, кто с кем не разговаривает, какой цвет не любят Машетти, а какой Кастелано — организация похорон требует тонкого подхода. И выбросить все из головы на другой день я тоже не могу. Неизвестно, кого выберет смерть следующим и когда те же самые люди обратятся ко мне снова.

— Ваша правда, Барт. Вы можете описать ту пьяную женщину?

— Конечно. Очень красивая, повыше рангом, чем остальные четыре женщины. Блондинка, с короткой стрижкой. Была одета в бледно-голубое

платье, очень элегантное. Толстяк попытался было ухаживать, но она на него ноль внимания. Она вообще ни на кого не смотрела, была занята пьяным типом. Думаю, он важная птица, судя по тому, как на него смотрели остальные мужчины — и толстяк, и «чаббист», и молодой парень, — вроде боятся его и в то же время нуждаются в нем. Хотя парень — нет. Тот прислушивался, прямо как Нетти Марчиано, чтоб, не дай Бог, не пропустить какую-нибудь сплетню.

— А было что слушать? — Кармайн спросил.

— Ну, красавица и мистер Выпивоха были любовниками, которые недавно расстались, — потому-то она на него и сердилась, если это можно так назвать. — Барт виновато улыбнулся. — Всю жизнь говорил эвфемизмами, теперь трудно отвыкать. Она была злая как черт! Правда, едва ли это произвело впечатление на Выпивоху — он уже ничего не соображал. А она этого не замечала.

— Вы помните, о чем они говорили? Только о личном? Она упоминала какие-либо имена?

Барт нахмурился.

— Да, имена называла, но я их не запомнил. Все незнакомые. Кроме одного — Филомена, есть такая святая, но никогда не слышал, чтобы так звали живую женщину. Да, еще у столика постоянно крутились официанты — наверное, из-за того пьяного типа. Их начальник что-то нашептал им на ухо, и они старались вовсю — наполняли бокалы, убирали посуду, подавали пепельницы. Красавица напилась еще больше и начала нести всякую околесицу. Что-то про Россию, как пожимала руку Сталину и целовала лысину Хрущева — много чего. Потом наклонилась к Выпивохе и стала шипеть ему в ухо — дескать, он даже не представляет, что творится в его собственной компании, и про какого-то там предателя. С-с-с да с-с-с, злобно так, мстительно. А тип тот уже лыка не вязал, так что вряд ли вообще что-то слышал. Толстяк пытался убедить их выпить кофе, и все трое официантов рядом крутились.

Впервые после дела Призрака Кармайн почувствовал, как ему в мозг вонзились ледяные иглы. Он смотрел на Джозефа Бартоломео с благоговением, поражаясь неожиданной удаче.

— Что произошло потом?

Барт пожал плечами:

— Не знаю, Кармайн. Я заметил стол, где сидели мои знакомые, и перебрался туда. Брр! Никогда так не радовался лицам друзей.

— Позже, Барт, вам, возможно, придется выступить с показаниями в суде. Постарайтесь ничего из этого не забыть.

Невыразительные серые глаза широко раскрылись.

— Я никогда и ничего не забываю.

Кармайн проводил Барта к зданию страховой компании «Мускат», с чувством пожал на прощание руку, затем отправился на поиски Эйба и Кори.

До сих пор в том, что касалось шпионажа, Кармайн в разговорах с ними ограничивался только намеками и самыми необходимыми сведениями. Теперь в тиши своего нового кабинета он посвятил сержантов во все детали, резюмировав:

— Ну, смотрите, если кто из вас ляпнет хоть слово, даже собственной жене, я вам обоим яйца оторву. На карту поставлены моя карьера, да и ваша тоже. Я доверяю вам, парни, не подведите.

Кори и Эйб обменялись друг с другом взглядами, в которых читались триумф и облегчение — наконец-то стала ясна истинная подоплека этого чертовски запутанного дела.

— Как только Эрика протрезвела и поняла, что натворила, — сказал Кармайн, — она призналась во всем своему шефу, Улиссу. Вас это удивляет? На первый взгляд это кажется глупым. Но католики ведь исповедуются священнику, верно? Эрика верила в свою идеологию не хуже религиозного фанатика. Чихнуть не смела без разрешения Улисса. Как я понимаю, она рассказала Улиссу все подробности и заверила, что никто не обратил на ее откровения ни малейшего внимания, а меньше всего — сам Скепс. Улисс не сомневался, что она говорит правду. Она полностью зависела от него и боялась.

— Итак, Эрика раскрыла карты, и Улисс знал об этом, возможно, уже на следующий день, четвертого декабря, — рассуждал Кори, пытаясь понять чуждую ему логику. — Но, Кармайн, до убийств прошло четыре месяца! Почему Улисс ждал так долго?

— Думай, Кори, думай! — терпеливо сказал Кармайн. — Убийство одиннадцати человек — масштабная операция. Улиссу требовалось время, чтобы ее спланировать.

— И чтобы все забыли о банкете, — прибавил Эйб. — Улисс — ушлый парень, он понимал, что убийство и шпионаж влекут разные последствия. Я не говорю, что шпионы не убивают, но они делают это тайно. Убийство гражданских лиц скрыть трудно. Планируя несколько убийств, он должен был учитывать, что полицейские станут всюду совать нос, а некоторые из них тоже могут оказаться ушлыми парнями. Копы по особо тяжким преступлениям шутить не любят.

— Я понял, — сказал Кори. — Улисс не хотел никого убивать, но если

бы пришлось, предпочел бы устранять своих жертв постепенно, по одному. В большом городе это не проблема. В Холломене — немыслимо. Некоторые из жертв были важными персонами, их убийства просочились бы в прессу. Кто-то из потенциальных жертв мог сообразить, что к чему. Они-то знали, что были на банкете. Значит, если убивать, то убивать внезапно.

— Вы оба правы, — сказал Кармайн, улыбаясь. — Да, они должны были умереть внезапно, даже официанты. Не сразу после банкета, но, может быть, два или три месяца спустя. Улисс ждал последствий неосмотрительности Эрики, но ничего не происходило. К концу четвертого месяца Улисс, должно быть, вздохнул с облегчением. Опасность миновала, не придется пускаться в свой уютный мирок пронырливых копов. И тут, двадцать девятого марта, он получает письмо Эвана Пью. Вот уж действительно — рыбак рыбака видит издалека. Еще один подлый ублюдок.

— А не мог Пью послать письмо Эрике? — спросил Кори.

— Нет. Ее пьяная болтовня действительно не имеет значения. Рукопожатия со Сталиным и поцелуйчики с Центральным Комитетом — полная чушь. Если бы кто-либо вздумал ее обвинить на этом основании, она рассмеялась бы ему в лицо и представила все

шуткой. Важнее то, что она шипела на ухо Дезмонда Скепса. Про предателя внутри «Корнукопии». Уверен, она назвала его имя, — сказал Кармайн.

— Но почему Эван Пью ждал четыре месяца? — недоумевал Эйб. — Я еще могу понять Улисса, но что мешало Эвану Пью?

Напротив Кармайна на стене висела дешевая картонная репродукция увядшей белой лилии в вазе — единственная попытка Микки Маккоскера украсить кабинет. Повинуясь внезапному порыву, Кармайн встал, в сердцах сорвал картину со стены и запихнул в пустую корзину для бумаг.

— Ненавижу ее, — пояснил он своей ошеломленной команде, удовлетворенно потирая руки. — Микки говорит, она напоминает ему его жену в первую брачную ночь, правда, не уточнил, какую из жен именно.

Он снова сел.

— Думаю, дело в характере Эвана Пью. Он с удовольствием выслушал злобный монолог обиженной Эрики, потом вернулся в Парацельс-колледж, затеял какую-то другую пакость и совершенно позабыл события за столом номер семнадцать. Возможно, и не вспомнил бы, если бы не его величество Случай. В конце марта журнал «Ньюс» опубликовал статью о коммунистических лидерах со времен больших чисток в конце тридцатых.

Журнал поступил в продажу двадцать шестого марта, Майрон купил экземпляр, когда летел в Холломен знакомить нас со своей новой возлюбленной, Эрикой Давенпорт. Он был в восторге от статьи и говорил, что я непременно должен ее прочитать. Мне было не до того: на нас висели двенадцать убийств.

— Мой Бог! — воскликнул Кори. — Ее прочитал Эван Пью!

— Да, и, по-видимому, слова журналиста перекликались с тем, что рассказывала о членах Центрального Комитета Эрика. Это заставило его вспомнить и то, что она шипела Скепсу на ухо. «С-с-с да с-с-с», как сказал Барт. Полагаю, это существенно, — много «с». Только подумайте, как нам повезло! Спустя пять месяцев после банкета фонда Максвеллов мы нашли идеального свидетеля! Профессия приучила Барта замечать мелочи, и главное — помнить их.

— Эрика сказала Скепсу, кто Улисс?! — воскликнул Эйб. — Невероятно!

— А Эван Пью это запомнил.

— Значит, имя было ему знакомо? — предположил Кори.

— Вряд ли, — сказал Кармайн. — Достаточно и того, что имя известно. Пью был студентом-медиком, круглым отличником. Он умел работать с информацией. Когда вышла статья, он, вероятно, решил, что все праздники наступили разом. Выпал шанс — подразнить и помучить кого-то, кто рисковал больше, чем деньгами. Деньги как таковые были Эвану не нужны. Кстати, одна из самых больших странностей этого дела заключается в том, что деньги вообще никого не интересовали.

— Эван Пью отослал письмо, — вставил Эйб.

— И Улисс был вынужден уничтожить всех, кто имел отношение к столу номер семнадцать, — добавил Кори.

— Меня вот что смущает, Кармайн, — нахмурился Эйб. — Не проще ли шпиону было нанять киллера в другом штате и заказать ему всех разом? Зачем этот спектакль? Яд, инъекции, стрельба на улицах, изнасилование, нож, подушки. Он что, смеется над нами?

— Скорее, пытается заставить нас думать, будто убийства не связаны друг с другом, — сказал Кармайн. — Да, сомнение у него размером с Токио, но Улисс не позволяет ему взять верх. У парня, должно быть, звание полковника, а то и генерала КГБ — в его действиях холодный расчет, он не красуется как политик. Ему нужно исправить ошибку Эрики Давенпорт. Мы должны исходить из того, что сам он ошибок не допускает, и Эрику скорее всего себе в напарники не выбирал, — просто у Москвы не было другой кандидатуры. У женщин свои слабости, ребята. Они влюбляются не

так, как мы, поэтому мужчинам трудно их контролировать.

— То есть Улисс выбрал разные способы убийства в надежде, что это собьет нас с толку, — задумчиво сказал Эйб.

— Точно.

Последовала пауза, которую прервал Кори:

— Меня удивляет еще кое-что, Кармайн.

— Что же?

— Почему он не убил Барта?

— Могу лишь предположить, — неуверенно сказал Кармайн, — что о гробовщице Эрика не знала. Тихий мужчина на противоположной стороне стола, за толстяком. Если она не обратила внимания на гостей, когда подходила к столу, то могла вообще его не заметить. А она не обратила, потому что была пьяна. Интересовал ее только Дезмонд Скепс. Хотя не исключено, что Эрика видела Барта, но он такой неприметный тип, что минуту спустя она забыла о его существовании. Одно я знаю наверняка — если Барт еще жив, то только благодаря тому, что Улисс либо не знает о еще одном человеке за столом, либо не смог установить, кто он.

— Барта нужно взять под охрану, — сказал Кори.

— И тем самым выдать его с головой? Почему, вы думаете, я пообедал с ним открыто и даже проводил до здания «Муската»? Со стороны мы выглядели не как детектив и свидетель, а как два старых приятеля, которые давно не виделись. Я раньше жил в «Мускате», и Улисс наверняка это знает. Могут же у меня там остаться друзья?

— Значит, не охранять, — произнес Кори, мысленно вычитая баллы из своих перспектив стать лейтенантом.

— А что Нетти? — глухо спросил Эйб.

Полицейские перекинулись тревожными взглядами. Кармайн пожал плечами.

— Будем надеяться, в винном погребе «Баффо» сегодня было чем поживиться. Есть неплохие шансы, что обед с эмансипистками затмит Барта. Интересно, была ли в меню Полина Денби?

— Тогда, — сказала Кори, — кто увидит Нетти — ни слова о Барте.

* * *

На следующий день Кармайн, Дэнни Марчиано и Джон Сильвестри должны были присутствовать на одной из «церемоний» мэра, как их назвал комиссар. Итан Уинтроп был истинным коннектикутским янки по рождению и шоуменом по темпераменту. Ему чрезвычайно нравилось быть мэром, так что свое правление он обставлял такой помпой и важностью, какую только могли стерпеть члены городского совета. А стерпеть они

могли много — во-первых, Итан здорово сумел нагнать на них страху, во-вторых, покуда они пользовались полагающимися им льготами, остальное их мало волновало. Таким образом, средние школы Тафта и Тревиса получали крупные субсидии для своих оркестров, и все были довольны: школы получали призы на всех музыкальных соревнованиях, а мэр мог наполнить воздух Холломена превосходной духовой музыкой во время своих церемоний.

Необходимость посещать эти мероприятия страшно раздражала полицейское начальство и стала одним из немногих неудобств, которые принесло Кармайну его повышение по службе: капитаны в отличие от лейтенантов были обязаны присутствовать на «церемониях» — и вдобавок в полном парадном облачении! При нормальных обстоятельствах в форме ходил только Дэнни Марчиано, поскольку возглавлял униформированных полицейских. Сильвестри — особая статья во всем — одевался в черный костюм и черную водолазку. Сам Кармайн предпочитал свободные брюки, рубашку, твидовый пиджак с выглядывающим из кармана чаббским галстуком и мягкие кожаные туфли. Элегантно и удобно.

Поскольку парадная форма старших полицейских чинов отличалась серебряными галунами и нашивками, ее сделали темно-синей, Дабы избежать ассоциаций с гестапо. Женщины — Делия Карстерс, Дездемона Дельмонико и Симонетта Марчиано — втайне считали, что все три старших офицера выглядят в парадных мундирах просто потрясающе: все подтянутые, широкоплечие и красивые. Нетти увесила целую стену фотографиями ее Дэнни при полном параде плюс Несколькими с Кармайном и Сильвестри для разнообразия. Сами мученики, заключенные в плотный кожух парадной формы с высокими воротниками-стойками, их восторгов не разделяли. Кармайн со своей стороны готов был поклясться, что его воротник обточили на токарном станке.

Однако положение обязывает. На излете академического года город чествовал университет. Кармайн, Дэнни и Сильвестри послушно присутствовали на холломенской Лужайке, по которой маршировали оркестры обеих школ. Мэр красовался рядом с ММ, облаченным в президентскую мантию и академическую шапочку. День выдался ясный и тихий, деревья вокруг Лужайки стояли в цвету, весенняя трава еще не утратила свежести. Замечательно смотрелись медные буки, высокие и покрытые молодой листвой.

Самые важные персоны во главе с мэром и президентом Чабба стояли наверху помоста, задрапированного фиолетовыми и синими полотнищами — фиолетовый был цветом Чабба, синий — Холломена. Три полицейских

начальника находились тремя ступеньками ниже — их головы в фуражках пришили вровень с коленями сановников на вершине помоста. Комиссар пожарной охраны и его заместитель в синих мундирах более светлого оттенка, чем у полицейских, расположились по бокам от них.

— Итан в своем репертуаре, — сказал Сильвестри своему коллеге, начальнику пожарной охраны Виду Мерфи. — Торчим тут, как цветы в дурацкой икебанае.

Кармайн не слушал разговоров; воротник одновременно резал ему подбородок и душил шею. Он вытягивал шею, поворачивал так и сяк голову, наконец, задрал подбородок как можно выше кверху. В высоких ветвях ближнего медного бука что-то блеснуло. Кармайн замер и стал всматриваться в листву, его лицо внезапно потеряло всякое выражение — рефлекс, приобретенный в беззаконные дни войны, когда солдатам сносило башню и они принимались палить по ненавистным офицерам и военной полиции. Вот — опять! Новая вспышка, будто кто-то, спрятавшийся в ветвях, поудобнее пристраивал оружие, и линза оптического прицела сверкала на солнце.

Оркестры умолкли, начались речи, дети чинно уселись на траве — такие тихие и скромные, будто в жизни не скурили косяка и не стибрили ни одного колпака с колес.

— Ложись! — взревел Кармайн. — Все вниз! Ложись!

Правой рукой он выхватил из кобуры длинноствольный револьвер тридцать восьмого калибра, краем глаза увидев, что одновременно с ним то же сделал Джон Сильвестри и с секундным отставанием — Дэнни Марчиано.

Сановники в развевающихся мантиях спрыгивали с постамента и ложились на землю; к этому их побудил не столько крик Кармайна, сколько трое полицейских в парадной форме и с оружием наготове, мчащихся в сторону медного бука. Дети с воплями и криками бросились кто куда, толпу зрителей будто ветром сдуло, за исключением съемочной группы шестого канала, получившей шанс на лучший материал с того самого памятного дня год назад.

Дэнни Марчиано упал, сжимая левую руку. Кармайн и Сильвестри уже вышли из зоны поражения длинноствольной винтовки, неудобной при стрельбе по ближним целям.

Снайпер сделал последний выстрел, которого никто не услышал, так как одновременно на спусковые крючки нажали Кармайн и Сильвестри, потом еще раз и еще. Ветви заколыхались, затрещали, и на землю рухнуло недвижимое тело.

Вся Саут-Грин-стрит заполнилась воем сирен и жутковатым блеском мигалок; должно быть, кто-то с портативной рацией радировал в полицейское управление.

— Наповал, — сказал Кармайн. — Не повезло.

— Мы не могли рисковать детьми, — тяжело дыша, возразил Сильвестри.

— Черт, вот это наглость! — Кармайн, не разгибаясь, поднял взгляд на Сильвестри. — Как Дэнни? Надо все оцепить, Джон, прямо сейчас.

Прочь отделанный серебром мундир! Кармайн бросил его на землю и стал на колени, чтобы осмотреть свою жертву. К сожалению, совершенно незнакомый человек. Возраст — сорок с небольшим, телосложение крепкое, одет в коричневый спортивный костюм, лицо покрыто коричневым гримом — в самый раз для медно-красных ветвей.

Возвратился Сильвестри.

— С Дэнни все в порядке. Ранение легкое, жизненно важные органы не задеты. Кто этот ублюдок?

— Я его не знаю.

— Кого он хотел убить?

— Думаю — ММ, потом мэра и остальных на помосте, кого бы успел. — Кармайн поднял винтовку киллера. — «Ремингтон-триста восемь», пятизарядная. Новая модель, никогда такой не видел.

— С этого года на вооружении морской пехоты. — Сильвестри следил за такими вещами. — Как он посмел? — Комиссар оскалился от ярости. — Как смеет он вытворять такое в моем городе? Это мой город! Здесь были дети — наши дети! Кто-то гадит прямо нам на головы, кто-то, способный достать новейшее оружие!

— Кто-то, кого мы должны остановить, — сказал Кармайн. — Скажу вам одно, Джон, — никогда больше я не буду ругать эту форму. Меня измучил воротник, и я крутил головой. Как раз когда я вытянул шею, на прицеле снайпера блеснуло солнце. Одна вспышка, потом другая. Это напомнило мне один случай в Форт-Брэгге. Кстати, Дэнни все время говорит, что пора переходить на автоматические пистолеты, но если бы не наши с вами длинноствольные револьверы, мы ни за что бы не сняли гада.

— Твоя правда, Кармайн, — сказал Сильвестри, похлопывая его по спине так, чтобы в новостях на шестом канале это выглядело как поздравительный жест. — Дэнни тоже прав, снайперы снайперами — надеюсь, нам больше не придется иметь с ними дело, — но пришло время автоматического оружия. — Он с сожалением вздохнул.

— Тут нам больше делать нечего, — продолжал комиссар. — Пойдем

проверим потенциальных тетеревов и удостоверимся, что никто больше не пострадал.

Пострадало лишь достоинство да еще академическая шапочка Генри Говарда, которую несколько мужчин с благодарностью использовали в качестве рвотного пакета. Моусон Макинтош, предполагаемая основная мишень, был в ярости, и его сейчас не волновало ни собственное достоинство, ни возможная опасность. Увидев Сильвестри и Кармайна, он направился к ним с видом, который приводил членов комитетов в трепет еще до того, как его язык начинал рубить их в капусту. Сам ММ, как известно, боялся только Бога.

— Куда катится мир, джентльмены? — спросил он сурово, меча глазами молнии. — Здесь ведь дети!

— Уверен, у вас много гораздо более важных дел, ММ, но надеюсь, вы не откажетесь поужинать со мной сегодня вечером в «Морской пене»? Я многое мог бы вам рассказать, — предложил Сильвестри. — В семь часов, без жен, и к черту все секретные допуски!

Гневный взгляд президента Чабба сменился торжествующим.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать, что знаю далеко недостаточно, — сказал он. — Я приду, Джон. Мне нужна вся информация.

— Вы ее получите.

Кармайн подавил вздох. Пусть специальный агент Тед Келли и главы всех департаментов в Вашингтоне думают что хотят, но едва холломенцы почувствуют опасность, они сплывают свои ряды, и плевать на всех чужаков. Тогда даже власти штата предпочитают не вмешиваться.

«А как хорошо начинался день!» — думал Кармайн, заходя в управление на Сидар-стрит, где он первым делом должен был сдать дежурному сержанту служебное оружие. По-настоящему во всем этом деле жизни капитана ничего не угрожало. Дездемона и Джулиан пострадали, но никто не пытался убить самого Кармайна, даже сегодня утром на Лужайке. Слишком незначительная фигура? Что ж, мистер Улисс, продолжайте думать так.

— Комиссар сдаст свой револьвер позже, когда вернется, — сказал он сержанту Таско. — Мы не знаем, чья пуля убила снайпера, так что оба пистолета нужно отправить на баллистическую экспертизу.

— Конечно, Кармайн, — ошарашенно кивнул Таско. — Надо же! После стольких лет комиссар пустил-таки в ход свою старую пушку! Я не знал, что у вас тоже длинноствольная.

— Точнее бьет на больших расстояниях, — сказал Кармайн. — Сегодня как раз то, что надо.

— Со скольких метров вы стреляли?

— Приблизительно с тридцати.

— Но ведь снайпер был гораздо дальше!

— Когда в тебя стреляют, Джои, бежать надо на оружие, а не от него.

Поднявшись по лестнице наверх, Кармайн обнаружил, что Делия уже расставила стулья для совещания; она была деловита и внешне спокойна — опасность, которой подверглись шеф и дядя, не выбила ее из седла.

Вошли комиссар, Эйб и Кори; сержанты выглядели куда более встревоженными, чем Сильвестри.

— Слава Богу, вы от нее избавились, — сказал он, бросив взгляд на стену, где раньше висела картина с увядшей белой лилией. — У Микки странное чувство юмора.

— Я собираюсь повесить там фотографии Дездемоны и Джулиана.

Все сели, включая Делию, но никому не хотелось говорить первым.

Наконец Сильвестри не выдержал:

— Думаешь, это акция запугивания?

— Улисс хотел, чтобы мы так думали, сэр, — сказал Кармайн.

— Мы как-то приблизились к решению? Знаем хотя бы, кто он?

— Кто — все еще под вопросом, — хмуро сказал Кармайн. — У меня есть догадки, но пока слишком смутные. Нельзя сбрасывать со счетов других подозреваемых, однако я считаю, что развязка близка. Улик становится все больше. Как Дэнни?

— Через три-четыре дня выпишут из больницы. Бедная Нетти — на нее жалко смотреть.

Эйб и Кори обменялись красноречивым взглядом, не ускользнувшим от внимания Кармайна, — ранение Дэнни спасет жизнь Барту. У Симонетты будут заботы важнее, чем Барт и благотворительный банкет.

— Я собираюсь ввести в курс дела ММ, — безапелляционно заявил комиссар. — Его категория допуска, вероятно, выше, чем у президента любого другого университета, но мне на них начхать. Для меня Чабб важнее десяти «Корнукопий» — университет существует гораздо дольше и принес куда больше пользы миру.

— Да, сэр, этого никто не отрицает, как и вашего права проинформировать ММ, — терпеливо сказал Кармайн. — Между прочим, два убийства были совершены в колледжах Чабба. Университет тоже пострадал. В сегодняшней акции есть элемент запугивания, и это меня радует: значит, Улисс заволновался. Он пытается направить нас в разные стороны, как шары на бильярдном столе. Вообразите, какой начался бы хаос, если бы снайпер уложил ММ, мэра, Хэнка Говарда и еще неизвестно

скольких человек, прежде чем его обнаружили. Возможно, не скоро — звук рассеивался листьями, да еще и эхо... Город наводнили бы федералы, инспекторы и черт знает кто. Пока суд да дело, Улисс успел бы замести все следы, оставшиеся после убийства Эрики.

— Можно вопрос? — вмешалась Делия.

— Давай, — согласился Кармайн.

— По-моему, вы считаете, что снайпер был готов к смерти. Значит, он — политический убийца? Человек, жертвующий жизнью ради идеи? Или нет?

— Резонный вопрос, — сказал Кармайн. — Однако не думаю, что у красных так много ресурсов, что они готовы терять хороших профессионалов практически ни за что. Скорее всего, им так же трудно сводить концы с концами, как и нам. СССР богат, но США богаче. Конечно, «Корнукопия» для русских — важный источник промышленных секретов, особенно связанных с производством оружия. Полагаю, всю операцию задумал и осуществляет сам Улисс: Москва далеко, ему на месте виднее. Эрика Давенпорт, вероятно, прокол партии, а не КГБ, так что можете не сомневаться — виновные сейчас активно пытаются прикрыть задницы, и удастся ли им это, зависит от Улисса. Насколько я могу о нем судить, он использовал профессионального киллера, человека без каких-либо политических идеалов.

— Но это же верная смерть. — Лицо Делии под слоем макияжа побледнело. — Зачем профессиональному убийце гонорар, которым он не сможет воспользоваться?

— Делия права, — заметил Эйб.

— Если он не политический фанатик, то причина принять этот заказ может крыться в его семье, детях, — возразил Сильвестри. — Улисс предложил столько, что им хватит на всю жизнь. Несколько миллионов! Это единственное, что мне приходит на ум. Вероятно, договор предусматривал, что снайпер не должен сдаться живым, иначе гонорар не будет выплачен.

— Замечательное объяснение, сэр! Он пожертвовал собой ради семьи! — воскликнул Кори, внезапно вспомнив о вакансии лейтенанта. Не то чтобы комплимент его был неискренним, однако при обычных обстоятельствах сержант промолчал бы.

— Возможно, вы правы, — сказал Кармайн. — Снайперы — особая категория. Они не видят свою жертву непосредственно: сначала только силуэт в оптическом прицеле, потом бесформенный куль на земле. Как летчик-истребитель. Никакой крови и грязи. Поэтому я могу понять, что

профессиональный снайпер способен сохранить человеческие чувства.

— Журналисты — еще одна головная боль. Да, нам удалось предотвратить хаос, но шестой канал в состоянии сотворить конец света из ничего, — вздохнул Сильвестри. — До двух мне надо состряпать убедительную историю для интервью со старушкой Ди из «Холломен пост» и той акулой, что заведует «Новостями в шесть на шестом». А потом подоспеют репортеры из других штатов. Сослаться на маньяка, что ли?

— У которого зуб на городские власти и университет? — усмехнулся Кармайн. — Полиция надеется идентифицировать его по отпечаткам, хотя шансов мало. Он иностранный подданный, возможно, из Восточной Германии. Прибыл через Бразилию или Аргентину. Я бы на вашем месте дал волю фантазии относительно его происхождения, сэр, и заявил, что пока мы не можем обнародовать имеющуюся информацию, чтобы не причинить вред невиновным.

Комиссар, поморщившись, встал.

— Стар я уже по Лужайке бегать. Мне все-таки пришлось выстрелить из своего револьвера! Нельзя зарекаться.

— Что теперь, Кармайн? — спросил Эйб.

— Идем к судье Туэйтсу за ордерами на обыск кабинетов и домов Филипа Смита, Гаса Первея, Фреда Коллинза, Уола Гирсона и Ланселота Стерлинга. Любой из них в состоянии заплатить пять или десять миллионов снайперу. Сегодняшнее происшествие в одном нам на пользу — Дуг Неверующий сейчас позволит обыскать кого угодно, кроме ММ и дяди Джона.

— У нас мало людей, — нахмурился Кори. — Нужно нагрянуть ко всем подозреваемым одновременно. Зачем нам эта сошка Стерлинг? Он вроде не миллиардер.

— Что-то мне в нем не нравится. Он садист, потому остается на подозрении. Что до людей, то назови мне более подходящий момент, чтобы снять копов с их обычных постов, чем после стрельбы снайпера. Лихие парни смывают дурь в унитазы, а свои арсеналы прячут в матрасах и стенах. Даже Мохаммед эль-Неср с своей «черной бригадой» сейчас приутихнет. Включим сирены на всю катушку — пусть думают, что мы гонимся за убийцами.

— Сначала кабинеты? — спросил Эйб.

— Нет, сначала дома.

Понурившись, Делия принялась убирать стулья.

— Делия, займись Уоллесом Гирсоном, — сказал Кармайн. — Присягу ты приносила, а потому я назначаю тебя исполняющей

обязанности сержанта в полицейском управлении Холломена, хотя выдать табельное оружие не могу. Откровенно говоря, Гирсон — пустая трата времени, так что ты будешь в безопасности. Но обыск должен быть тщательным. Я не хочу, чтобы остальные члены правления «Корнукопии» считали, будто он — мой любимчик. У большинства из них есть охотничьи домики в Мэне — ими займется тамошняя полиция. Пока Таско всех соберет, я позвоню туда и попрошу особо обратить внимание на сараи, кладовые и медвежьи капканы. Никто из полицейских не должен знать заранее, что мы затеваем.

Делия была в восторге, даже не возразила против Уоллеса Гирсона.

— Что мы ищем, Кармайн? — спросила она; ее карие глаза сияли, как у охотничьей собаки при виде дробовика хозяина.

— Необычные хобби, — с готовностью ответил Кармайн. — В особенности домашние фотолаборатории с оборудованием для проявки цветной пленки, увеличения и уменьшения снимков. Специфическая тематика книг — нацистская Германия, коммунизм, Россия в любых идеологических обличьях, материковый Китай. И научные трактаты. Эйб, ты получаешь Ланселота Стерлинга — у тебя нюх на секретные двери и тайники. Гаса Первея я поручу Ларри Пизано. Тебе, Кори, — Фреда Коллинза.

— Значит, тебе остается Фил Смит, — задумчиво сказал Эйб. — Есть причина, Кармайн?

— Вообще-то нет. Фред Коллинз кажется самым подозрительным, но я не хочу его спугнуть. А Фил Смит, как генеральный директор, не удивится, что обыск у него провожу я сам.

— Его жена та еще штучка, — морща нос, сказала Делия.

— Что ты имеешь в виду, Делия?

— Утверждает, что она саами, но мне что-то не верится. В лице слишком много татарского. И акцент чересчур сильный для того, кто прожил большую часть жизни в англоговорящей стране. Похоже говорят китайцы, — синтаксис и звуки совсем не такие, как в любом индоарийском.

— Точно, ты ведь разговаривала с ней на вечеринке Майрона, — вспомнил Кармайн. — А что она за человек?

— В общем, она мне понравилась. Я же говорю — та еще штучка.

Судья Туэйтс охотно выдал ордера, и в два пополудни Кармайн дал сигнал к началу операции. Каждая группа прибыла на место заранее и ждала, чтобы начать обыск одновременно с другими. Не обошлось без протестов, связанных главным образом с тем, что жильцы, за исключением главы семьи, на время обыска были обязаны покинуть помещение.

Благодаря снайперу, нагнавшему страху на всех женщин Холломена и окрестностей, все хозяева оказались дома.

Фил Смит жил за городом, в красивом местечке у подножия Норт-Рока. В ущелье между базальтовыми стенами стоял особняк в классическом георгианском стиле, построенный из известняка. Дом окружали английские сады с множеством цветущих клумб. Все, от геометрически точного расположения деревьев до фонтанов и статуй, носило печать благородного классицизма в духе Иниго Джонса. Имелась даже ротонда — открытая беседка с ионическими колоннами, внутри которой установили стол и стулья. Из беседки открывался вид на небольшой пруд с грациозными белыми лебедями, окаймленный плакучими ивами. После всего этого павлины, мирно гуляющие среди травы в поисках личинок и червей, уже не вызывали удивления.

Филип Смит визиту Кармайна не обрадовался, однако, внимательно изучив ордер, попросил жену посидеть в беседке и впустил Кармайна и его полицейских в дом. Слуги — все пуэрториканцы, как отметил Кармайн, привыкшие к высокомерному обращению хозяина, — были отправлены к своим автомобилям.

Смит был одет в брюки из верблюжьей шерсти, бежевую шелковую рубашку и бежевый кашемировый свитер — вот что носят помещики у себя дома! Тронутые сединой волосы были превосходно пострижены и зачесаны назад, от свежевыбритых щек тянуло дорогим одеколоном.

— Непростительная бесцеремонность, — произнес он, следуя за Кармайном в дом.

— При обычных обстоятельствах я бы с вами согласился, мистер Смит, но после того, что произошло на Лужайке сегодня утром, боюсь, у нас не остается другого выхода.

Кармайн осмотрелся. Холл высотой в три этажа увенчивался витражным потолком, сочетавшим синий, зеленый и белый цвета — никаких оттенков красного, бросающих вызов голубизне неба. Пол покрывали плитки из травертина. Внутреннее убранство дома поражало воображение, при этом декоратор не ударился в баронский стиль — рыцарских доспехов и скрещенных пик не наблюдалось. Широкая лестница вела на второй и третий этажи, огражденные от высокого холла балюстрадами. На светло-бежевых стенах висели дорогие картины. Смиты не имели особых эстетических предпочтений: тут были старые мастера, импрессионисты, модернисты, авангардисты и художественная фотография.

— Итак, приступим, — сказал Кармайн Смицу. — Мы снимем и

осмотрим все картины и стены за картинами. Мои люди будут осторожны, но вы можете остаться и проконтролировать. Или пойдете со мной?

— Я буду сопровождать вас, капитан, — процедил Смит.

Кармайн прошелся по многочисленным комнатам, в глубине души уверенный, что, будь Смит Улиссом, он не стал бы прятать ничего компрометирующего в жилых помещениях — разве что за картинами, но их осмотрят его помощники.

Библиотека была мечтой библиофила, хотя, как решил Кармайн, ее владелец таковым не являлся. Многие из томов оказались здесь благодаря своим золотым обреза́м и кожаным переплетам: красивые викторианские сборники проповедей, древние научные трактаты, античная литература Греции и Рима. Куда чаще пользовались полками с романами и популярной литературой в красочных суперобложках — от вестернов Зейна Грея до биографий кинозвезд. Ничего подозрительного. Сейф обнаружился за шкафом с Британской энциклопедией: ореховая отделка вытерлась в том месте, где Смит нажимал на тайный рычаг.

— Откройте это, мистер Смит, — велел Кармайн.

Криво усмехнувшись, Смит подчинился.

Внутри лежал и деньги — десять тысяч долларов наличными, ценные бумаги, акции и три локона льняных волос, перевязанные ленточками: два синими и один розовой.

— Волосы моих детей, — пояснил Смит. — Ну, все?

— Нет. Почему вы храните их здесь?

— На случай взлома или вандализма. Дети для меня важнее картин.

— Дети живут не здесь?

— Да. Я скучаю по ним, но не следует удерживать их рядом, мешать строить свою жизнь.

— Где они?

— Анна в Африке, в Корпусе мира. Бедняжка уже подхватила малярию, и мать из-за этого очень волнуется.

— Да, я слышал, ребят бросают туда совершенно не подготовленными к тому, что их ожидает. А как мальчики?

— Питер в Иране — геолог-нефтяник. Стивен — морской биолог в Вудсхоулском океанографическом институте. Сейчас где-нибудь в Красном море.

Смит закрыл сейф, и они двинулись дальше. Кармайн осмотрел спальню — Смит и его жена все еще спали вместе, — потом они поднялись на третий этаж.

— Тут в основном хлам, но Натали все содержит в порядке.

Смит был спокоен и даже более дружелюбен, чем в начале обыска — глупо метать молнии, когда твой противник так очевидно безразличен к этому.

— В доме проживают слуги? — спросил Кармайн.

— Нет. Мы охраняем свою частную жизнь и не лезем в чужую.

— А что здесь? — Кармайн толкнул плотно закрытую дверь, но она не поддавалась.

— Моя фотолаборатория, — резко ответил Смит, доставая ключ.

— Так вы автор замечательных фотографий в холле и гостиной?

— Да, это одно из моих увлечений. Иногда снимаю и на кинокамеру. Натали называет меня мистер Смит-режиссер.

Кармайн вежливо хохотнул и вошел в лабораторию, оснащенную самым современным оборудованием. Все было автоматизировано. Даже Майрон такой не мог похвастаться... Хотя зачем ему, у него студия. При желании Филип Смит мог уменьшить большой чертеж до размеров точки. Но делал ли он это? Есть только один способ узнать.

— Мистер Смит, учитывая обстоятельства дела, боюсь, мне придется изъять содержимое вашей фотолаборатории, — безапелляционным тоном сказал Кармайн. — Включая все пленки, проявленные и непроявленные, книги по фотографии, фотобумагу и камеры. Позже вам все возвратят.

Смит напрягся. Похоже, Кармайн задел его за живое. Но почему?

— Заткните уши, — сказал капитан и дунул в свисток, висевший у него на шее. — Несите коробки, парни, — приказал он прибежавшим полицейским. — Упакуйте все, что здесь находится. С оборудованием поаккуратней, будто оно из хрусталя. Снимки берите за краешки, чтобы не размазать. Нужно сохранить все как есть, даже мушиные точки. Маллой и Картер — приступайте, остальные бегом за коробками и пакетами.

— По вашей милости я потеряю снимки, которыми дорожу, — возмутился Смит.

— Не волнуйтесь, мистер Смит. Мы сами их проявим в нашей лаборатории. Ничего не пропадет. Что находится на крыше? — спросил он, уже в дверях.

Смит кипел от ярости, но, очевидно, решил, что лучше последовать за Кармайном, чем защищать лабораторию.

— Ничего! — отрезал он.

— Вполне может быть, однако этой лестницей часто пользуются — краска посередине ступеней вытерта.

Кармайн поднялся наверх и открыл дверь.

Он ступил на плоскую заасфальтированную крышу. Перед ним было

то, что снизу казалось куполом. Раньше в подобных сооружениях находился водяной бак, откуда вода под действием силы тяжести поступала по трубам в дом, — редкая роскошь в свое время. Над куполом торчала тонкая гибкая антенна, незаметная с земли; сбоку за парпетом скрывалась дверь.

— Что это? — спросил Кармайн, подходя ближе.

— Радиорубка. Не сомневаюсь, вы захотите конфисковать и ее содержимое?

— Разумеется, — бодро сказал Кармайн, ожидая, пока Смит откроет ключом дверь. — Вот это да, — присвистнул он, осматриваясь. — Отсюда можно говорить с Москвой.

— В окружении скал? Маловероятно, капитан, — ухмыльнулся Смит. — Едва ли в год тысяча девятьсот шестьдесят седьмой от Рождества Христова шпионы связываются напрямую с центром. Мир становится все сложнее и сложнее, не заметили? С такими представлениями вы будете искать Улисса до второго пришествия. Я не менял конструкцию рации или диапазон частот, но если хотите, можете забирать. Как только подключатся мои адвокаты, вы все мне вернете — и, надеюсь, в целостности и сохранности, иначе я вам не завидую.

— Если вас это утешит, мистер Смит, — вежливо сказал Кармайн. — у остальных членов правления сейчас происходит то же самое.

— Кстати, капитан! Ваш профиль — убийства, а не шпионаж. Шпионаж — федеральное преступление, вне вашей компетенции. Полагаю, вы изымаете содержимое фотолаборатории и радиорубки с целью уличить меня в шпионаже. Я вчиню вам иск.

— Сэр! — Кармайн сделал удивленное лицо. — В ордере судьи Туэйтса ясно сказано: «в интересах расследования убийства». Я расследую убийство. Яд может быть в бутылочках из-под проявителя, шприцы и медицинские иглы — в любом оборудовании, опасные бритвы — в шкафчиках ванных комнат или в гильотинных резаках — у вас ведь есть такие в фотолаборатории? Пистолеты вообще где только не прячут. Продолжать? Вашей кухне тоже достанется. — Кармайн широко развел руками. — Пока все изъятые предметы не будут исследованы, я не могу быть уверенным, что среди них нет орудий убийства.

— Ловко вывернулись, — морща нос, сказал Смит.

— Легавые вообще увертливые, сэр. Шпионаж — не мое дело, как вы правильно заметили. К тому же ни у меня, ни у кого другого в полицейском управлении Холломена нет опыта таких расследований. Если бы мистер Келли из ФБР интересовался вашей лабораторией и радиорубкой, уверен,

он получил бы ордер. Меня интересуют исключительно убийства, и сегодня утром чуть не случилось еще одно массовое убийство.

Смит взял себя в руки.

— Да, я понимаю из-за чего этот всплеск активности, — рассудительно сказал он, — но почему вас так интересует «Корнукопия»?

— Мистер Смит, возможно, мне не следует этого говорить... — заговорщически произнес Кармайн. — Видите ли, снайпер — не сумасшедший, а профессиональный киллер, работающий за огромные деньги. Поэтому в первую очередь под подозрение попадают те, кто в состоянии ему заплатить. Много ли мультимиллионеров вы знаете в Холломене, кроме членов правления «Корнукопии»?

— Ясно.

Смит развернулся и исчез за дверью.

Кармайн двинулся следом.

Как выяснилось, у Уола Грирсона и Гаса Первея тоже были прекрасно оборудованные фотолаборатории, а вот радиолюбителем оказался один Смит.

— Все трое — отличные фотографы, — сказал Кармайн следующим утром, — однако, принимая во внимание факт, что они способны купить и продать самого Рокфеллера, не следует сомневаться в их патриотизме только из-за шикарных лабораторий. Впрочем, главная цель достигнута — никто из них не сможет обратить секреты «Корнукопии» в какую-то неприметную крупичку, которую легко переправить за рубеж. Хотя весьма вероятно, что Улисс уже поколдовал над материалом. Кстати, Фил Смит прав, шпионаж — не наше дело. Вторая задача нами тоже выполнена — мы вывели их из равновесия. От Смита все скоро узнают о наших подозрениях. — Кармайн посмотрел вопросительно: — У кого еще есть интересная информация?

— У меня, — сказал Эйб без радости в голосе. — Ты не ошибся насчет Ланселота Стерлинга, Кармайн. Он садист. Живет один, в очень хорошей квартире, сразу за Сайенс-Хиллом — ни жены, ни детей никогда не было. Стены увешаны фотографиями мускулистых парней, преимущественно вид сзади. В потайном шкафу — кожаная одежда, цепи, наручники, кандалы и несколько очень оригинальных фаллоимитаторов. Стерлинг надеялся, что я этим удовлетворюсь и не стану копать дальше, но уж больно подозрительно он себя вел. Видно было, что это еще цветочки, есть кое-что похлеще. Я пошел искать дальше. На кухне, под колодой для рубки мяса, обнаружили кнуты — самые настоящие, кожу только так рассекут. От них пахло кровью, я их изъял. Но по-настоящему мне стало дурно, когда я

увидел кошелек для мелочи, который Стерлинг запросто носил в кармане брюк, — такой мешочек на завязках. Вроде бы кожаный, но тоньше лайки или замши, светло-коричневый... Короче, я этим кошелечком заинтересовался, а Ланселот сразу начал вопить, как вы, мол, смеете, это нарушение гражданских прав. Я только взял эту штуку в руки, так Стерлинг вообще на уши встал! В общем, кошелек я тоже изъяс и отдал Патрику.

— И к какому выводу ты пришел, Эйб? — спросил Кармайн.

— Похоже, мы отыскали еще одного убийцу, но он не имеет отношения к нашему расследованию, Кармайн. Я опечатал квартиру — она на первом этаже, с подвалом, — собираюсь вернуться туда с двумя толковыми ребятами. На всякий случай захвачу отбойный молоток. Ланселот точно кого-то убил, не знаю только, где труп спрятан — в подвале или в другом месте. На сегодняшнюю ночь я определил Стерлинга в мотель «Майор Минор». Он ищет адвоката.

— Тогда сходи за свежим ордером к судье Туэйтсу, Эйб. Предъяви ему один из окровавленных кнутов. Что-нибудь еще?

Все покачали головами; день был трудный, не до обсуждений.

Кармайн пошел к Патрику.

Будучи человеком предприимчивым, доктор Патрик О'Доннелл воспользовался лавиной убийств и добился от мэра и властей штата разрешения на покупку дополнительного оборудования для криминалистического отдела. Теперь империя Патрика охватывала баллистику, экспертизу документов и другие области, обычно не находящиеся в ведении коронера. При небольших размерах холломенского полицейского управления это выглядело не так уж странно, вдобавок свою роль сыграли умение убеждать и личное обаяние Патрика. Последняя победа — появление в отделе третьего коронера, Чана По — весьма облегчила жизнь Густавусу Феннелу, помощнику Патрика. Густавус продолжал заниматься вскрытиями, а Чан был экспертом-криминалистом.

— Как дела, брат? — поинтересовался Кармайн, наливая кофе.

Патрик задрал ноги в ботинках на стол.

— Я отлично провел время, — усмехнулся он. — Взгляни-ка на это.

Из коробки для вещдоков, в которой с трудом уместилась бы пара лампочек, Патрик вынул небольшой светло-коричневый мешочек со шнурком.

— Ты с ним поаккуратнее, — предупредил О'Доннелл, когда Кармайн взял улику в руки. — Это кошелек для монет, как и говорил Эйб, но монеты находятся во внутреннем резиновом мешочке.

Кармайн с любопытством покрутил кошелек в руках, отметив его необычную форму — две симметричные полусферы по обе стороны от шва. Наверное, непросто так сделать.

— Как думаешь, что это? — с блеском в глазах спросил Патси.

— Не знаю, — протянул Кармайн. — Просвети, брат.

— Это человеческая мошонка.

Только железная воля Кармайна помешала ему отшвырнуть предмет.

— Господи!

— Некоторые народы традиционно выделяют мошонки крупных животных, — сказал Патрик. — В викторианские времена среди охотников считалось шиком добыть мошонку слона или льва: таксидермист делал из нее бурдюк для воды или кисет. Однако редко кому придет в голову взять в качестве трофея человеческую мошонку — по-видимому, играет роль страх перед кастрацией. Подозреваемый Эйба, очевидно, из таких оригиналов.

— Ты уверен, что она человеческая?

— На коже осталось несколько волосков, к тому же форма и размер как раз соответствуют человеческой мошонке. Такое могло прийти в голову только полному извращенцу.

— Надо предупредить Эйба, прежде чем он пойдет к Дугу Неверующему.

После короткого, но оживленного телефонного разговора Кармайн смог расспросить Патрика о других вещах.

— Чья пуля убила нашего киллера?

— Сильвестри. Неудивительно, что он в одиночку уничтожал пулеметные гнезда нацистов! Надо же, как лихо он управляет со своей старой пушкой! А знаешь, ведь он на стрельбище никогда не ходит. Попал в голову — ну да сам знаешь. Но ты тоже очень достойно отстрелялся, Кармайн: две из трех твоих пуль у снайпера в правом плече, третья — в ветке дерева. Ах да, еще две пули Сильвестри — в груди у мерзавца.

— Я никогда и не говорил, что белке в глаз попадаю. Тем более с тридцати метров.

— Ну конечно, ты же только хотел его обезвредить: ранить в правую руку, а потом допросить, — лукаво сказал Патси.

— Так и есть, но Джон прав — мы не имеем права рисковать детьми. А я ошибался. Слушай, сделай доброе дело, а, Патси?

— Не вопрос!

— Отошли отпечатки этого парня в Интерпол и к военным: вдруг он уже где-то засветился. Печенкой чую, он откуда-то издалека — возможно, из Восточной Германии, но не фанатик-идеалист. Работал за деньги —

значит, где-то у него есть семья.

— Надежды мало, но отошлю, конечно. Еще один вопрос, брат, пока ты не смылся.

— Говори.

— Что мне делать с целым складом фото- и радиоаппаратуры?

— Проверить все самим, Патси, у нас сил не хватит. Пожертвуем всю добычу специальному агенту Теду Келли. Пусть ФБР копается — ищет фотографии бабули с чертежами в руках, — усмехнулся Кармайн. — Я попрошу Делию сообщить правлению «Корнукопии», что улики затребовало ФБР. Им, конечно, все вернут. Через пару месяцев.

— Какой от этого толк? При их деньгах они могут за несколько дней купить себе новое оборудование.

— Могут, но даже богатые люди не любят тратить деньги впустую. Они знают, что получают свои вещи обратно, так зачем спешить? Срочная покупка дорогого оборудования будет выглядеть подозрительно. Есть причины, по которым вряд ли кто-то из них захочет зря привлекать к себе внимание.

— Ты имеешь в виду Улисса?

— Откуда ты знаешь это имя?

— Брось, Кармайн! У Теда Келли язык длиннее, чем ноги, — и привычка назначать встречи со своими коллегами в «Мальволио». Кто мы для него? Олухи провинциальные, не многим лучше фермеров из какой-нибудь глухомани. Кроме того, Холломен есть Холломен. Здесь секретов не бывает.

— Ради Бога, не говори мне, что Нетти Марчиано тоже в курсе!

— Что ты! Это дело мужское.

Тем не менее, от Патрика Кармайн вышел мрачнее тучи. Еще бы, все, кому надо и не надо, знают об Улиссе! Ничего не поделаешь — за сплоченность и независимость надо платить. Сам капитан виноват не меньше других, Джон Сильвестри тоже. Это напомнило Кармайну о том, как однажды мэр, более ревностный, чем Итан Уинтроп, надумал ввести в Холломене, где со времен гужевых повозок по улицам ездили в обе стороны, одностороннее движение. Холломену это не понравилось, и Холломен не подчинился. «Новомодная» затея осуществилась только через много лет, когда из-за обилия транспорта по-другому стало просто невозможно.

«Только недалекий политик стремится построить Утопию, — подумал Кармайн. — И красные наверняка это понимают».

К себе домой Ланселот Стерлинг так и не вернулся. Квартиру

поставили под постоянную охрану, после того как Эйб обнаружил прекрасно сохранившийся труп в потайном отделении под днищем большого ларя у стены подвала. Сверху в ларе лежали вещи: одежда, книги, гантели, географические журналы, карты, палатка, спальный мешок и всякие мелочи, которые могли принадлежать туристу.

Тело было обнаженным. От шеи до лобка тянулся аккуратно зашитый разрез, мошонка удалена, признаки разложения почти отсутствуют. Патрик полагал, это из-за гигроскопических кристаллов, на которых лежало тело. Кто-то, по-видимому, Стерлинг, постепенно их менял — одни были розоватые, другие бесцветные.

— Он прогревает их в духовке, выпаривая впитанную ими влагу, — пояснил Патрик, — от этого кристаллы меняют цвет. Стерлинг, должно быть, немало отстегнул за такую кучу. Видите — кругом лотки с содой, которая отлично адсорбирует запахи. В университетской анатомичке пахнет гораздо хуже. — Патрик указал на разрез. — У себя в лаборатории я сделаю полный осмотр, но и сейчас могу предположить, что Стерлинг удалил внутренности — пищеварительный тракт, печень, легкие, почки, мочевой пузырь. Вероятно, оставил сердце. Это мумия. Влажность в потайном отделении, очевидно, близка к нулю. Я проверю гигрометром.

Патрик говорил с Эйбом; Кармайн передал расследование сержанту, очень довольный, что это выглядело вполне логичным: Эйб производил обыск, Эйб обнаружил труп. У Кори не было ни малейших причин считать, что Эйба рассматривают как самого подходящего претендента на освобождающееся место Ларри Пизано. Кармайн надеялся, что найдется достойное дело и для Кори. День, когда соберется квалификационная комиссия, которая примет решение о повышении в чине одного из сержантов, неотвратимо приближался, и четыре человека — два детектива и их жены — будут исследовать работу комиссии под микроскопом. Чем ближе срок, тем больше забот возникало у Кармайна. Надо же было, чтоб Ланселот Стерлинг оказался таким пикантным случаем! Ну и как теперь уравновесить шансы Кори?

В секционном зале Кармайн застал Эйба в превосходном расположении духа: именно Эйб сумел раскрыть отвратительное преступление благодаря своему таланту отыскивать тайники. Никто другой не справился бы с этим делом лучше. Чем не повод для радости? Эйб не страдал ни чрезмерным честолюбием, ни эгоизмом, но гордость у него была — гордость за хорошо выполненную работу и за себя самого.

— В ларе обнаружился бумажник, — сказал Эйб Кармайну. — Согласно водительским правам, имя жертвы — Марк Шмидт. Права

выданы два года назад в Висконсине в день восемнадцатилетия владельца. Наличных нет, зато есть кредитная карта. Последняя операция датирована октябрём шестьдесят шестого — семь месяцев назад. Никаких фотографий и писем.

— Грудная и брюшная полости заполнены благовониями и пенорезиной, которая обычно идет на изготовление матрасов, — подключился Патрик. — Серьезная попытка мумификации способом, отличным от описанных Геродотом, — без использования щелока. Стерлинг переощеголял древних египтян — такие материалы и методы им и не снились. Марк, как видите, очень красив, волосы густые, прямо как у ММ, цвета почти абрикосового. Возможно, поэтому Стерлинг не стал удалять мозг — боялся повредить голову. Судя по всему, парень был совершенно здоров. Умер от асфиксии — вероятно, Стерлинг его усыпил наркотиком и надел на голову полиэтиленовый пакет. Удушение удавкой испортило бы внешность. Время первого анального контакта определить невозможно, поэтому не могу вам сказать, являлся ли парень гомосексуалистом по собственной склонности. Во всяком случае, за последний год анальных контактов было множество: десятисантиметровый остаток прямой кишки свидетельствует о некрофилии.

Вся радость Эйба вмиг растаяла, и сержант в ужасе уставился на Патси:

— Не может быть!

— К сожалению, это так, — мягко сказал Патси.

— Есть предположения, когда он умер? — совладав с собой, спросил Эйб.

— В данном случае кредитная карта дает более точный ответ, чем вскрытие: семь месяцев назад. — Патрик посмотрел на Кармайна: — Где Ланселот Стерлинг?

— Внизу, в камере.

Мистера Стерлинга перевели в допросную. Допрос проводил Эйб, Кармайн наблюдал через зеркальное окно соседней комнаты.

«Стерлинг кажется таким безобидным, — думал Кармайн. — Как миллионы мужчин, которые изо дня в день перекладывают бумажки в офисах, никогда не делали никакой другой работы и никогда не будут. Живут обычной жизнью, вечерами разваливаются перед телевизором, потягивают пиво и смотрят футбол».

Стерлинг был ростом чуть выше среднего, с густыми каштановыми волосами и правильными чертами лица, однако внешность его не располагала к себе: отчасти из-за высокомерной и самодовольной манеры

держаться, отчасти из-за совершенно безжизненных глаз. «Нет, Стерлинг никогда не отрывал крылья бабочкам, — подумал Кармайн, — он просто не замечал их существования. В его мире нет ни красок, ни жизни, ни радости, ни горя. Одна всепоглощающая гнусная страсть. Поистине он чудовище. Арест, похоже, совсем его не трогает; для Стерлинга важнее, что у него отняли Марка Шмидта и кошелек для мелочи».

— Думаешь, он убивал раньше? — спросил Эйб. За годы совместной работы сержант привык полагаться на мнение шефа.

— Тебе известно об этом случае больше, чем мне, Эйб. Что думаешь ты? — встречным вопросом ответил Кармайн.

— Мне кажется, нет. Он платил молодым парням, чтобы те позволяли себя пороть плетью. Марк Шмидт — его первое убийство. Стерлинг долго готовился к преступлению, собирал инструменты и материалы — тридцать килограммов гигроскопических кристаллов в том числе.

— Как по-твоему, он стал бы убивать еще?

Эйб на минуту задумался, потом покачал головой:

— Вероятно, нет. По крайней мере, пока ему хватало Марка Шмидта. Допустим, труп утратил для него привлекательность — например, тело разложилось слишком сильно... Нет, Стерлинг не стал бы торопиться, а дождался бы подходящую жертву, даже если бы для этого потребовалось много времени. Он не скрывает, что Марк жил у него пол года. Вообще-то он ничего не скрывает. Настаивает только, что парень умер естественной смертью, а он не мог перенести разлуки с ним. — Эйб досадливо махнул рукой. — Хорошо, что он сумасшедший — по-настоящему сбрендил. Его не будут судить, не захотят поднимать лишнего шума.

— Что ж, дело раскрыто, Эйб. Если это тебя утешит, ты поработал на славу, именно так, как требовал случай. — Кармайн посмотрел сержанту в глаза. — Сможешь сегодня заснуть?

— Вряд ли, но это пройдет. Лучше потерять сон, чем человеческое обличье.

Из управления назад в пустой дом. Кармайн поднялся в спальню, постоял перед большой, хорошо заправленной кроватью — он был аккуратным человеком и ни в чем не выносил беспорядка. Родившийся в католической семье и получивший соответствующее воспитание, религию Кармайн оставил в прошлом; его работа и его интеллект восставали против астрономического множества головоломных загадок, скрывавшихся за понятием «вера» — того, что он не мог ни понять, ни почувствовать. Конечно, Джулиан будет учиться в школе Святого Бернарда вместе со своими братьями, которые у него появятся, и в этом есть определенная

логика: детям нужно прививать этические и моральные принципы. А что станет с их «верой» потом, когда они вырастут, это их дело.

Даже сейчас, стоя перед пустой кроватью, Кармайн не чувствовал в доме пустоты, словно его жена, сын и прочие обитатели оставили здесь свои незримые духовные отпечатки. Вот только переносить одиночество от этого становилось труднее, а не легче. Сколько времени и сил он вложил в эту комнату, когда Дездемона доверила ему заниматься интерьером! Пусть все будет просто, без излишеств, сказала она, но не скупись на цвета; она благоговела перед его чувством цвета. У Кармайна была припасена старинная китайская трехстворчатая ширма: черная парча с серебряными нитями, черный рисунок на белом фоне — встающие из тумана горные вершины, хвойные деревья, искривленные ветром, маленькая пагода с ведущей к ней извилистой лестницей в тысячу ступеней. Кармайн повесил ширму над кроватью, а стены выкрасил в светло-лиловый и персиковый цвета — так, чтобы ни мужское, ни женское начала не доминировали. Дездемона любила комнату и, когда забеременела, принялась вышивать покрывало в тон ширме. Рождение Джулиана оторвало ее от этого дела, и теперь покрывало, спрятанное в кедровом комоде, как шутила Дездемона, дожидалось следующей беременности. Если у них родится много детей, то когда-нибудь оно будет закончено. А пока постель застилали светло-лиловым покрывалом с персиковым узором.

Преисполненный отчаянной тоски по Дездемоне, Кармайн спустился в кухню, где тетя оставила ему соус для макарон. Мать все еще была слишком занята самобичеванием, чтобы беспокоиться о насущном, однако его сестры, тети и кузины не позволяли ему голодать. Дверь в башню Софии была заперта; владелице орлиного гнезда сейчас тоже приходилось нелегко, — как она сообщила своему кровному отцу по телефону, Майрон был на грани нервного срыва. Кармайн, справедливо разгневанный, тут же позвонил другу и сделал тому суровое внушение: как, мол, не стыдно заставлять нервничать ребенка, и хватит уже распускать нюни. «Чертова Эрика Давенпорт! — в сотый раз подумал Кармайн, засыпая в кипящую подсоленную воду лапшу феттучине. — Из-за нее пришлось расстаться с родными и близкими».

Со стороны входной двери послышались голоса; в замке повернулся ключ. Кармайн неподвижно застыл у плиты, остатки лапши высыпались в кастрюлю. Дездемона! Это голос Дездемоны! Ноги капитана от неожиданности приросли к полу.

— Так и думала, что он все еще на Сидар-стрит, — говорила кому-то Дездемона, — и наверняка забыл сходить в магазин. — Потом прокричала

таксисту: — Спасибо, сэр! Я справлюсь.

Будто фрегат на всех парусах, Дездемона вплыла на кухню; на левой руке Джулиан, брюки и блузка измяты с дороги, покрасневшая, с сияющими глазами.

— Кармайн! — воскликнула она, тормозя на полном ходу. Чудесная улыбка вмиг преобразовала ее простое лицо. — Милый, ты похож на рыбу, брошенную на дно лодки.

Кармайн закрыл рот и обнял жену вместе с ребенком у нее на руках; его ресницы увлажнились, пока он искал ее губы своими губами. Джулиан, стиснутый родителями, поднял крик и вернул их к действительности. Кармайн взял сына на руки и расцеловал его личико.

Дездемона подошла к плите.

— Лапша с соусом из моллюсков, — сказала она, заглянув в миску и кастрюлю. — Наверняка дело рук тети Марии. Тут хватит для нас обоих. — Она забрала Джулиана у отца. — Если ты не против, вначале я его покормлю, искупаю и уложу баиньки.

— Как тебе разница во времени, малыш, не мешает? — спросил Кармайн у сына.

— Не беспокойся, — сказала Дездемона. — Я специально не давала ему спать в полете. Остальные пассажиры были этому не особо рады.

— Как ты добиралась из аэропорта?

— Поймала лимузин из Коннектикута. Я не решилась сообщить Майрону, что лечу домой. Он не поймет.

И она унесла Джулиана, шепча ему на ухо какую-то ласковую бессмыслицу. Призраки дома исчезли.

Глава двенадцатая

— Мы ничего не нашли во всей этой распроклятой фоторадиодребедени, — уныло сказал Тед Келли. — Ровным счетом ничего!

— А ты надеялся что-то найти? — спросил Кармайн, все еще паря на облаке счастья после возвращения Дездемоны и Джулиана.

— Нет вообще-то, но все равно обидно. А эта ваша с комиссаром замечательная идея — воспользоваться происшествием на Лужайке! — как бы нехотя признал Келли. — Мы никак не могли найти предлога, чтобы обыскать дома директоров «Корнукопии». Только предупреждаю, вы ходите по тонкому льду. У этих парней хватит денег довести дело до Верховного суда.

— Мы принесли им извинения за поспешные действия ввиду чрезвычайных обстоятельств. Думаешь, они вчинят нам иск? — улыбаясь, спросил Кармайн.

— Нет. Не захотят поднимать шума. Они и так страшно боятся, как бы об Улиссе не проведал Эд Марроу.

— Такая же мысль пришла в голову нам с комиссаром.

— Ты сучонок, Дельмонико.

— А ну-ка выйдем.

— Беру свои слова обратно. Откуда, скажи на милость, все знают об Улиссе?

— Вيني самого себя. С твоим голосом и мегафона не надо, а ты продолжаешь назначать встречи прямо здесь, в полицейской закуской. Тут уши работают как локаторы.

— Ненавижу крохотные городишки!

— Не такой уж он крохотный, у нас собственный муниципалитет.

— Ну и что? Вы все слишком хорошо знаете друг друга.

— Превратись-ка на минутку из тетери в орла. Правду говорят, что правление «Корнукопии» в полном составе летит в Цюрих для участия в переговорах по покупке какой-то швейцарской фирмы, производящей транзисторы?

— Кто вам сказал? — насторожился Келли.

— Бывший секретарь Эрики Давенпорт, Ричард Оукс, который теперь понижен в должности и работает у Майкла Дональда Сайкса, еще одной жертвы высшего руководства, — сказал Кармайн, ковыряя салат без

соуса. — Мы с Оуксом прогулялись сегодня утром вдоль берега Пеко, где наши слова развеял ветер, а свидетелями была лишь стая чаек. Надвигается шторм.

— С чего ты взял? Про шторм? — отвлекся Келли.

— Чайки, Тед! Никогда не жил у океана?

— А! Что именно сказал Оукс?

— Что в наши дни транзисторы делать выгоднее, чем часы с кукушкой, а у этой швейцарской компании грандиозные перспективы. Очень многие хотят прибрать ее к рукам. По словам Оукса, «Корнукопии» там ничего не светит. Ни он, ни Сайкс не могут понять, зачем правление летит в Цюрих.

— Мы-то знаем зачем, — мрачно сказал Келли.

— Вот именно. Удобный случай для Улисса переправить все украденные секреты разом. По-моему, это значит, что с третьего апреля он не передавал в Москву ничего. Портфель будет полнехонек.

— Ты мне это говоришь? Ну что мы можем сделать, Кармайн? Ублюдок преспокойно покинет страну в компании своих коллег по правлению.

Кармайна так и подмывало встать и походить из угла в угол, но тогда уж точно все глаза и уши обратятся на них с Тедом. Вместо этого он лишь отчаянно взмахнул руками.

— Но как он сумел уговорить остальных? Они же бизнесмены! Если Сайкс и Оукс понимают, что затея пустая, то как могут не понимать они! Как он их провел?

— Тут все ясно, — с сожалением сказал Келли. — Они только что купили новехонький реактивный самолет «лир»: большие топливные баки, кресла с откидными спинками, второй пилот — все, что полагается. Гарантирую, им не терпится посмотреть, какого цвета небо над Цюрихом. Жены остаются дома — тем лучше. Для них там просто нет места — экипаж из трех человек плюс несколько стюардесс.

— Когда намечается полет?

— Завтра днем. Самолет из местного аэропорта отправится в аэропорт Кеннеди за разрешением на международный рейс, — вздохнул Келли. — Да, завтра днем все секреты «Корнукопии» разлетятся, и мы бессильны этому помешать.

«Улисс нас переиграл, — думал Кармайн, возвращаясь в управление на Сидар-стрит. — Я абсолютно точно знаю, кто он, но что толку, если у меня нет никаких доказательств! Только чутье полицейского и груда фактов, соединившихся в одно целое в моем уме. Сколько усилий пропадет даром!

Келли ни о чем не догадывается, и мне не хочется ему говорить. Не по своей воле занесло сюда этого исполина... Есть, кстати, что-то символическое в его размере: он сам — часть исполинской организации. Проблема не в нем, а в его безликих боссах, что жмут на кнопки и обмениваются бумажками, исполняя громоздкий ритуал, без которого артиллерии не позволено сделать ни единого выстрела. К тому времени, когда прогремят орудия, Улисс продемонстрирует свой фокус и будет чист как стеклышко. Улисс — один; для его задержания не требуется целой армии. Армия как раз этого сделать не сумеет: шпион просто скроется в облаке пыли, которое она поднимет. Пусть Тед Келли идет своим путем, а я пойду своим, потому что знаю, против кого воюю, знаю с того самого разговора с Бартом, но только недавно понял до конца. Мне нужно одно — уличить Улисса в убийстве. Это и конкретнее, и бесповоротнее, если у бесповоротности могут быть степени. Факты шпионажа отлично вписываются в единую картину, но я не могу ничего доказать: Улисс нарисует свою картину более убедительно. Зато убийства, совершенные им, оставляют куда более осязаемые следы, и я их найду, стоит только поискать в нужном месте».

Он и не заметил, как прошел мимо управления, а раз так, то решил прогуляться еще немного. Ветер сделался сильнее, но Кармайн с удовольствием подставлял ему лицо. По небу бежали «барашки». «Надо будет на ночь закрыть ставни», — подумал Кармайн. Затем мысли снова вернулись к Улиссу.

«Думай, Кармайн, думай! Кого Улисс убил собственными руками? Дезмонда Скепса, Диди Холл... Вот это очень странно. Что ему до шлюхи, умеющей хорошо делать минет? Больше никого. Его помощник убил Эвана Пью, Кэти Картрайт и Беатрис Эгмонт. Наемники застрелили троих чернокожих — чернокожие наемники, чтобы не выделялись. Помощник обманул жену Питера Нортон, сыграв роль торговца снадобьями по имени Рубен. Он же, вероятно, обработал Джошуа Батлера. Возможно, Улиссу пришлось самому заняться Полиной Денби, но собственноручно декана он не убивал. Связать его с этим убийством шансов не больше, чем отыскать снежинку в аду. Скепс и Диди — вот на ком надо сосредоточиться.

Какие были орудия убийства?

Дезмонд Скепс... медицинская игла и несколько шприцев, причем пользовался Улисс ими весьма неумело. Должно быть, когда-то давным-давно его этому учили, а у Скепса оказались трудные вены. Кураре. Чистящее средство для сточных труб. Жгут. Хлоралгидрат в стакане с односолодовым виски. Безопасная бритва. Маленький паяльник. Стальной

провод.

Диди... Опасная бритва. Кроме бритвы, подобную остроту имеет только скальпель, но даже скальпелем, которым пользуется Патси для вскрытий, невозможно причинить подобную рану, находясь на каком-либо расстоянии от жертвы. Дело в положении указательного и большого пальцев. Нужно стоять очень близко, почти вплотную. Улисса наверняка залило кровью, как водой из крана. Когда стекла кровь из яремных вен, он перерезал каротидные артерии, и его обдало во второй раз. Ненависть! Он ненавидел Диди еще яростнее, чем Дезмонда Скепса, который притащил Диди на банкет! Выходит, Скепс знал, почему Улисс ненавидит Диди, даже если не подозревал, что он Улисс. А сама Диди? По словам Патси, она приняла смерть совершенно безропотно. Она тоже знала, почему Улисс ее ненавидит, и признавала свою вину.

Интересно, сохранил ли Улисс пропитанную кровью одежду? Если его ненависть так сильна, возможно, он захотел оставить себе что-то на память. Бритву? Несомненно. Как инструмент казни. Он должен ее где-то хранить».

Образ, возникший в сознании Кармайна, был настолько ярок, что волосы у него на затылке встали дыбом.

«Господи! Я знаю где! Знаю!»

Кармайн замедлил шаг, потом остановился и решительно повернул обратно к управлению. Восторг постепенно таял. Знать — это одно, а доказать — совсем другое. Теперь, когда горячка прошла, легче выжать воду из камня, чем получить ордер у Дуга Неверующего. Нет, Улисс не расстанется со своими жуткими сувенирами. На этот счет можно не беспокоиться. Строго говоря, ему, Кармайну, торопиться некуда, его дело ловить убийц, а не шпионов. Но он не только полицейский, он американский патриот, а значит, его долг помешать и шпиону тоже.

К себе в кабинет Кармайн вошел уже в совершенно обычном расположении духа и едва не вздрогнул, увидев Делию, — в глаза ударил зелено-оранжевый восточный орнамент. Несколько дней назад такое одеяние вызвало бы у Кармайна улыбку. Сегодня же оно раздражало.

— Эйб внизу с Ланселотом Стерлингом, — доложила она, — Кори на аэродроме. Он что-то сказал про новый самолет «лир», но я толком не поняла. Я как раз говорила по телефону с Дездемоной.

— Я смотрю, вы с ней сдружились, — произнес Кармайн, разрываясь между желанием рассказать Делии о том, что занимало его ум, и нежеланием обременять ее своими проблемами.

— Они тут в безопасности, — улыбнулась Делия.

Это решило дело.

— Присядь, Делия. Надо поговорить.

К концу рассказа ее лицо стало встревоженным. Тут Делия поступила совсем не по-делиевски: взяла и погладила его руку.

— Милый Кармайн, я понимаю, как тебе трудно. Если Улисс ненавидел Диди с такой силой, то это, должно быть, связано с какой-то личной трагедией, причиной которой она послужила. Думаю, мне стоит как следует изучить прошлое Диди. С проститутками всегда так: никто о них ничего толком не знает и знать не хочет. Я все еще детектив?

— Я не отменял приказа, ты это прекрасно знаешь.

— Тогда я встречусь с сутенером Диди, ее подругами, врагами и знакомыми. — Делия сделала многозначительное лицо. — С жетоном было бы, конечно, гораздо проще.

— На это я не пойду, Делия. Не зарывайся.

Посреди ночи сильно задул ветер, налетела буря. Кармайн проснулся от хлестких ударов дождя в окна, приподнял голову от подушки, затем со вздохом опустил снова. Нечего и надеяться, что непогода затянется и вылет «Корнукопии» в Цюрих задержат. К обеду ветер утихнет.

— Мм? — вопросительно промычала Дездемона.

Кармайн положил ей руку на грудь.

— Просто ветер. Спи.

— Крыши не сорвало, зато в саду полный разгром, — сказала Дездемона следующим утром, снимая резиновые сапоги. — У меня были большие надежды на плакучую вишню, но ее смяло суком, оторвавшимся от другого дерева. Наш милый дом открыт всем стихиям.

— Во всем есть свои плюсы и минусы, прелестная леди. — Кармайн натянул пиджак и стал искать плащ. — Дождь зарядил на целый день, так что с Джулианом не гуляй. Если нужны какие-то продукты, закажи по телефону.

Кармайн пошел к своему гаражу, стоявшему у самой улицы, метрах в пятнадцати от дома. В лицо били холодные капли. В гараже, прежде чем сесть в «фэрлейн», Кармайн снял плащ — в управлении машина стоит в подземном гараже, так что дождь не страшен. Капитан повернул ключ зажигания и сразу включил полицейское радио. Ничего особенного: краткие реплики, почти сплошь состоящие из смеси цифр и букв, невразумительной для непосвященных, — дела полиции должны оставаться делами полиции. «Если б только так и было!» — подумал Кармайн, выезжая на растрепанную после ночной бури улицу. Пожалуй, стоит сделать крюк и посмотреть на самолет «Корнукопии». Только не объявлять об этом по радио. Слишком много обывателей любят

настраиваться на полицейскую волну, для этого и радиорубки никакой не требуется.

Небольшой аэродром Холломена располагался позади сетчатого ограждения на западной стороне гавани, среди фабрик и заводов, частью заброшенных. Между заводскими территориями и вечно гудящей 95-й магистралью высилась группа высоких цилиндрических резервуаров, содержащих все виды нефтяного топлива: от авиационного бензина до солярки и мазута.

Кармайн не стал выезжать на магистраль, а свернул на территорию дока, миновал топливохранилище и сквозь открытые ворота аэропорта въехал на бетонную площадку перед модернизированным сараем, служащим холломенским пассажирам аэровокзалом. Обогнув здание, Кармайн, наконец, увидел самолет: небольшой, безупречно белый, с изображением рога изобилия, эмблемой «Корнукопии», на хвосте.

Кармайн вздрогнул от стука в окно с пассажирской стороны. Кори открыл дверцу и скользнул на сиденье.

— Ты высь вымок, Кори!

— Еще бы! Льет как из ведра. Я спрятал свою тачку, вот и пришлось пробежаться по улице. Так и знал, что ты заедешь посмотреть. Как тебе эта штукавина? Похожа на тюбик зубной пасты. Там и встать-то, наверное, во весь рост нельзя, разве что в центральном проходе. В поезде и то удобнее.

— Тут главное — ощущение власти, Кори. Плевать они хотели на быдло, которое копошится внизу. Ты пробыл здесь всю ночь?

— Нет, конечно. В такую погоду все равно лететь нельзя. Если дождь не прекратится, то, может, они вообще сегодня не полетят.

— На что ты надеешься? — с любопытством спросил Кармайн.

Длинное смуглое лицо с большим носом сморщилось, темные глаза превратились в узкие щелочки.

— Если бы я знал, шеф. Просто у меня предчувствие. Что-то такое есть в воздухе — или в дожде, а может, в морских брызгах. Не знаю.

— Я пришлю тебе пару бутербродов и термос с кофе, — пообещал Кармайн. — В машине с обычными номерами, вон за тот ангар. Слушайся своих предчувствий, Кори.

«Вот тебе и раз, — размышлял Кармайн, отъезжая от аэропорта. — Кори сам нашел себе дело. Конечно, ничего из этого не выйдет, но это уже другой вопрос. Мне надо было самому догадаться, что корнукопщики постараются вылететь как можно раньше».

Бутерброды с беконом и кофе пришлись очень кстати. Согревшись и почти обсохнув, Кори Маршалл приготовился к долгому скучному

ожиданию. Машина стояла в удобном месте: сержанта никому не видно, зато он сам получил прекрасный обзор во всех направлениях. Дождь, ливший восемь часов кряду, немного поутих; по асфальту струились потоки воды. Дорожное полотно сразу за воротами аэропорта слегка просело, перекрыв водосток, и во впадине образовалась большая лужа. «Прекрасная погода для уток», — подумал Кори, пытаясь чем-то себя занять. Нужно было не только не заснуть, но и оставаться начеку.

Он долго размышлял о вакансии лейтенанта, о своем супружестве, которое, увы, не оправдало его ожиданий. Нет, он любит Морин и еще больше любит двух своих детей, которые, кажется, страдают от причуд Морин даже больше его самого; а что может быть хуже для отца, чем страдание его детей? Он понимал, что характер человека не изменить, но всем сердцем желал, чтобы Морин перестала быть скупой и раздражительной. Их девятилетняя дочь научилась избегать гнева матери, стараясь вести себя как можно тише и незаметнее, зато сын, которому уже исполнилось двенадцать, похоже, начинал перенимать ее вечное недовольство окружающим миром. В школе жаловались на его неаккуратность, плохие отметки и поведение. Несколько недель назад все это вылилось в крупную семейную ссору. Кори надеялся, что, осознав собственные недостатки, Морин, наконец, оставит его и сына в покое. И она действительно их не трогала — в течение недели. Теперь все опять возвращалось к старому.

В глубине души Кори понимал, что развод неизбежен. Даже если место Ларри Пизано отдадут ему, Морин найдет другую причину для недовольства. Допотопная вторая машина, неудобная кухня, прыщи Гари из-за дешевых, слишком жирных продуктов — никакого жалованья не хватит, чтобы все это разом исправить, и Морин будет его пилить и пилить. Такой у нее нрав, и тут уж ничего не поделаешь. Если бы не дети, он подал бы на развод хоть завтра, но ради них он этого не сделает. Никогда. Он — светлая сторона их домашней жизни, их друг и союзник. В войне?

«Что ж, — подвел итог Кори, когда стрелки часов миновали двенадцать, — видно, семье Маршалл не остается ничего другого, как терпеть. По крайней мере, до тех пор, пока Дениз не поступит в университет и в доме останемся только мыс Морин. Пусть тогда дерьмо летит во все стороны, мне уже будет все равно».

Невеселые размышления Кори прервало появление микроавтобуса, который неторопливо подкатил к «лиру». Из автобуса выбрались несколько человек и начали о чем-то оживленно разговаривать, радуясь, что дождь, наконец, перестал. Экипаж, понял Кори. Трое мужчин в пошитой на заказ

темно-синей форме: четыре золотых галуна на рукавах у капитана, у двух других — по три. Ого! Руководители «Корнукопии» не экономят на парнях, ответственных за их безопасность в воздухе. Две стройные, очень симпатичные женщины в темно-синей форме — очевидно, стюардессы. Тут тоже все по высшему разряду. Мужчины спустили трап и поднялись в кабину, у одного в руках был планшет; две девушки подошли к задней двери микроавтобуса, достали из салона обернутые в фольгу контейнеры, большой полистироловый ящик для охлажденных продуктов, полотенца, столовое белье и даже небольшие букетики цветов. Кори как замороженный некоторое время наблюдал за хлопотами стюардесс.

Прибыла наземная команда; механики засуетились вокруг «лира» — заправляли топливом, тщательно следя, чтобы ни капли не пролить на бетон, подсоединяли шланги, проверяли шины. В кабине виднелись головы пилотов и их руки, колдующие над приборными панелями.

Следующим к самолету подкатил серебристый «роллс-ройс» с Уолом Гриссоном и Гасом Первеем на передних сиденьях. Они сразу направились к аэровокзалу. В уборную, догадался Кори. Даже в частном самолете туалеты не слишком удобные. У обоих кейсы, но одежда вполне неформальная: джинсы, рубашки с расстегнутыми воротниками, пуловеры, в руках пиджаки. Вернувшись из здания, директора, смеясь, подошли к «лиру» и поднялись по трапу. Едва они исчезли внутри, подъехал небольшой «форд» с двумя мужчинами. Один из них сел за руль «роллс-ройса», и обе машины уехали. «Вот, значит, как поступают, когда не хотят ехать с шофером, — подумал Кори. — Прислужники убирают то, что хозяевам стало не нужно».

Появилась пожарная машина из депо № 2, специально оборудованная для дежурства в аэропорту. Ни один самолет, кроме маленьких спортивных, не должен взлетать и приземляться в отсутствие пожарной машины. Пожарные явно радовались поводу выбраться из пожарной части и с восхищением смотрели на изящный небольшой самолет, которому были обязаны обеспечить безопасность — насколько это возможно при баках, полных авиационного бензина.

Не хватало только Фила Смита и Фреда Коллинза. Постепенно суета вокруг «лира» прекратилась. Стюардессы поднялись в самолет, микроавтобус уехал, пожарная машина заняла предназначенное ей место.

Кори не стал откидываться в кресле, а, наоборот, повернулся так, чтобы видеть дорогу к аэропорту. Полотно просело еще больше, и Кори заметил обнажившуюся из-под асфальта четырехдюймовую стальную трубу. Она тянулась поперек дороги, напоминая корабельный канат или

наполненный водой пожарный шланг. Внезапно в наступившей после дождя тишине Кори услышал нарастающий рев спортивного автомобиля. Вскоре показался и он сам — летящий как стрела двенадцатицилиндровый зеленый «Ягуар ХКЕ» с Филом Смитом за рулем и Фредом Коллинзом на пассажирском сиденье. Они тоже смеялись: «Наконец-то летим!»

Тут передние колеса «ягуара» пришли в соприкосновение с трубой... Остальное происходило будто в замедленной съемке. Немыслимо длинный капот поднялся вертикально вверх, автомобиль сделал сальто, выбросив на дорогу Смита и Коллинза, перелетел через лужу и рухнул на асфальт вверх тормашками. Передние колеса бешено вращались.

— «Скорую»! Срочно «скорую» в аэропорт! ДТП в аэропорту! — орал Кори в рацию, прежде чем «ягуар» успел коснуться земли. — Требуется врачебная помощь! Требуется врачебная помощь! ДТП в аэропорту!

При последних словах Кори выскочил из автомобиля; внезапно до него дошло, что он — единственный свидетель происшествия. Он подбежал сначала к Фреду Коллинзу, проверил пульс на сонной артерии. Есть! Хорошие, отчетливые удары; крови вокруг нет, но одна нога неестественно вывернута. Фред застонал. Если нет внутренних повреждений, с ним, скорее всего, все будет в порядке.

Теперь Смит. Лежит на правом боку, глаза закрыты. Да! Пульс есть, достаточно сильный. Никакой реакции на прикосновение.

Внезапный порыв ветра швырнул в лицо Кори какой-то лист бумаги, он нетерпеливо его отбросил и тут только увидел кейс. Пальцы Смита все еще сжимали ручку. Неужели идиот управлял спортивным автомобилем с ручным переключением передач, держась при этом за кейс? Или он схватил его, когда произошла авария? Кейс был очень изящный, из нержавеющей стали, с двумя кодовыми замками. От удара замки раскрылись, бумаги высыпались. Большая часть плавала в луже.

— Тебе, придурку, я все равно помочь не сумею, — сказал Кори, — так хотя бы соберу твои бумаги, пока их не унес ветер.

С усердием принявшись за дело, Кори подобрал все листы, какие только смог найти. Многие совсем промокли, но Кори на это не обращал внимания; собирал, пока не услышал сирену, потом побежал к своей машине. Примчались пожарные. При случае можно сослаться, что ему понадобилась рация, да и вряд ли они обратят внимание на кипу бумаг у него в руках, когда рядом такое.

Кори бросил добычу в багажник — вдруг кто-то из «Корнукопии» вздумает сунуть к нему нос, — потом взял микрофон и вызвал диспетчера. Капитан Дельмонико уже выехал, две машины «скорой помощи» вот-вот

прибудут.

— Слава Богу, дождь перестал, — сказал Кори Кармайну минуту спустя. — Сообщить тем индюкам в самолете, что рейс отменяется? Или они бросят двух членов правления в больницу?

— Эйб уже пошел. — Кармайн проникательно посмотрел на Кори. — Позволь узнать, почему ты сияешь, как дворовый пес, добравшийся до породистой суки раньше племенного кобеля?

Вместо ответа Кори подошел к багажнику и открыл крышку.

— Содержимое кейса Фила Смита, — сказал он. — Жаль, не могу похвастать, что добыл все четыре кейса, но для начала неплохо. Только подумай: парень лежит без сознания на дороге, а его бумаги тем временем тонут в луже. Естественно, я поступил как любой добропорядочный гражданин и все собрал. Потом мне пришло в голову, что в полицейских лабораториях есть прекрасные возможности для сушки бумаг, которые иначе безвозвратно испортятся, поэтому я посчитал своим долгом доставить их туда. Смит, конечно, на это не купится, но и возразить ничего не сможет.

— Отличная работа, Кори, — искренне похвалил Кармайн. — Нам здорово повезло с этой аварией, но то, что бумаги Смита попали в наши руки, целиком твоя заслуга.

Мужчины вернулись к дороге, где уже работали медики. Благодаря тому, что Кори так напирал на врачебную помощь, обе машины прибыли с полными бригадами.

Ближе стояла та, куда погрузили Фреда Коллинза.

— Думаю, внутренние органы серьезно не пострадали, — сказала медсестра, складывая стетоскоп. — Кровяное давление в норме. Оскольчатый перелом правого бедра — о лыжных прогулках на какое-то время придется забыть. Царапины и ушибы. Вот в общем-то и все.

— Черепно-мозговая травма, — доложил фельдшер, хлопотавший над Смитом. — Сломана правая плечевая кость, не исключено, что правая лопатка тоже. Но основное — голова. К счастью, вода немного смягчила удар. Признаков левостороннего пареза я не наблюдаю, но требуется осмотр у нейрохирурга. Зрачки реагируют нормально. Если позволите, мы поедem. Нужно срочно принять меры против отека мозга.

Уол Грирсон и Гас Первей нетерпеливо топтались за ограждением. Только что прибывший сержант Терри Монке и его группа осматривали место аварии, пытаясь восстановить картину происшествия и определить виновных.

— Как бы то ни было, — проворчал Монке, — какого черта два

престарелых идиота носились на «ягуаре» без трубчатого каркаса и ремней безопасности?

— С каркасом вид совсем не тот, а ремни безопасности — это ж для простаков на американских тачках. Хотя, если по-честному, Терри, они остались живы как раз потому, что не были пристегнуты, — сказал Кармайн, только чтобы подразнить сержанта.

— Да! Но с трубчатым каркасом и ремнями безопасности старые придурки отделались бы испугом.

Наконец дошла очередь до Грирсона и Первея.

— Какой ужас, какой ужас! — причитал Первей с пепельно-серым от ужаса лицом. — Я тысячу раз говорил Филу, чтобы он не строил из себя Стерлинга Мосса! Тоже мне, гонщик выискался: летает как угорелый, будто нечистая сила за ним гонится!

— Жаль, он не слышит, как его тут костерят, — сказал Кармайн. — Старый идиот — таков вердикт дорожной полиции.

— Идиот и есть, — злобно процедил Грирсон сквозь зубы. — Думаю, Цюрих отменяется. Гас, сообщи Натали и Кэнди, а я пока улажу дела здесь. — Тут же, словно по команде, появились маленький «форд» и «роллс-ройс», замерли у обочины, не доезжая до места аварии. — Возьми машину. Пришлешь ее ко мне, как приедешь домой и пересядешь на свою.

Первей с понурым видом пошел вдоль забора аэропорта к «роллс-ройсу».

— Я думал, вы из тех, кто предпочитает «мустанги», — сказал Кармайн.

— Нет ничего лучше «роллса», — слабо улыбнувшись, сказал Грирсон. — Ну и дела!

Кармайн повернулся к Кори и Эйбу:

— Кори, выезжай из аэропорта через дальние ворота. Мыс Эйбом за тобой.

«Фэрлейн» двигался вплотную за автомобилем Кори. Только когда ворота и топливохранилище остались позади, Кармайн перевел дух и рассказал Эйбу о том, что лежит в багажнике Кори. У сержанта от волнения затряслись руки.

— Один шанс из четырех, что это тот кейс, который нам нужен.

— Где Делия?

— Просеивает прошлое Диди.

— Вот там телефонная будка, аппарат, кажется, в порядке. Звякни Дэнни, попроси его срочно послать за Делией. По радио говорить не хочу; ни к чему об этом знать водителям грузовиков и скучающим домохозяйкам.

В таком деле Делия — незаменимый человек.

Делия, сгорая от нетерпения, с трудом дождалась прибытия Кармайна и Эйба. В кабинете капитана соорудили импровизированные столы, затянули столешницы плотной оберточной бумагой, закрепив кнопками. Делия оглядела размокшее содержимое портфеля Филипа Смита, кипой сложенное на стуле, и принялась раскладывать листы по одному на серой поверхности столов.

— Вот это мужчина — просто клад! — воскликнула она. — Аккуратен до умопомрачения! И уж поверьте мне, его секретарша тут ни при чем! Такая скрупулезность никому и не снилась, кроме вашей покорной слуги. Видите? В левом верхнем углу на каждой странице указана тема либо имя корреспондента и дата письма, а в правом — номер страницы. Лучше не придумашь!

Всего было сто тридцать девять листов писем и отчетов, а еще — прошитый семидесятитрехстраничный трактат о преимуществах наличия у корпорации собственного исследовательского института. Последнее показалось Кармайну странным. Исследовательскому центру «Корнукопии» по крайней мере пять лет, — зачем тащить с собой кучу бумаг со всем известной информацией?

— Какой же он сноб! — Делия аккуратно разложила все листы, а отчет обернула чистым полотенцем, чтобы подсушить наружные листы и края. — Вся бумага, даже для служебных записок, — с высоким содержанием хлопка. Дешевая целлюлоза не по нем! Шапка бланков не просто отпечатана, а вытиснена. Вместе с тем никакой вычурности. Белая бумага, черная краска, логотип с рогом изобилия — и тот не цветной. В общем, все самое лучшее, но без излишеств.

— Ну, Делия, теперь приступим к чтению, — сказал Кармайн. — Кори, ты дежуришь в больнице. Если состояние Смита изменится, сразу сообщай мне. Главный нейрохирург, Том Деннис, мой друг, так что мы получим информацию из первых рук. Эйб, на тебе текучка — Диди, сэр Ланселот, Полина Денби и кто там еще нас интересуется. Если вдруг какое-то новое происшествие, действуй на свое усмотрение.

— Что мы ищем? — спросила Делия, когда Эйб и Кори ушли. — В общих чертах я, конечно, представляю, но хотелось бы поконкретнее.

Кармайн нахмурился.

— Беда в том, что если здесь применен словесный код, нам вряд ли удастся его расшифровать.

— Что-то наподобие «над Ленинградом сгущаются тучи»?

— Да. Если фраза «длина казенной части составляет 600 мм» на самом

деле означает «в ближайшее время на связь не выйду», мы этого не поймем. Но такая информация нас в общем-то и не интересует. Вот найти бы чертежи, схемы, формулы, которые, вероятно, уменьшены до микروفотоснимков!

— А как выглядит микроснимок?

— По словам Келли, это может быть точка в конце предложения, или мушиное пятнышко на бумаге, или «яблочко» двухдюймовой мишени — все, что будет смотреться естественно в документе. Притом не обязательно круг. Видишь ли, круг труднее обнаружить — он привычнее для глаза, природа не линейна.

Делия поморщилась:

— Кармайн! Да тут, наверно, миллион точек! Даже если мистер Смит пробудет в коме неделю, у нас нет шансов.

Кармайн налил себе кофе и сел на стул с колесиками, который стащил из машинописного бюро, — так можно было перемещаться по кабинету, не поднимая зад.

— Я все-таки думаю, что это не точки. Или, по крайней мере, не обычные точки. Мы должны искать что-то более крупное — помарки, опечатки. Келли скрытничает, от него ничего толком не добьешься, будем действовать по наитию. Возможности камер неограничены. Насколько мне известно, получение точечного микроснимка — процесс сложный и долгий. Фотографировать приходится несколько раз, постепенно уменьшая снимки... Я плохо представляю, как это делается и до какого размера идет уменьшение. — Кармайн пожал плечами. — Придется положиться на здравый смысл. Если какое-то пятнышко покажется не на месте, попробуй отделить его от бумаги, и если это удастся, то дальше надо исследовать под микроскопом Патси с пятидесяти- или стократным увеличением.

Делия начала читать письма, а Кармайн — отчеты. Час прошел в полной тишине.

— Интересно, — сказала Делия.

Кармайн вздрогнул:

— А?

— Мистера Смита считают бездельником, так ведь?

— По всем моим данным выходит так.

— Хм, для праздного бездельника он слишком интересуется другими работниками и хочет их контролировать даже в свое отсутствие. Я читаю письмо, адресованное мистеру М.Д. Сайксу, старшему менеджеру «Корнукопии-Сентрал», в обязанности которого, как я понимаю, входит заказ канцелярских принадлежностей, проверка денежных выплат,

заключение контрактов на уборку помещений и все в этом роде. Однако время от времени мистер Сайкс замечает лиц, занимающих более высокие посты.

— Обалдеть! — воскликнул Кармайн, осторожный в выражениях в присутствии дамы. — Никогда бы не подумал, что Смиту известно о существовании такой должности в «Корнукопии-Сентрал»! А он еще вникает в то, чем занимается Сайкс! Есть еще что-то интересное?

— И да и нет. Письмо довольно длинное. Мистер Смит подчеркивает заслуги мистера Сайкса при исполнении обязанностей более высоких руководителей, хвалит его усердие и опыт... И, как председатель правления, уведомляет о назначении Сайкса управляющим директором. Отныне Сайкс будет контролировать все дочерние фирмы «Корнукопии» на исполнительном уровне и подчиняться непосредственно правлению.

— Вот это да, — усмехнулся Кармайн. — Майкл Дональд будет счастлив! Понятно, почему Смит не хотел оставлять письмо на столе, однако странно, что он не отправил его по внутренней почте до своего отъезда. Впрочем, не важно. Он, кстати, любитель военно-исторической миниатюры, обожает Наполеона.

— Кто? Мистер Смит?

— Нет, мистер Майкл Дональд Сайкс. С его новой зарплатой он сможет инсценировать на столе коронацию своего кумира в Нотр-Даме с настоящими золотом и драгоценными камнями.

— Как странно! — воскликнула Делия, продолжая читать письмо к Сайксу.

— Что?

— Мистер Смит очень необычно выделяет пункты — которых, между прочим, здесь немало. Кто-то использует цифры, я лично предпочитаю буквы — если пунктов не больше двадцати шести, ширина колонки не меняется. С цифрами иначе — после девяти колонка становится на один символ шире. Меня это раздражает! А у мистера Смита нет ни букв, ни цифр — он отмечает пункты большими черными точками. — Она охнула. — Большие черные точки!

Кармайн пулей подкатил к ней на стуле.

— Черт побери! — орал он, забыв о даме.

— И еще, Кармайн, — дрожащим голосом сказала Делия. — Какая пишущая машинка может сделать точку такого размера? Никакая! Разве что типографский станок. Эти точки, должно быть, поставлены вручную. Если это не микроснимки, то мистеру Смиту пришлось возиться с переводными листами, — чистое безумие для такого аккуратиста.

— В чем в чем, а в безумии мистера Смита обвинить невозможно, — в мрачном ликовании произнес Кармайн. — Попался гад!

— Ты считаешь, он — Улисс?

— Я давно это понял.

Он подъехал к небольшому столику, где лежали коробочки с предметными и покровными стеклами, пинцет и тонкий скальпель. Взял лоток с инструментами, вернулся к письму и очень осторожно попытался подцепить скальпелем край точки. Точка легко отошла от бумаги, оставшись на кончике скальпеля. Кармайн поместил ее на предметное стекло и накрыл покровным. Подобную операцию он проделал с пятью большими точками, выбранными наугад из одиннадцати в письме Сайкса.

С пятью стеклами на бумажной подложке они с Делией отправились в криминалистический отдел.

— Скажи мне, что это не с переводных листов, — обратился он к Патрику, подавая ему подложку, — что на них есть текст, схемы или что-нибудь еще, чему быть не следует.

— Ты нашел самый настоящий, стопроцентный, двадцатичетырехкратный микроснимок чистой воды, — торжественно объявил Патси после исследования первого же пятна. — Черт возьми, ну и камера! Стократное уменьшение и при этом такая четкость снимка!

— Теперь мы знаем, почему Смит не отправил письмо М.Д. Сайксу внутренней почтой, — сказал Кармайн Делии в своем кабинете. — Оно должно было поехать с ним за границу. В Цюрихе микроснимки бы сняли и заменили точками с переводных листов. А вернувшись в Холломен, Смит вручил бы письмо мистеру Сайксу лично в руки.

— Кармайн, я так рада за тебя!

— Не спеши радоваться, Делия. Теперь мне надо связаться с Тедом Келли и сообщить ему о находке. Наше участие в поимке шпиона закончилось.

Как в воду глядел. Изумленный Тед Келли примчался через несколько минут в полном восторге от того, что он назвал «везением Кармайна».

— Нет, мое везение тут ни при чем, специальный агент Келли! — вспыхнул Кармайн. — Это целиком заслуга сержанта Кори Маршалла, именно он добыл вам доказательство шпионажа. Если его имя не появится в твоём отчете, я тебе башку оторву!

— Хорошо-хорошо! — закричал Келли, отступая с поднятыми руками. — Обещаю, я отмечу его в своём отчете!

— Расскажи это своей бабушке, Келли! Может, она тебе поверит. — Кармайн подтолкнул к нему два машинописных листа. — Вот донесение

Кори о том, что произошло, перепишешь его себе в отчет. Черт побери ФБР и тебя вместе с ним! Мы сделали за вас всю работу, и я хочу, чтобы вы это признали.

— Я так рад, что согласен на что угодно. Бумаги Смита у тебя?

Кармайн передал ему картонную коробку с эмблемой полицейского управления Холломена.

— Здесь все, кроме пяти точек из письма к Сайксу. Я снял с него копию, хочу, чтобы мистер Сайкс непременно его получил. Он заслужил свое повышение.

Келли взял коробку с таким видом, будто в ней лежали королевские регалии.

— Э-э... а пять точек?

— С ними я пойду к судье Туэйтсу. Мне нужны улики для получения повторного ордера на обыск. Потом я пришлю их тебе.

— Так не пойдет. Отдай их немедленно!

— А ты попробуй их отобрать. Я же сказал, что отдам. И между прочим, я не шучу: ни тебе, ни ФБР доверия нет, специальный агент Келли. Не удивлюсь, если содержимое кейса Смита нигде не будет фигурировать, а его самого не станут судить за измену. Но по крайней мере за одно убийство он предстанет перед судом и надолго сядет за решетку. А теперь убирайся и не мешай мне заниматься моими делами.

— Как ты думаешь, мистера Смита осудят за шпионаж? — спросила Делия, оглядывая кабинет, заставленный импровизированными столами.

— Понятия не имею. Делия, со столами разберись, пожалуйста. Я поднимусь к твоему дяде Джону. — В дверях он остановился. — Делия?

— Да? — спросила она с трубкой в руке.

— Ты замечательно потрудилась. Не знаю, что бы я без тебя делал. Правда.

Секретарша пискнула как котенок, покраснела и отвернулась.

— Стоит Дугу Неверующему увидеть снимки под микроскопом, ордер нам обеспечен, — сказал Кармайн.

— Тем более что это оправдывает выдачу ордеров после происшествия на Лужайке. Судья не будет выглядеть дураком, — добавил Сильвестри. — Надеюсь, ты найдешь доказательства убийства Диди, Кармайн. Носом чую, федералы не захотят судить Смита за измену. Сейчас не то время, чтобы казнить его как Розенбергов. Смит — «белая кость», бостонский американец англосаксонского происхождения.

— Маловероятно, — задумчиво сказал Кармайн. — Филип Смит наверняка существовал на самом деле, но когда-то в последние двадцать

пять лет его место занял полковник КГБ. Иногда Смит делает странные ошибки, говоря об американских обычаях. Кстати, Делия утверждает, что его жена никакая не саами, а откуда-то из Сибири или центральноазиатских республик. Ее родной язык не относится к индоарийским.

— Турецкий и венгерский тоже, если уж на то пошло.

— Верно. Тем не менее, Смит — подставной. Нет никакой Анны Смит в Корпусе мира в Африке, а Стивен Смит, занимающийся морской биологией в Красном море — интересный выбор цвета, кстати, — на самом деле не сотрудник Вудсхоулского океанографического института. Он там скорее почетный гость благодаря кругленьким суммам, которые жертвует на дорогостоящие проекты. Что до Питера Смита, инженера-нефтяника, то он действительно некоторое время работал на «Бритиш петролеум» в Иране, но потом якобы отправился искать нефть на свой страх и риск, причем не куда-нибудь, а в Афганистан.

— Ты подозреваешь, все трое живут в СССР?

— Между заданиями — да. Только подумайте, какие ценные агенты! Полностью двуязычные, — американцы, как яблочный пирог.

— Яблочные пироги пекут всюду, Кармайн.

— Да, но в Америке пироги с корицей, а не с гвоздикой.

— Что тебя беспокоит? — немного погодя спросил Сильвестри.

— Прежде всего, помощник. Мы все еще не нашли его, а он убийца еще более изобретательный, чем Смит. Это из-за него я попросил Дэнни поставить охрану у палаты Смита — по двое самых толковых ребят.

— Есть идеи, кто это может быть?

— Кто-то имеющий отношение к «Корнукопии». Точнее не скажу. Я делал ставку на Ланселота Стерлинга, но ошибся. Секретарь Ричард Оукс отпадает — слишком хилый. Видимо, личность из тех, кем мы до сих пор не интересовались. Не исключено, что мы даже его не видели.

— Коммунисты обычно собираются в ячейки, не так ли, Кармайн?

— Идеологи — да, но что мы знаем о тех, кто активно занимается саботажем или шпионажем? Вот почему охота на ведьм в отношении коммунистов потерпела неудачу. Идеологию часто приравнивают к подрывной деятельности, а это не всегда оправданно. Однако нельзя полностью исключать возможность того, что в Холломене действует ячейка вредителей, возглавляемая Филипом Смитом. Нам известно про Эрику Давенпорт и про помощника Смита. Это трое. Сколько человек в ячейке? У Теда Келли мне спрашивать не хочется, хотя, возможно, я к нему несправедлив. Предположим, четыре — шесть человек. Тогда мы все еще в неведении относительно, по меньшей мере, одного из них.

— Полина Денби? — предположил Сильвестри.

— Вряд ли. Она феминистка, к тому же лидер по натуре. У красных полно женщин врачей и дантистов, однако, на руководящих постах в коммунистической партии их раз-два и обчелся, так ведь? Нет, Полину обманом вынудили убить мужа в нужную дату, но ей страшно не хочется это признавать.

— Как насчет Филомены Скепс?

— Думаю, худшее, на что способна Филомена, — это испортить сына своей чрезмерной заботой, однако, я собираюсь повидать ее еще раз, — сказал Кармайн. — Прежде всего остается открытым вопрос, кто станет руководить «Корнукопией». Сама Филомена? Или свалит это на своего пажа Энтони Бера? А может, рассчитывает на внезапно воспрянувшего Фила Смита, если, конечно, она не в курсе, что он предатель и убийца?

— Может быть, корону унаследует мистер Майкл Дональд Сайкс, — усмехнулся Сильвестри.

Кармайн вздохнул — так громко, что комиссар насторожился.

— О чем вздыхаешь? — спросил он.

— О вертолете ФБР, на котором последний раз летал в Орлеан. Управление, конечно же, такого позволить не может?

— Так же, как билет на Марс, Кармайн.

— Ненавижу ездить туда на машине!

— Возьми с собой Дездемону, проведете день вместе.

— Так и сделаю, но раньше субботы не получится.

— Как Смит?

— По словам Тома Денниса, выкарабкается. Субдуральной гематомы нет. Перелом костей черепа, небольшое сотрясение, отек мозга уже спадает. Больше пострадали правое плечо и лопатка. Коллинзу предстоит операция на сломанной ноге. Клянется, что никогда в жизни больше не сядет в открытый автомобиль. Кори говорит, это было то еще сальто.

— Престарелые стилиги! — ухмыльнулся Сильвестри. Внезапно он с интересом взглянул на Кармайна. — А когда ты понял, что Смит и есть Улисс? Им мог оказаться любой из них.

— Нет, Грирсона я отмел сразу. Смутные подозрения у меня зародились после встречи с Бартом. Он слышал разговор Эрики Давенпорт с Дезмондом Скепсом на банкете фонда Максвеллов. Слов не разобрал, но говорил, что она шипела — много «с». Сразу я не обратил на это внимание, но потом меня вдруг осенило — нельзя прошипеть «Коллинз», «Первей» или «Грирсон». А вот «Смит» — можно. «Есть!» — сказал я себе и целиком сконцентрировался на мистере Филипе Смите.

— Значит, все дело в имени.

Следующим утром, с ордером на руках, Кармайн в сопровождении полицейской машины и передвижной криминалистической лаборатории Патси подъехал к особняку Филипа Смита.

У дверей его встретила Натали Смит. Ее ярко-голубые глаза горели огнем, гладкое смуглое лицо перекошилось от гнева.

— Почему вы не оставите его в покое? — напустилась она на капитана, ее акцент стал еще сильнее.

— Сожалею, миссис Смит, но у меня ордер.

— Мне опять отправляться в беседку? Сегодня холодно.

— Нет, мэм. На этот раз мы обыщем беседку, так что оставайтесь в доме.

По густой траве между клумбами Кармайн подошел к похожей на античный храм ротонде с ионическими рифлеными колоннами и терракотовой крышей, напоминающей шапку китайского кули. Ступеньки и пол покрывала зеленоватая мозаичная плитка, остальная часть ротонды была из белоснежного мрамора. «Где в Америке найти мастеров, способных создать такое? — подумал Кармайн. — Колонны, вероятно, привезены из Италии, лучшие скульпторы там. Их американские коллеги могут разве что надгробные памятники ваять».

Поверхностный осмотр ничего не дал, но на то у Кармайна был Эйб Голдберг.

— Сумеешь отыскать здесь тайник? — спросил Кармайн.

Светлое веснушчатое лицо Эйба расплылось в улыбке, голубые глаза сверкнули.

— А вода мокрая?

Кармайн сошел вниз и стал наблюдать за работой Эйба. Тот приказал двум полицейским убрать стол и стулья, стал в центр беседки, задрал голову и, кружась на месте, принялся разглядывать потолок. Затем так же пристально осмотрел пол. Используя в качестве ориентира Кармайна, прошел по кругу по каждой ступеньке. Лег плашмя на пол и начал простукивать его костяшками пальцев.

— Ничего, — констатировал он.

Каждая ступенька, имеющая форму кольца, состояла из двенадцати отдельных секций шириной в тридцать градусов. Длина верхних секций была чуть больше метра. Эйб переходил от секции к секции, пытаясь подsunуть под них лом. С пятой попытки ему это удалось. Секция, пригнанная так же плотно, как и все остальные, при нажатии сдвинулась и развалилась на зубчатые обломки.

— Смит пользовался не ломом, Кармайн. Вот смотри — тут есть направляющие, ступенька выдвигалась, как ящик стола. Но я все испортил, — с некоторым сожалением заключил он. — Такая работа насмарку. — Он пожал плечами. — Ну да ничего не поделаешь. Где моя камера?

Кармайн поморщился. Запах! Под вспышками фотокамеры Эйба капитан просунул обе руки в тайник и вытащил оттуда рабочий комбинезон, жесткий от высохшей крови. Камера жужжала и вспыхивала голубым светом. Пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось как-то свернуть комбинезон и засунуть в бумажный пакет для вещдоков. Смит хранил свой сувенир в гораздо худших условиях, чем Ланселот Стерлинг, в швах и изгибах уже поселилась плесень.

— Больше ничего нет, — разочарованно сказал Эйб.

— Что ж, мы сфотографировали комбинезон на месте обнаружения, ступеньку, скользящий механизм — все, что только можно, — сказал Кармайн, садясь на корточки. — Этого вполне достаточно, но я хочу бритву. Где она может быть?

— Ты сказал, он хранит ее как инструмент возмездия, нечто особо ценное. Она не может лежать вместе с окровавленной одеждой, — сказал Эйб. — Вспомни Призрака, Кармайн!

— Значит, она не под ступенями, но где-то рядом, Эйб. В колонне! В одной из колонн должен быть тайник приблизительно... на уровне головы. Так, чтобы можно было смотреть не прикасаясь.

— Тогда ничего не выйдет, — пессимистически сказал Эйб. — Под мрамором пустоту не услышишь. Должен быть механизм, открывающий дверцу тайника. Дверца довольно тяжелая, по всей видимости, равна по высоте одному барабану колонны, — значит, привод электрический. Где-то под землей проходит провод. Все колонны, вероятно, полые внутри. Скорее всего тайник открывается при помощи дистанционного пульта. Смит ведь радиолюбитель, наверняка разбирается в таких вещах. Вряд ли он собирался захватить пульт с собой в Цюрих. Эта штука валяется где-нибудь среди барахла в радиорубке.

— Лучше сначала обследуй колонны с лупой, Эйб. Если дверца есть, по краям будут видны щели.

— Посмотри на колонну вблизи, Кармайн, — любая сгодится.

— Вот черт! — присмотревшись, выругался Кармайн. — Вертикальная линия по центру каждой канелюры.

— Надо найти пульт. Или придется рушить всю беседку.

— Нет, это варварство! Эйб, пошли посмотрим в радиорубку. Ордер не

распространяется на дом, но рубка-то на крыше. Найдём пульт, а там уже не важно. Хотя нет, постой, очень даже важно! Смит слишком богат, он спустит на нас своих адвокатов. Сначала к судье.

Два часа спустя Кармайн возвратился для обыска радиорубки. Узнав, что доказательства убийства уже добыты, судья Туэйтс выдал ордер без лишних слов. При необходимости можно было обыскать хоть весь дом.

Этого не понадобилось. В радиорубке нашлись целых три пульта наподобие тех, которыми открывают двери гаража. Разница была в том, что все три были самодельными. Один из них открывал дверцу, скрытую в колонне.

На двух серебристых филигранных подпорках, внутри отделанной малиновым атласом выемки, покоилась опасная бритва, лезвие которой было убрано в ручку слоновой кости.

— Подставка не серебряная, — сказал Эйб. — Серебро тускнеет.

— Скорее всего хромированная, — всматриваясь, произнес Кармайн, — вряд ли платина.

Взяв чистый носовой платок, он осторожно вынул бритву, стараясь касаться ее кончиками пальцев. Бритву густо покрывала запекшаяся кровь, особенно в месте крепления лезвия к ручке. Кармайн поместил жуткий предмет в коричневый конверт, который тут же запечатали.

— Я забыл резиновые перчатки, — с сожалением сказал лаборант. — Доктор О’Доннелл требует собирать вещественные доказательства в перчатках.

— Ничего, как-нибудь обойдемся, — заверил Кармайн. — Когда шум вокруг этого дела уляжется, комиссар и ваш шеф планируют проработать вопросы, связанные с вещдоками. Это вечная головная боль.

— Если на бритве отпечатки Смита, — сказал Эйб, пряча камеру в футляр, — он не отвертится.

— При условии что есть отпечатки поверх крови.

— Уверен, что есть, Кармайн! Должны быть!

— Интересно, что открывают два других пульта. Дуг Неверующий меня точно убьет, но, похоже, без нового ордера не обойтись. Нужно обыскать дом и всю территорию — подсобные помещения, статуи, солнечные часы, каждый закоулок. Лишним не будет — печенкой чую.

— У нас этих ордеров и так уже под завязку, — возразил Эйб. — Куда еще?

— Что верно, то верно, Эйб, но преступник может ухватиться за любую нашу промашку. Только глупые копы этого не учитывают. Нужен ордер, где будет четко прописано, что мы имеем право искать тайники,

открывающиеся при помощи дистанционных пультов.

— Тогда запасись новыми батарейками.

В субботу чета Дельмонико погрузилась в «фэрлейн» и взяла курс на Орлеан. Даже зная, что какое-то время ей придется провести одной, пока муж будет разговаривать с Филоменой Скепс, Дездемона была рада поездке. Она еще ни разу не бывала в Кейп-Коде, да и возможность выбраться куда-нибудь вдвоем выпадала не часто. В Холломене они находятся во власти многочисленной родни Кармайна и еще больше — его работы. Теперь же Дездемона была почти на сто процентов уверена, что в течение восьми ил и десяти часов муж будет принадлежать ей одной. Никто не постучит в дверь, никто не позвонит из управления. К тому же погода отличная — изумительный день на заре лета.

Джулиана они оставили с тетей Марией и целым роем кузин, которые души в нем не чаяли, Дездемона же, к счастью, была не из тех сумасшедших мамаш, которые не находят себе места, на несколько часов расставшись с драгоценным чадом. Движение на 95-й магистрали было оживленным; не только они с Кармайном решили отправиться в выходной день на Кейп-Код. Единственное, что омрачало настроение Дездемоны, — это автоматический пистолет тридцать восьмого калибра, висевший на поясе Кармайна, рядом с золотистым жетоном капитана. Дездемона хотела положить в бардачок пакетик с конфетами — и ахнула, увидев среди пачек патронов второй пистолет.

— Что это?! Куда мы едем, в Додж-Сити?

— Ты насмотрелась ковбойских фильмов, — улыбнулся Кармайн.

— А ты параноик! Правда-правда. Подумать только, два пистолета, пачки патронов! Что прикажешь мне чувствовать посреди такого арсенала? И Джулиан все это будет видеть?

— Запасной пистолет всегда лежит в бардачке, Дездемона. Ты туда никогда не заглядываешь, вот и все. А я забыл, что он там.

— Чушь! Ты скорее голову забудешь!

— Что ж, может быть, — усмехнулся он. — Без пистолета на боку я чувствую себя голым. Не волнуйся, когда пойдем завтракать, я надену пиджак, и никто ничего не заметит. Джон Сильвестри предложил взять тебя с собой, но не заставляй меня жалеть об этом, Дездемона. Я сегодня встречаюсь с двумя подозреваемыми. Уверен, никакой перестрелкой не пахнет, но полицейский, если он не совсем дурак, должен быть готов ко всему, — решительно закончил Кармайн.

Некоторое время Дездемона молчала, переваривая слова мужа. Она еще и виновата! Ее сила и независимость восставали против этого, но

чувство справедливости требовало признать: она знала, за кого выходит замуж и что значит быть женой полицейского. Как все-таки по-разному женщины и мужчины относятся к оружию. Первые его ненавидят. Вторые уважают. Джулиан, конечно же, примет сторону отца.

— Интересно, — заговорила она наконец, — как спят другие женщины, зная, что у мужа пистолет под подушкой?

— Так же как и ты, прелестная леди. Без задних ног, пока дети не закричат.

Она засмеялась:

— В точку!

— Если бы я на работе перекладывал бумажки с места на место или стоял у станка, оружие было бы мне ни к чему, — продолжал Кармайн. — Полицейские — солдаты мирного времени. У них своя война, а солдаты должны быть вооружены. Хуже всего, что порой эта война затрагивает и обычных людей. Как тебя и Джулиана у лодочного домика.

Дездемона сглотнула.

— Тогда, может быть, мне тоже научиться стрелять, хоть у меня и нет пистолета.

А что, хорошая мысль, — потеплев, сказал Кармайн. — Несчастные случаи с оружием чаще всего происходят из-за элементарного невежества. Я договарюсь, чтобы тебя поучили на полицейском стрельбище. Тебе лучше освоить автоматический пистолет, как мой новый. Револьвер остался только у Сильвестри.

«Еще одна битва проиграна, — подумала Дездемона. — Я не смогла склонить его на мою сторону, зато он склонил меня на свою. Что бы я сделала, если бы Джулиану грозила опасность? Защищала бы его любыми средствами».

Они не спеша катили между изысканных приморских особняков Род-Айленда, большей частью переоборудованных в учреждения и дома отдыха, но не ставших менее роскошными, чем во времена прежних хозяев-миллионеров. После завтрака Кармайн и Дездемона снова сели в машину и свернули в «бицепс» Кейп-Кода. Дездемона пришла в восторг от красоты окрестных мест.

— Видела бы ты, как тут в июле, когда расцветают розы, — сказал Кармайн.

— Удивительно, как много в этой части Америки чудесных местечек. Будто в Европе. Я думала, приморские деревни в Коннектикуте великолепны, но здесь они еще лучше... Нет, и те и эти хороши по-своему.

В Орлеан они приехали только во второй половине дня. Кармайн

высадил Дездемону у дюн, бегущих вдоль предплечья полуострова со стороны Атлантики, а сам поехал к Филомене Скепс.

Она его ждала и казалась совершенно невозмутимой. «Что ж, придется нарушить твое спокойствие», — думал Кармайн, устраиваясь на белом стуле на веранде позади дома.

— Когда вы переезжаете в Бостон? — спросил он.

— Не раньше сентября. Последнее лето на мысе.

— Дом вы, конечно, не продадите?

— Нет, хотя вряд ли смогу часто сюда выбираться. Дезмонду нужны кинотеатры, пинбол, общение с друзьями.

Филомена говорила тем же спокойным, ровным голосом, и все же в нем послышалась скрытая печаль, словно журчание воды в подземном потоке. «Ага, — понял Кармайн, — похоже, она начинает подозревать о сексуальных предпочтениях сына».

— Вы уже определились насчет будущего «Корнукопии»?

— Думаю, да, — ответила она со слабой улыбкой. — Председателем правления останется Фил Смит, а я буду на заднем плане как опекун владельца контрольного пакета. Не вижу причин что-то менять, если не произойдет ничего экстраординарного. Место Эрики займет Тони Бера. В остальном состав правления не изменится.

— Я приехал именно по поводу правления, миссис Скепс, — продолжил Кармайн тем же формальным тоном. — Филипу Смиту придется покинуть его навсегда.

Ее темно-зеленые глаза расширились.

— Что вы имеете в виду?

— Смит арестован по обвинению в убийстве и шпионаже.

Она тяжело задышала и схватилась за шею.

— Не может быть! Фил... Вы ошибаетесь, капитан.

— К сожалению, нет. Есть неопровержимые доказательства.

— Фил — шпион?

— Да. Он передавал секретную информацию в Москву по крайней мере в течение десяти лет.

— Так вот почему... — Она умолкла.

— Почему что, миссис Скепс?

— Между собой они с Натали разговаривают на русском языке.

— Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше, мэм.

— Я никогда не придавала этому значения. Натали с трудом изъясняется на английском, но хорошо знает русский, хотя это не ее родной язык. Фил говорил, что выучил русский на берлицевских курсах, когда они

с Натали поженились. Часто шутил об этом.

— Что ж, теперь все очень серьезно.

Она беспокойно заерзала на стуле.

— Тони! Где Тони? Вы его не видели? Он должен быть где-то здесь.

— Зная мистера Бера, рискну предположить, что он стоит за домом в ожидании удобного момента. — Кармайн встал и, подойдя к углу дома, прокричал: — Мистер Бера! Вы нужны миссис Скепс!

Бера появился несколько секунд спустя, быстро взглянул на Филомену и, впившись глазами в Кармайна, сердито спросил:

— Что вы ей сказали? Почему она в таком состоянии?

Кармайн изложил суть дела, что привело Бера в не меньшее изумление, чем Филомену. Они сидели на чугунной скамейке, прижавшись друг к дружке, и смотрели на Кармайна так, будто он принес им смертный приговор.

— Два свободных места в правлении! — воскликнул адвокат.

«Так вот что его волнует, — подумал Кармайн. Шпионаж и убийство — ерунда, главное — покладистое правление, чтобы не пострадали интересы юного Дезмонда, а заодно и его собственные. За мистером Энтони Бера нужен глаз да глаз».

— Если вас это хоть как-то утешит, последним приказом мистер Смит назначил нового управляющего директора «Корнукопии-Сентрал», — бодро сказал Кармайн. — Он будет выполнять те же функции, что Эрика Давенпорт, не являясь, однако, членом правления. Это мистер Майкл Дональд Сайкс.

Ни одного из собеседников новость не заинтересовала, но Кармайн на это не рассчитывал. Ему хотелось увидеть реакцию на имя Сайкса, — если бы она была, пришлось бы покопаться в его прошлом. К счастью, этого не понадобится.

От Филомены он уехал с твердым убеждением, что в ближайшие восемь лет Тони Бера постарается снять из бидона юного Дезмонда как можно больше сливок. Но это уже преступление из разряда «беловоротничковых» — не его, Кармайна, забота.

— Как странно устроен мир, — сказал он Дездемоне по пути в ресторан морепродуктов. — Кто-то украдет у своей фирмы десять тысяч и попадет в тюрьму, а другой тащит миллионы, и все ему сходит с рук.

— Всегда выгоднее быть на вершине горы, чем у подножия. Кармайн, я так тебе благодарна за сегодняшний день! Волны, песок, ветер, играющий в волосах, прелестные деревни — настоящий рай!

— Зато у меня такое чувство, будто я что-то упустил, — проворчал

Кармайн. — Эта парочка, может, не шпионы и убийцы, но уж точно не невинные овечки. Бера опутал Филомену и вдобавок совратил ее сына. Ублюдок на все горазд.

— Какая гадость! Заниматься любовью с женщиной и ее сыном! Она, конечно, не знает?

— Не знает, но начинает подозревать, что юному Дезмонду чересчур нравятся мужчины. Если бы ты видела мальчика, поняла бы, что опасность такого рода ему грозила в любом случае. Слишком красивый. Вероятно, это началось в школе, и Филомена винит себя.

— Ты считаешь, это в нем природная склонность?

— Определенно.

— Он женоподобный?

— Отнюдь! Твердый как камень, суровый как утес.

«Фэрлейн» въехал на стоянку перед рестораном.

Дездемона отбросила переживания. Это не ее дело, хотя она тоже мать. Сегодня ничто не сможет омрачить ее счастье, думала она, заказывая салат из омара. Она спешила возвратиться из Лондона в Холломен, чтобы не пропустить благоприятный период для зачатия, иначе пришлось бы ждать следующего месяца. Джулиану скоро полгода; если она забеременеет сейчас, ему будет пятнадцать или шестнадцать месяцев, когда родится второй ребенок. Это нормально. Если будет мальчик, он успеет возмужать до того, как Джулиан покинет дом. Дети часто не ладят друг с другом, но при такой разнице в возрасте младший сможет дать отпор старшему.

Умиротворенная, Дездемона заснула, привалившись к плечу мужа, прежде чем они добрались до Провиденса. Это был замечательный день, но Кармайн надеялся, что ездить в Орлеан по делам ему больше не придется.

Глава тринадцатая

В понедельник Кармайну разрешили навестить Филипа Смита в больнице «Чабб-Холломен». По настоянию Кармайна Смита разместили в отдельной палате в конце коридора, подальше от пожарной лестницы. Палату напротив реквизириовало полицейское управление. Охранники Смита могли там принять душ, выпить кофе и отдохнуть в удобных креслах во время перерывов. Каким-то образом комиссар добился того, чтобы счет оплачивало ФБР.

Палата Смита была завалена цветами. Теплый сиреневый цвет стен, мягкая мебель создавали почти домашний уют. Однако впечатление портила стерильная кровать с кучей ремней и блоков над ней — адская конструкция, на которой любой человек, независимо от его богатства и власти, кажется жалким и беспомощным.

Филип Смит выглядел старше своих шестидесяти лет: красивое лицо осунулось, серо-голубые глаза поблекли. Из-за переломов он не мог поворачиваться самостоятельно. Двигались только глаза. Как ни странно, сиделки рядом не было.

— Я вас уже несколько дней жду, — сказал Смит.

— Где ваша сиделка?

— Она идиотка! Я приказал ей сидеть на посту, пока не вызову. Я благодарен за помощь, когда в ней нуждаюсь, а навязчивость ненавижу: «Не хотите ли этого? Не желаете ли того?» Тьфу! Когда мне что-то понадобится, я скажу сам. При таких счетах обивка должна быть из итальянской лайки, — сказал он.

Кармайн сел в кресло, обитое сиреневым винилом.

— Чтобы какой-нибудь карапуз помочился на нее? Помилуйте!

— Верно. Оставим итальянскую кожу для залов заседаний и директорских кабинетов. Там, куда вы отправитесь, мистер Смит, не будет даже винила. Только пластмасса, сталь, жесткий матрас и бетонный пол.

— Чушь! Меня не станут судить.

— Холломен станет. Вас допрашивало ФБР?

— Бесконечно. Именно поэтому я жаждал видеть ваше лицо, капитан. В нем есть определенное романское благородство, которое у фэбээровцев начисто отсутствует. Наверное, единственный, кто не примчался ради меня из Вашингтона, — это сам Джордж Эдгар Гувер, но я не много потерял — он, говорят, толстый и обрюзгший.

— Внешность бывает обманчива. Вам предъявили обвинение?

— В шпионаже? Да, но дальше они не пойдут. — Смит ощерился, показывая пожелтевшие в больнице зубы. — Я потерял свою удачу. Она разбилась о вашу.

— Мужчинам вашего возраста не следует гонять на спортивных автомобилях с двенадцатью цилиндрами. Шел дождь, дорогу размыло, вы ехали слишком быстро и были невнимательны. Вот и все.

— Не бередите рану. Я сто раз ездил по той дороге в аэропорт. Наверно, слишком разволновался, что наконец полечу на собственном самолете.

— Мистер Смит, я обвиняю вас в убийстве Диди Холл. Мы нашли окровавленный комбинезон и бритву.

Глаза Смита сверкнули ненавистью; тело напряглось, он попытался приподняться, но застонал от боли.

— Грязная ничтожная шлюха! Она заслуживала смерти, как и все шлюхи. Собаке собачья смерть!

— Меня интересует, почему Диди не убегала и не сопротивлялась.

— Мне нужна медсестра, — со стоном сказал Смит.

Кармайн нажал кнопку вызова.

— Смотрите, что вы наделали! — упрекнула его медсестра, вводя шприцем лекарство в капельницу.

— Не лезь не в свое дело, дура! — прошептал Смит.

Негодующе вскинув голову, женщина удалилась.

— Я хотел бы знать, почему Диди вы убили собственноручно, — сказал Кармайн.

— Хотели бы? Вопрос в том, хочу ли я вам об этом рассказывать. — Теперь, когда боль утихла, Смит поудобнее устроился на подушках. — Мы одни? У вас нет магнитофона?

— Мы одни, и магнитофона нет. К тому же запись может считаться доказательством, только если она велась с вашего согласия и при свидетелях. Когда я предъявлю вам официальное обвинение, со мной будут свидетели, и я зачитаю ваши конституционные права.

— Столько беспокойства, и все ради моей скромной персоны! — съязвил Смит. Его глаза затуманились. — Хотя... почему бы нет? Вы — помесь мастифа и бульдога, но в вас есть и что-то кошачье. Вы патологически любопытны, как говорила Эрика. Она вас боялась.

Его веки опустились, он задремал. Кармайн терпеливо ждал.

— Диди! — внезапно произнес Смит, открыв глаза. — Подозреваю, вы искали мою дочь в Корпусе мира?

— Искал, но не нашел.

— Добрые дела ради мира во всем мире Анну не интересовали, — продолжал Смит. — Ее наклонности были разрушительными, а не созидательными, и в Америке они нашли благоприятную почву. Здесь общество не применяет к трудным подросткам практически никаких мер воздействия. Наш переезд из Западной Германии в Бостон, а затем в Холломен пришелся очень некстати. Скудная, однообразная жизнь в Европе — и вдруг вседозволенность, разнузданность, бесстыдство. Все одно к одному — трудный возраст, трудный ребенок, неподходящее место... — Смит умолк.

Кармайн ничего не говорил и даже не шевелился. Смит сам все расскажет, постепенно, когда будет готов.

— Школа? Что школа? В нее можно вообще не ходить. Анна и не ходила. Нам с Натали не оставалось ничего другого, как заявить, что мы учим ее дома. Мы были совершенно бессильны, а она окончательно отбилась от рук. Смеялась, издевалась над нами. Мы не могли ей доверять. Это все равно что иметь врага в доме — с четырнадцати лет Анна стала понимать, что мы что-то скрываем. В конце концов мы с Натали решили дать ей столько денег, сколько она пожелает, и пусть делает, что хочет. — Смит мрачно усмехнулся. — Не странно ли: почти никто не знал, что у нас есть дочь, — так редко она бывала дома. Мы смирились с тем, что потеряли ее, и продолжали выполнять свой социалистический долг.

Снова пауза. Смит дремал, Кармайн смотрел на него.

— В четырнадцать у нее появился парень. Двадцатилетний мелкий уголовник по имени Рон Дэвид — чернокожий! — Смит буквально выплюнул последнее слово, заставив Кармайна вздрогнуть. — Она помешалась на сексе, спаривалась с тем парнем, где можно и где нельзя, в любое время суток. У него была квартира в гетто на Аргайл-авеню — мерзкая клоака с полчищами крыс, куда он таскал шлюх, включая Диди Холл. Рон познакомил Анну с Диди, а Диди познакомила Анну с героином. Вас это ужасает, капитан Дельмонико? Не торопитесь ужасаться! Самого гнусного я еще не рассказал. Анна и Диди стали любовницами. Они были неразлучны. Неразлучны...

«О Господи, — подумал Кармайн, — я не хочу этого слышать. Отдохните, мистер Смит, поспите еще немного. Любили ли вы свою своенравную дочь, была ли она такой никчемной оторвой? Кто вас разберет?»

Смит продолжал:

— И героин, и Диди стали для Анны жизненно необходимы. От Рона

она перебралась в квартиру Диди. — Снова зловещая усмешка. — Ему это, конечно, не понравилось. Деньги Анны теперь доставались Диди. Думаете, я не предлагал дочери уехать куда-нибудь на западное побережье и жить там вместе с Диди в хорошем доме? Еще как предлагал. Но нет, это было бы слишком удобно для ее родителей! Ей с Диди нравилось жить в хлеву! Героин достать не проблема, а остальное не имеет значения.

— Как долго Анна и Диди были вместе? — спросил Кармайн.

— Два года.

— Это происходило в самом начале пятидесятых?

— Да.

— Значит, Диди была немногим старше Анны. Обе совсем еще дети.

— Не смейте их жалеть! И меня тоже! — закричал Смит.

— Я и не думал жалеть вас, но их мне действительно жаль. Что произошло потом?

— Рон ворвался в квартиру Диди с опасной бритвой, намереваясь свести счеты. Я плохо разбираюсь в жаргоне, но думаю, он был, что называется, «совсем укуренный». В результате бритвой воспользовалась Анна. Перерезала ему горло от уха до уха. Диди позвонила мне домой и все рассказала. Я тогда как раз... начал выполнять свой социалистический долг в «Корнукопии». Пришлось заниматься еще и этим кошмаром. Рон исчез — не надейтесь найти его тело, капитан! Оно далеко от Коннектикута.

— Где теперь Анна?

— В Сибири, в лагере, где нет ни героина, ни секса, ни шлюх, — ответил ее отец. — Ей тридцать один год.

— И все эти годы вы копили злобу на несчастную, беззащитную проститутку? — недоуменно спросил Кармайн. — Бог мой, неужто вам никогда не приходило в голову, что часть вины, возможно, лежит на вас самом?

Второй вопрос Смит пропустил мимо ушей.

— Несчастную, беззащитную — чушь! — закричал он. — Диди Холл — симптом болезни, разъедающей гниющую зловонную тушу Америки! Таких, как она, нужно расстреливать или отправлять на каторгу! Шлюхи, наркотики, евреи, гомосексуалисты, черные, подростковая распущенность!

— Меня от вас тошнит, мистер Смит, — невозмутимо сказал Кармайн. — Вы не социалист и патриот, вы — нацист. Маркс и Энгельс оба были евреями, и они плюнули бы вам в лицо! Когда вы присвоили себе личность настоящего Филипа Смита? Он был полковником армии США, но темной лошадкой. Ни с кем особенно не общался, куда-то уходил, приходил. Сослуживцы по его западногерманской базе считали его агентом

одной из секретных служб. Удивляетесь, откуда мне это известно? Ведь даже ФБР пришло к выводу, что он из ЦРУ, и прекратило наблюдения. Элементарно, мистер Смит! В войну я служил в военной полиции — по старым каналам могу разузнать о ком и о чем угодно. В сорок шестом, выполняя секретное задание, один Филип Смит был похищен и застрелен, другой занял его место. Этот второй Филип Смит, то есть вы, возвратился в начале сорок седьмого года из Германии в Америку вместе с женой-иностранкой. Тогда это была не редкость. Так вы появились в Бостоне — полковник в отставке с семьей.

Смит слушал внешне спокойно, с ухмылкой на лице. Только в глазах — окошках одурманенного морфием мозга — стояли изумление и страх.

— Новоиспеченный бостонский аристократ и миллионер держался особняком — так было легче выдавать себя за Филипа Смита, благо у того не было близких родственников, а с сорокового года в городе его никто не видел — он пошел служить в армию задолго до Перл-Харбора. Со Скепсами вы «породнились» очень остроумным способом. Упоминали о своем родстве каждому встречному и поперечному, до тех пор пока все, в том числе Скепсы, в него не поверили. В пятьдесят первом году, через четыре года после появления в бостонском обществе, вы вошли в совет директоров «Корнукопии». Построили свой замечательный особняк, переехали в Холломен и стали тем, кто вы есть, — высокомерной, безжалостной сволочью. Все в «Корнукопии», включая тогда еще юного Дезмонда Скепса, приняли как данность, что в правлении вы — чисто декоративный элемент; большего от вас не ждали. В конце концов, что в этом удивительного? Обычное дело — члены правления получают жалованье, а работают другие.

— Завидуете, капитан?

— Завидую? Ничуть, мистер Смит. Скорее, восхищаюсь. Представляю, как трудно выполнять патриотический долг, купаясь в роскоши в окружении идеологических врагов! Вам никогда не приходилось жить в квартире на шестом этаже без лифта и горячей воды, где зимой перемерзают трубы. Вы, мистер Смит, выше простого народа, и не важно, в какой стране находитесь — в США или в СССР, верно? Вы и здесь, и там разъезжаете в лимузине, имеете слуг, с которыми можно обращаться по-свински, пользуетесь всеми привилегиями партийного бонзы. Здесь партия капиталистическая, там — коммунистическая. Для вас никакой разницы! Что ж, вы подвели обоих господ, которым служили. Теперь вы не нужны никому.

— Вы фантазер и романтик, капитан Дельмонико, — проговорил

Смит. Губы его тряслись от плохо скрываемой ярости.

— Вы не первый, кто меня так назвал, но я лично не вижу в этом ничего плохого. — Кармайн наклонился, и его лицо оказалось над лицом Смита. — А знаете, что самое фантастичное в этой истории? Вас подвел спортивный автомобиль — игрушка и секс-символ капиталистического мира. Вам едва не удалось выйти сухим из воды! И в провале виноваты только вы сами. Подумайте об этом, когда будете сидеть на вонючей параше, глядя на старый тюремный матрас в пятнах! Вас придется изолировать, потому что самый отпетый убийца или растлитель малолетних будет относиться к вам как к последней дряни. Как к изменнику. Ах да, вас же посадят за убийство, а не за измену, верно? Богатый парень нигде не пропадет — можно подкупить тюремного начальника, и все уже не так плохо. Не надейтесь, мистер Смит. Какой бы тюрьме ни выпала честь принять вас в свои стены, там узнают о вашей измене. Книжки будут приходить к вам измазанные дерьмом, журналы — порезанные на ленты, а ручки не будут писать...

— Замолчите! Замолчите! — Лицо Смита стало белее простыни. —

Вы не посмеете. ФБР и ЦРУ этого не допустят! Им нужны имена, они рассчитывают, что я назову им имена! Мне создадут все условия — сами убедитесь.

— И кто из нас фантазер? — усмехнулся Кармайн. — Они отдадут вас властям штата и будут ждать, пока ваша информация подтвердится, а она никогда не подтвердится. Все агенты, которых вы знаете, принадлежат вашей ячейке и замешаны в убийствах.

— Вы ошибаетесь!

— Я прав. Вы не предстанете перед судом за шпионаж, поскольку дело связано с государственной тайной, но камера за убийство вам гарантирована, мистер Смит, и вам она не понравится.

Свободной левой рукой Смит ударил по кровати.

— Все из-за этой шлюхи!

— Именно, — сурово сказал Кармайн. — Дезмонд Скепс узнал о Диди и Анне и привел Диди на банкет фонда Максвеллов, чтобы вас подразнить. Я предполагаю, он обвинил вас в распаде своего брака, а затем в разрыве с Эрикой. Почему вас — не знаю, и вы скорее всего тоже. Скепс был склонен к паранойе, а вы обладаете массой качеств, которых ему не хватало, — хороший вкус, изящные манеры, обаяние. Скепс же стоял за дверью, когда Бог раздавал таланты. Помимо прочего, он довольно труслив, и в тот вечер подбодрил себя выпивкой. Он не знал, что вы — Улисс; об этом ему рассказала Эрика. На ваше счастье, Скепс был слишком пьян и ничего не

понял. И все же банкет стал началом вашего крушения.

— Чушь и грязная ложь, — устало сказал Смит.

— Нет, не ложь. Чистая правда. С тех пор, должно быть, вы потеряли покой. Даже составили план действий на случай, если запахнет жареным. Прошло четыре месяца. Целых четыре! Казалось, будто все обошлось. И вдруг к вам в офис является Эван Пью, наглый как танк, и вручает письмо. Пока вы его прочли, Пью смылся. Но вы хорошо рассмотрели самонадеянного мальчишку и поняли, что он за человек. Рыбак рыбака видит издалека. План пришел в действие. — Кармайн умолк.

— Я устал, и у меня все болит, — сказал Смит. — Уйдите.

Медвежий капкан? — спросил Кармайн. — Почему именно капкан? В этом есть какой-то смысл?

— Нет никакого смысла, потому что я понятия не имею, о чем вы говорите. Вот из-за таких, как Пью, вы меня и преследуете. Не из-за шлюхи. Кого волнует жизнь Диди Холл?

— Меня, — произнес Кармайн, выходя из палаты.

— Он насквозь фальшивый, Джон, — сказал он позже комиссару Сильвестри. — Сначала я думал, Смит обожает свою дочь, но это не так. Тех, кого любят, не ссылают в концлагерь в Сибирь. Он мог поместить ее в какую-нибудь шикарную клинику — их полным-полно в городах вроде Лос-Анджелеса и Нью-Йорка! Ну может, и не полно, но вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю... — Сильвестри пожевал сигару, сморщился и выбросил ее в урну. — Когда ты успел собрать всю информацию?

Кармайн улыбнулся:

— Постепенно. Одно здесь, другое там. Поначалу все казалось настолько невероятным, что я и говорить об этом не хотел, пока сам со всем не разберусь. Родители Смита были скорее всего дворянами, но вовремя перескочили на другой поезд, чтобы попасть в первые ряды на коммунистическом параде. В семнадцатом году Ленин нуждался в образованных помощниках, так что не слишком придирался к родословной особо рьяных сподвижников. А сам Смит с десяти лет рос при новой системе. Мы часто забываем, что со времени красной революции прошло только пятьдесят лет.

— Песчинка в глазу истории, — согласился Сильвестри. — Советский режим совершенно противоречит человеческой натуре. Помяни мое слово: лет через тридцать — сорок алчность и корыстолюбие его победят.

В глазах Кармайна заплясали насмешливые огоньки.

— Люблю, когда вы философствуете, — ухмыльнулся он.

— Еще одно подобное замечание, и ты почувствуешь мой форменный ботинок у себя на заднице. — Комиссар сменил тему: — Мне было бы гораздо спокойнее, Кармайн, если бы мы напали на след помощника Смита.

— Никаких зацепок, — признал Кармайн. — Ублюдок затаился и ждет дальнейших указаний. Не знаю только откуда — от Смита или из Москвы.

— Как меня достали войны, Кармайн! Особенно «холодные».

— Мир сошел с ума, верно? У Смита теперь нет возможности передать указания. ФБР, или ЦРУ, или кто там еще наверняка прослушивают его телефон. Знаете, что меня удивляет, Джон?

— Ну, давай.

— Смит ни в какую не желает называть себя шпионом. Когда речь дошла до этого момента, он напыщенно заявил, что выполнял свой «социалистический долг». В жизни не слышал ничего нелепее от такого лощеного типчика, как он. С минуту мне казалось, будто я попал в комикс.

— Будет все отрицать?

— Скорее всего.

— Когда вы собираетесь поиграть с вашими дистанционными пультами на усадьбе Смита? Из этого может что-то получиться.

— Не исключено. Дайте мне еще день или два, сэр! Судья съест меня с потрохами, — вкрадчиво сказал Кармайн.

Хитрость не удалась.

— Завтра, капитан, завтра. — Затем Сильвестри смягчился: — Я позвоню старому педанту и попрошу не метать молнии. Когда он все узнает, то пойдет нам навстречу.

Эйб и Кори, засидевшиеся у себя в кабинете, с удовольствием явились по вызову Кармайна.

— Итак, у нас два дистанционных пульта, — начал капитан. — Нужно обыскать пять акров и трехэтажный особняк.

— Нет, сэр, три пульта, — поправил Эйб. — Тот, который открывает колонну, может открывать что-то еще в другом месте, куда сигнал из беседки не доходит.

— Насчет этого не знаю, — с сомнением сказал Кори. — Говорят, был случай, что пульт от гаражной двери на Лонг-Айленде открывал стартовую шахту на ракетной базе в Колорадо.

— Да, а у нас телевизоры иногда ловят передачи из Канзас-Сити, — добавил Кармайн. — Но в данном случае мы не будем принимать во внимание ракетные базы и Канзас-Сити. Ты прав, Эйб, надо использовать все три пульта. Для начала составим план.

— Делия! — хором произнесли Эйб и Кори.

— Делия! — позвал Кармайн.

Секретарша вошла без малейшего промедления. Она, единственная в опергруппе Кармайна, была разочарована, что убийство Диди получило объяснение: как только Смит рассказал о своей дочери необходимость в расследовании отпала.

— У меня, весьма кстати, есть аэрофотоснимки участка мистера Смита, — радостно сказала она. — Я достала снимки владений четырех подозреваемых и попросила Патси увеличить их.

— Как всегда, на шаг впереди.

На черно-белом снимке были ясно видны малейшие подробности, если их не скрывали кроны деревьев. Участок в пять акров окружали высокие хвойные деревья. Отлично просматривалась крыша дома — от карнизов до радиорубки, а посреди пруда оказался крошечный островок, к которому вел китайский мостик. Снимок был сделан, когда солнце стояло в зените — неперемнное условие для качественной аэрофотосъемки.

— Белые и серые точки, очевидно, статуи, — сказала Делия. — Позади дома — гаражи и сараи. А вот посмотрите сюда: участок высохшей травы. Надо проверить, нет ли внизу бетонной плиты. Мой папа вздумал построить на случай ядерной войны убежище на лужайке за домом, и трава на этом месте больше никогда толком не выросла. Папа до сих пор держит там запас продуктов.

— Пожалуй, нам следует заняться помещениями, — деловито сказал Кори. — На месте Смита я бы не устраивал тайников под открытым небом. Ходить туда под дождем? А если суровая зима, завалено снегом! Все будет завалено снегом!

— Ты прав, Кори, — сказал Кармайн. — Сначала обыщем дом и примыкающие служебные постройки. Что до снега, то у него есть армия слуг-пуэрториканцев. Расчистят в два счета.

— И еще один момент, — сказал Эйб.

— Что? — с интересом спросил Кармайн.

— Каждый пульт может открывать несколько потайных дверей.

— Ну да, ракетные базы и Канзас-Сити. Задача. С кем бы проконсультроваться по этому поводу?

— С новым парнем, который работает у Патрика, — сказал Кори. — Его зовут Бен Такер, я с ним на днях обедал. Он, оказывается, был мастер-сержантом в ВВС. Это от него я узнал про стартовую шахту. Такер вообще интересуется такими вещами, как фотография, электроника, механика. Я могу его расспросить.

— Было бы очень кстати.

— А как насчет ордеров? — спросила Делия.

— Комиссар утверждает, что Дуг Неверующий пойдет нам навстречу.

— Да уж, так я ему и поверил, — пробурчал Эйб.

Что бы ни сказал Сильвестри судье Туэйтсу, это подействовало: на следующее утро Кармайн забрал у Туэйтса выписанный ордер.

— Коммунистические шпионы! — воскликнул судья с таким лицом, будто зачитывал приговор к пожизненному заключению. — Приприте этого ублюдка к стене, Кармайн!

План был таков: капитан и два сержанта начнут обход как можно дальше друг от друга. Кармайн будет двигаться с крыши вниз, Эйб, наоборот, — с нижнего этажа вверх, а Кори проверит служебные помещения. Затем они обменяются пультами и повторят процедуру еще раз, а потом в третий раз.

Как оказалось, на это потребовалось не так уж много времени. Становишься в центре комнаты и медленно поворачиваешься, раз за разом нажимая на кнопку. Главное —

батарейки вовремя менять.

В общей сложности обнаружилось семь тайников. Пульт для беседки открывал только один из них. В нем и в трех других тайниках находились металлические коробки с навесными замками. Все секретные отделения и их содержимое были несколько раз сфотографированы.

— Когда ты сообщишь ФБР? — спросил Эйб по возвращении на Сидар-стрит.

— Не раньше чем отфильтрую доказательства одиннадцати убийств, — сказал Кармайн. — Данные по шпионажу и пульта отдам. ФБР хватит работы на несколько месяцев, все перероят и дом по камешку разберут. Вряд ли там кто-то еще захочет поселиться, а жаль.

Отправив Эйба и Кори заниматься новыми делами, Кармайн принялся разбирать улов: четыре запертых металлических ящика размером с обувную коробку, десять тонких школьных тетрадей, пять тетрадей потолще в кожаном переплете и несколько планов холломенских территорий и зданий, включая «Корнукопию», окружное управление, страховую компанию «Мускат», дом Кармайна и участок вокруг Ист-Серкла.

— Это мы оставим себе, — сказал он Делии, откладывая планы в сторону. — Со шпионажем они не связаны.

Зато явное отношение к шпионажу имели тетради в кожаном переплете, исписанные кириллическими буквами: коды, шифры, дневниковые записи.

— Это пойдет в ФБР. Если им нужны доказательства шпионажа, тут их предостаточно.

— Одних микроснимков предостаточно! — буркнула Делия.

— Проблема в том, что власти не хотят поднимать шума. Смит крупная шишка, персонаж светской хроники и экономических обзоров — и вдруг такое! Чем займемся вначале? Тетрадами или ящиками?

— Ящиками, — нетерпеливо сказала Делия.

— Ты прямо как Пандора!

Кармайн пододвинул к себе ящик, который стоял в тайнике, открываемом тем же пультом, что и колонна в беседе.

— Если существуют еще какие-то вещественные доказательства убийств, то они здесь.

Он сдал кусачками дужку замка.

Делия ахнула.

В ящике лежали ампула и пузырек с кураре, шесть шприцев на десять кубиков, медицинская игла, моток проволоки, крошечный паяльник, обычная безопасная бритва и два небольших пузырька с толстыми резиновыми пробками.

— Есть! — воскликнул Кармайн. — Теперь мы можем обвинить его и в убийстве Дезмонда Скепса.

— С какой стати Смит хранил все это у себя? — удивилась Делия.

— Это его забавляло. Или будоражило. Или ему просто жаль было с ними расстаться. Мистер Смит тот еще типчик.

В двух ящиках находились деньги, по сто тысяч долларов в каждом, банкнотами разного достоинства.

— Зачем ему столько наличных?

— На случай внезапного бегства, — пояснил Кармайн. — Хватит добраться до Канады и нанять частный самолет куда угодно.

В последнем ящике лежали девятимиллиметровый автоматический «лугер», запас патронов к нему и несколько загранпаспортов, среди них один канадский на имя Филиппа д'Антри.

— Ни одного документа для жены, — сочувственно сказала Делия.

— С тонущего корабля первыми бегут крысы. Как пить дать, он собирался смыться один. Каждый за себя. Если у Натали есть мозги, она тоже припасла себе денег на черный день.

— Остались только тетради, — сказала Делия, подавая их Кармайну.

— Русский, русский, русский, русский, русский. — Пять верхних тетрадей одна за другой отправились в стопку, предназначавшуюся для ФБР — А, вот наконец на английском! — Кармайн пролистал несколько

страниц и озадаченно посмотрел на Делию. — Такое впечатление, будто у него две личности. Шпион думал и писал на русском языке, а убийца — на английском. Вся жизнь разделена на ячейки; похоже, мистер Филип Смит и его русский двойник — не знаю уж, как его зовут — прекрасно уживались в одном теле.

Кармайн взял трубку.

— Надо предупредить Дездемону, что вернусь сегодня поздно. Если повезет, узнаю, кто помощник Смита, а может, и наемники. — Он взял пять тетрадей. — Точно половина. Пять — на русском, пять — на английском. Я не уйду, пока не прочитаю свою половину. — Он взял руку Делии и поцеловал ее. — Не знаю, как тебя благодарить, мисс Карстерс. Твоя миссия в деле закончилась. Отправляйся домой, отдыхай.

— Была рада помочь, — буркнула Делия. — А домой я не поеду. Сперва схожу в «Мальволио», принесу тебе термос приличного кофе и что-нибудь перекусить. Что предпочитаешь — гамбургер, бутерброд с беконом или с ростбифом?

— Гамбургер, — сдался Кармайн. Что ж, поужинает сегодня два раза. Ничего страшного. Не всегда же так.

— А потом, — продолжала Делия, — навещу Дездемону и Джулиана. У меня было столько дел, с тех пор как они возвратились из Англии, что я даже еще не расспросила, как там мой сумасшедший папочка.

— Все такой же сумасшедший, судя по тому, что я слышал.

Первая тетрадь содержала краткие записи о преступлениях, которые Смит совершил за первые пятнадцать лет на посту директора «Корнукопии». Самая ранняя запись, однако, предшествовала этому назначению.

«Старый Скепс должен уйти, — говорилось в ней. — Приказ недвусмыслен. Одурачить сына будет гораздо проще. Убийство в стиле КГБ — порошок, приготовленный из того же растения, отвар которого мать давала мне в детстве вместо слабительного. Крохотная доза — на канцелярской кнопке уместится. Хватило бы и меньше, но так наверняка. Скепс получит яд с икрой, которую я ему покупаю. Старый скряга всегда восхищается ее качеством».

Затем, через несколько записей: «Король умер, да здравствует король. Хорошо сказано. Мне нравится. Дезмонд Скепс, сын Дезмонда Скепса, унаследовал империю, и Фил тут как тут. Фил всегда рядом. Но я отказался сидеть в правлении».

Следующие две записи о том, как Смит вошел в совет директоров. О дочери и Диди — ни слова.

Тетрадь была своего рода дневником. Кармайн заметил, что записи датированы не так, как принято в Америке, — число проставлено впереди месяца, а не наоборот. Каждый раз речь шла об убийстве кого-то, кто встал на пути Смита, и всегда на помощь мерзавцу приходил волшебный порошок — очевидно, растительный алкалоид, созданный в лабораториях КГБ, чрезвычайно ядовитый. Что же это за растение такое? И почему от него не погиб никто из одиннадцати жертв третьего апреля 1967 года? Яд, похоже, вызывал поражение всех систем организма, подобно бледной поганке. Диагноз — общее

заражение крови.

Ни одного упоминания о том, что Смит похищал какие-то секреты; они должны быть в дневниках на русском. Вот ФБР обрадуется!

В предпоследней тетради Кармайн нашел записи о банкете фонда Максвеллов и

всякий бред о вероломстве доктора Эрики Давенпорт, которую Смит ненавидел.

«Будь проклят день, когда Москва навязала мне эту идиотку! — писал он, дав волю своему гневу. — Дура, красивая дура. Ни на что не способна. Оставляет за собой след шириной в километр. Сколько протестов я отправил, когда она явилась сюда десять лет назад, но все без толку. У нее влиятельные покровители в партии — даже КГБ бессилён. Ее подсунули специально, чтобы следить за мной. Она передает в Москву о каждом моем шаге! Хорошо еще, что боится меня! Такую дуру не составило труда подмять под себя. Но страх не мешает ей докладывать партийным друзьями обо мне, приходится с этим считаться. Конечно, я тоже сообщаю о ее несостоятельности в КГБ. Покровители не дают ее в обиду, но КГБ ко мне прислушивается, я там не последний человек».

Кармайн откинулся в кресле, переводя дух. Вот оно как! Они, оказывается, не сплоченная команда, а противники в шпионской игре. Следили друг за другом, стараясь уличить в идеологической неблагонадежности. Партийцы были недовольны образом жизни Смита, однако его боссы из КГБ, прагматики до мозга костей, понимали, что иначе нельзя. Таким образом, Смит шпионил за Эрикой, а Эрика шпионила за Смитом. Государственный шпионаж был лишь дополнением к их междоусобице. Только один из них мог одержать верх, и Эрика знала, что проигрывает. В Москве власть у КГБ, а не у коммунистической партии.

Кармайн продолжил чтение. Четвертое декабря.

«Тупая сука! Не люблю ругательства, но она сука — тощая, ничтожная сука. Шесть дней назад прибежала ко мне в истерике — Дезмонд ее

бросил. Она больше не будет делать ему минет. Он возвращается к Филомене. Какое горе! Сколько слез! «Я люблю его, Фил, я люблю его!» Я посоветовал ей выполнять свой патриотический долг, сохранить деловые отношения со Скепсом, подкидывать ему идеи — мои, разумеется. А Скепс из благодарности будет продвигать эту дурищу по службе. Только эта глупая сука все выла и выла...

...она заявила с новым признанием на следующий день после банкета, где я собственными глазами видел Дезмонда Скепса под руку с Диди Холл! Притащить шлюху на банкет! Неудивительно, что он предпочел сесть подальше от меня и других директоров! «Я знаю твою тайну, Фил, — прошептал он, проходя мимо. — Знаю про твою дочь. Чистенький Фил Смит и дочь-наркоманка. Что скажут люди?» Он сел за стол толстого банкира. Диди красовалась в облегающем атласном платье бордового цвета и белом норковом палантине. Это, конечно, она напоила Дезмонда. Ему никак нельзя пить больше одной рюмки, иначе он не может остановиться.

К нему подсела Эрика, тоже пьяная. Неужели так трудно управлять своими эмоциями? Дезмонд напился, потому что соскучился по минетам Эрики и неуверен в Филомене, Эрика напилась, потому что любит Дезмонда. Одно цепляется за другое.

Сегодня она примчалась ко мне перепуганная, опять в слезах. Пьяная идиотка сказала Дезмонду, что я — Улисс! Вот оно — оружие, которого я ждал десять лет. Никакие друзья по партии ей не помогут. Я заставил ее изложить все в письменном виде на русском языке в присутствии Стравинского. «Если будешь делать то, что я скажу, — сказал я глупой суке, — мы не станем посылать это в Москву». Наконец я от нее свободен! Она в моей власти! Дезмонд, пьяный в стельку, ничего не слышал. Дурища клянется в этом, и я ей верю. Да я и сам видел. Теперь остается ждать, что будет дальше. Если история Улисса всплывет, Эрика будет все отрицать — притом убедительно. Она в моей власти!»

«В каком мире вы живете, мистер Смит, — думал Кармайн, подливая себе кофе. — По каким принципам? Человек человеку волк — слишком мягко сказано. Скорее — человек человеку змея. Оказывается, финансовый гений — Смит, а не Дезмонд Скепс и не Эрика Давенпорт. Они были его пешками, он использовал их, чтобы развивать корпорацию. Больше заказов — больше производственных секретов. Вот как он подчинил Эрику — заставил ее написать признание».

Смит действовал с основательностью КГБ.

Запись от десятого декабря гласила:

«Об Улиссе пока никто не заикается, но расслабляться рано. При малейшей угрозе я готов действовать с быстротой молнии и так же сокрушительно. Дезмонда можно не опасаться — я разговаривал с ним много раз после банкета, он ни о чем не подозревает. Наоборот, благодарен мне за мое фирменное средство от похмелья. Похоже, даже забыл, что с ним была Диди Холл. Когда я спросил, зачем он ее привел, уставился на меня непонимающим взглядом. Потом сказал, что дело, должно быть, в выпивке и в ее умении делать минет — ему не хватает Эрики в этом смысле. Филомена настояла, чтобы он с ней расстался, ради бывшей жены он готов на все. Похоже, так и есть: он показал мне гарнитур розовых алмазов, купленный ей в подарок, — потратил миллион долларов! Это Дезмонд-то, неисправимый скряга! Об Анне ему, видимо, рассказала Диди — и напросилась на банкет. Захотела поиздеваться надо мной! Кем она себя возомнила, шлюха?!

Эрика будет держать язык за зубами, это ясно. Но угроза может исходить от других гостей за столом Скепса — не все же напились. Эрика уверяет, будто говорила тихо и никто, кроме Дезмонда, слышать ее не мог, но я сомневаюсь. Впрочем, если бы кто-то намеревался обличить Улисса в порыве патриотизма, то давно бы это сделал. Остается один вариант — шантаж либо Эрики, либо меня самого. Я предупредил ее, чтобы она была готова, — перепугалась до смерти, тупая сука. Только и делаю, что исправляю ее ошибки.

Естественно, я выяснил все о гостях за тем столом и представляю, кто способен на шантаж. Если дело дойдет до этого, все одиннадцать умрут. Так мы решили со Стравинским.

Я мог бы начать действовать сейчас и убивать их постепенно, одного за другим. Местная полиция на удивление толковая, но до КГБ ей далеко. С другой стороны, меня привлекает перспектива устранить всех одиннадцать сразу. Каков ход! Полиция будет не просто сбита с толку, она окажется в полном тупике. Меня завораживает грандиозность задачи. Стравинский возражает, но сделает, как захочу я. Я давно мечтал о чем-то подобном. Здесь такая скука! Мне нужен стимул, чтобы избавиться от хандры, — что-то совершенно новое и трудное, но в то же время выполнимое. Стравинский согласится. Кто заподозрит, что за одиннадцатью убийствами, совершенными разными способами, стоит один человек? Вот это задача! Наконец я снова живу полной жизнью!»

«Вот так так! — Кармайн в раздумье покачал головой. — Шпионаж был для Смита рутинным делом. Скучно ему стало! И походя сомнительный комплимент полиции Холломена — мы, оказывается, на

удивление толковые, хотя до КГБ далеко. Слава Богу, что далеко!»

«Я обнаружил, что у двух из мужчин есть жены, которых можно использовать, — записал Смит девятнадцатого декабря. — Миссис Барбара Нортон совершенно ненормальная, но умеет это скрывать. Стравинский, назвавшись Рубеном, завел с ней разговор в кегельбане. У тетки вместо головы — тыква. Толстяк-банкир совсем ее измучил, и она созрела для убийства.

Вторая — доктор Полина Денби. С ней я общался лично, как аристократ с аристократкой. Муж — настоящая скотина страшно ее избивает! Она показывала мне следы побоев. Чрезвычайно умная женщина, но муж предпочитает ей малолетних шлюшек! Я дам ей пузырек с цианистым калием, остальное она сделает сама. Надо только принудить ее воспользоваться ядом в нужный мне день. На деньги она не польстится — только рукопись Рильке. Полина получит ее после суда. Я заплачу Бера целое состояние — анонимно — при условии, что Полину освободят. Он свое дело знает».

«Что верно, то верно, — вынужден был признать Кармайн. — Дневник Смита на вердикт присяжных едва ли повлияет. Упоминание о побоях произведет куда большее впечатление, чем дата и подкуп. Манускрипт Рильке! Ну и связи у этого парня! Впрочем, присяжные вряд ли вообще увидят дневник. Бера найдет причины для исключения его из числа улик».

Феминизм оказался ни при чем. Тем лучше. Кармайн расстался с этой версией без особого сожаления. Никаких новых обстоятельств по делу жены декана Денби установить не удалось. Любовник также не обнаружился. Возможно, Полина действительно фригидна. Возможно, она действительно целиком посвятила себя борьбе за права женщин и любви к Райнеру Марии Рильке.

Больнее всего было читать про Бьянку Толано.

«Она сидела за столом рядом с Диди. Между ними нет никакой разницы, — гласила запись от двадцать второго декабря. — Две шлюхи! Одна — со стажем, наглая и бесстыжая, другая — скромная, обходительная. Шлюха на подходе. Очень напоминает Эрику, поэтому я приготовил ей казнь, достойную Эрики. Уже есть исполнитель —. хромой карлик по имени Джошуа Батлер. Я обратил на него внимание, когда заходил в бухгалтерию к Ланселоту Стерлингу, этому лизоблоду. Вначале я собирался использовать его, но он — извращенец, а не калека. Мразь! В конце рабочего дня я подождал Джошуа Батлера в своем «мазерати» и предложил подвезти его домой. Он был в восторге! Я привез его к себе, и мы вместе поужинали. Стравинский прислуживал за столом и согласился,

что лучшей кандидатуры не найти. К концу вечера Джошуа был готов сделать для меня что угодно. Конечно, я не говорил прямо! Просто поощрил его наиболее отвратительные фантазии. Он исполнит все в лучшем виде; в крайнем случае Стравинский ему поможет».

Изредка в хладнокровных планах Смит проскальзывало нечто вроде... жалости, если это слово здесь уместно. Но Смит, похоже, в самом деле испытывал сострадание к двум из жертв — Беатрис Эгмонт и Кэти Картрайт. В конце концов, Кармайн пришел к заключению, что Смит уважал их как добропорядочных женщин, которые не заслуживали смерти, а значит, должны были умереть быстро и безболезненно.

По первоначальному плану, как с интересом отметил Кармайн, Эвана Пью собирались отравить порошком из лабораторий КГБ — смерть от неспецифического сепсиса. Отнюдь не безболезненная, но и не настолько чудовищная, как от капкана. Пью положили бы в больницу и накачали наркотиками, чтобы он по крайней мере не страдал.

Отдельная запись была посвящена чернокожим жертвам.

«Официантов тоже нужно устранить. Забавно, при всей болтовне о расовом равноправии белые американцы по-прежнему предпочитают черных в качестве слуг. Или шлюх, как Диди. Стравинский позаботится о киллерах из другого штата — трех, по одному на каждого. Я предпочитаю три разных пистолета американского производства. С глушителями, как в кино. Стравинский считает, что я перегибаю палку, но решения принимает не он. Мне скучно!!! Все равно эти американские придурки меня не поймут, так какая разница?»

«Ах ты, высокомерный ублюдок! Скучно ему, видите ли!»

А вот и двадцать девятое марта.

«Подумать только — я был убежден, что угроза миновала! Ничего подобного. Какой стимул! Я бодр, умен и весел, как говорят у них в рекламе. Итак, мистер Эван Пью, Говорун убьет тебя не так, как планировал вначале. Используем медвежий капкан. Его установит Стравинский, перевоплотившись в Джошуа Батлера. Я подозревал, что вымогателем окажется именно мистер Эван Пью, так что подготовительная работа уже сделана. В балке приготовлены отверстия для болтов. У Стравинского есть инструменты, он достаточно силен и высок. Пью получит свои деньги — капля в море! — и мучительную смерть в придачу. Чисто по-американски. Кстати, капкан тоже американского производства...»

Запись от четвертого апреля касалась Дезмонда Скепса.

«Вот и нет тебя, Дезмонд Скепс, с твоим бесконечным нытьем про

Филомену, нежеланием признать свою вину в том, что она тебя бросила. Очень хорошая женщина, даром что американка.

Мне доставило удовольствие смотреть, как он умирает! Я презираю мужчин, которые возбуждаются при виде чужих страданий, но признаюсь, вид Дезмонда Скепса, перевязанного, как индейка на День благодарения, недвижимого как труп, но с живыми глазами и мозгом, вызвал у меня эрекцию. Мы поиграли с ним — я и мой маленький паяльник. Как он пытался закричать! Но голосовые связки его не слушались. Выходил только хриплый вой. Жидкий аммиак в венах жег его изнутри, это натолкнуло на мысль о «Драно». Какая смерть! Я наслаждался каждой ее минутой. Когда он признался, что назначил Эрику опекуном юного Дезмонда, у него не осталось ни малейшего шанса. Он восхищался ее деловой хваткой, не подозревая, что за ней стою я. Прощай, Дезмонд!»

Про убийство Эрики Смит написал мало. Очевидно, не испытывал потребности смаковать ее агонию.

«Стравинский переломал ей руки и ноги кость за костью, но она ничего не сказала, назвала только имена ее партийных друзей в Москве. Если бы она знала что-то еще, то призналась бы. Стравинскому процедура понравилась. Мы решили, что от тела избавится наемник Манфред Мюллер — подходящее имечко! Мне пришло в голову подкинуть тело на участок Дельмонико. Стравинский считал это ошибкой, но я настоял на своем. На мое счастье, там оказалась эта великанша — жена Дельмонико. Впрочем, все обошлось. Мюллеру удалось уйти, жене Дельмонико, к сожалению, тоже».

Провал снайпера очень встревожил Смита.

«Я потерял свою удачу, — писал он. — Великий Юлий Цезарь слепо полагался на удачу, кто я такой не доверять ему? Проблема не в том, что удаче приходит конец. Просто она разбивается, столкнувшись с большей удачей другого человека. Моя разбилась об удачу Дельмонико. Теперь все, что я могу сделать, — это распылить его силы, отвлечь внимание. Манфред Мюллер согласен пожертвовать своей жизнью и убить столько важных персон Холломена, сколько успеет. Его цена? Десять миллионов долларов на счете его жены в швейцарском банке. Я перевел деньги. Однако Стравинский считает, что это ничем не поможет, боюсь, что он прав».

«Забавно, — подумал Кармайн. — Нечто подобное Смит говорил мне в больнице. Про то, что его удача разбилась о мою».

Это была последняя запись в пятой тетради. На душе было гадко. Усталый Кармайн собрал все улики в одну коробку, пометив ее: «Разное — 1967 год». Отнес в хранилище вещдоков, где ее поместили среди дюжины

других таких же коробок. Здесь Стравинский до нее не доберется, даже если переоденется холломенским полицейским.

«Стравинский... должно быть, кодовое имя, — размышлял Кармайн. — В тетрадях ни малейшего намека на то, кто бы мог им быть. Музыкант? Нет, конечно, нет! Неизвестно, кто придумал это имя — сам он или его боссы. Он, как и Смит, из КГБ. А я-то думал, что Дездемона видела у лодочного домика его. Оказывается, это был снайпер. Смит всегда упоминал о Стравинском почти как о равном, — к его мнению он прислушивался. Слишком ценный соратник, чтобы доверить его личность страницам дневника».

* * *

— В конце трудного расследования на меня всегда нападает хандра, — пожаловался Кармайн Дездемоне вечером. — Самое интересное позади, судьбы преступников решаются в кабинетах. Смит не избежит наказания, а вот Полина Денби вполне может выйти сухой из воды. Что же касается Стравинского, мы, возможно, так и не узнаем, кто он.

— Ты не думаешь, что это Первей или Коллинз?

— Нет, непохоже. Стравинский, похоже, стоит на ступеньку ниже.

— Что теперь будет с «Корнукопией»?

— Есть только один человек, способный стать у руля, — Уол Грирсон, хотя он к этому не стремится. Его сердце целиком отдано «Дормусу» и турбинам, а тут три десятка разных компаний. — Кармайн пожал плечами. — Однако он не откажется выполнить свой долг, — заметь, я не говорю «патриотический долг». Высокие слова обесцениваются от частого употребления.

— Твоя мама сразу придет в себя, когда узнает, что злодеи пойманы. А она узнает, Кармайн? Что из случившегося попадет в новости?

— Совсем немного. Смита объявят маньяком, способным отвечать за свои поступки. Информация из дневников нигде фигурировать не будет. Для суда достаточно вещественных доказательств — бритвы с кровью Диди и пыточного набора для Скепса. Мотив? Захват власти в «Корнукопии».

— А при чем тогда Диди?

— Обвинитель будет утверждать, что она шантажировала Смита, одного из своих клиентов.

— Смит будет в ярости! Еще бы, такой отъявленный пуританин.

— Тогда пусть назовет другую причину ее убийства. Бесспорно одно — в шпионаже он не сознается. Он уверен, что за это его судить не будут.

— Действительно не будут? — поинтересовалась Дездемона.

— Понятия не имею.

— Он, должно быть, большой сноб.

— До мозга костей, — с чувством сказал Кармайн, — от сшитой на заказ одежды до построенного на заказ дома.

— Не забудь про изготовленные на заказ спортивные автомобили. — Она встала. — Пора ужинать.

— Чем сегодня порадуешь?

— Сальтимбокка по-римски.

— Ого!

Кармайн обнял жену за талию, и они пошли на кухню.

— Майрон собирается привезти Софию, — сказала Дездемона, расставляя тарелки. Сковорода уже стояла на плите, телятина была отбита, ветчина нарезана, шалфей мелко порублен. — Добавить марсалы?

— Почему бы нет? Майрон справился со своей депрессией?

— После того как ты задал ему перцу, он пошел на поправку. — Дездемона зажгла конфорку, смазала сковороду оливковым маслом. — Через пятнадцать минут будет готово.

— Я умираю от голода.

— Ты решил, кто станет лейтенантом? — спросил комиссар.

— Сэр! — воскликнул ошеломленный Кармайн. — Это не мне решать!

— Если это не тебе, то кому, скажи на милость?

— Выбирайте вы и Дэнни!

— Чушь. Решать тебе. Мы с Дэнни тебя поддержим.

— Сэр, я не могу! Правда, не могу! Как только я выберу одного из них — другой тут же доказывает, что он ничем не хуже! Возьмем два последних случая. Эйб с блеском раскрутил дело психа с мумией. Казалось бы, все ясно: Эйб заслужил место Ларри. Тогда Кори с блеском добывает бумаги Фила Смита. Джон, они оба достойны! Несправедливо, что одному из них придется искать повышения в другом полицейском управлении. Эйб — вдумчивый, уравновешенный, педантичный. Кори — инициативный, схватывает все на лету. Они разные — и по характеру, и по стилю работы, — но любой из них будет лучшим лейтенантом, чем Ларри Пизано, и вы это знаете. Так что не спихивайте ответственность на меня, комиссар! Вы — глава управления, вам и решать!

Сильвестри слушал с серьезным и невозмутимым видом. Когда Кармайн выдохся, комиссар улыбнулся и кивнул с невероятным самодовольством.

— Сегодня утром мне звонил Джордж Эдгар Гувер. Он очень доволен, что дело «Корнукопии» благополучно разрешилось, и будет чрезвычайно

счастлив, если полицейское управление Холломена признает это заслугой ФБР. Ну, я решил подыграть, прикинулся таким туповатым провинциальным копом и ненавязчиво ввернул свои условия. Я ничего не буду иметь против их заслуг, а также против финансирования ФБР группы Микки Маккоскера. Гувер с радостью согласился. — Сильвестри фыркнул, невероятно гордый своей находчивостью. — Поэтому, капитан Дельмонико, у нас вырисовываются две лейтенантские вакансии: и для Эйба, и для Кори. Наконец-то в управлении будет достаточно детективов.

— Я готов вас расцеловать!

— Даже не думай.

— Джон, вы должны сами сообщить им об этом.

— Ты уже знаешь, кого возьмешь в свою группу?

— Одна кандидатура есть. Ваша племянница Делия, если она готова поступить в полицейскую академию.

Сильвестри раскрыл рот:

— Делия? Ты серьезно?

— Абсолютно. Она блестящий детектив, неразумно держать ее в секретарях.

— Она уже не молодая и слишком толстая.

— Уверен, она справится. У нее ваша хитрость и смекалка. Ей не нужно быть Геркулесом, достаточно быстро бегать и иметь навыки рукопашного боя. Захочет — научится. Из академии она вернется в мою команду.

— А как быть с парнями Ларри?

— Разделим их. Одного отдадим Эйбу, другого Кори. Так у нас всех будет по одному опытному детективу и по новичку из числа кандидатов.

— Боюсь, у Делии могут появиться враги.

— Вряд ли. Ведь мы и так возьмем на должности детективов не двух, а трех претендентов.

— Никто не поверит, что она — полицейский! — воскликнул Сильвестри.

— Придется.

Какие замечательные новости! Кармайн сел в «фэрлейн» счастливым человеком. Лето почти наступило, хотя настоящая жара начнется не раньше Дня независимости — через шесть недель.

Он выехал на извилистое 133-е шоссе и снова направился к особняку Филипа Смита. Проезжая по подъездной дорожке, Кармайн заметил в саду признаки активных поисков — ямы, канавы, кучи земли.

— Других тайников не нашли, — сообщил ему специальный агент Тед

Келли. — Вы, холломенские копы, нас опередили. Отличная работа!

«Наконец-то федералы уберутся в свои фэбээровские пенаты, — подумал Кармайн, нажимая кнопку звонка. — Никто не будет рад этому больше, чем Уол Гирсон».

Натали Смит открыла дверь, приложила палец к губам и провела Кармайна вниз по ступенькам, на лужайку, в нескольких метрах от ближайшей ямы, прорытой ФБР

— Они поставили в доме микрофоны, — пояснила она.

— Почему вы решили, что я захочу поговорить с вами без федеральных ушей?

Она заулыбалась, ее немыслимо голубые глаза превратились в щелочки.

— Верный Стравинский, — сказал он.

Ее глаза расширились.

— Стравинский? Кто это? Композитор?

— Вы, миссис Смит. Больше некому.

— Вы меня арестуете?

— Нет. У меня нет никаких доказательств.

— Тогда почему вы говорите, что я — какой-то Стравинский?

— Ваш муж пуританин, со строгими принципами. Женщины вызывают в нем сильные чувства — ненависть к проституткам и глубокое уважение к вам, своей жене. Поэтому кажется странным, что он как будто бросил вас на произвол судьбы. Филип Смит знает, вы в состоянии позаботиться о себе сами. Как и Стравинский. Кто еще может быть верным Стравинским, кроме вас? Кто разделяет дни и ночи Филипа, его мысли, надежды, планы? Кто мог исполнить роль Джошуа Батлера в Парацельс-колледже? И почему Стравинский не избавился от тела Эрики сам? У него не доставало сил. Их едва хватило на установку медвежьего капкана. Зато он мог удержать подушку на лице старухи и ввести иглу в вену спящей женщины. Он сумел выглядеть так устрашающе, что был в безопасности на улицах Гарлема, когда подбирал профессиональных киллеров. Это вы, миссис Смит, вы! Не трудитесь отрицать. Вы — настоящий мастер маскировки. Вы умеете перевоплощаться.

Она отвела взгляд и поджала губы.

— Так что вы собираетесь делать со Стравинским, дорогой капитан?

— Советую ему срочно покинуть страну — не сегодня, так завтра. У вас наверняка припрятаны деньги, оружие, документы. Воспользуйтесь ими!

— А если я захочу остаться с Филипом?

— Я буду постоянно у вас за спиной, миссис Смит. Думаете, я забыл, что вы пытались убить мою дочь? Я помню. Это не дает мне покоя. Я бы убил вас собственными руками, но слишком дорожу своей семьей.

— И, тем не менее, вы дадите мне уехать?

— Я не имею права вас задерживать.

— Я тоже из КГБ, — сказала она, уставившись на Норт-Рок.

— Как вас примут в Москве?

— Как-нибудь выкручусь.

— Значит, уедете?

Ее плечи сгорбились.

— Если мне позволят проститься с Филипом, уеду. Он будет не против.

— Вам будет что порассказать в Москве!

— Вы действительно не оставили бы меня в покое, — произнесла она медленно. — Да, я уеду. Завтра же.

— Скажите мне как. Для порядка.

— Я пришлю вам телеграмму: «Привет из Монреаля тчк Стравинский». Конечно, я бы могла устроить, чтобы ее послал кто-то другой, но моя патриотическая миссия в Америке выполнена. Пора домой.

— Спасибо, телеграмма меня устроит.

Единственное, что огорчало Кармайна, — злодеяния Стравинского останутся безнаказанными. Сегодня миссис Смит посетит больницу и попрощается с супругом. Он, как хороший агент КГБ, пожелает ей удачи. Магнитофоны федералов зафиксируют, как безутешная жена сообщает мужу, что психиатр помещает ее на несколько дней в частную лечебницу в пригороде Бостона. Она купит билет на самолет до Логана, однако не полетит на нем, а пересядет на рейс до Монреаля. И прощай, верный Стравинский. Безжалостная убийца, но действительно преданная. Невысокий рост, бесформенная фигура, жутковатое лицо. Но прежде всего — эти пронзительные, сверхъестественно голубые глаза. Женщина-гротеск.

Пришел черед нанести последние визиты и поставить точку во всей этой отвратительной истории. Возможно, этого требовало патологическое любопытство капитана.

Кармайн поднялся на тридцать девятый этаж здания «Корнукопии» и нашел Уолли Грирсона в бывшем кабинете Дезмонда Скепса. Смотрите, что вы со мной сделали! — сердито встретил его Грирсон.

— О, вы в костюме и при галстукe, — сострадательно сказал Кармайн.

— Можно подумать, вас это волнует.

— Вините не меня, а Филипа Смита.

— Да я понимаю, — смягчился Грирсон. — Как бы то ни было, я нашел выход из положения.

— Кого же вы нашли?

— Быстро соображаете, этого у вас не отнять. Мистера Сайкса.

— Ага, сам Майкл Дональд! — усмехнулся Кармайн. — Сначала его повысил Смит, но я не был уверен, что остальные члены правления поддержат это решение.

— Забавно. Выходит Фил оказал нам услугу, обратив наше внимание на Микки. Он — настоящая находка.

— Микки?

— Он сам просил его так называть.

— Ему подходит. — Кармайн протянул руку. — Прощайте, сэр. Больше я здесь не появлюсь.

— И, слава Богу!

«Почему бы не заглянуть к Микки? — подумал Кармайн, когда подъехал лифт. — Интересно, на каком он этаже?» Кармайн нажал на кнопку тридцать восьмого этажа — и не ошибся. В приемной находился Ричард Оукс, так побелевший при виде капитана, что того гляди грохнется в обморок.

— Босс на месте? — спросил Кармайн.

— Мистер Сайкс? — пискнул Оукс.

— Он самый. Я могу его видеть?

Секретарь кивнул, дернув кадыком. Кармайн расценил это как разрешение войти в кабинет.

Майкл Дональд Сайкс сидел за полированным столом Эрики Давенпорт. Теперь Сайкс мало походил на брюзгливого обитателя административного чистилища. Казалось, он стал стройнее и выше ростом. На нем был хорошо скроенный костюм из итальянского шелка, золотые запонки в манжетах рубашки и галстук выпускника Чабба. Неудивительно, что он считал себя недооцененным! У него были соответствующие регалии. Но, в конце концов, справедливость восторжествовала.

На столе перед Сайксом стояли картонная коробка со стружкой и около дюжины двухдюймовых фигурок: Наполеон Бонапарт и его маршалы на конях.

— Мистер Сайкс, очень рад видеть вас здесь.

— Спасибо! — воскликнул теперь-не-такой-уж-коротышка. — Как вам мои новые приобретения? Могу позволить себе прибавить к моим сражениям Йену и Ульм! Великолепная работа лучших парижских мастеров... — Он приподнял фигурку в гусарском ментике с леопардовой

опушкой. — Смотрите. Мюрат, знаменитый командующий кавалерией.

— Замечательно, — сказал Кармайн, протягивая руку. — Пришел с вами попрощаться, мистер Майкл Дональд Сайкс.

— Не искушайте судьбу, капитан! Впрочем, «Корнукопия» теперь в безопасности и в надежных руках.

Он проводил Кармайна до лифта, подождал, пока тот уехал, затем вернулся в кабинет и с минуту любовался на свои игрушки. В ящике стола лежала сильная лупа с подсветкой. Огромный голубой глаз с красными прожилками посмотрел сквозь нее на Мюрата. Сайкс повертел фигурку в поисках какого-либо изъяна, потом вздохнул, улыбнулся и взял в руку препаровальную иглу. Засунув кончик под край ранца на плечах гусара, отделил кусочек краски.

— Шостакович будет доволен, — сказал он.

notes

Джон Нокс — шотландский религиозный реформатор XVI века, автор памфлета «Трубный глас против чудовищного строя женщин». — Примеч. пер.